

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ IV

2019, Москва

ТОМ IV
2019

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ • CONVERSATIONS ABOUT ECONOMY • 经济访谈录

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ IV

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2019, Москва

Под редакцией С.Д. Бодрунова

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ IV

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2019, Москва

Под редакцией С. Д. Бодрунова

Крупнейшие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные дискуссии, прошедшие в ВЭО России. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко становятся частью различных государственных программ развития.

В книге дан глубокий экскурс в историю работы Императорского Вольного экономического общества, приведены мнения видных зарубежных ученых, рекомендованы издания по темам бесед.

«Беседы об экономике» — научно-популярное издание для широкого круга эрудированных читателей.

(С) ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С. Ю. ВИТТЕ, 2019

(С) С. Д. БОДРУНОВ, 2019

ISBN 978-5-00020-058-2

БЛАГОДАРНОСТИ

редакционный совет,
редакционная коллегия,
научный совет выпуска,
группа выпуска

ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРЯТ

за активное содействие реализации идеи серии «Беседы об экономике»

- Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации,
- Уполномоченного при Президенте России по правам предпринимателей,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовому рынку,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по образованию и науке,
- Министерство промышленности Российской Федерации,
- Комитет по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга,
- Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
- Отделение общественных наук Российской академии наук,
- Отделение глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук,
- Академию общественных наук Китайской Народной Республики,
- «Российскую газету»,
- телеканал «Общественное телевидение России»,
- телеканал «Санкт-Петербург»,
- телепередачу «Дом “Э”» на телеканале ОТР,
- телепередачу «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург»,
- радиопередачу «Вольная экономика» на Радио «Спутник»,
- российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
- Общероссийскую общественную организацию «Деловая Россия»,
- Торгово-промышленную палату Российской Федерации,
- Международный комитет Вольного экономического общества России,
- Фонд центрально-азиатских исследований Кембриджского университета,
- Государственный Пекинский университет,

а также

за организационное содействие и поддержку в проведении мероприятий Вольного экономического общества России, в рамках которых состоялись беседы серии,

- Дом Союзов,
- Дом ученых Санкт-Петербурга,
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
- Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
- НИУ МАИ,
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
- Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
- Институт нового индустриального развития (ИНИИР) им. С. Ю. Витте.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Международного союза экономистов, эксперт РАН, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

В. С. АВТОНОМОВ

Научный руководитель Факультета экономических наук НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А. Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А. Г. АКСАКОВ

Член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству, президент Ассоциации региональных банков России, к. э. н., доцент (г. Москва, Россия).

А. В. БУЗГАЛИН

Вице-президент ВЭО России, член президиума Международного союза экономистов, директор Института социэкономии МФЮУ, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, д. э. н. (г. Москва, Россия).

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, член Координационного совета Международного союза экономистов, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

М. К. ГОРШКОВ

Член Президиума ВЭО России, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д. ф. н. (г. Москва, Россия).

Р. С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

В. И. ГРИШИН

Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ им. Г. В. Плеханова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А. А. ГРОМЫКО

Член Президиума ВЭО России, член Координационного совета Международного союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д. полит. н. (г. Москва, Россия).

А. А. ДЫКИН

Вице-президент ВЭО России, руководитель Международного комитета ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН», член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Президиума РАН, академик-секретарь отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

В. В. ИВАНТЕР

Действительный член Сената ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

С. В. КАЛАШНИКОВ

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике, председатель Временной комиссии Совета Федерации ФС РФ по мониторингу экономического развития, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

А. Н. КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя правления (главный экономист) Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического

управления экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, к. э. н. (г. Москва, Россия)

И. А. МАКСИМЦЕВ

Член Правления ВЭО России, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

А. В. МУРЫЧЕВ

Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей»,

председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д. э. н., к. ист. н. (г. Москва, Россия).

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Р. И. НИГМАТУЛИН

Член Правления ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН имени П. П. Ширшова, член Президиума РАН, академик РАН, д. ф.-м. н., профессор (г. Москва, Россия).

Г. Х. ПОПОВ

Председатель Сената ВЭО России, почетный президент ВЭО России, председатель Координационного комитета Международного союза экономистов, академик РАЕН, д. э. н.,

профессор (г. Москва, Россия).

С. Н. РЯБУХИН

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, председатель Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания

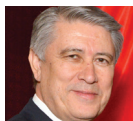
Российской Федерации, д. э. н. (г. Москва, Россия).

Я. П. СИЛИН

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия).

Д. Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ВЭО России, руководитель Научного совета ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

М. А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный

деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

В. М. ЮРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, председатель Тамбовского регионального отделения общественной организации ВЭО России, научный руководитель ТГУ имени Г. Р. Державина, депутат,

первый заместитель председателя Тамбовской областной Думы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия).

Ю. В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, председатель Совета директоров, научный руководитель ЗАО «Издательский дом

«Экономическая газета», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Е. Г. ЯСИН

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), директор Экспертного института при

Российском союзе промышленников и предпринимателей, д. э. н. профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской газеты», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия).

А. Н. ПРОКОФЬЕВ

Шеф-редактор журнала «Вольная экономика», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия).

А. В. БОБИНА

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель Департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к. т. н.

С. Д. ВАЛЕНТЕЙ

Научный руководитель РЭУ им. Г. В. Плеханова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Р. С. ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Производственный менеджмент и маркетинг» Института инженерной экономики и гуманитарных наук МАИ, член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

Д. Б. ДЖАББОРОВ

Старший научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

А. А. ЗОЛОТАРЕВ

Вице-президент ВЭО России, президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и

Ленинградской области общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития им С. Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к. э. н. (г. Санкт-Петербург, Россия).

А. Ю. МАНЮШИС

Член Правления ВЭО России, первый проректор Международного университета в Москве, председатель Экспертного совета ВЭО России по программе независимой оценки качества экономического образования, член Президиума, заслуженный работник Высшей школы РФ, д. э. н. (г. Москва, Россия).

М. А. РАТНИКОВА

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия).

В. В. СМАГИНА

Заместитель председателя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, член Президиума ВЭО России, проректор — главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, академик Международной академии менеджмента, почетный работник высшего профессионального образования РФ, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия).

А. Г. ЧИКИРИС

Продюсер телепроекта «Дом “Э”», Общественное телевидение России (ОТР) (г. Москва, Россия).

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ

С. Д. БОДРУНОВ

Главный редактор

Д. Е. СОРОКИН

Главный научный редактор серии «Беседы об экономике»

**А. О. АЛЕХНОВИЧ, А. В. БУЗГАЛИН,
С. Д. ВАЛЕНТЕЙ, М. В. ЕРШОВ,
С. В. КАЛАШНИКОВ, А. Ю. МАНЮШИС,
О. Н. СМОЛИН, С. Н. РЯБУХИН,
В. Г. РЯЗАНОВ, А. А. ШИРОВ
Ю. В. ЯКУТИН**

ГРУППА ВЫПУСКА:

Главный редактор — **Сергей Бодрунов**
Арт-директор серии — **Егор Морозов**
Редакционный директор — **Маргарита Ратникова**
Шеф-редактор — **Андрей Прокофьев**
Редактор — **Марианна Маркелова**
Редактор-супервайзер — **Алексей Савин**
Концепт-редактор — **Галина Никитина**
Переводчик — **Василий Краснопёров**
Дизайнер — **Артём Чистяков**
Препресс — **Тимофей Ковтун**
Фоторедактор — **Вячеслав Кочураев**
Контрольный редактор — **Наталья Медведенко**

Фото — **Сергей Куксин, Михаил Сеницын, Александр Корольков «Российская газета»,
фотобанк Shutterstock**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

НООНОМИКА

ВВЕДЕНИЕ СТР. 18

Introduction P. 19

ОТ АВТОРА И ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА. К ВОПРОСУ О НООНОМИКЕ СТР. 21

Opening remarks by the author and Editor-en-Chief.
On the question of noonomy P. 33

БЕСЕДА 1 СТР. 43

Презентация книги «Ноономика» на ярмарке Non/fiction
(Москва, ноябрь, 2018)

Presentation of the book Noonomy at the Non/fiction books fair
(Moscow, November, 2018) P. 74

ВЫСТУПЛЕНИЕ АВТОРА СТР. 85

Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция
обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической
и социальной жизни (по материалам доклада С. Д. Бодрунова на
СПЭК-2018)

Abstract of the prof. Bodrunov's report on the matter of noonomy at the
Saint-Petersburg Economic Congress (2018) P. 97

БЕСЕДА 2 СТР. 103

Принципы ноономики. Извлечение из коллоквиума ИНИР им.
С. Ю. Витте (13.02.2019)

БЕСЕДА 3 СТР. 117

Ноономика в Кембридже. По материалам специального семинара-
презентации книги С. Д. Бодрунова «Ноономика» (27.10.2018,
Кембридж)

ЧАСТЬ II

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

БЕСЕДА 1 СТР. 143

Потенциал российских регионов

БЕСЕДА 2 СТР. 154

Основа «Стратегии пространственного развития России». Комплексное развитие транспортной инфраструктуры

Basis of Russia's Spatial Development Strategy. Integrated development of transport infrastructure P. 181

БЕСЕДА 3 СТР. 190

«Один пояс — один путь»: вызов для России?

One Belt One Road: a challenge for Russia? P. 236

БЕСЕДА 4 СТР. 248

Арктика: вызовы для России

The Arctic: challenges for Russia P. 290

Из истории вопроса.

«Главные условия, которым должна удовлетворять сеть железных дорог в Европейской России, 1863 г.» СТР. 305

ЧАСТЬ III

ПРОЕКТЫ ВЭО РОССИИ

ПРОЕКТ 1 СТР. 314

Общероссийская Высшая общественная премия «Экономист года»

ПРОЕКТ 2 СТР. 321

Всероссийский экономический диктант

ПРОЕКТ 3 СТР. 335

Всероссийский конкурс научных работ молодежи «Экономический рост России»

ПРОЕКТ 4 СТР. 350

Экономическая книга года

ПРОЕКТ 5 СТР. 367

Фестиваль экономической науки

ПРОЕКТ 6 СТР. 378

Конкурс экономической журналистики
Economic Journalism Today СТР. 407

Из истории вопроса СТР. 419

Ответ на задачу, предложенную Императорским Вольным экономическим обществом: «Каким образом легко и дешево исправить крестьянские сельские строения или сделать в оных полезные усовершенствования?», 1833 г.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

СТР. 434 Как экономисты оценили итоги 2018 года?
Economists ponder the 2018 results P. 450

TABLE OF

PART I

NOONOMY

INTRODUCTION P. 19

OPENING REMARKS BY THE AUTHOR AND EDITOR-EN-CHIEF. ON THE QUESTION OF NOONOMY P. 33

CONVERSATION 1 P. 74

Presentation of the book Noonomy at the Non/fiction books fair (Moscow, November, 2018)

REPORT BY THE AUTHOR OF THE BOOK NOONOMY P. 85

Noonomy. The future: the 4th technological revolution conditions necessity of deep changes in economy and social life (prof. Bodrunov's report on the matter of noonomy at the Saint-Petersburg Economic Congress (2018)

CONVERSATION 2 P. 103

Principles of noonomy. Abstract from colloquium at the S.Yu.Witte INID (13.02.2019)

CONVERSATION 3 P. 117

Noonomy in Cambridge. Based on materials of special seminar presenting S.D. Bodrunov's Noonomy (27 October 2018, Cambridge)

CONTENTS

PART II

SPACIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

CONVERSATION 1 P. 143

Potential of the Russian regions

CONVERSATION 2 P. 154

Basis of Russia's Spatial Development Strategy. Integrated development of transport infrastructure

CONVERSATION 3 P. 190

One Belt One Road: a challenge for Russia?

CONVERSATION 4 P. 248

The Arctic: challenges for Russia

From the history of the question. "Main conditions to be met by a railway system in European Russia, 1863, P. 305

PART III

VED OF RUSSIA'S PROJECTS

PROJECT 1 P. 314

All-Russian Highest Public Award Economist of the Year

PROJECT 2 P. 321

All-Russian Economic Dictation

PROJECT 3 P. 335

All-Russian competition of scientific papers of the youth "Russia's Economic Growth"

PROJECT 4 P. 350

Economic book of the year

PROJECT 5 P. 367

Economics Festival

PROJECT 6 P. 378

Historical background

Solving the task offered by the Imperial Free Economic Society: "How to easily and economically fix peasant's buildings and make useful improvements thereto?", 1833 P. 419

AFTERWORD P. 450

Economists ponder the 2018 results

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ, НООНОМИКА И КОЕ-ЧТО ЕЩЁ

Уважаемые читатели!

Перед вами — третий выпуск «Бесед об экономике» Вольного экономического общества России. Бесед, которые ведутся между людьми, которым есть чем друг с другом поделиться, чем друг друга обогатить, о чём поспорить, не переходя на личности, кроме как в смысле «ноонома» (это мыслящий, а не просто «человек разумный»).

Теперь мы уже не сомневаемся в верности нашего решения — издавать дискуссии, проходящие на разных наших площадках как в Обществе, так и в СМИ, отдельными книгами. Ведь в ваковские издания многие ценные мысли, оценки, реплики, прозвучавшие в «разговорном жанре», не попадают в силу своей неакадемичности (в хорошем смысле слова). А ведь вербальный, словесный жанр научного исследования зачастую открывает такие истины, которые в силу многих причин не найдёшь на страницах

строгих научных журналов и монографий.

Как мы и планировали, благодаря «Беседам об экономике», эти слова участников бесед, которые, возможно, порой достойны того, чтобы быть «высеченными в камне», остаются по меньшей мере нанесёнными на бумагу (и запечатлёнными в big-data-среде через наши сайты veorus.ru и frecconomy.ru). Мне представляется, что сейчас у нас появилось полное право повторить и высказанное ранее предположение о том, что живые беседы высококвалифицированных специалистов могут быть не только важной формой научного поиска, но и, что не менее ценно, быть более доступными для широкого круга интеллектуалов, интересующихся проблемами экономической науки и сутью экономических процессов.

Отмечу, что духовный предшественник нашей организации — Императорское Вольное экономическое общество — издавало прения

и дискуссии, возникшие в ходе его собраний, отдельными, как тогда говорили, «журналами» в «Трудах ИВЭО», и читать их, поверьте, как правило, не менее интересно, чем доклады, по поводу которых эти прения возникли.

Что касается мелких, но важных деталей: мы в этот раз незаметно, но существенно, изменили величину шрифта — на целый кегль, а также углубили абзацы — это очень важно, на наш взгляд, потому что именно в этих мелочах — удобство, читабельность, комфорт бумажного издания. И если уважаемые читатели сочтут, что изменить нужно ещё что-то в оформлении, мы обязательно обдумаем эти предложения.

Очень, на мой взгляд, существенное изменение — в том, что мы решили сделать более солидной нашу экономико-историческую часть. Если в предыдущих двух томах мы делали лишь мелкие выдержки из «Трудов Императорского

Вольного экономического общества», то в этот раз мы решили в ряде случаев брать одну из статей или работ целиком по каждой теме. Таким образом мы вводим, как говорится, в современный оборот вполне актуальные работы наших членов, в том числе очень известных, если не сказать — великих.

Искренне благодарим всех участников бесед — соавторов этой книги, надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество. В очередной раз ждём замечаний и предложений.

**Главный редактор серии
Сергей Бодрунов
и весь редакционный коллектив**

SPATIAL DEVELOPMENT, NOONOMY AND MORE

Dear friends:

To begin with, I would like to thank you for your kind feedback on the previous issues of the Conversation about Economy series and for your criticism, although it was friendly for the most part. We will take both into account in our efforts to improve the series.

At the All-Russian Economic Assembly in the House of Trade Unions' Hall of Columns in November 2018 we conducted a poll among our guests asking them which of our publications they would like to see at VEO of Russia events going forward, and the majority voted for Conversations about Economy. So, our work turned out to be useful for many of you. Let me remind you that the word "useful" is the word Catherine the Great had picked for the official motto of the Imperial Free Economic Society back in 1765. Since then the Society has kept and developed its traditions in spite of all historical cataclysms. We have dedicated one third of the book to continuity, namely the part which tells about some, but not all, important projects undertaken by the VEO of Russia.

During the organization's early years, many of those projects were called "tasks": the members of the Society were given some task important for the state, and they had to solve it, and the best solution was chosen by a special commission, published and used in government work (albeit not in every instance). The first task was set by the empress herself, it literally sounded like this: "What is more useful for society: the right of the peasant to own land or the right to own only movable property, and how far should the right to own a particular property extend?"

Today, we formulate tasks that are consonant with the problems of the domestic economy and the development of the state at our scientific forums – at the Abalkin Readings, at the Coordination Club of the VEO of Russia, and, perhaps more importantly, at all-Russian competitions to which we try to invite as many young people as possible. Chapter Three of the book suggests we have, in principle, succeed in doing that. Our new competition, of which you will also be able to learn from this volume of Conversations and in which, I hope, you will be able to participate, is called The Economic Book of the Year. This time we have brilliant winners. And we hope that it will be a good tradition of the Society going forward.

The first part of the book was prepared by the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development (INID) and is dedicated to the new area of research conducted by the team and yours truly. It is the result of a lengthy effort which took almost 20 years. The conversations in that chapter revolve around the book *Noonomy* published early last year. More comments, reviews, explanations, etc. are collected in the publication "Proceedings of the S.Yu. Witte INID, Vol. III, 'New Industrial Society: Origins, Reality, Future. Noonomy.' " With the permission of our colleagues, we are publishing the source materials in the form of conversations and some of the articles from that collection (shortened versions) in order to draw the reader's attention to the topic and save him from inaccurate interpretations of the author's ideas (of which, as it turned out, there is no shortage within the scientific community).

Dear readers, I would like to draw your special attention to the second and central part of the book, devoted to the strategy, projects and plans for the development of Russia's regions and to our country's future spatial development. It presents, also in the form of discussion, some very serious and well thought-out projects which are nearing implementation and which should be known to everybody, as well as their evaluations offered by many competent VEO of Russia experts.

**Yours truly,
Professor Sergey Bodrunov**

ЧАСТЬ I

НООНОМИКА

*Материалы I части подготовлены А.А. Золотаревым, к.э.н.
(исполнительный директор Института нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю.Витте). Научное редактирование I части:
В.А. Плотников, д.э.н., профессор*

ВВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ О НООНОМИКЕ. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
АВТОРА И ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ДИСКУССИЯ НА ПРЕЗЕНТАЦИИ КНИГИ.
ЯРМАРКА «НОН-ФИКШН»

НООНОМИКА: БУДУЩЕЕ. ЧЕТВЕРТАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ ОБУСЛАВЛИВАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ ГЛУБОКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

ПРИНЦИПЫ НООНОМИКИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДИСПУТ ПО НООНОМИКЕ
В КЕМБРИДЖЕ

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI века стало и началом новой технологической революции. Умные фабрики, интернет вещей, био-, нано— и информационно-коммуникационные технологии 6-го технологического уклада входят в нашу жизнь. Научное сообщество и экономполитики начинают осознавать, что в материальном производстве происходят качественные изменения.

Автор книги — профессор, президент Вольного экономического общества России, вот уже не первое десятилетие доказывает необходимость не просто реиндустриализации, но радикального обновления материального производства, его развития в единстве с наукой и образованием. В своих лекциях в Москве и Санкт-Петербурге, Пекине и Кембридже, в предыдущей книге о новом индустриальном обществе второй генерации (НИО.2) он раскрыл содержание экономических механизмов перехода к этому новому общественному устройству. В представленной монографии автор идет дальше. Не только качественно новая индустрия — изменения во всех сферах общественной жизни — экономических отношениях, управлении, в ценностях и мотивах человеческой деятельности, культуре — ожидают нас завтра, в мире ноосферы. В центре внимания автора — изменения, происходящие в экономике, влекущие рождение качественно новой системы отношений — нономики. Эта теоретическая работа, носящая сугубо научный по своему содержанию характер, максимально фундирована, содержит анализ широкого круга практик и — и это делает ее доступной не только высокопрофессиональному учителю — написана живым, легким языком. Для всех, кто хочет не просто понять, но сделать гуманным будущее нашей экономики.

PROLEGOMENA

The beginning of the 21st century was also the beginning of a new technological revolution. Smart factories, the Internet of things, bio-, nano-, and information communication technologies of the 6th technological mode became part of our life. The scientific community and political economists are beginning to acknowledge the qualitative changes that occur in material production.

For over a decade, the author of the book, a professor and the president of the Free Economic Society of Russia, has been asserting the need not only for re-industrialization but also for a radical upgrade of material production and its development in conjunction with science and education. In his lectures delivered in Moscow, St. Petersburg, Beijing and Cambridge, and in his previous book about the new industrial society of the second generation (NIS.2), he revealed the workings of the economic mechanisms of transition to the new social structure. In this monograph the author goes even further. In the noospheric world of tomorrow, not only should we expect a qualitatively new industry, but also changes in all spheres of public life: economic relations, management, values and motives of human activity, culture. The author focuses on the changes which take place in the economy, leading to the birth of a qualitatively new system of relations — noonomy. This theoretical work of purely scientific character is fully substantiated, contains an analysis of a wide range of practices and is written in a lively and simple language which makes it accessible not only to the seasoned lecturer. The book is intended for anyone who wants not only to understand but also humanize the future of our economy.

К ВОПРОСУ О НООНОМИКЕ*.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент Вольного экономического общества России,
президент Международного союза экономистов, директор
ИНИР им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

*Из «Вступительного слова главного редактора» научного журнала «Экономическое возрождение России»
(номер 1, 2019 год)

Современное общество и его хозяйственная система непрерывно меняются; эти изменения столь существенны, что их можно наблюдать на протяжении жизни одного поколения.

Среди наиболее заметных и обсуждаемых изменений отметим новую индустриальную революцию, трансформацию традиционного института занятости, бурную информатизацию (и в дальнейшем — цифровизацию) и т. д.

Мы видим свою миссию в творческом осмыслении процессов, происходящих в современном обществе, процессов, связанных с изменениями — социальными, культурными, экономическими, технологическими, образовательными и т. д.

Ушедший 2018 г. прошел для Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте и журнала «Экономическое возрождение России» под знаком ноономики. Понятие *ноономика*, введенное нами в научный оборот более десяти лет назад, получило широкую известность после нашего доклада на IV Санкт-Петербургском экономическом Конгрессе (СПЭК-2018). Серия презентаций (в Санкт-Петербурге, Пекине, Берлине, Пуле (Хорватия), Кембридже, Москве) книги «Ноономика», вышедшей в 2018 г., вызвала интерес у научного и экспертного сообщества. В июле 2018 г. в Берлине книга получила премию Всемирной политэкономической ассоциации «За выдающийся вклад в развитие политэкономии в XXI веке». Нами прочитаны открытые лекции по теме книги в ряде российских и зарубежных университетов и научных центров, ведутся семинары по ноономике, подготовлен к печати учебник для студентов и аспирантов.

В ходе презентации неоднократно возникал вопрос о термине «ноономика», который часто понимается весьма поверхностно — как сочетание слов «ноосфера» и «экономика». Это находит отражение и в научном дискурсе: такое соединение понятий используют и авторы многих публикаций при упоминании термина «ноономика». В их понимании ноономика — это, в общем и целом, «ноосферная экономика», «разумная экономика», даже — «гуманная экономика».

Такая трактовка, безусловно, имеет право на существование, как любая точка зрения в науке, но мы вкладываем в понятие «ноономика» абсолютно другой смысл.

Наше понимание ноономики значительно шире и глубже. Мы отталкиваемся не от механического соединения терминов «ноосфера» и «экономика», мы исходим из понимания греческого термина «ноос», как разума, опирающегося на критериальную базу истины как осознанной непреходящей ценности. Уже в XI веке митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» писал: «въ разумъ истинныи приведе».*

В этом смысле сводить греческое слово «ноос» к его латинскому аналогу «рацио» глубоко ошибочно. Рациональное — это соответствующее определенным критериям (но — разумны ли сами критерии?). Экономика всегда рациональна, но всегда ли разумно поступают рационально действующие экономические субъекты? И способны ли они выйти за пределы критериев, навязанных им данной экономической системой?

Ноономика предполагает иной способ оценки хозяйственных действий, иной способ оценки потребностей — основанный не на рациональности, а на разуме, на «ноо», исходящем из понимания истинных последствий хозяйственных решений и истинной ценности удовлетворяемых потребностей. Таким образом, речь идет не об экономике, не о рационально максимизирующем удовольствия индивиду, а об ином способе формирования и удовлетворения потребностей, которые можно назвать «ноопотребностями». Когда-то, например, в эпоху собирательства, человек удовлетворял свои потребности вовсе без экономического

*Слово о Законе и Благодати / Предисл. Митрополита Иоанна (Снычева) / Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. Комментар. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011? С. 70.

расчета. Ноономика тоже представляет собой такой способ неэкономического удовлетворения потребностей, которому предстоит сформироваться на новом витке развития человеческих знаний и технологий.

С другой стороны, вторая «половина» термина «ноономика» — «номос» (от греч. *nomos* — закон) — древнее понятие, которое в философии первой трети XX в. применялось для обозначения базового принципа организации любого пространства, абсолютного закона существования всего сущего. Таким образом, это — закон, порядок, принцип организации хозяйствования, хозяйство. Вспомним «Слово о законе (*номос!*) и благодати (*ноос!*)»: «...Закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать — служитель будущего века, жизни нетленной». *

То есть ноономика — это упорядоченный уклад, способ удовлетворения потребностей в таком обществе, где есть «свет разума» и нет отношения к производству и производственных отношений; где нет отношения к собственности и отношений собственности; нет экономики и невозможна экономика. *Это — неэкономический способ удовлетворения ноопотребностей.* Поэтому неправильно говорить о «ноосферной экономике» — это все равно что говорить о «неэкономической экономике», нехищном хищнике и т. п.

Но при этом возникает вопрос — кто будет определять критерии истинности, разумности потребностей? Что такое удовлетворение симулятивных потребностей, где границы разумных, несимулятивных потребностей? И как границы этого пространства несимулятивных потребностей будут перемещаться?

Критериальная база — это и есть «разумная» база, сформированная и развиваемая человеком, у которого сформирована ноокультура удовлетворения потребностей и выстраивания соответствующих отношений на базе технологического прогресса, развивающегося под контролем разума. Технологический прогресс остановить невозможно, дело разума — направлять его, определять, как ему «правильно» действовать. А как сформировать критериальную базу для решения вопроса о том, что такое «разумно»? И тут можно опереться только на разум, условно говоря — разум в квадрате. Я это имел в виду, когда писал статью «От “зоо” к “ноо”...», т. е. от удовлетворения зоологических

* Слово о Законе и Благодати... с. 41.

потребностей к удовлетворению потребностей ноологических — от способа зоологического потребления к ноологическому. Таким образом формируется ноообщество с нооотношениями. А такой способ удовлетворения потребностей я назвал ноономикой.

Вот здесь-то и вступает в силу другая часть общества и человеческих потребностей (духовных, интеллектуальных, культуры и пр.) — тоже как сторона «ноо». Они выступают как ограничители симулятивных потребностей и как критериальная база для формирования того типа отношений, которые ему позволят удовлетворять потребности в полной мере в рамках этой критериальной базы.

При «правильном» направлении технологического прогресса удовлетворение потребностей обеспечивается в максимальной степени и с минимальными затратами материальных и прочих ресурсов. То есть — рациональнее. «Рацио» при этом меньше, чем «ноо» — разум. Именно разум призван формировать и совершенствовать критериальную базу, в рамках которой должны приниматься рациональные решения. Однако, чтобы технологический прогресс не просто «рационализировался», но, если так можно выразиться, «ноолизировался», человеку необходима другая, специфическая часть знания, осознания, которая называется культурой.

Культура, этика по своей глубинной сущности — антагонист экономики. Экономика в принципе построена на достижении выгоды, а где есть выгода одного — там всегда проигрыш другого. И не надо плести небылицы о «взаимовыгодных экономических отношениях»; это — всегда неравенство, неравный доступ к благам, несправедливость. И данное противоречие можно снять с помощью технологического прогресса, путем формирования ноопотребностей и через ноономику как неэкономический способ их удовлетворения. *Ноопотребности* — это не эквивалент тех потребностей, которые упоминаются в известной конструкции Маслоу, «базовых ценностей» и т. п. С одной стороны, это потребности, которые формируются у человека в процессе его развития. Но, с другой стороны, развиваясь, расширяясь, возрастая, они всякий раз должны быть ограничены теми «ноо»-принципами формирования потребностей, которые диктует человеку культура как внутреннее самоощущение. Такие потребности выступают как самоограничение симулятивных потребностей.

Технологии, воплощенные в материальном производстве, — это материальная часть нашего мира и нашего жизнеобеспечения. Но при этом она причудливым образом, «двойственно» (как всё сущее в природе) объединяет в себе знания — нематериальную часть. И чем больше знаний в этом элементе производства — технологии, и во всех других элементах производственного процесса, тем быстрее, сильнее, полнее и сложнее удовлетворяются человеческие потребности. И при определенном «ноо»-принципе формирования производственной системы, которая обеспечивает человеческие ноопотребности, ее развитие находится под контролем человека. Человека — как творца, как создателя.

Он будет создавать эту систему. Производственную. Производящую. Но он уже не будет «внутри» нее находиться. Потому что у неё «внутри» — это отношения собственности, а их в ноообществе нет. С другой стороны, «внутри» нее — это трудовое участие в производственном процессе (когда труд — элемент производственного процесса!). А такого участия там тоже не будет! Человек будет находиться вне этой системы. Социум будет контролировать эту систему, но не находиться внутри нее. Безусловно, социум и производство не станут некими изолированными сущностями, но общество уже не будет вырастать из экономических отношений, потому самих этих отношений между людьми не будет. Ноообщество будет определять функционирование хозяйственной системы, исходя из неэкономических отношений.

Цивилизация вступила в эпоху технологической революции, а это значит, что впереди социальная революция. Мы наблюдаем все ужесточающуюся борьбу уходящей мирохозяйственной экономической системы с новым трендом цивилизационного развития, повышение градуса противостояния и сопротивления существующей системе, усиление конфликтности по всем значимым направлениям... При этом мощность современных технологий такова, что при использовании их как средств борьбы мы рискуем потерять себя как человека. Это не обязательно — гибель Земли в ядерном пожаре или глобальная экологическая катастрофа. Это может быть неосмотрительное вмешательство в природу и климат, в разум, в когнитивные функции человека — что угодно, к примеру, связанное с преобразованием человеческой сущности, созданием человеко-машинных гибридов и т. п. И чем больше мы будем двигаться по этому пути, тем острее будет этот кризис.

Поэтому надо думать об альтернативах.

Нужно осознать, в чем сущность новых технологий; к чему они могут привести с точки зрения удовлетворения потребностей? К снижению роли экономических отношений и возвышению отношений неэкономических? Анализируя новые тенденции, мы увидим многие тому подтверждения: увеличение объемов бесплатных услуг, введение в ряде стран «базового дохода» и т. д. Обеспеченных чем? — Развитием технологического прогресса, который уже сейчас позволяет решать проблемы неравенства, разумного образования, повышения качества и продолжительности жизни, проблемы культуры и т. д., то есть создать основу духовного и правильного развития человека. Сегодня, по некоторым оценкам, мировые технологические возможности превышают разумные потребности всего мира во всех благах, включая образование и пр. Однако нарастает основное противоречие сегодняшнего мира: между технологическими возможностями удовлетворения разумных потребностей и неспособностью экономического общества (без отказа от присущего ему способа оценки рациональности, то есть без отказа от самого себя) обеспечить реализацию этих потребностей. В результате все возрастающее количество благ направляется на удов-

летворение потребностей (во многом симулятивных) «золотого миллиарда». И в то же время миллиарды людей обречены если не на нищету, то, по крайней мере, на серьезные проблемы. Повторим: технологический прогресс позволяет решать эти проблемы, если критерии разума, укорененные в человеческой культуре, станут преобладающими в формировании человеческих потребностей.

Что значит повышение уровня удовлетворения несимулятивных потребностей при одновременном выстраивании человеком ноокритериальной базы потребностей? Это значит — постепенный отход от собственности, уменьшение ее значимости как института, снижение значимости и роли капитала как ее концентрированно-го эквивалента. И далее — формирование индустриального общества второго поколения, где многие вещи станут обобщественными.

ми, появится множество бесплатных продуктов/услуг. Изменится отношение к собственности, а также отношения между собственниками, менеджерами, сторонами экономической деятельности; в управлении усилятся элементы и тенденции меритократизма, изменятся государственное управление и роль государства, усилится роль общественных инструментов управления и т. д. Сформируется новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2).

НИО.2 заложит материальные и институциональные основы перехода к ноообществу. Появится новый способ удовлетворения потребностей, который выйдет из системы производственных отношений между людьми и будет существовать отдельно от человека. Исчезнет труд, точнее, появится занятие, а не труд. «Труд» и «трудно» — слова однокоренные и односмысловые. Труд — элемент производственного процесса, его «человеческий» элемент. Именно он исчезнет. Другие элементы (материалы, технологии, организация производственного процесса) останутся. И появится принципиально новый способ управления общественными отношениями (управление здесь — нечто консенсусное, иное по смыслу, чем нынешнее). Можно называть это государством, но это будет качественно иное государство, его качественно изменит научно-техническая революция. Наше государство регулирует в первую очередь экономические отношения. Все остальные — тоже, но как бы «прицепом», вторым планом, приспособлявая неэкономические отношения под задачи экономики, угнетая их естественное развитие. А когда экономические отношения исчезнут вместе с экономикой, останутся другие, всё более возвышающиеся. И вот там без некоего «регулятора» не обойтись.

Мы живем в экономическом и технологическом обществе. Мы должны так поставить дело, чтобы экономические условия работали на развитие технологий, а не наоборот; чтобы технологическое развитие, ускоряющийся прогресс работали на развитие человека, а не против него. И реиндустриализацию надо вести высокотехнологичную, на передовой, знаниеёмкой технологической основе. Недопустимо развитие финансовой сферы ради финансовализации как таковой, очень важно вернуть финансовому капиталу (или капиталу в целом в нашем обществе) на наступающем переходном этапе функции производящего капитала. При этом производящий капитал — это не только капитал, который производит продукты питания, блага и пр., — он должен «производить человека» как творца. И если последняя задача будет решена, если будет формироваться человек-творец, человек культурный, осознающий свои истинные интересы в сопряжении с реальными интересами других индивидов и общества в целом, человек, действующий в рамках осознанных им возможностей прогресса и необходимых ограничений, — дорога к ноообществу и активному формированию ноономики как его материальной основы будет открыта.

ON THE QUESTION OF NOONOMY*

Sergey Bodrunov,

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S. Yu. Witte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor

**Opening remarks by Editor-en-Chief of the scientific journal Economic Resurgence of Russia (1-st issue, 2019)*

M

Modern society and its economic system are constantly changing; these changes are so significant that they are easily noticeable and observable over the lifetime of a single generation.

Among the most noticeable and discussed changes are the new industrial revolution, the transformation of the traditional institution of employment, the rapid informatization and, later on, digitalization, etc. Of course, all those changes require reflection.

We see our mission in this creative understanding of the processes occurring in modern society, the ones associated with social, cultural, economic, technological, educational, and other changes.

For the S. Yu. Witte Institute of New Industrial Development (INID) and our Economic Revival of Russia magazine the year 2018 was the year of noonomy. The concept introduced by yours truly more than a decade ago gained wide popularity in connection with the report I presented at the 4th St. Petersburg Economic Congress, SPEC-2018. It was followed by a series of presentations (St. Petersburg, Beijing, Berlin, Pula (Croatia), Cambridge, Moscow) of the book *Noonomy* published in 2018, which sparked a certain interest among the scientific and expert community; In July 2018, in Berlin, the book received a Distinguished Achievement Award for Political Economy in the Twenty-First Century of the World Association for Political Economy. The author has read open lectures on the book in a number of Russian and foreign universities and research centers and has conducted seminars on noonomy; a textbook on the topic for students and postgrads has been prepared for printing.

At the same time, during presentations a fundamental question about the term “noonomy” has been repeatedly asked; the term is very often superficially understood as a combination of the words “noosphere” and “economy”. It is also reflected in the scientific discourse: many authors of publications use this combination of concepts when using the term “noonomy”. In their understanding, noonomy is, by and large, a “noospheric economy,” an “intelligent economy,” or even a “humane economy.”

However, this interpretation, according to the author, is incorrect. Of course, it has the right to exist, like any other point of view in science, but we are putting a radically different meaning into the concept of “noonomy”.

Our understanding of noonomy is much broader and deeper, it is not based on the mechanical concatenation of the terms “noosphere” and “economy”. We proceed from the understanding of the Greek term “noos” as a mind that rests on a criterial foundation of truth as a perceived unchangeable value. As early as the 11th century, Metropolitan Hilarion wrote in *The Word of Law and Grace*: “truth leads to reason”¹. In this sense, would be deeply wrong to reduce the Greek word “noos” to its Latin analogue “ratio”. The rational is something that meets certain criteria, but are the criteria themselves reasonable? Economy is always rational, but do rational economic actors always act reasonably? Are they even able to go beyond the criteria imposed on them by a particular economic system?

Noonomy implies a different way of evaluating economic actions, a different way of evaluating needs based on reason rather than rationality, on “noo” based on understanding the true consequences of economic decisions and the true value of needs being satisfied. Thus, it is neither about economy nor the individual who rationally maximizes his gratification, it’s about a different way of forming and satisfying needs of the kind that can be called “noo-needs”. There was a time when man satisfied his needs without any economic calculation at all — for example, in the era of gathering. Noonomy, if we use the analogy, also represents a method of non-economic satisfaction of needs, one that is to be formed at the new stage of development of human knowledge and technology.

On the other hand, the second “half” of the term “noonomy” is “nomos”, an ancient concept, also of Greek origin, which in the philosophy of the first third of the 20th century came to mean the basic principle of organization of any space (see, for instance, C. Schmitt’s *The Nomos of*

¹ *Word of Law and Grace / Preface. Metropolitan Ioann (Snychev)/Comp., Int. Art., Tr. V.Ya. Deryagin. Reconstruction of old Russian text by L. P. Zhukovskaya. Comments by V.Ya. Deryagin, A.K. Svetozarsky / Ed. O.A. Platonov. — M.: Institute of Russian Civilization, 2011. p. 70*

the Earth²), the universal law, the absolute law of the existence of all things. Thus, it is the law, the order, the structure, the principle of organizing business and economic management. Again, remember The Word of Law (nomos!) and Grace (noos!): "... law was a forerunner and servant of grace and truth, while truth and grace are a servant of the future century, of life everlasting"³. It means that noonomy is an orderly way of life, a way to satisfy needs in a society blessed with a "light of reason" and unrelated to production and property, where there are no production and property relations, where there is no economy and where no economy is possible. It is a non-economic way of satisfying noo-needs. Therefore, it is wrong to speak of a "noospheric economy"; it's exactly the same as speaking about a "non-economic economy", a non-predatory predator, etc.

But there's a problem: who will determine the criteria of "genuineness", reasonableness of needs? What does the satisfaction of simulative needs mean, and what are the bounds of a reasonable, non-simulative need? And how will those bounds of the space of non-simulative needs shift?

A criterial base is a "reasonable" foundation shaped and developed by man who, in turn, has formed a noo-culture of satisfaction of his needs. And of building appropriate relationships based on technological progress controlled by reason. Technological progress cannot be stopped anyway, so directing it and determining the right moves is a matter for reason. And how should a criterial base be formed for deciding what is "reasonable"? Here we can only rely on reason. Reason squared, as it were. I had this in mind when I wrote the article "From "zoo" to "noo ...", i.e. from satisfying zoological needs to satisfying the noological needs, i.e. from zoological consumption to noological consumption. That's how a noo-community with noo-relations will be formed. And I called that method of satisfying the needs noonomy.

That's where the other part of society and human needs comes into play: spiritual, intellectual, cultural, etc., as another facet of the "noo". They act both as a limitation of simulative needs, and as a criterial base for the formation of the very type of relationship that will allow it to meet its needs fully within that criterial base.

When we point technological progress in the "right" direction, it ensures that the needs are met to the maximum extent and with minimal costs of material and other resources. In a more rational manner. But "ratio" is less than "noo", less than reason. It is reason that destined to form and improve the criterial base within which rational decisions must be made. However, in order for technological progress not only to be

² Carl Schmitt. *The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum*. SPb.: "Vladimir Dal", 2008.

³ *Word of Law and Grace...* p. 41

“rationalized”, but also, if one can put it this way, “noolized”, man needs a different, specific part of knowledge and awareness called culture.

Culture and ethics are the antagonists of economy in their deepest sense. Economy, in principle, is built on the achievement of benefits, and where there is a gain for one, there is always a loss for the other, and any tales of “mutually beneficial economic relations” are untrue; there is always inequality, unequal access to wealth, injustice. That contradiction will also be eliminated by technological progress, through the formation of noo-needs and through noonomy as a non-economic way of satisfying noo-needs. Nooneeds are not just needs that are real. They are not equivalent to the needs mentioned in Maslow’s well-known hierarchy, the “core values”, etc. On the one hand, they are the needs that man has formed in the process of his development. But as they develop, expand, elevate, they, on the other hand, should be limited by those noo-principles of the formation of needs that are dictated by culture and that are perceived as an inner sense of self. Therefore, such needs act as a self-imposed limitation of simulative needs.

Technologies embodied in material production are the material part of our world and our living. But at the same time, being “dualist” in a bizarre way (like all things in nature), it encompasses knowledge, the non-material part. And the more knowledge that element of production (technology) and all other elements of the production process contain, the faster, stronger, fuller and more complex the human needs are satisfied. And in this regard, with a certain noo-principle of forming a production system that provides for human noo-needs, the development of such a system is under the control of man as its maker, its creator.

Man will be building such a system. A production system. A productive system. But he will no longer be “inside” it. Because it is supposed to contain property relations “inside” of it, and there will be no property relations in a noo-society. On the other hand, it is also supposed to contain labor participation in the production process “inside” of it (when labor is an element of the production process!). But there will be no such participation either! Man will stand outside that system. Society will control the system, but not from the inside. Of course, society and production will not be isolated from each other, but society will no longer grow out of economic relations because those economic relations between people will no longer exist, and such a society, noo-society, will be determining the functioning of the economic system on the basis of non-economic relations.

Civilization has entered an era of technological revolution; this inevitably means that there is a social revolution ahead. At the same time, we are witnessing an ever tougher struggle between the disappearing global economic system and the new trend of civilizational

development, an increase in the degree of confrontation and resistance of the existing system, an increase in conflict in all significant areas of that struggle. But at the same time, today's technologies have already become so powerful that using them as a means of struggle means putting our identity as humans at risk. It does not necessarily mean a nuclear holocaust or a global environmental catastrophe. It can be a reckless meddling in the environment or climate, in human mind or human cognitive functions — or it can be anything else, for example, connected with the transformation of human essence or the creation of human-machine hybrids, etc. And the further we go along this path, the more the crisis will gain momentum.

Therefore, we must consider alternatives.

It is necessary to understand the essence of new technologies; what can they bring us in terms of satisfying our needs? A decline of the role of economic relations and a rise of non-economic relations. If we look at the new trends, we will see many confirming signs: an increase in the scope of free services, the so-called basic income being introduced in some countries, etc. On account of what? The development of technological progress.

Technological progress now allows us to solve the problems of inequality, reasonable education, better quality and longevity, cultural problems, etc., etc., i.e. to create the basis for proper spiritual noo-development of man. Today, according to some estimates, global technological capabilities have exceeded the global demand for reasonable consumption of goods, including educational products and others. However, the demand has not been met. Today, the main contradiction is becoming more and more pronounced, the one between the achieved technological capabilities of satisfying reasonable needs and the inability of the economic society (without abandoning its method of evaluating the rationality, i.e. without abandoning itself) to let this trait of technological progress materialize. As a result, an increasing number of goods is used to satisfy the (mostly simulative) needs of the "golden billion". And at the same time there are billions of people who are faced with serious problems, if not outright poverty, despite the fact that technological progress is able to solve those problems. But only if the criteria of reasonableness, rooted in human culture, will prevail in the formation of human needs.

What does it mean to step up satisfaction of non-simulative needs while simultaneously building a noo-criterial base of needs? It means a gradual abandonment of property, a decrease in its significance as an institution, a decrease in the significance and role of capital as its concentrated equivalent, and, further, the formation of a second-generation industrial society where a lot of things will be socialized,

where many products/services will be available for free use. Where property relations will change, where relations between owners, managers, economic entities will change, and meritocracy elements and tendencies in management will strengthen. Where state governance and the role of the state will change, and the role of public administration mechanisms will become more prominent, etc. The formation of a new industrial society of the second generation will become a reality.

Such a society, NIS.2, will lay a material and institutional basis for the transition to noo-society. A new method of satisfying the needs will be invented, which will leave behind the system of production relations among people and will exist independently from man, and will make labor disappear. More precisely, it will replace labor with occupation. “Labor” and “laborious” are the words with a common root and a common meaning. Labor is an element of the production process, its “human” element. It is what will disappear. Other elements (materials, technology, organization of the production process) will remain. As well as a fundamentally new way of managing social relations (management here is a consensus-related thing, different in meaning from what it means today). It will be possible to call such a society a “state”. But it will be a qualitatively different state, qualitatively changed by the scientific and technological revolution. The state, as it currently exists, primarily regulates economic relations; it does watch over everything else, but doesn’t attach as much importance to it, adapting non-economic relations to the tasks of the economy and suppressing their natural development. And as soon as economic relations will disappear along with economy, a different kind of relations will arise. And they will also need some kind of a “regulator”.

Today we live in an economic society and a technological society. We must adopt a way of thinking, a way of organizing things, such that economic conditions work towards, rather than against, the development of technology. Such that technological development and the accelerating progress work towards human development, not against it. We need a high tech re-industrialization on an advanced, knowledge-intensive technological basis. The development of the financial sector should not result in financialization as such, it should ensure that financial capital, or capital in general, resume its function of productive capital in our society during the upcoming transitional stage. Given that productive capital is not merely a capital that produces utilitarian things such as “food” or goods — it’s a kind of capital that is supposed to “produce man” as a creator. And if this latter task is solved, if man-creator is formed, a cultured man who is aware of his true interests in conjunction with the real interests of other individuals and the society as a whole, a person acting within the possibilities of progress and the necessary restrictions he is aware of, then the road will be clear for noo-society and the active formation of noonomy as its material basis.

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
*президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
эксперт РАН, д. э. н., профессор*

Александр Владимирович Бузгалин,
*почетный профессор МГУ, руководитель московского
отделения Института индустриального развития
им. С. Ю. Витте, вице-президент ВЭО России*

Руслан Семенович Гринберг,
*член-корреспондент РАН, директор Института
экономики РАН, вице-президент ВЭО России*

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «НООНОМИКА»*

Сергей Александрович Толкачев,
первый заместитель Департамента экономической теории
Финансового университета при Правительстве РФ, д. э. н.,
профессор

Михаил Илларионович Воейков,
заведующий сектором политической экономики Института
экономики РАН, д. э. н., профессор

Сергей Николаевич Бобылев,
заведующий кафедрой экономики природопользования МГУ
имени М. В. Ломоносова, д. э. н., профессор

*Презентация на ярмарке Non/Fiction 2018, Москва, 30 ноября 2018 г.

Бузгалин: Итак, мы начинаем презентацию книги ученого, профессора, доктора экономических наук и руководителя нескольких организаций, Сергея Дмитриевича Бодрунова. Исторически, наверное, первая крупная научная структура, которой руководит Сергей Дмитриевич, это Институт нового индустриального развития имени Сергея Юльевича Витте. Коротко — ИНИР. Институт, который долгое время доказывает теоретически и с фактами в руках необходимость возрождения материального производства страны, причем на базе высоких технологий в интеграции с наукой, культурой и образованием.

Вторая структура, которой сейчас руководит Сергей Дмитриевич Бодрунов, — это Вольное экономическое общество России. Сергей Дмитриевич — президент этого общества. И это — старейшая общественная организация страны, крупнейшая организация экономистов. Более 250 лет истории, более 300 тысяч членов, я всегда пугаюсь в этих бесконечных нулях. Огромная организация, серьезная.

Говорить мы будем, правда, не про организации, и даже не про проблемы возрождения материального производства страны, а про новую концепцию, продолжающую серию публикаций, в том числе тех, которые были представлены на выставке-ярмарке «Нон-фикшн» в прошлом году и, по-моему, даже в позапрошлом.

О книге «Нономика»

Термин новый. Книга интегрирует большой пласт научных исследований. И имя ему в данном случае — не случайно. Имя говорит о том, что экономика будущего — это не только экономика и в чем-то не экономика, а нечто большее, отрицающее традиционное представление сегодняшних параметров, когда ничего, кроме рынка, частной собственности и симулятивных потребностей, у человека не было, нет и быть не может.

Взгляд в будущее — это взгляд в систему, где знаниеемкое производство, где и современные технологии, предоставляющие человеку возможность быть организатором производства, где новый тип отношений с природой, и ценности человека как творца приобретают доминирующее значение по отношению ко всему остальному.

Изюминка книги состоит в том, что путь к такому положению лежит через развитие высокотехнологичного материального производства, а не через его отрицание. Дальше я ничего говорить про эту книгу не буду. У нас с вами есть возможность посмотреть интересный фильм, который собирает в одну интересную систему ключевые положения книги (закадровый текст фильма — см. главу 7).

Этот фильм был показан на презентациях, которые прошли в целом ряде интересных, на мой взгляд, очень важных научных центров: в Университете Кембриджа, в Берлине, на конференции Всемирной политэкономической ассоциации. Там автор получил приз «За выдающиеся достижения в области политической экономии XXI века».

Презентации книги фактически прошли и не только как факт, но и как событие в рамках Санкт-Петербургского экономического конгресса, Конгресса в Москве, посвященного производству, науке и образованию, и так далее и тому подобное. Встреча здесь — это встреча с широким кругом читателей. Кто-то уже знаком с этой книгой. Кто-то — еще только познакомится. И мы можем вместе с вами сейчас начать нашу встречу. Я попрошу всех последовать примеру Бузгалина и выключить или перевести в авиарежим. И давайте, наверное, начнем с демонстрации фильма, который характеризует ключевые положения книги...

Итак, коллеги, первое впечатление о работе вы получили. Но, я думаю, будет неправильно, если, придя сюда, вы не выслушаете прежде всего автора этой книги — профессора Сергея Дмитриевича Бодрунова. Я думаю, что многое Сергей Дмитриевич добавит, может быть, немножко расскажет о работе над этой книгой. В общем, Сергей Дмитриевич, все в ваших руках.

Бодрунов: Уважаемые коллеги и, не побоюсь этого слова, друзья, единомышленники. Потому что вряд ли кто-то пришел сюда из тех, кому это не интересно или кто не задумывается над тем, чем нам заниматься дальше и как нам дальше жить. А почему — друзья? Потому что я здесь очень много вижу людей, которые к нам на семинары приходили, приходили на наши конференции, выступали. И, конечно, очень хорошо, что продолжение нашей работы мы можем представить тем людям, которые уже видели начало или предварительную, предыдущую часть этой работы. Я позволю себе иногда подсматривать в этот кондуит, который у меня здесь лежит, потому что могу какие-то вещи продублировать или повториться.

Хочется высказаться и в то же время надо все-таки как-то немножечко придерживаться регламента. Я хотел бы подчеркнуть, что вот эта работа (об этом было сегодня сказано) — результат, может быть, не совсем финальный результат, но, скажем, близкий к финишу, моего описания той концептуальной платформы, которую я видел много лет назад. Видел еще 20–25 лет назад, где-то так. Впервые я начал работать над этими вещами еще до защиты своей кандидатской диссертации, не говоря уже о докторской. Это был конец 1980-х годов. Тогда я защищал кандидатскую диссертацию, в 1990 году.

Я — довольно старый человек. Это — не кокетство, это так оно и есть, мне седьмой десяток, и поэтому какие-то вещи я действительно исследовал достаточно давно. Начинал с того, что был программистом, был модельером, писал имитационные модели, в том числе для промышленности. Работал над созданием ряда концепций, когда стал более-менее способным это делать, к 30–35 годам — над концепциями, которые реализовывались в практической деятельности.

Можно похвастаться? Тогда была самоуверенность молодого исследователя, и первая книжка, тонкая, страниц 65–70, по-моему, мелким шрифтом, вышла в советское время — об одной из наших систем, которую я как программист, как модельер описал. В предисловии к этой книге я так скромно написал: «Вещи, которые мы описываем, представляем, имеют большое, серьезное значение, на наш взгляд. В мире мало кто этим занимается. Но вот есть одна небольшая американская компания — «Микрософт»... Тогда писали «Микрософт». Тогда мы не знали, как она толком называется, потому что она была маленькой компанией. И мы сказали, что да, этими вещами, которые мы делаем, эта компания тоже занимается. Но указали, что им до нас далеко. В общем, самоуверенности было много.

Потом я занимался длительное время конструированием экономических структур, какое-то время я создавал их в качестве научно-практического эксперимента. Был создан единственный информационный концерн в советское время. Времена были, когда создавались концерны в других отраслях: концерн «Газпром», концерн «Лукойл». И вот был концерн «Белорусское республиканское Агентство научно-технической и деловой информации», куда все государственные предприятия вошли. Помните, были центры НТИ? Это был небольшой концерн, но мы его быстро нарастили до 2000 человек, и через некоторое время это была довольно хорошая, мощная структура.

После распада Советского Союза я переехал окончательно в Санкт-Петербург, где я и по сей день обретаюсь в основном, кроме тех дней, когда я работаю в Вольном экономическом обществе и на конференциях. В Петербурге я сначала работал в качестве одного из заводских менеджеров. Потом работал на заводе «Пиrometer» директором пять лет. Потом сконструировал по своей привычке очередную конструкцию производственную. Предложил Министерству экономики, тогда это так называлось, концепцию интегрированной структуры в оборонном комплексе. Концепция была, как ни странно, принята. Вдобавок ко всему было издано соответствующее Постановление Правительства о реформировании (реструктуризации) оборонного комплекса, куда вошли в качестве интеллектуальной платформы эти вертикальные интегрированные структуры с привлечением частного капитала.

Собственно говоря, кто инициатор, тот и наказуем. Поэтому мне предложили возглавить одно из первых таких объединений, собственно, первое. В авиаприборостроении оно было самым большим — Корпорация «Аэрокосмическое оборудование», где я отработал генеральным директором 10 лет. Параллельно 20 лет назад примерно я организовал Институт нового индустриального развития, сначала Центр, потом его переименовали в Институт, где мы занимались уже проблемами более широкими, чем конкретные проблемы какой-то отрасли либо каких-то страт в индустрии, каких-то концернов, структур и так далее, хотя и этим не брезговали — продолжали заниматься. Из этой практической и непрактической деятельности родилась идея и потом книга о стратегии реиндустриализации России. Вот такая толстенная книжка на 800 примерно страниц, которая потом была переиздана в двух томах. Вышла она впервые в начале 2013-го. По этой книге было много споров. Мы впервые, наверное, активно и жестко выступили за то, чтобы экономика России была модернизирована по технологическому принципу. Мы убедительно

пытались внести в умы тех людей, которые принимают решение, что та экономическая политика, которая проводилась в связи с золотыми деньками до кризиса 2009 года, ошибочна в некоторой степени. Много денег от поступления за энергоресурсы, наполнялись «кошельки», фонды резервные и прочие, прочие. Но при этом денег в промышленность не давалось.

Мы показывали, что финансиализация, которая у нас развивалась, а промышленность не развивалась, привела к тому, что возникла деиндустриализация. Эта ситуация оказалась для нас достаточно проблемной, и кризис 2008–2009 годов это убедительно показал, жестко показал — первой просела промышленность, а вслед за ней — и вся экономика. Могу сказать, что к тому времени я, уйдя из практической деятельности уже на уровень среднего звена руководства промышленности, возглавил Комитет экономического развития, промышленной политики и торговли Санкт-Петербурга, членом Правительства Санкт-Петербурга был, и поэтому занялся исследованием этих проблем уже со стороны регионального звена управления, параллельно исследуя возможность, что же можно сделать на региональном и федеральном уровнях для решения задач промышленности, в том числе в кризисных ситуациях.

Для меня это был очень большой опыт. В самое кризисное время пришлось разрабатывать сначала антикризисную программу Санкт-Петербурга, потом, реализовывая ее, разработать следующие, этапные моменты для поднятия экономики на другой уровень. В частности, я полагал, что приоритет должен быть в модернизации экономики через промышленность, через технологическую модернизацию, обновление. Поэтому я добивался, чтобы в нашу стратегию развития города была заложена эта идея — идея приоритета в экономике индустриального развития. Были определены направления, каким образом мы будем заниматься в городе развитием тех или иных производств. Мы определили некоторые кластеры, группы, которые следует поддерживать больше, а какие-то в меньшей степени.

Я ориентировал всех на новое производство того самого класса, типа, которое определяет новое, индустриальное общество следующего поколения. Это были еще 2009–2010 годы. Вся эта практика продолжается и по сей день. Я и по сей день (не знаю, как там будет дальше развиваться), так сложилось, уже 10 лет — ответственный секретарь этого блока, который занимается разработкой концептуальной платформы для изменения программы развития Санкт-Петербурга. Я ответственный секретарь Промышленного совета Санкт-Петербурга до сих пор. Поэтому мои наработки предыдущие не позволяют мне от этого дела совершенно отойти, и я несу ответственность за то, что происходит.

И я могу сказать — в промышленности Санкт-Петербурга происходят неплохие вещи. Недавно ко мне заезжал руководитель нынешний Комитета Санкт-Петербурга по промышленности и сказал такую радостную весть, что 37 месяцев подряд темпы роста промышленности Санкт-Петербурга растут, всякий раз все больше и больше. Ничего не снижается. И в этом плане, я полагаю, что вот эта целенаправленная работа концептуальная, работа «платформенная», которая реализовалась в стратегии и потом дальше вошла в Программу развития промышленности города, конечно, дает свои результаты. Знаете, если в одну точку бить, то, конечно, результат можно получить. Но что важно? Важно то, что весь практически прирост промышленности Санкт-Петербурга дают новые производства — вот как раз те, которые в нашей Стратегии и в нашей Концепции были поставлены во главу угла. Которые необходимо было поддерживать больше всего, под которые больше всего должно быть предоставлено государственных гарантий, льгот и так далее и тому подобное.

Поэтому я полагаю, что эта практика тоже в какой-то мере поддержала мою теоретическую работу. Что касается этой работы — я несколько тезисов назову, если вы не возражаете.

Итак, тезис первый. Я полагаю, что высокотехнологичная индустрия — это не прошлое, а будущее мировой экономики. Постиндустриалисты в своих попытках описать безиндустриальное будущее наткнулись на то, что те прогнозы, которые они давали, недействительными оказались. Они оказались опровергнуты самой жизнью. Прогнозы по снижению значения промышленности в экономике и в нашем общественном устройстве. В чем особенность? На мой взгляд, особенность в том, что, несмотря на снижение, может быть, доли промышленности в ВВП, роль ее растет. Потому что меняется качество промышленности.

По ВВП можно отдельно говорить. Нобелевский лауреат Стиглиц по этому поводу много чего рассказывал. Можно отдельно сказать, что такое ВВП. Если мы будем переливать воду из стакана в стакан и обратно, из пустого в порожнее — тоже будет расти ВВП, если мы будем за это платить, однако воды не прибавится. Значит, структура ВВП — это штука, которую нужно действительно реально изучать. Поэтому пустая погоня за ВВП ради ВВП может привести нас совершенно не в ту сторону. Когда оценивается, что доля промышленности в ВВП где-то снижается, не факт, что значение промышленности снижается. Изменяется качество промышленности в связи с переходом к новому технологическому укладу.

Что это за уклад? Это уклад, который отличается от всех предыдущих технологических укладов принципиальным образом. Почему? Потому что раньше преимуществом в продукте была его материальная основа. А сейчас — знание. Я не буду долго рассказывать. Если кратко, в продукте всегда есть компоненты — материальное и знание, условно говоря. Сейчас впервые знаниевая часть в общественном продукте становится преобладающей и темпы нарастания этой доли тоже растут. Происходит ускорение выхода на эту траекторию. Это значит, что, когда мы получаем такую ситуацию в технологическом комплексе, в переходе к новому технологическому укладу, мы понимаем, что мы получим другую экономику через некоторое время.

Чем отличаются знания от других ресурсов? Вот сегодня мы экспортируем, продаем одни «бананы», получаем другие «бананы». Продаем сырье, получаем что-то. Попытки импортозамещения какие-то есть, все остальное как-то пытаемся заместить. Но понимаем, что построить коммунизм в отдельно взятой стране вряд ли получится. Поэтому мне представляется, что, касательно импортозамещения: когда мы пытаемся отказаться от участия в мировой кооперации, это не приведет к позитивному результату, хотя я за то, чтобы импортозамещение было. Но мы должны понимать, мы не уйдем от мировой производственной кооперации, особенно в сегодняшней ситуации.

Вообще-то нам надо двигаться активнее в сторону технологического усиления нашей экономики. Почему? Потому что в том обществе, которое будет, будет другая экономика. Это будет экономика, основанная не на материальных ресурсах, не на том, что мы продаем сегодня, а на другом ресурсе, на знании. А знание чтобы продавать, его добыть надо сначала. Надо научиться получать его, масштабировать у себя за счет продуктов знаниеемких. И только тогда мы можем реально рассчитывать на то, что наша экономика сумеет всерьез подняться. Почему? Потому что лидеры будущего, лидеры экономического будущего — лидеры технологические.

Я выступал на днях в Финансовом университете на Финансовом форуме. Там проходила панель, на которой выступили уважаемые коллеги, многих из них вы видите часто по телевидению. И они говорят о том, что у нас в принципе очень важно достичь: а) баланса, чтобы не разбалансироваться случайно, б) надо устойчивости экономики еще больше нагрести. Поэтому, чтобы была устойчивее экономика, каких-то «прыжков» и «рывков» делать не надо. Надо тихо, спокойно, по полтора процента в год идти.

Но, коллеги, это та самая траектория, которая нас сегодня ведет к отставанию. Когда дошла очередь до меня выска-

заться по этому поводу, я сказал, что надо изменить траекторию нашего движения, поставить во главу угла технологическую модернизацию России, добиться перехода к тому, чтобы все наши институты работали на эту задачу. И только тогда мы сможем сделать то, что сделали в свое время «азиатские тигры», сумевшие, технологически перевооружившись, создать продукты, которые стали их кормить, условно говоря, и создавать подъем в экономике. Мы должны этот опыт понимать и учитывать. Мы должны видеть, что у нас впереди, какие технологии нужно развивать, что нужно ставить во главу угла, и понимать, что только технологии, рано или поздно, решат наши экономические и, подчеркиваю, социальные проблемы.

Возьмите майский указ президента. Все говорят, что есть там задача войти в пятерку экономически развитых стран, по ВВП, например. Не знаю, кто эту задачу сформулировал, но, как бы то ни было, сформулирована задача и вносится в указ президента. Может быть, она стоит внимания для постановки проблемы. Она подчеркивает, что надо расти экономически.

Дальше прописан ряд вопросов, связанных с узловыми социальными проблемами. Их надо тоже решать.

Но там есть то, о чем мало кто говорит, — что необходимо обеспечить выход из технологического отставания России. Потому что как раз это — база. Мое мнение: если мы не решим задачи модернизации индустриального комплекса, задачи перехода к производственному продукту, мы не решим в перспективе ни экономические, ни социальные задачи. И поэтому, на мой взгляд, необходимо соответственно перестраивать и промышленную политику. Все институты общества «затачивать» на это. Вот, собственно говоря, краткое резюме. Я не стал говорить о многих других вещах, которые здесь написаны. Думаю, что в процессе, если будут вопросы, будем комментировать и отвечать.

Бузгалин: Большое спасибо, Сергей Дмитриевич за вступительное слово, которое показало не столько содержание книги, сколько путь книги и значение тех проблем, которые мы обсуждаем. О том, что написано, почему это важно, какие вызывает вопросы, дискуссии, нам с вами расскажут участники этой презентации. Мы пригласили очень известных ученых, специалистов в той теме, по которой и идет у нас сегодня разговор.

Я представляю участников нашего импровизированного «подиума»: Руслан Семенович Гринберг — член-корреспондент Российской академии наук, научный руководитель Института экономики РАН. Сергей Николаевич Бобылев — доктор экономических наук, профессор, руко-

водитель кафедры экономики и природопользования экономического факультета МГУ имени Ломоносова. Я рад, что здесь Сергей Александрович Толкачев, профессор, первый заместитель департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, тоже, естественно, доктор экономических наук. И Михаил Илларионович Воейков, профессор, доктор наук, руководитель сектора политической экономии Института экономики РАН.

Руслан Семенович, Вы не против начать разговор?

Гринберг: Уважаемые дамы и господа, сегодня вы присутствуете на презентации книги, которая исключительно актуальна. И не потому, что речь идет об экономике. Экономика всегда актуальна, в России особенно. Вы слышали, наверное, многие, из эпохи социализма, что «экономика должна быть экономной». А сегодня мы с сожалением констатируем, что она не очень экономная.

Сергей Бодрунов написал книгу очень любопытную. Она исключительно противоречива, на мой взгляд. И тем самым — очень интересна. Я далеко не во всем согласен с тезисами автора, но она написана настолько интересно, настолько страстно! Причем в этой книге вы в каждой строчке заметите черты писателя.

Он взял на себя ношу руководства Вольным экономическим обществом. Это — очень непростая история. Как вы знаете, еще при Екатерине II было это общество затеяно. Интересно, что она была авторитарным лидером, несмотря на то что была прогрессивной. И ей хотелось знать, что на самом деле в стране происходит.

Каждый авторитарный вождь любит, когда его хвалят, и любит ту информацию, которая нравится. И естественно, люди при дворе знают, что ему нравится, и рассказывают, какой он хороший, а еще — как хорошо всё на земле.

Но как говорил один лидер китайский: «Мы шли от победы к победе и неожиданно оказались на краю пропасти». Екатерина это тоже чувствовала и решила создать такое вольное, это очень важное слово, Вольное экономическое общество, где собирались бы люди. Ясно, что они не были такими уж свободными и независимыми, но старались быть. Она им позволила говорить всё, что есть на самом деле. И это очень важная вещь, надо сказать.

И Сергей Дмитриевич пытается провести эту линию на то, чтобы разные точки зрения номинировались.

Я бы что здесь сказал, что мне понравилось в этой книге. Что экономика — важно, но есть вещи поважнее. И он об этом пишет здесь. Вот теперь уже совершенно очевидно, что культурные традиции, социокультурные особенности нации имеют большое значение, и это вы увидите в книге.

Мы живем в мире глубокого пессимизма не только в России. В России, наверное, особенно, потому что мы не знаем, что будет. Даже есть такая шутка последнего времени — мне ее рассказал один ответственный человек в МИДе. «— Резко в последнее время повысилась продолжительность жизни россиян. — А что такое случилось? Какая причина? — А просто все хотят узнать, чем кончится наш конфликт с Западом».

Так вот, я хочу сказать, что мы живем в такое время, когда мы не знаем, что будет. Что Трамп скажет? С кем встретится, с кем не встретится, кто наши враги, кто наши друзья? Всё перемешалось. И, в общем-то, царит глобальная неопределенность и очень серьезный пессимизм.

Бодрунов выступает активно против этого. И я считаю — это очень важно в период смятения умов и в период разброда и шатания. Что бы я сказал? Во всем мире это связано с теориями экономической политики, философии. Он предлагает величественную альтернативу. Альтернативу такую, что все люди на земле достойны жизни, права на жизнь, на свободу и материальное благополучие. И он указывает пути к этому.

И здесь как бы смещается угол зрения. Он показывает, что вот это — новая индустриализация, о которой он говорит, или новая экономика. Как его перевести на русский язык, слово «ноономика», я не знаю, это же тоже русское слово теперь стало, разумная экономика, что ли. Мне кажется, что вот его послыл.

Бодрунов: Разумное хозяйствование, там не будет экономики!

Гринберг: Ну, разумное хозяйствование, скажем так. Но «разумная экономика» тоже можно сказать, потому что вот я, например, адепт социальной рыночной экономики, знаю, что золотой век человечества, наверное, был и в СССР, и на Западе в 50–60-е годы, когда социальные лифты работали, когда был оптимистический настрой и работала налоговая система — социальное выравнивание от богатых к бедным. В общем, было это. Теперь, на новом витке истории, Бодрунов предлагает, собственно, вернуться к этой модели нормальной жизни, тем более что научно-технический прогресс предлагает такой выбор.

Сейчас в мире семь с половиной миллиардов человек, и все достойны жизни нормальной, и экономика дает возможности для этого, но неравенство зашкаливает. Бодрунов об этом говорит. Мне не нравится его выступление, где он резко выступил против введения прогрессивной шкалы

налогообложения, поскольку здесь у него выиграло, наверное, прежнее капиталистическое менеджерство.

Но я твердо знаю, что здоровое общество всегда — это социальное выравнивание. Если ты такой успешный, удачливый, ты должен делиться. И здесь нет никакой альтернативы. Все должны иметь право на образование, культуру, здравоохранение.

И он как раз об этом пишет сам, что, в конце концов, действительно, экономика должна быть не только социальной, но и умной, и гуманной. И я думаю, что вы получите удовольствие от чтения этой книги.

Про книгу Кейнса говорили: «В книге противоречиво, неаккуратно написано, но в общем — это гениальная книга».

Я не знаю, тянет ли книга Бодрунова на книгу Кейнса, но она очень близка по своему запалу. В общем, мы должны быть благодарны автору, что она есть. А я вам очень советую ее почитать.

Бузгалин: Спасибо, Руслан Семенович. У нас один микрофон на двоих здесь. Профессор Бодрунов обязательно поспорит со всеми, кто его сейчас будет критиковать, и со всеми, кто его будет хвалить. Поскольку иногда хвалят так, что лучше бы критиковали. Но я не про Ваше выступление, Руслан Семенович. Я совершенно не про это.

Мы продолжаем наш разговор о книге. Я рад, что здесь, как я уже сказал, Сергей Александрович Толкачев. Финансовый университет — это та структура, которая тесно работает с Вольным экономическим обществом России, с Институтом нового индустриального развития. И, я думаю, будет правильно, если мы сейчас послушаем профессора Толкачева.

Толкачев: Добрый вечер, уважаемые коллеги. Пока Сергей Дмитриевич выступал, я подумал, что наблюдаю своеобразный парадокс. Он, технарь по образованию, занимался техническими системами программирования, потом менеджерством, как он сам говорил.

Бодрунов: Ну, вообще-то еще параллельно защищал экономические диссертации, одну за другой.

Толкачев: Да, экономические диссертации, но они разные бывают. А вот собрались обсуждать его книгу одни политэкономы. Ну, вот Михаил Илларионович — он вообще главный политэконом Академии наук. Александр Владимирович — выдающийся политэконом. Руслан Семенович — великий политэконом.

Бузгалин: Как правильно расставил, можно расходиться!..

Бодрунов: Прошу прощения. Когда я первый раз в Российской академии наук докладывал о некоторых основах будущей книги (это было еще несколько лет назад), Руслан Семенович не даст соврать, сказал: «Ну вот, Бодрунов, он же был технический вроде специалист, а сейчас он вроде бы уже экономист». Рядом сидел Георгий Борисович Клейнер, член-корреспондент Российской академии наук, и он говорит: «Ну, надеюсь, не главный экономист?», а Руслан Семенович в ответ: «Нет, мы пока главнее»...

Гринберг: Пока — да, но после этой книги — уже всё!

Толкачев: Да, теперь уже за ним трудно будет угнаться. Но это, на мой взгляд, говорит о том, что человеку с трезвыми подходами, рационально мыслящему, с техническим образованием, уклоном, мышлением удалось идущие снизу закономерности реальной хозяйственной жизни, практики воплотить в некоей политэкономической конструкции. Политэкономов очень часто у нас упрекают, что мы занимаемся абстрагированием, оторваны от реальной действительности. Но Сергея Дмитриевича в этом вряд ли можно упрекнуть. Никак не получается. Тем не менее его книга посвящена таким вопросам, которым, я думаю, принадлежит ближайшее будущее.

Вот недавно один коллега сказал, что в Англии вдруг вышла книга с названием не «Экономикс», а «Экономи» — хозяйство. Еще немного, и они добавят слово «Политикал экономии», и будет то, чем занимается Сергей Дмитриевич. Правда, он уже далеко убежал от них — наверное, не догнать. Но это же говорит о том, что мир поворачивается от устаревающей экономической парадигмы, связанной с примитивной рыночной экономикой, которая была ухудшена глобализацией либо либерализацией начала 80-х годов.

Вот эти 40 лет неистовой либерализации, возврата к оголтелому рынку, представлению о том, что свободная рыночная экономика может всё решить лучше, чем разумный человек, чем нономика, — эти примитивные представления начинают отходить на задний план. И мы присутствуем при возрождении более глубоких и гуманных политэкономических подходов к осмыслению реальной действительности. И особенно отрадно, что вот в основе такого подхода в качестве экономического базиса лежит идея о реиндустриализации и о возврате к пониманию ценностей материального производства, промышленного производства.

Вот, например, в книге, здесь специальный параграф есть — «Миражи постиндустриализма». В настоящий момент в Америке определенные научные и организационные группировки ведут активную войну с все еще мощными сторонниками постиндустриальных воззрений. Постиндустриальных и одновременно таких вот, финансовых, как мы их называем.

Сторонники теории финансиализма и сторонники теории постиндустриальной экономики считают, что есть некая обособленно отделенная от материального производства сфера, новая экономика — так они ее любили называть очень часто, где возможны выдающиеся доходности, где помимо сферы материального производства можно зарабатывать огромные прибыли. Но мы сейчас видим, что это не что иное, как просто финансовые пузыри. Прибыли можно зарабатывать на исторически коротком отрезке. Все равно потом придется расплачиваться, расплачиваться всему обществу, что особенно обидно нам с вами всем. Поэтому фундаментальное значение, на мой взгляд, имеют идеи возврата к индустриальному мышлению, к тому, что новая индустрия, которая постепенно приходит на смену старой индустрии, не только является средой сосредоточения новых инноваций, новых подходов. Она и дает возможность человеку проявить себя как человека разумного. Она, именно эта индустрия, позволит раскрыть человеку себя — как человека, который может реализовать свои знания, способности. Человека, который свободен в своем выборе, и так далее, поскольку меняется не только технологическая составная часть индустрии, меняются и формы ее организации.

Индустрия становится более компактной, более емкой, более доступной к инновации. В ходу такие термины, как, допустим, «новое ремесленничество». Когда люди с креативным мышлением могут заниматься конструированием и, собственно, производством пока чего-то не очень сложного, но тем не менее — законченных промышленных изделий. Какие-нибудь стулья на первых порах возможно делать не на крупных фабриках, а на мелких предприятиях. Буквально, если хотите, в какой-нибудь квартире отдельной, в доме. И сообщество таких новых ремесленников в Америке активно развивается. И они активно используют на внерыночной основе, не вступая вот в эти товарообменные отношения, патенты, ноу-хау, технологии, которые распространяются по электронным сетям.

Это — гигантский вызов для всего будущего индустриального ландшафта, для очень многих сложившихся промышленных предприятий, для многих таких промышленных «динозавров». И об этом надо сейчас задумываться, надо такие вопросы ставить, в том числе нам,

в России, когда мы разрабатываем стратегию реиндустриализации экономики.

Ну и, наверное, в заключение сделаю такой комплимент Сергею Дмитриевичу, но не только ему лично, а и Комитету по промышленности Санкт-Петербурга, его любимого города. Мы в Финансовом университете недавно завершили исследования, посвященные конкурентоспособности региональных экономических систем в условиях цифровизации. И отобраны были несколько наиболее развитых в промышленном отношении именно по обрабатывающей промышленности регионов Российской Федерации в каждом федеральном округе. И Санкт-Петербург занял там уверенно первое место.

Бодрунов: Спасибо! А между прочим, когда я пришел в Комитет, был кризис 2009 года, начало кризиса. Помните, конец 2008-го — начало 2009-го? Когда я пришел работать, в январе 2009-го к декабрю 2008-го до 86% провалилась промышленность. Потом еще провалилась на 20%. А потом, к концу года, мы сумели вырулить, а потом создали Концепцию развития городской промышленности, чтобы дальше развиваться. И она сегодня, определяя Программу развития городской промышленности, работает.

Да, и я еще добавлю напоследок, что успех промышленности Санкт-Петербурга заключается именно в цифровизации. Они — лидеры по цифровизации промышленности нашей.

Нужно здесь сказать, что работало там много, огромное количество людей. У нас была рабочая группа создана при моем участии, понятно, в Комитете. Мы убеждали губернатора, что в условиях кризиса нужно позволить сокращать людей в промсекторе и создавать соответствующий малый бизнес, в том числе — и в промышленности, куда бы эти люди пошли. Сколько и чего поддержать, как, в том числе — для малых предприятий, — писали огромное количество документов вначале. Работали для того, чтобы эту программу не просто написать. Надо было убедить в ее правильности людей, которые были в другой парадигме мышления. И в этом плане пришлось какие-то вещи, конечно, делать жестко, где-то, может, и на скандал пойти. Но это уже практическая работа, никуда не денешься. Если ты взялся за гуж, то не говори, что не дюж. Сказал, что нужно теоретически выстроить вот так. Практически — написал программ, и теперь должен за нее бороться. А в Правительстве одних комитетов 36. И у каждого — свои интересы. Но ничего, мы промышленность сумели поддержать.

Мне кажется, что сыграл важную роль большой момент, важный в Концепции, которую мы прописали, — мы дела-

ли ориентир на то, чтобы через 5–7 лет у нас появились новые промышленные предприятия — предприятия нового индустриального сектора. Там был переход четверки секторов из старых рынков, старых технологий в новые рынки, в новые технологии, и определено, каким путем «ходить».

Так вот, это было очень важно. Начали создавать и поддерживать новые петербургские институты, искать инструментарий и давать предприятиям. Создали Промышленный совет, в частности. Был нами подготовлен закон Санкт-Петербурга и принят Законодательным собранием «О промышленной политике», куда мы в числе специальных инструментов включили, например, Промышленный совет. Он 50 на 50% состоит из представителей Союза промышленников и других промышленных ассоциаций, с одной стороны, и чиновников, отвечающих за те или иные экономические решения в городе. Возглавляет его губернатор, и раз в квартал основные проблемы промышленности выносят предприятия консолидированно на этот Совет для того, чтобы включить в городские программы, изменить какие-то решения городской власти в пользу того, что необходимо промышленности.

Это — практическая работа. Но она, базируясь на четкой индустриальной Концепции, мне кажется, тоже может давать результаты, если правильно направлять в ту сторону, в которую я обычно стараюсь направить.

Бузгалин: Спасибо, Сергей Дмитриевич. Спасибо, профессор Толкачев. Здесь уже сказали, что есть великие, выдающиеся и просто политэкономы. Вот я сейчас хочу предоставить слово главному политэконому Института экономики Российской академии наук, доктору экономических наук, профессору вообще всей Академии.

Толкачев: Вот ведь кто главный экономист!..

Бузгалин: ...Всей Академии наук, Михаилу Илларионовичу Воейкову. К тому же Михаил Илларионович очень интересную, большую работу ведет в Вольном экономическом обществе России, или, точнее, начал ее вести, связанную с историческим наследием экономического мышления, экономической теории в нашей стране. Пожалуйста, Михаил Илларионович.

Воейков: Спасибо.

Книга Сергея Дмитриевича, конечно, очень заметное явление. Я вообще сейчас книг много посмотрел. Мы ходили по этой выставке и посмотрели кучу книг. Все прочитать их просто невозможно. И по экономике выходит тоже масса книг. Берешь какую-нибудь книгу ученого известного — и какая-то заумь там. Половину не поймешь, половину пой-

мешь, но думаешь — а чего он хочет, автор? А вот эта книга написана великолепным человеческим языком. Все понятно, потому и ставить вопросы можно.

Бузгалин: Все понятно даже профессору, да?

Воейков: Да, сейчас многие книги — ничего не поймешь, что пишут. Ставят вопрос. А зачем? А почему? А что дальше будет? И вообще, когда я читал эту книгу, там много таких интересных вещей, которые сразу не понять, но если начинаешь вдумываться — понимаешь.

Например, есть где-то в середине книги, что на одном и том же аддитивном оборудовании — в принципе поменьше только экструдер — можно произвести и туфли, и блинчики, и таблетки, и посуду. Понимаете, когда я читал такие места, мне вспоминались романы Жюль Верна. Кейнс тут уже отдыхать может. Руслан Семенович называл Кейнса, а вот я — Жюль Верна.

Целый цикл всяких моментов книги напоминает фантастику Жюль Верна. Но дело в том, что практически все, о чем писал Жюль Верн и что казалось фантастикой в конце XIX века, через 10, 20, 30 лет стало реальностью. Вот я и думаю, не знаю, бояться или радоваться надо, что там то, что написано у Сергея Дмитриевича, может через какое-то время стать реальностью. И вот если действительно у меня будет дома стоять это аддитивное оборудование. Что будет делать наша промышленность — и вообще, куда денется экономика? И Сергей Дмитриевич пишет, что она исчезнет, будет новый способ.

Главная мысль, которая пронизывает всю книгу, — мне кажется, она очень хорошо, четко сформулирована, емко. Пишет Сергей Дмитриевич: «В воздухе летает предчувствие глубоких перемен. Мы наконец-то подошли к пределу эффективности существующей парадигмы развития». Об этом много говорят сейчас. Эта модель — не только российская, но и вообще европейской цивилизации. Что дальше будет? Потому что вот так, как сейчас живет цивилизация (европейская, понятно, затянута и другие страны), согласен с автором — так долго не протянется. Там много проблем, вы сами знаете без меня.

И Сергей Дмитриевич пытается ответить на эти вызовы времени. И очень интересно отвечает. Например, такую фразу он пишет: «Человечество стоит на пороге одной из самых важных развилки своей истории. Либо поворот к столетнему разумному, либо путь в тупик, в технотронное общество, где элита удовлетворяет безмерно растущие, преимущественно симулятивные потребности». После вот этих фраз — там целая глава по этому поводу. Напомнило в чем-то «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса.

Тут — масса вопросов, даже тут уже появляется вопрос. Например, если человечество подошло, уперлось в какой-то тупик и не знает, куда идти, тут уже вопрос, если человечество понимает, что это тупик. Сергей Дмитриевич понимает, что это тупик, но он знает, куда идти, и он показывает, куда надо идти. Надо «делать» нормального человека. Саморазвивающегося человека. Вот что он пишет: «Нам надо верить в человека, быть оптимистом». Почему? Потому что в нем, в человеке, есть качество осознавать себя постепенно, все больше и больше как личность, как нечто такое, что не базируется только на материальных вещах. Это, конечно, и «Манифест коммунистической партии», но это — и путь человечества в будущее. Причем — в хорошее будущее.

Но. Теперь — вопросы дискуссионные. Я говорил, что в книге много вещей, которые порождают у меня вопросы. Желание дискутировать, и я пару таких дискуссионных моментов назову.

Вот в середине книги он пишет: «Новая структура экономики, новые компьютерные интернет-технологии, индивидуализация производства, возрастание роли отдельного работника — все это должно было стать и отчасти стало основой сокращения роли государственного регулирования экономики». Но где, Сергей Дмитриевич, Вы увидели сокращение роли государства?

Бодрунов: Я говорю о тренде. Глобальном.

Воейков: Но не стало полностью?

Бодрунов: Нет, конечно, на данном этапе. Сейчас — переломный период, в такие периоды происходит усиление государства. Я об этом в одной статье писал года еще четыре назад.

Воейков: Да, пока не стало. Более того, сейчас, возьмите книги лауреатов Нобелевской премии по экономике, американцев. Они все в один голос пишут, что все: где мы живем, что мы едим, где мы отдыхаем — все определяет государство. И недавно я вычитал в одной американской книге, понимаете, министерство сельского хозяйства в США выпустило норматив, сколько в замороженной пицце должно быть мяса — 10%, не меньше.

То есть где рынок? Где в США рынок? Обычно в учебниках по экономике пишут: если потребитель не отказывается и покупает, значит — хорошие продукты питания. Государство уже так влезло в экономику, что от рынка там мало что остается. Причем у Вас сужение рыночного механизма там тоже есть в книге, там это тоже прописано, не очень, может быть, четко, но ясно, потому что эти новые

технологии, они ведут к тому, что рынок угасает.

Верно сейчас говорят: цифровая экономика, многие о ней говорят, а даже не понимают, что такое — цифровая экономика. А это — народно-хозяйственное планирование. Те экономисты, которые в 20-х годах составляли у нас баланс народного хозяйства, они прямо так и писали: надо оцифровать соотношение на спрос, наши потребности и ресурсы. Перевести все в цифры. Вот что такое цифровая экономика — это народно-хозяйственная. Вот надо, говорят, цифровую экономику, «умный город», «умный дом». Давайте сделаем «умную экономику». То есть рыночную экономику оцифруем, и уже будет народно-хозяйственный план.

Я бы еще с одним моментом поспорил.

Бузгалин: Михаил Илларионович, только в течение одной минуты. Потому что критика не поощряется. Шучу. Потому что регламент существует.

Воейков: Вот это самое — диалектика. Да, вот есть очень интересный момент — пути развития и вот этих высоких технологий, и всего прочего. Мне кажется, Сергей Дмитриевич, Вы пишете о том, что человек все более становится универсальным, он — всеядный, может разобраться во всех, многих вещах. В принципе, с одной стороны, это так, но с другой — мы видим, что идет специализация, детализация.

Вот возьмите раньше, там, в XIX веке был один земский врач, который лечил все подряд, всех людей и все болезни. А сейчас же — куча специалистов, врач «ухо, горло, нос» — он не будет вам лечить эндокринные железы, и все наоборот. Идет детализация и специализация, поэтому человек все больше и больше замыкается в своей узкой профессии. Может быть, это плохо, но пока это так.

Бодрунов: Всё так. И унификация, и специализация — всё наблюдается. Но смысл-то в том, что человеку дано всё познать. Об этом речь...

Воейков: Ну и — последнее, что бы я хотел сказать. Я уже говорил, что надо быть, цитирую Сергея Дмитриевича, «надо быть оптимистом, верить в человека». И мне кажется, что надо верить. Сергей Дмитриевич Бодрунов пишет целый ряд очень интересных книг, перекрывая широко, и, его читая, совсем можно забыть и про книги Жюль Верна, и про «Манифест коммунистической партии».

Бузгалин: Спасибо, Михаил Илларионович, в том числе за такой замечательный политэкономический юмор. А сейчас мы от всяческих выдающихся и самых главных политэкономов перейдем в сферу не менее выдающихся и не менее главных специалистов в области социально-экономического развития. Сергей Николаевич Бобылев, кроме всего прочего, один из руководителей докладов о развитии для Организации Объединенных Наций и так далее и тому подобное.

Бобылев: Уважаемые коллеги, сразу должен сказать, я, если узкую сферу брать, экономист-эколог и не принадлежу к этим замечательным выдающимся политэкономам, которые сидят за этим столом, и абсолютно в этом твердо уверен. У меня несколько другая специализация, которая дает мне некое преимущество.

На самом деле, я мог посмотреть на обложку книги и дальше ее не читать. Но хочется говорить: какая замечательная книга! Потому что я более 30 лет, когда на первые лекции прихожу к своим студентам, я им всем говорю, значит, был Вернадский, была ноосфера, человечество стало геологической силой, в чем мы убеждаемся каждый раз все больше и больше. Но мы, скорее, это техносфера и тропосфера, такая некая пока антиноосфера, к сожалению.

Тем не менее термин мне близко знаком, я его очень люблю. И когда я вижу, что вот есть попытка концептуального пересмотрения экономики на основе разума, как говорил Вернадский — сферы разума, то, конечно, я мог бы сказать, что это абсолютно замечательная попытка, и что бы в этой книге ни было бы написано, я горячо ее поддерживаю. Не только обложку, книгу я тоже прочел. Мне показалось, что в ней содержится ряд принципиальных вещей, которые находятся в центре внимания не только нашего российского сообщества, но и мирового сообщества, и на которые нет ответа. На самом деле, кто виноват — как бы более-менее понятно, но что делать в рамках всей нашей планеты — не очень понятно. Здесь, мне кажется, Сергей Дмитриевич пытается дать очень конструктивные предложения, что же все-таки делать, в каких направлениях идти. И это, я повторяю, не только проблемы российские, это — проблемы общемировые.

А другой сюжет, опять же я обращаюсь к книге, его и Сергей Дмитриевич употреблял во вступительном слове. Он говорил о Стиглице и ВВП — это есть в этой книге, потому что чем дальше, тем я больше убеждаюсь, что если мы не сможем менять приоритеты развития, то это ни к чему хорошему не приведет ни цивилизацию, ни Россию. Мне кажется, вообще замечательное название у книги лауреата

Нобелевской премии Стиглица — «Неверно оценивая нашу жизнь». На мой взгляд, к этой книге тоже, Сергей Дмитриевич, можно было сделать такой эпиграф, что мы тоже как-то все и меряем неправильно, и двигаемся куда-то не туда. То есть модель — явно ущербная, надо что-то делать.

Жаль, мало времени, так как Александр Владимирович строго сказал, что я последний, а последнему, всегда так получается, нужно говорить короче. А есть много мыслей.

К примеру, мне кажется (по крайней мере — с точки зрения традиционных экономических терминов), важно — что мы говорим о факторах, о видах капитала.

Конечно, очень сильная часть, связанная с физическим, или искусством. И эта вся тема реиндустриализации России, на мой взгляд, очень мощная. Об этом уже немного сказано другими. Но, мне кажется, мои коллеги недостаточно говорили, что есть еще одна сильная часть, которая касается человеческого потенциала, мне этот термин больше нравится, чем «творческий капитал». На самом деле — это знания и культура. В этой книге есть очень интересный термин, который, честно говоря, встречаю впервые, может, я просто не так много читал в области политэкономии. Знаниеёмкость.

Бузгалин: Нет, это термин Бодрунова.

Бобылев: И, на мой взгляд, кстати, еще важная вещь, и Сергей Дмитриевич скромно говорит, что кто-то на каком-то форуме сказал про «крест Бодрунова». Я уже не помню, кто это название прописал, но вот эта кривая знаниеёмкости — это, на мой взгляд, очень сильный сюжет в книге, связанный с человеком.

Следующий, еще более значимый фактор. На мой взгляд, сюжеты, которые показаны в видеопрезентации, всё, связанное с термином «экологические вызовы», — исчерпание ресурсов, дефицит ресурсов, вот это тоже все — на самом деле и общечеловеческая проблема. И как раскрыта!

И совсем в заключение: обратите внимание на десятую главу, связанную с Россией. Очень хорошо, что здесь состав такой. Я даже не знаю, стоит говорить или нет про «Манифест», но все мы — из советской школы политэкономов. Я вспоминаю, кажется, Смагулов говорил, что плох тот политэконом, который не придумывает два всемирных закона за год. Вообще советско-российской политэкономии присуща очень важная отличительная черта — такой вот мировой характер: понять, что делается. В связи с этим хотел бы сказать (по-моему, во введении Сергей Дмитриевич об этом говорит), что России не так-то много внимания уделяется. И последняя глава, мне кажется, в данном случае —

принципиальный вопрос, что мы либо производящая (в терминах Сергея Дмитриевича), либо обслуживающая страна. И на самом деле все сюжеты на этом здесь увязаны. Вот я тоже не вижу этого нигде, ни у кого, хотя я часто слышу членов правительства, которые говорят: ну, ребята, все нормально, надо потерпеть, а так все более-менее хорошо.

Если без резких эпитетов, то есть так, как в научной среде говорят, — все это экспортно-сырьевая экономика. Уже лет 10 дурной тон говорить, что она в тупике, себя исчерпала. И все равно каких-то внятных, новых моделей я, честно говоря, у наших правительств не видел. И в связи с этим, мне кажется, все ценные сюжеты в книге связаны с попыткой предложить России новые пути развития, новые модели.

Конечно, Руслан Семенович говорил, что с ними можно и поспорить. Но в концептуальном плане (я, так сказать, человек, очень полюбивший термин «ноономика», и в этом плане ноономика — это цель) я целиком поддерживаю этот термин и те вот концептуальные основы, которые заложены Сергеем Дмитриевичем в этой книге.

Бузгалин: Спасибо, Сергей Николаевич. Бойтесь того, кто говорит, что у меня очень мало времени. Я буду краток. Ну что, 10 минут состоялись, и это было действительно очень важное выступление. Уважаемые коллеги, участники встречи, я думаю, будет очень важно, если профессор Бодрунов прокомментирует и позитивные, и негативные вопросы. Ну, не негативные, я бы сказал, а дискуссионные моменты нашего сегодняшнего диалога, поэтому, Сергей Дмитриевич, пожалуйста, Вам слово. Если можно — 10 минут.

Бодрунов: Александр Владимирович, ну как мне рассказать про новую концептуальную платформу за 10 минут, идею новой книги? Только 12, никак не меньше!

Бузгалин: Хорошо.

Бодрунов: Значит, уважаемые коллеги, я попробую ответить на те вопросы, которые прозвучали. Спасибо за них. Я думал, что вопросов будет больше.

Идеи, которые в основе книги, зрели многие годы, более 10 лет, а кое-что — и 20, и 30. Но писалась эта книга всего три месяца. И там поэтому наверняка масса недосказанности. Писалась она быстро почему? Скажу откровенно, я писал эту книгу, не представляя, что она вызовет особый интерес, и фактически как пособие, расширяющее доклад мой Конгрессу СПЭК 2018 года. У меня был через четыре месяца наш Санкт-Петербургский экономический Конгресс, и надо

было успеть написать и сдать текст в типографию.

А тут меня еще избрали в Вольное экономическое общество, поэтому возникли дополнительно всякие мероприятия и надо было по ночам это писать, поэтому не все получилось гладко, как хотелось бы, и поэтому будет второе издание книги.

Английский вариант книги — он уже чуть-чуть подработан, а этот, русский вариант будет доработан, будет следующее издание, надеюсь, там все эти вещи будут больше учтены. Кроме того, появился за лето ряд новых статей, которые раскрывают те проблемы, которые я не сумел, извините, «впихнуть» из-за нехватки времени в эту книгу, потому что надо было думать, на ходу формировать, писать, а времени не хватало. В том числе это будут и ответы на некоторые сегодняшние вопросы, в упреждение как бы. Но, я думаю, некоторые вещи освещу во втором издании, а кое-что «зацеплю» сейчас в выступлении.

Вот смотрите, Руслан Семенович интересно выступил. Что мне в его выступлении понравилось? «Кукушка хвалит петуха», помните? Руслан Семенович вообще-то — мой постоянный «лицеприятный», но тем не менее — критик. Он постоянно работает с нашим Институтом нового индустриального развития, он постоянно бывает у нас на семинарах, часто выступает. И не просто так выступает «проходным способом», он выступает по делу всегда и, выступая, говорит о каких-то проблемах, после этого я начинаю снова думать, задумываться. Вот сказал Гринберг — проблема такая-то, что-то ему неясно, а я подумаю — и начинаю писать статью. Так что в этом плане мнение Руслана Семеновича сбросить со счетов нельзя. Поэтому, когда мои работы читает Руслан Семенович, смотрит, слушает и критикует, мне очень комфортно. Так что я благодарен за то, что Руслан Семенович сегодня, несмотря на все пробки, смог приехать. И сразу отвечу на его вопросы.

Культура. В моих первых работах я мало писал о культуре, потому что не особенно задумывался над тем, что может быть ограничителем вот тех самых негативных проявлений экономического развития, которые есть. Попытки осмыслить эту ситуацию привели к тому, что я начал читать профессора Бузгалина и особенно — профессора Булавку-Бузгалину. Есть у нас и такой коллега. Сегодня Людмила Алексеевна здесь не присутствует, но они оба занимаются креатосферой, профессор Булавка занимается вопросами культуры, и я принял для себя очень важную вещь, для меня она стала императивом. Я понимаю так, что до того момента, пока человек сам себя не «перевоспитает», то есть не достигнет какого-то понимания проблем, каким образом можно использовать то или иное дело, любое достижение разумно, до тех пор он может его использовать неразумно, принося ущерб другим.

Я приведу простейший пример. Возьмите каменный век. Придумали каменный топор, можно рубить кусочки мяса, а можно зарубить соседа. Пока человек не осознал, что соседа зарубать не надо, до тех пор это могло быть использовано так, и сейчас чаще используется в другом, позитивном плане.

Атомная бомба — такой же каменный топор, только ядерного века. И если использовать ядерные технологии для того, чтобы добывать электроэнергию, — это одно, а для того, чтобы бомбить Хиросиму, — это другое. Значит — надо осознать, в конце концов, что один раз отбомбили, попробовали — страшное дело! И заключили массу соглашений. Об ограничении! До Карибского кризиса это тоже была проблема, и кризис показал, что вообще-то договориться можно, когда клюнет в голову жареный петух, как использовать технологии.

Сегодня технологии, которые переходят на следующий этап, — это гораздо более мощные технологии и по своему потенциалу позитивному, и по своим разрушительным возможностям воздействия на цивилизацию. Поэтому должен быть ограничитель. Вот таким ограничителем я считаю воспитание человека, культуру в широком смысле слова — не поп-культуру или гоп-культуру, а культуру в том смысле, в котором мы с вами культурные, цивилизованные люди. Я думаю, больше пояснять не надо. До тех пор, пока мы не найдем внутри себя ограничитель, который позволит нам не использовать во вред себе и другим то, что дает нам цивилизация, то, что дает нам прогресс, до тех пор мы рискуем использовать эти достижения не по разумному назначению, и при этом риски возрастают. Вот о чем я хочу сказать.

Я еще раз кое-что скажу о рисках. Вот смотрите, уважаемые коллеги, слайд, где масса всяких вещей, которые говорят о том, к чему мы движемся и как мы сегодня неразумно используем достижения научно-технического прогресса в своем развитии. Здесь я взял данные, поскольку готовил их для Кембриджа, международные, в Global Footprint Network, свел в ряд таблиц для наглядности изложения. Это — организация, которая исследует, мониторит ситуацию с экологией. Она, эта организация, придумала две вещи. Первый термин — «экодолг» и второй — «эко-след». Экодолг — это период времени, за который Земля может восстановить тот ущерб экологии, который наносит человечество за год своей жизнедеятельности — они измеряют его в днях. Эта организация ежегодно объявляет «день экодолга» — дату, до которой человек исчерпывает экоресурс, восстанавливаемый за год.

Вот составлена таблица. Мы видим, как у нас идет процесс нарастания. У нас сейчас экодолг составляет уже 160 дней, а ведь еще в 1969 году экодолга не было. Вот

с такими темпами мы быстро-быстро уничтожаем нашу планету. И это — при помощи новых технологий и неразумного их использования. Долго рассказывать, как это считалось, но это действительно большая-большая работа — 180 с лишним параметров.

Я сейчас расскажу о другом параметре, Руслан Семенович, коротко. Это — экослед. Экослед измеряют в глобальных гектарах. И экодолг можно определенным образом переводить в экослед. И вот я еще одну таблицу вам покажу, которую я смог составить. Уважаемые друзья, посмотрите, это у нас — экослед на одну душу живую.

Кто у нас в мире больше всего засоряет? Ну, Катар, потому что они используют технологии для опреснения воды, которые резко смещают эти параметры, а вот — Соединенные Штаты, Германия, Франция. Россия недалеко ушла, но у нас еще экослед нулевой. То есть то, что мы «загадили», «наследили» за год, наша природа еще успевает восстановиться. Но не потому, что мы такие хорошие, а потому что те технологии, которые используют другие для повышения ВВП, мы еще не научились активно использовать. И, во-вторых, конечно, важнее другое — у нас огромная экологическая ниша, нам Господь подкинул такую терри-

торию с такой землей, которая позволяет какие-то вещи в сегодняшних технологиях не добывать до конца.

А вот что касается всей планеты — 1,75 показатель. Отсюда какие вещи приводятся? Например, если бы каждый житель планеты жил бы так, как наш россиянин, то человечеству потребовалось бы уже каждый год 2,5 планеты. Хорошо, что есть другие страны, которые меньше, чем мы, используют ресурс земли и у которых ниже экослед. А если все захотят жить, как американцы или европейцы, — очевидно, мы задохнулись бы, исчерпав экотовности Земли буквально за несколько лет.

Вторая ситуация — человечество прирастает на 80–85 миллионов человек каждый год, и темпы потребления в мире, во многом — нерационального потребления, симулятивного потребления, растут на проценты, ежегодно составляя экослед в десятки процентов. Но даже если мы остановим прирост населения и оставим сегодняшний уровень потребления и уровень, соответственно, экодолга и экоследа, через 30 лет нам потребуются без малого три планеты, которых нет.

Вот пример того, как мы сегодня движемся туда с помощью нашего великого технологического прогресса, позволяя ему работать — на что? На нерациональное потребление, то есть на тот ВВП, который не создает для людей благо, а приближает нас к такого рода катастрофе. Так что, на всякий случай, мы должны это понимать и воспитывать

в себе другое сознание. Потому что, если на это не посмотреть и это не оценить, то в этом случае мы можем до пенсии, которая теперь будет в 65 лет, и не дотянуть.

Следующее — социальное выравнивание. Руслан Семенович об этом сказал. Социальное выравнивание, я считаю, коллеги, — это очень важная задача. Мы даже с Гэлбрейтом-младшим написали небольшую брошюру-книгу по этому поводу. Он рассказал, что он видит, как он понимает социальное выравнивание, каковое должно быть в сегодняшней экономике. А я попытался написать, что должно быть сделано, с моей точки зрения, в экономике будущего, ближайших десятков лет.

Мы читали лекции по этому поводу в Плехановском университете, в других университетах России. И он взял эту книгу, она у него на английском языке тоже есть, в Соединенные Штаты. У нас есть некоторое понимание. В чем мое понимание? Мое понимание в том, что равенство, достижение большего равенства — это достижение большей доступности ко всем благам, которые цивилизация может дать. Если доступность есть, никого не колышет, у кого сколько денег. Главное, чтоб за свои деньги человек мог получить максимум благ, понимаете?

Это — важнее гораздо, чем политические вещи в отношении так называемого социального равенства, помощи бедным и нищим и так далее. Все эти призывы и кликушества замечательны с точки зрения политиков, и я, конечно, считаю, что, если человек сегодня нуждается, он должен получать пособия и все необходимое, но глобально разве мы решим эту проблему как-нибудь иначе, если не технологическим путем? Вот у меня в кармане гаджет, у всех есть, — сколько в нем сегодня функций? Огромное количество: начиная от телефона, заканчивая часами, телевизором, интернетом, которого 20 лет назад не было вообще, и так далее и тому подобное. И стоит это все для каждого из нас 100 долларов — этот гаджет, и плюс 20 долларов или 50, кто сколько наговорит, в месяц. Это — доступно.

А 20 лет назад, чтобы купить отдельно телефон, поставить телевизор и прочее, и прочее, надо было иметь блат, деньги, что-то еще, потому что стоило все вместе по оценке, которую мы тоже делали, от 10 и более тысяч долларов и было большинству недоступно. Пришли технологии — возникла доступность. Выравнивание.

Вот понимаете, что такое технологический прогресс с этой точки зрения и как он позволяет увеличить доступ к благам? И только таким образом, не возбуждая общество, можно прийти к большему, подчеркиваю, социальному равенству. Не денежному, а по доступности благ. А вовсе не

популистскими наскоками бедных на богатых, по принципу «отобрать и поделить». К слову, и отобрать будет непросто, и поделить по справедливости не получится.

То же самое касается образования. Нас сегодня, в погоне за этой коммерциализацией, образование загнали неизвестно куда, за Можай. Начали потихоньку восстанавливать, вроде какие-то идеи появляются. Приведу собственный пример о доступности. Мы вспомним советское время. Руслан Семенович, я родился в деревне, я учился в райцентре, где было две школы всего, с трудом там учеников размещали. Я тем не менее написал контрольную, заявление, свои бумажки подал в ВЗМШ. Знаете, что такое ВЗМШ? Помните, да? Это было — супер! Это — Всесоюзная заочная матшкола при Московском университете. Да! Я был принят! И к преподавателям Московского университета я, деревенский пацан, получил этот доступ, и писал контрольные, какие надо, и меня вызвали в лучший вуз страны. Сейчас я без слез не могу это вспомнить.

Невозможно это сегодня. Почему? Потому что необходимы какие-то вещи: деньги на дорогу — туда-сюда, за книжки, заниматься дорого. А интернет-доступ к образованию, через удаленные сети, улучшает ситуацию. Возможность развития этих технологий может привести к возвращению на те правильные круги, которые позволят людям иметь больший доступ к образованию. Причем методы образования могут поменяться, и это тоже очень важно. Вот что важно сегодня для того, чтоб было равенство. Что касается конкретно прогрессивной шкалы налогообложения, я за то, чтобы было разумное зерно в отношении взимания налогов, и лучше — не с дохода, а с потребления. Я не говорю уже о том, что и сегодня уже и так вообще-то облагаются доходы налогом на роскошь — это правильно, это нормально, и так далее.

Я — не фантазер, я — прагматик. Я понимаю, что, с одной стороны, по данным некоторых институтов, если взять первых 50 тысяч человек, которые получают больше 1 миллиона рублей, то остальные получают меньше. Если и 50% «влупить» этим 50 тысячам налог подходящий, то первое — мы получим плюс какой-нибудь 1% к нашему бюджету. Мы много проблем решим за 1% к бюджету? С точки зрения политической, социального взгляда это сделать — будет красиво. Плати, буржуин, елки-палки, так сказать. Но денег-то все равно «для равенства» не хватит.

Второе, а как вы думаете, те люди, которые реально зарабатывают эти деньги, в большинстве своем — глупцы? Нет. Они уведут эти деньги в другую сферу, они переведут их из личного потребления в другое потребление, и так далее и тому подобное. И это решение в итоге ничего не

даст. Масса налогообложения общая — снизится, процент — увеличится, а результат — будет тот же самый, и даже 1% не получится. Вот почему я так говорю. Не о том, что мое предпринимательское прошлое меня так терзает, а о том, что мое будущее меня терзает.

Мы говорим о том, что ноономика — это хорошо впереди, а что сейчас? Сейчас — реальная экономика. Я говорю, в наших докладах в том числе, о необходимости технологического форсажа, который должен базироваться на финансовом форсаже, об этом мы говорили на одном из наших семинаров в ИНИРе. И если мы сегодня говорим о том, что нужен финансовый форсаж — то это в том числе и инвестиции. И, возможно, именно и преимущественно — инвестиции! И инвестиции в том числе и тех людей, которые имеют эти инвестиции в руках. Так мы должны не пугать инвестора, он пуглив, этот инвестор. А, наоборот, создавать нормальные условия, чтобы он понимал, что есть такая твердая и стабильная шкала налогообложения. Ему это выгодно? Выгодно. И если он не против, когда подняли до 20%, значит — это ему выгодно. Но если за рубежом он может получить 15%, а у нас будет 20%, то будет производство не у нас, будут инвестиции не у нас. Мне кажется, что взвесив все эти вещи на весах, надо понимать, чего такого сейчас реально стоят вот эти все популистские лозунги. И их неудивительно слышать от политэконома, конечно, но было бы странно слышать от меня, реалиста.

Я еще раз повторяю, я — не фантазер, я — реалист. Сергею Александровичу ответу по поводу будущего и по поводу настоящего. Когда я написал о НИО.2 и доложил в первый раз, коллеги, которые были, мне сказали, что это — фантазии, один встал прямо и говорит: «Фантазер». А сегодня уже трудно поверить, что такое было 5–7 лет назад, когда я впервые говорил, что те вещи, о которых я говорил, выглядят фантастически. Сегодня они — уже реальность. Уже!

Если же говорить о финансиализации, то вот это — очень важный момент, который Сергей Александрович подметил. Почему, коллеги, вообще происходит в мире то, что происходит? Почему это — так, а не по-другому? Я вижу корень зла в том, что человечество в своем развитии достигло ситуации, когда в силу своих желаний быстрее получить доступ к потребностям оно перешло от производства продукта с использованием денег к получению денег с использованием продукта. То есть поменяли модель «товар — деньги — товар» на модель другую: «деньги — товар — деньги».

И сегодня читаем первый пункт нашего Гражданского кодекса — о том, что должно делать коммерческое — производственное, подчеркну! — предприятие. Получать прибыль, а не удовлетворять потребности людей. Мы — что, прибыль едим? В прибыль одеваемся? Нет. Но — почему

поставлена во главу угла другая задача и она постепенно съедает нас всех? Потому что ради прибыли, как кое-кто из классиков говорил, капиталист продаст родную мать. Ну, у нас продают родную природу, рубят лес, который везут в Китай, расхищают рыбные ресурсы, тащат в Корею, Японию, везут куда угодно, показывают это по телевиде-

нию. Все — ради чего? Ради этой самой прибыли.

Так что финансиализация — корень этих всех зол. Это тоже важный момент, надо понимать. И технологический прогресс, именно он, остановит эту финансиализацию.

Я могу долго рассказывать, но не дает Бузгалин говорить. Я Воейкову только собрался отвечать. В первую очередь — о государстве, о государстве и революции, о его роли, точнее, ее изменении в ходе научно-технологической революции, которую мы переживаем, и в ходе трансформации общества в процессе перехода к нооэкономике; я об этом уже статью даже подготовил. И там речь идет о качественных изменениях самого института государства, о его грядущем уходе из функции регулирования хозяйственной деятельности, из экономики, которая превратится в нооэкономiku, свой антипод, и государство в этой части «отомрет», как говорили ленинисты; но я утверждаю, что в другой части — регулировании иных, неэкономических интересов членов общества оно, или его аналог, останется, и на обозримом этапе эта его роль усилится. Вот так, мне кажется, надо — дифференцированно смотреть. Причем — это тренд, а в текущие моменты, особенно на сломех экономического общества, его роль как экономического регулятора, может

и усиливаться, и слабеть. Это — если сверхсжато.

Уважаемые коллеги, если кто-то захочет услышать ответы более развернуто и полно, приглашаю всех — у нас будет Санкт-Петербургский экономический Конгресс в апреле 2019 года.

СОБЕСЕДНИКИ

Sergey Dmitrievich Bodrunov,

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, expert of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Alexander Vladimirovich Buzgalin,

Professor Emeritus of the Moscow State University, Head of the Moscow branch of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, Vice-President of the VEO of Russia

Ruslan Semenovich Greenberg,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the VEO of Russia

PRESENTATION OF THE BOOK NOONOMY*

Sergey Alexandrovich Tolkachev,
*First Deputy Head of Department of Economic Theory, Financial
University under the Government of the Russian Federation, Doctor of
Economics, Professor;*

Michael Illarionovich Voeikov ,
*Head of the Political Economy Sector of the Institute of Economics of
the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor;*

Sergey Nikolaevich Bobylev,
*Head of the Department of Environmental Economics, Moscow State
University, Doctor of Economics, Professor*

Buzgalin: So, we begin the presentation of the book by the scientist, professor, doctor of economics and director of several organizations Sergey Dmitrievich Bodrunov. Historically, the first major scientific organization headed by Sergey Dmitrievich is the Institute of New Industrial Development named after Sergei Yulievich Witte. In short, INID. The institute, which for a long time has been theoretically asserting with every fact available to it the need for the revival of the country's material production, on the basis of high tech and integration with science, culture and education.

The second organization currently headed by Sergey Dmitrievich Bodrunov is the Free Economic Society of Russia. Sergey Dmitrievich is the president of the Society. It is the country's oldest public organization, the largest organization for economists. It has had a 250 year history and over 300,000 members, I am always confused by those endless zeros. A huge and a serious organization.

We will not be discussing the organization, however, nor the revival of the country's material production; we will discuss a new concept which is a continuation of a series of publications, including those presented at the Non-Fiction Book Fair last year and, I believe, the year before that.

We will discuss the book *Noonomy*.

The term is new. The book integrates a large amount of research. And the title is no accident. The title suggests that the economy of the future is not merely an economy and in some ways not an economy at all but something greater, something that rejects the traditional sentiment that man's life is and will always be limited to market, private property, and simulative needs.

A look into the future is a look into a system where knowledge-intensive production, modern technology that affords a person an opportunity to be an organizer of production, a new type of relationship with the natural environment, and the importance of man as a creator will be of paramount significance compared to everything else.

The main point of the book is that such a future should be possible through the development of high-tech material production, not through its rejection. I will say nothing more about the book. You and I can watch an interesting film that arranges the book's key points into a consistent and convenient structure.

This film was shown at the presentations that were held in a number of very important research centers: at the Cambridge University, in Berlin, at a conference of the World Association for Political Economy. At that conference the author received a Distinguished Achievement Award for Political Economy in the Twenty-First Century.

The presentation of the book, not only as a fact but also as an event, took place as part of the St. Petersburg International Economic Congress, the Moscow Congress dedicated to production, science and education, and so on and so forth. Today's meeting is a meeting with a wide reader audience. Some of you are already familiar with this book. Some of you have yet to read it. And we can start off our meeting together. I ask everyone to follow Mr. Buzgalin's suit and turn off your cell phones or switch to airplane mode. Let's start with the film showing the key points of the book...

...So, colleagues, you've had your first impressions of the work. But, I think it would be wrong if, having come here, you missed the opportunity to hear what the author of this book, Professor Sergey Dmitrievich Bodrunov, has to say. I think Sergey Dmitrievich will say a few words about his working on the book. Sergey Dmitrievich, you have the floor.

Bodrunov: Dear colleagues, and, I'm not afraid of this word, friends, fellow-thinkers. Because hardly anyone came here who is not interested or who does not think about what we should do next and how we should live. Why friends? Because I see a lot of people here who attended our seminars, attended and spoke at our conferences. And, of course, it's very good we can present the continuation of our work to those people who have already seen the beginning, or the preliminary part of this work. With your permission I will be glancing at my notes, which I have

in front of me, because otherwise I might repeat myself.

I would like to speak freely, and at the same time I must somehow keep to schedule. I would like to emphasize that this work (as has already been said today) is a result (albeit not quite the final result but let's say it's close to the finish line) of my description of the conceptual platform which I visualized many years ago. I visualized it some 20-25 years ago. I first started working on it before I defended my candidate's thesis, not to mention my doctorate. It was in the late 1980s. Then I defended my candidate's thesis in 1990.

I'm a quite an old man. It's not coquetry, it's the way it is, I'm in my seventies, and therefore I've been exploring some things for a long time. I started my career as a programmer, then I became a model designer and wrote simulation models, particularly for industry. As soon as I had gained certain knowledge by the age of 30-35, I started working on a number of concepts which were subsequently implemented in practice.

Can I brag a little? Back then, I was a self-assured young researcher, and my first book (it had only 65-70 pages in small print and came out during the Soviet era) was about a system I described I as a programmer and a model designer. I modestly wrote in the preface: "We believe the things that we've described and presented are of great importance. Few people are interested in them. But there is one small US company called Microsoft..." Back then we did not even know the proper name of the company because it was a small company. And we said that company was also interested in the things we were doing. But we claimed we were far ahead of them. We were very self-assured.

Then I spent a long time designing economic structures. I created them as part of a scientific and practical experiment. Only one IT conglomerate was established in Soviet times. At that point, conglomerates were also being established in other industries, like Gazprom and Lukoil. Our conglomerate was called Belarusian Republican Agency of Scientific, Technical and Business Information and it encompassed all state-controlled enterprises. Remember the Scientific and Technical Research Centers? It was a small conglomerate, but we quickly increased the number of its staff to 2,000, and after a while it became a pretty solid and powerful entity.

After the collapse of the Soviet Union, I finally moved to St. Petersburg, where I still live, most of the time, except when I work at the Free Economic Society and attend conferences. In St. Petersburg, I first worked as a factory manager. Then I worked at the Pyrometer plant as its Director for 5 years. Then, as is my wont, I designed another industrial entity. I proposed to the Ministry of Economy, as it was then called, a concept of an integrated company within the military complex. Oddly enough, the concept was accepted. In addition, a corresponding Government Decree was issued on reforming (restructuring) the military complex, which cited those vertically integrated companies with private

investments as an intellectual platform.

In the end, initiative is punishable. Therefore, I was offered to head the first of those associations. It was the Aerospace Equipment Corporation, the largest one in the aviation instrument engineering industry; I spend 10 years working as its CEO. Concurrently, some 20 years ago I founded the Institute of New Industrial Development (initially it was called Center and was later renamed to Institute) where we dealt with broader issues without limiting ourselves to specific problems of particular industries or industrial sectors, conglomerates or entities, although we worked with those as well, and still continue doing so. As a result of that practical and theoretical activity an idea was born, and then a book was written about the strategy of Russia's re-industrialization. It was a thick 800-page book and it was subsequently reprinted in two volumes. It first came out in early 2013 and sparked a wide controversy. For the first time, we came up with a firm proposal to modernize the Russian economy according to the technological principle. We tried to send a convincing message to the decision-makers to the effect that the economic policy that was being pursued in the golden days before the 2009 crisis was erroneous to a certain degree. A lot of money had been made from the sales of energy resources, "coffers" and reserve funds had been filled. But at the same time no money had been given to industry.

We showed that financialization, growing as it was (unlike industry), was leading to de-industrialization. This situation proved to be quite difficult for us as was clearly and unequivocally evidenced by the 2008-2009 crisis: industry slumped first, and then the entire economy. I can say that by that point I had already stepped down to join the ranks of midlevel industrial administrators and headed the St. Petersburg Committee for Economic Development, Industrial Policy and Trade. I was a member of the St. Petersburg Municipal Government, and therefore I had to deal with those problems as a member of the regional administration. At the same time we were exploring the possibility of doing something at the regional and federal levels to address the challenges facing industry, particularly during crises.

For me, it was a substantial experience. During the crisis, I had to develop an anti-crisis program for St. Petersburg. Then, in the course of its implementation, I had to develop its subsequent stages for bringing the economy to the next level. In particular, I believed that priority should be given to the modernization of the economy through industry, through technological upgrade. Therefore, I sought to incorporate that idea into our development strategy intended for the city, the idea of priority of industrial development in the economy. We identified the ways in which the city's various industries were to be developed. We also identified certain clusters or groups that were to receive greater or lesser support.

I made sure everyone was focused on a new class or type of production

that determined a new industrial society of the next generation. It was back in 2009 or 2010. The work continues to this day. To this day (I don't know what will happen next) I am, and have been for 10 years, the executive secretary of that government block which is engaged in the development of a conceptual platform for changing St. Petersburg's development program. To this day, I am executive secretary of St. Petersburg's Industrial Council. My previous experience has kept me from completely abandoning that post, and I am responsible for what has been going on.

And I can tell good things are happening in St. Petersburg's industry. The current head of the St. Petersburg Committee on Industry visited me recently and told me good news: Saint Petersburg's industry has been growing for 37 months in a row, and at an ever faster pace. No slowdowns have been observed. In this respect, I believe the purposeful, conceptual, and "platform"-oriented work which formulated a strategy and later became a part of the city's Industry Development Program has borne fruit. If you hit a certain point multiple number of times, you will certainly get a result. But what's important? Important is the fact that all the industrial growth in St. Petersburg is due to the new production facilities, the ones that were the centerpiece of our Strategy and Concept. The ones that were supposed to receive the most support, government guarantees, benefits, etc.

Therefore, I believe my practical activity supports my theoretical work to a certain degree. As for my theoretical work, I will mention a few points if you don't mind.

So, the first point. I believe that a high-tech industry is not the past but the future of the global economy. Post-industrialists have failed in their attempts to predict a non-industrial future. The predictions they made turned out to be inaccurate. Reality has proved them wrong. The predicted decline in the importance of industry for the economy and social structure never happened. What's the most interesting part? I believe it's in the fact that despite a decline in the GDP share of industry, its role is growing. Because the quality of industry is changing.

GDP can be discussed separately. The Nobel laureate Stiglitz spoke discussed it at length. One can offer a separate definition of GDP. If we pour water from a glass into another glass and back, from empty to vacant, the GDP would grow, if we paid for the pouring, but the amount water will not increase. Hence, the GDP structure is a thing which should be studied in earnest. Therefore, the empty pursuit of GDP for GDP's sake may lead us completely astray. When it is estimated that the GDP share of industry has declined, it does not necessarily mean that industry has become less important. The quality of industry is changing due to the transition to a new technological mode.

What kind of mode is it? It's a mode that differs from all the previous technological structures in a fundamental way. Why? Because previously

a product was judged based on its material component. Now it's judged by how much knowledge it contains. I will discuss it at length. In short, every product consists of two components: material stuff and knowledge, to put it simply. Now for the first time the share of knowledge component in a social product becomes prevalent, and the growth rate of that share is also increasing. The speed with which we are moving along this trajectory is increasing. It means that once there's such a situation in technology, in the transition to a new technological mode, we understand we are going to see a different economy emerge pretty soon.

What is the difference between knowledge and other resources? Today we are exporting, selling one kind of "bananas" for another kind of "bananas". We sell raw materials, we get something in return. There have been some attempts at import substitution, somehow we've been trying to replace everything else. But we understand that attempts to build communism in one country are unlikely to succeed. Therefore, as regards import substitution I believe that if we try to refuse to participate in global cooperation it will not end well, although I am in favor of import substitution. But we must understand we won't be able to distance ourselves from global industrial cooperation, especially in the current situation.

In general, we need to move more rapidly towards the technological strengthening of our economy. Why? Because the future society will be a society with a different economy. It will be an economy that will be based not on material resources, not on what we sell today, but on a different resource, on knowledge. And in order to sell knowledge we must first gain that knowledge. We must learn how to obtain it, how to scale it up using knowledge-based products. And only then will we be able to really expect our economy to grow in a serious way. Why? Because the leaders of the future, the leaders of the economic future will be technological leaders.

I spoke recently at the Financial Forum hosted by the Financial University. I joined a panel attended by my esteemed colleagues, many of whom you often get to see on television. And they said that, in principle, it's very important (a) to achieve a balance in order to prevent a chance unbalancing, (b) to grab more economic stability. For the economy to be stable no "leaps" or "spurts" are necessary, and we need to proceed at a quiet and calm pace, half percent a year.

But, colleagues, it's the very trajectory that has led us to lagging behind. When it was my turn to speak, I said we needed to change our trajectory, prioritize technological modernization of Russia, and make sure all our institutions were working to resolve the problem. Only then would we be able to do what the Asian Tigers had done: through technological upgrades they had managed to create products that supported them and ensured their economic growth. We must take their experience into account and absorb it. We need to look ahead and see

what kind of technologies need to be developed, what kind of needs should be put to the forefront, we need to understand that at the end of the day only technologies will solve our economic and especially social problems.

Consider the May presidential decree. Everybody says it sets the task of joining the top five economically developed countries, in terms of GDP for example. I do not know who formulated that task but, be that as it may, the task has been set and has found its way into the presidential decree. Maybe it's there for drawing attention to the problem. It emphasizes the need to achieve economic growth.

In addition, the decree addresses a number of issues related to key social problems. They should also be addressed.

But there is something in the decree that's rarely discussed: it is necessary to find a way out of the technology backwater Russia has become. It's a basic thing. I believe that if we don't solve the problems of modernization of the industrial complex and the task of transitioning to industrial product then in the long run we won't be able to solve any economic or social problems. And, therefore, in my opinion, it is necessary to restructure the industrial policy accordingly. All the social institutions should be focusing on it. I've just given you a brief summary. I chose not to speak of many other things that are mentioned in the book. If there are any questions we will comment and respond in due course.

НООНОМИКА. БУДУЩЕЕ:

ЧЕТВЕРТАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ОБУСЛАВЛИВАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ ГЛУБОКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза
экономистов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте, эксперт
РАН, д. э. н., профессор*

По материалам доклада С. Д. Бодрунова на открытии Санкт-Петербургского экономического конгресса 2018 г., в сокращении

Исследования, проведенные в 2000-х гг., позволили ИНИР сформулировать концепцию реиндустриализации российской экономики на качественно новой технологической основе. В начале 2013 г. был опубликован фундаментальный 700-страничный труд, посвященный этой проблеме. Ровно пять лет назад был представлен соответствующий доклад в Совете Федерации, а затем — доклад в Вольном экономическом обществе России. На проблему обратили внимание наши крупнейшие ученые и политический истеблишмент. Для вовлечения в обсуждение проблем индустриального развития широких кругов научной общественности, популяризации идей концепции реиндустриализации нами были созданы два конгресса — наш СПЭК и, совместно с коллегами из КРОНа, Конгресс по проблеме интеграции производства, науки и образования (КПНО), который ежегодно проводится в Москве.

Четыре года назад проблему реиндустриализации мы вынесли на СПЭК. Многим она тогда казалась едва ли не утопией. Сегодня о необходимости реиндустриализации говорят уже не только ученые, говорят все — от политиков до студентов, пишущих курсовые. Тогда же на Конгрессе ПНО мы поставили проблему реинтеграции производства, науки и образования как неотъемлемую, хотя и имеющую самостоятельное значение, компоненту реиндустриализационной концепции. И эта тема сегодня также звучит с трибуны Российской академии наук и в аудиториях ведущих университетов. Продвигая научную платформу перестройки экономики на новой индустриальной основе, мы должны были ответить не только на вопросы о ее облике и путях реализации, но и на сакраментальный вопрос — зачем она нужна в глобальном контексте? И два года назад,

* Бодрунов С. Д. *Формирование стратегии реиндустриализации России / Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. 700 с.*

здесь, на СПЭК, мы дали ответ на этот вопрос. Мы представили концепцию перехода общества на новый этап цивилизационного развития — новое индустриальное общество второго поколения (или второй генерации) — НИО.2 (ссылка 2: Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016. 352 с) . В те же дни концепция была представлена и детально обсуждена на Секции экономики РАН, затем — на специальных научных форумах в Кембридже, на площадках в Лиссабоне, Пекине, Стокгольме, Вене и т. д.

В прошлом году мы презентовали на СПЭК расширенную, детализированную версию концепции НИО.2. И сегодня я хотел бы представить новую разработку — концепцию ноономики, составляющей основу общества Будущего, которое может состояться при рациональном развитии человеческой цивилизации.

Качественные изменения в технологиях, о которых мы говорим более 20 лет, в последние годы стали предметом пристального внимания не только футурологов, но и (наконец!) экономистов и философов. Все «вдруг» увидели и начали обсуждать (как правило, пересказывая зарубежные источники) появление «умных фабрик», интернета вещей, роботизации и т. п. Постепенно приходит понимание того, что человечество стоит на грани рождения качественно нового материального производства, основанного на интеграции NBICS-технологий.

На наших конгрессах мы уже не раз говорили о том, что результат этой интеграции — конвергентные (гибридные) технологии — выводят индустриальный способ производства на качественно новую ступень, объединяя машинные и немашинные принципы воздействия на природу для создания продуктов, удовлетворяющих человеческие потребности, с наименьшими затратами материалов.

Значительные возможности открывают аддитивные технологии (3D-принтирование), их использование может привести к существенному сокращению удельного веса традиционной обрабатывающей промышленности. На место дистрактивных («вычитающих») производственных технологий (обрезки, стачивания, спиливания материала с заготовки) приходят процессы «сборки» продуктов из элементов (путем объединения или наращивания мате-

риала, как правило, слой за слоем) с целью создания объекта на основе 3D-модели. Информационно-коммуникационные (или цифровые) и когнитивные технологии, в отличие от всех остальных, демонстрируют способность проникать в любые технологические процессы, цифровизация становится интеграционной технологической платформой, способной объединять разнородные технологии в гибридные технологические процессы. Фактически информационные и когнитивные технологии служат каналом «встраивания» знания в технологические

процессы путем обработки больших массивов данных или с помощью технологической имитации человеческого интеллекта.

В чем содержание этих процессов и к каким изменениям в социально-экономических отношениях и качествах человека они приведут? Эти вопросы ставятся редко, а еще более редкие ответы остаются весьма неопределенными. В серии предыдущих публикаций и докладов на предшествующих Санкт-Петербургских экономических конгрессах, в кембриджских лекциях и иных материалах мне представилась возможность предложить свою версию постановки и решения проблем, проистекающих из перечисленных изменений.

Во-первых, мы показали, что «постиндустриальное общество», наступление которого некоторые теоретики провозгласили еще в XX в., — это мираж, но мираж, скрывающий (и вскрывающий) реальные проблемы: в экономике, действительно, назревают качественные изменения,

связанные с развитием качественно новых технологий. Фокус в том, что это — изменения в технологиях материального производства и путь к их активному освоению лежит не через «постиндустриалистский» отказ от индустриализма, а через реиндустриализацию на качественно новой технологической основе. Необходимость отказа от бездумного сворачивания промышленности или переноса ее в менее развитые страны уже осознана ведущими державами, и начинается обратный процесс. При этом рещоринг (возвращение в страну производственных мощностей или соз-

дание новых), по наблюдениям специалистов, происходит в тех отраслях, где необходим высокий уровень контроля менеджмента для соблюдения норм качества (в производстве высокоинтеллектуальной продукции, к примеру, военного назначения); в производствах, для которых исключительно важны соблюдение и защита авторского права и патентов, и, наконец, в отраслях, наиболее чувствительных к технологиям автоматизации и роботизации производства.

Из первого вывода логично следует второй, раскрывающий содержание изменений, вызванных глубокими трансформациями. Это — рождение нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), которое по спирали «отрицания отрицания» («новое индустриальное общество» Дж. К. Гэлбрейта — миражи «постиндустриализма — НИО.2) воспроизводит в новом качестве доминирование индустрии в экономике. Но это — другая индустрия и другая экономика. Коренным отличием является переход к знаниеёмкому материальному производству, что вызывает цепочку изменений во всех сферах производственно-

экономической жизни (резкое сокращение роли материальных факторов производства и возрастание роли знания; «ускорение ускорения» инновационного процесса и многое другое).

Этой теме мы посвятили наш доклад на СПЭК-2016. Возрастающая роль знаний проявляется не в том, что чисто интеллектуальная деятельность вытесняет материальное производство или заменяет его (как полагали «постиндустриалисты»), а в том, что само материальное производство становится значительно более знаниеёмким. Наступает момент, когда во многих продуктах «знаниевая» часть существенно превышает «материальную». Этот вывод хорошо иллюстрирует рис. 1, где пересекаются кривые, отображающие удельный вес материальных и интеллектуальных затрат в общих издержках производства.

Для достижения такого порога нужен не только технологический скачок, но и совершенствование всех четырех компонент современного материального производства

(материалов, труда, технологий, организации производства). Только тогда можно говорить о выходе в НИО.2. Вот почему России, народно-хозяйственный комплекс которой подорван 20-летней деиндустриализацией постсоветского периода, необходима реиндустриализация экономики на новой, высокотехнологичной основе.

В-третьих, мы говорили, что переход к НИО.2 требует реформирования системы экономических отношений, что предполагает развитие активной индустриальной политики, стратегического планирования, государственно-частного партнерства, интеграции производства, науки и образования на микро- и макроуровнях и т. д. Попытаемся

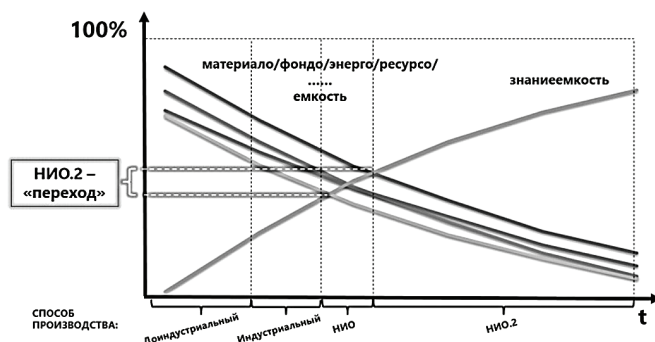

Рис. 1. Исторический процесс изменения удельных емкостных параметров компонента продукта

наглядно передать суть активной промышленной политики, используя такой образ: в экономике работают своего рода «промышленно ориентированные» траволаторы, и бизнес может выбрать, на какой из них встать.

Одни будут ускорять его движение вперед, другие — тормозить. Представляется, что когда мы говорим о таких траволаторах, то направления их движения задает государство: условно говоря, надо начинать заниматься селективным, индикативным, индикативно-селективным планированием. Без этого инструмента вряд ли получится эффективно запустить другие социальные технологии, определяющие переход к НИО.2, а от него — к ноопроизводству. Переход к НИО.2 — это не абстрактная конструкция, это процесс, который уже идет и очень активно, но очень неравномерно в разных локусах мирового экономического пространства. ФРГ и Япония, США и Китай создают качественно отличные от предшествующих подпространства новых индустриальных технологий, а другие страны (в том числе Россия, несмотря на наши заделы в оборонных

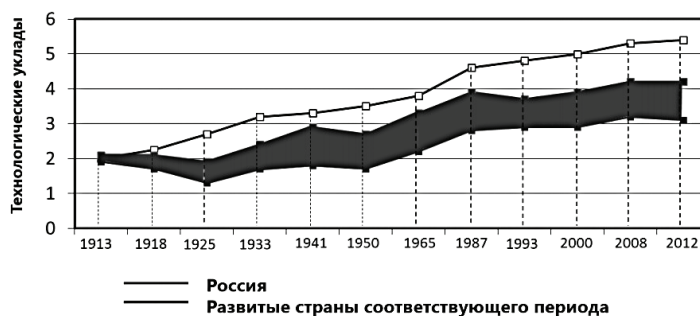

Рис. 2. Технологическая многоукладность российской экономики

технологиях) пока далеки от активного продвижения к доминированию в экономике 5–6-го технологических укладов.

Изучение процессов опережающего развития технологий нового уклада и институтов НИО.2 приводит к выводу, что наша цивилизация стоит на пороге качественного скачка:

- человек постепенно выйдет из материального производства, «за пределы материального производства», заняв роль его «контролера и регулировщика», как предрекал К. Маркс, 200-летие которого мы отметили в 2018 году;
- главным источником развития производства станет знание, а не материальные ресурсы;

- господствующие ныне симулятивные потребности постепенно отойдут на второй план, вытесняемые потребностью в знании;
- система имущественного неравенства сменится системой неравенства способностей и талантов;
- человечество, становящееся мощнейшей геобиологической силой (по В. Вернадскому), встанет перед необходимостью перехода от потребления природных ресурсов к воспроизводству геобиоценозов... И т. д.

Традиционные категории и законы экономики (стоимость, собственность, деньги) в надвигающемся на нас будущем потеряют свой привычный смысл, если не исчезнут вообще. Эволюция всех экономических форм в неэкономические, «уход экономики в основание» — это закономерность.

Вопросы экономии времени (как и любых видов ресурсов), эффективности применения ресурсов (по соотношению «затраты — результаты») станут техническими, а не социальными. Они будут решаться не спецификой отношений между людьми, а внешней (по отношению к человеческому обществу) настройкой «безлюдной» автономной производственной системы и автоматическими (встроенными в нее людьми) регуляторами. Формирование сферы

производства, опирающейся не на человеческий труд, а на функционирование «технетических» существ, определит снятие экономических отношений между людьми в технологических настройках самодействующего производства. И это — не прогноз отдаленного будущего. Это — констатация пока еще малозаметных, но уже начавшихся

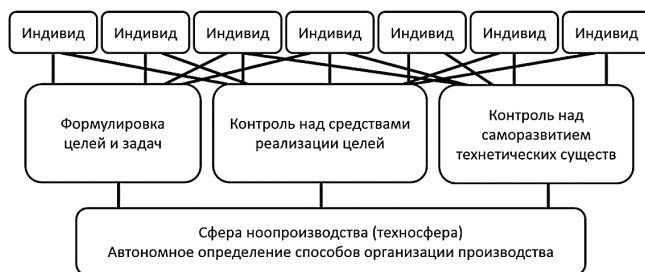

Рис. 3. Отношения людей в процессе регулирования ноопроизводства

изменений: рождения не просто экономики, приспособленной к решению задач прогресса ноосферы, а качественно нового феномена — ноономики.

Под ноономикой мы понимаем неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Принципиальное отличие грядущей хозяйственной системы от привычной нам экономической — отсутствие отношений между людьми в процессе материального производства. Если раньше человек строил свои общественные институты и принимал хозяйственные решения в первую очередь в зависимости от отношений, в которые он был включен в процессе производственной деятельности, то теперь ситуация будет меняться (рис. 4). По мере выхода людей из непосредственного процесса производства их деятельность будет регулироваться отношением человеческого общества в целом к сфере производства, становящейся все более «безлюдной».

Более подробно причины и перспективы перехода к ноономике, как и суть этого феномена, изложены в монографии «Ноономика». Совокупность проблем и противоречий этого общества определяет необходимость перехода на новый этап общественного устройства, названный нами ноообщественным этапом, поскольку технологические силы, разбуженные человеком и сформировавшие автономное индустриальное пространство, уже не смогут оставаться без всеобъемлющего контроля человеческого разума, который должен будет меняться, чтобы задавать рациональные параметры развития индустриальной сферы и «плодоносные», как говорил М. Ломоносов, а не разрушительные направления развития.

Что происходит сегодня? Не буду слишком оригиналь-

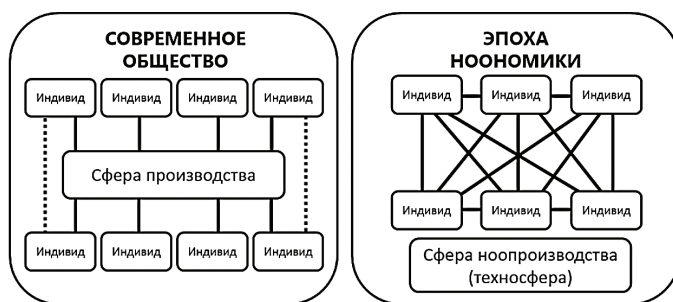

Рис. 4. Регулирование деятельности человека в процессе производства

ным — просто еще раз подчеркну, что цивилизация стоит у опасной черты: в гонке за лидерством, ради которого используются все технологические достижения человечества, в рамках нынешней хищнической экономической парадигмы развития, мы рискуем потерять не только возможность рациональной организации своей жизни, но и саму человеческую идентичность. Человечество стоит на распутье: либо движение к рационализации развития, к ноономике, либо реализация негативного сценария, вплоть до глобальной катастрофы.

В развитии техносферы накопилось множество негативных тенденций. Под угрозу поставлена среда обитания человека; накапливаются проблемы взаимодействия чело-

века с техносферой, возрастает зависимость от технической и информационной среды, что приводит к своего рода «киборгизации» человека (пока без формального вторжения в его физическое тело). Человек сталкивается с растущей негарантированностью своего существования как биологического и как социального существа. История развития цивилизации демонстрирует нам ускоряющийся рост создаваемых человеком «технетических видов» (в строгом соответствии с законом «ускорения ускорения» инноваций) в ущерб стремительно вытесняемому разнообразию видов биоты. Особенно сильно эта тенденция прояв-

ляется под воздействием погони за прибылью, за высокими экономическими показателями, все менее отражающими реальные потребности развития человека. Увеличивается нагрузка на среду обитания, связанная с ростом симулятивных потребностей и требуемым для их удовлетворения возрастающим нерациональным использованием природных ресурсов, расширением ареалов их добычи и переработки — все это при слабости внутренних регуляторов разумного поведения, определяемых содержанием и уровнем развития культуры, создает реальную возможность развития катастрофических (для цивилизации!) последствий.

Промежуточный сценарий долгой стагнации на границе нового представляется наиболее вероятным. Часть интеллектуального сообщества, как бы предчувствуя эту ситуацию, заговорила о «новой нормальности», которую мы считаем уже ставшей «старой ненормальностью». Эта ненормальность характеризуется не просто замедлением темпов роста ВВП, учащением кризисов, созданием атмосферы около-хаоса. Она характеризуется застоєм в социально-экономических институтах, что вступает в решительное противоречие с надвигающимися качественными изменениями в технологиях.

Только те экономики, которые смогут ответить на вызовы не только врывающегося в нашу жизнь НИО.2, но и стоящей у горизонта ноономики, смогут занять достойные позиции в мире ближайшего будущего. Ситуация начала XXI в. напоминает ситуацию начала XVIII в.: тогда лидерами стали те, кто смело пошел на слом традиций и совершил качественный скачок в мир новой тогда технологии — пара, капитала и личной свободы. Сегодня лидерами станут те, кто решится на скачок к производству, основанному на знании; к прогрессу человеческих качеств и решению задач нооразвития, а не простого экономического роста. Главным ориентиром развития должен стать не рост ВВП, а набор критериев оценки уровня удовлетворения разумных потребностей человека, необходимых для обеспечения его развития. Возможность поднять уровень удовлетворения потребностей, не нагромождая гору не нужных (при разумном подходе) вещей, пожирающих нашу планету и убивающих природу, как раз и открывают современные технологии.

Два слова о нас. Мы переживаем трудный период. Многие не верят в то, что мы сможем пройти сложной дорогой восстановления наших позиций в мире, достичь высоких стандартов жизни, сделать шаг к достойному развитию. Но у России есть шанс прорыва в такое будущее. Он связан и с прошлыми достижениями, и с сохраняющимся потенциалом нашей страны в тех сферах, которые особенно значимы для продвижения к НИО.2 и далее — к ноономике. Это — наш культурный, образовательный и научный потенциал. Если мы сможем не только сберечь его, но и приумножить, создав для этого адекватные экономические и политические предпосылки, у нашей страны появится шанс на выход из стагнации и преодоление дальнейшего отставания от стран и Запада, и Востока.

SHORT ABSTRACT

Sergey Bodrunov,
*President of the VEO of Russia, Director of the S.Yu. Witte INID,
expert at RAS, Doctor of Economics, Professor*

Qualitative changes in technologies, which we have been talking about for more than two decades, have become the focus of close attention not only for futurologists, but also economists and philosophers. All of a sudden they noticed and started discussing — as a rule, quoting foreign sources, unfortunately, — the emergence of “smart” factories, the Internet of things, robotization and so on. Gradually comes the understanding that humanity is on the verge of giving birth to an altogether new type of material production based on the integration of NBIC technologies.

At our congresses we have repeatedly stated that the result of this integration, convergent hybrid technologies, will bring the industrial mode of production to a qualitatively new level by combining machinebased and non-machine impact on the environment for creating products that satisfy human needs with the minimization of the use of raw materials. Significant opportunities have opened thanks to additive technologies, particularly 3D-printing, which can lead to a significant

shrinkage of traditional manufacturing industries. Information/communication (nowadays widely known as digital) and cognitive technologies which, unlike all others, demonstrate their high capacity to penetrate technological processes of any kind, will allow them to become an integrated technological platform capable of combining diverse technologies into hybrid technological processes. In fact, information and cognitive technologies will serve as a channel for embedding knowledge in technological processes — via big data processing and artificial intelligence.

Then the question naturally arises: what is the contents of those processes and what changes in socioeconomic relations and in personal qualities will they bring about?.. The history of the development of civilizations demonstrates to us the accelerating growth of man-made technistic species in strict accordance with the law of acceleration of innovation to the detriment of biological species diversity that is being rapidly dispensed with. This trend is especially strong now, given the current pursuit of profit and volume-based economic indicators which are becoming less and less reflective of the real needs of human development. The resulting pressure on the environment associated with the growth of people's simulated needs and the ever increasing non-rational use of natural resources and expansion of their extraction and processing areas required for meeting those needs have created a real opportunity for the escalation of negative, and possibly catastrophic, consequences for civilization.

A softer scenario promising a long stagnation on the verge of the new era seems to be the most likely one. As if in anticipation of such a situation, part of the intellectual community began talking about a new normality which we believe has already turned into the old abnormality. This abnormality is characterized not just by the slowdown in GDP growth rates, more frequent crises or the creation of the “near chaotic” atmosphere that can be currently observed worldwide. It is characterized by stagnation in socio-economic institutions, which more and more comes into outright conflict with the impending qualitative changes in technology.

Only those economies that will be able to address the challenges of not just NIS.2, which has been knocking on our door, but also the noonomy, which is already visible on the horizon, will occupy positions of leadership in the world of the near future. The situation at the beginning of the 21st century resembles the one at the beginning of the 18th century. The countries that managed to leave behind their traditional ways and made a qualitative leap into the world of new technology (then, the technologies of steam), the world of capital and personal freedom, became leaders. Now the leaders will be those who will find strength to leapfrog to knowledge-based production, to the progress of human qualities and thought-based development solutions, and not simply economic growth, be it slow or rapid.

ПРИНЦИПЫ НООНОМИКИ

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
эксперт РАН, д. э. н., профессор

Александр Владимирович Бузгалин,
вице-президент ВЭО России, руководитель Центра
социоэкономики кафедры политической экономики МГУ
им. М. В. Ломоносова, руководитель Московского отделения
ИНИР им. С. Ю. Витте, заслуженный деятель высшего
образования Российской Федерации, д. э. н., профессор

Извлечение из стенограммы коллоквиума Института нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте. (13.02.2019 г.), полностью - см. в «Трудах ИНИР им. С.Ю.Витте», том III

Бузгалин: Сергей Дмитриевич, мы пытаемся понять, как уточнить понятие «ноономика» для людей, которые привыкли к тому, что есть только экономика, и экономика есть только рынок, и ничего другого не существует по определению. А тут происходят некие качественные изменения, и вот дальше... возникает нечто из ноосферы...

Бодрунов: Нет. Ничего не возникает «из ноосферы». Собственно говоря, по большому счету тут ноосфера Вернадского вообще, что называется, ни при чем. И означает ноосфера именно то, что подразумевали Шарден, а затем Вернадский, а вслед за ними тьма тьмущая разнокалиберных «ноосферистов» (эпигонов, трактователей, интерпретаторов и т. п.). И что якобы ноосфера неким образом сопрягается с экономикой, создавая некую «разумную экономику». Сегодня, в связи с тем, что есть такие представления, на базе таковых представлений формируется и неверное представление о том, что собой подразумевает термин «ноономика». Я это слышал от многих людей — о том, что ноономика есть некая такая разумная/гуманная (!) экономика. В интернете появились некие выступления разных людей, что они понимают ноономику как ноосферную экономику, и т. д. и т. п. Я вообще часто выступаю против того, чтобы происходила подмена понятий. И по сути, и по смысловой нагрузке, и по применению терминов. В том числе — в отношении термина «ноономика».

Что такое экономика? Экономика — это, если мы не говорим об экономике как о науке, мы говорим о типе хозяйствования. Она родилась в определенный период времени в историческом развитии человека, и она имеет свой исторический конец. Экономика — это экос-номос, ведение хозяйства, если в переводе с греческого, примененный в одном из своих значений термин, терминологическая конструкция, которая широко применяется сейчас, в расширенном представлении. Это — хозяйство, разное по конструкции, размерам и т. п. Можно говорить об экономике семьи, экономике государства, экономике отрасли и т. д. Ваш покорный слуга, например, в свое время очень много писал по теме экономики авиаприборостроения России, рассказывая об особенностях конкретного производственного комплекса, представляя читателю специфику отрасли и ее экономической компоненты, экономической составляющей. Почему? Потому что там специфические производственные отношения, там есть своя кооперация, там есть свои взаимозависимости и т. д., которые не могут не отражаться на экономике.

То есть экономика — это некий тип хозяйствования. Но — в каком обществе? В экономическом обществе. И это — и есть то общее, что характеризует тип хозяйствования под названием «экономика». Оно подразумевает получение прибыли, чего-то сверх того, что необходимо для удовлетворения конкретной потребности. Пока общество не было экономическим, то есть до тех пор, пока мы не получали прибыли, выгоды от своей производственной деятельности, от деятельности по удовлетворению потребности, а только обеспечивали это удовлетворение натуральным, естественным способом, и труд не носил характера «экономического» труда — до тех пор общество «экономическим» не было. Я не буду делить общество на стадии первобытно-общинного, феодального или какого-то еще, разницы никакой нет. С моей точки зрения, с точки зрения появления экономики — было доэкономическое общество, есть экономическое общество и будет постэкономическое общество. Рано или поздно оно будет.

Другое дело, надо понять, на базе чего это происходит. Переход от доэкономического общества к экономическому происходил за счет того, что происходило изменение отношения людей к тому имуществу, которое у них было в пользовании, произошло выделение собственности. Появилась собственность. Она породила экономические отношения. Собственность — это концентрированное выражение основы экономических отношений. Отношения собственности — это и есть экономические отношения, если так вот, по большому счету.

Бузгалин: Но это все, видимо, о частной собственности в данном случае.

Бодрунов: Я думаю, что можно вообще-то говорить не о частной собственности, а просто — о понятии собственности вообще. В том числе — частная собственность, частнособственнические отношения. А отношения собственности порождают субъекты, которые пользуются этой собственностью. И это закреплялось в правилах, нормах отношений, законах. Не зря же право собственности — что это такое? Это — право владения, распоряжения, отчуждения, присвоения и др. — принципиальный набор прав, полномочий. Пусть даже юридически по-разному в разных странах, местах оно оформлено, но, в принципе, понятно, о чем речь идет. И до тех пор, пока нечто не было отчуждено из общего пользования, доступа, не стало конкретно «мое», не было сформулировано и принято это понятие, до тех пор невозможно говорить о собственности, невозможно говорить при этом и об экономических отношениях. Потому что мена собственности на собственность порождает отношения экономические. В том хозяйственном типе общества, которое называется экономическое общество. Отсюда порождаются разные вещи, например, неравенство, накопление этой собственности. Отсюда происходит капитал, отсюда происходит развитие — рынок, развитие инструментария, которое позволяет на базе этих экономических отношений экономическое общество формировать и позволять ему функционировать, его реформировать, с ним бороться и т. д.

Почему борются с экономическим обществом? С обществом в целом? По той причине, что оно и воспринимается как экономическое, и порождает многие негативные вещи. Почему они негативные? С какой точки зрения? С точки зрения того, что человек есть двуединое существо, имеющее и природное «зоо»-наполнение, и, в отличие от прочей живой природы, борющейся за существование, ноо-компоненту. Потому что в обществе есть не только (зоо)экономические отношения, есть и прочие другие, разные отношения, которые вступают в противоречие с отношениями экономическими. И это есть базовое противоречие, здесь в этом плане есть вечная попытка приспособить экономическое общество к решению неэкономических задач; это — вечная дилемма, вечная проблема. Например, образование. Мы — экономическое общество, пытаемся решить проблему качественного образования. Что предлагает парадигма экономического общества? Коммерциализовать, например, образование. Вот мы в России коммерциализовали. Что мы получили? Что образование стало продуктом производства. Отсюда — нелепейшие вещи: образователь-

ный продукт, образовательная услуга, производство знаний, знание как капитал, образовательный капитал и прочий такой-сякой капитал. То есть — перевод всего и всякого сущего на язык вот этой поглощающей всё экономики, втягивание неэкономической компоненты жизни человека в экономическое болото.

Важно понять следующее. Откуда появилась вообще возможность возникнуть экономическому обществу? Оттого, что человек думающий, человек разумный на определенном этапе развития начал находить способы для реализации своих потребностей, превышающие его реальные потребности в каком-то смысле. А потребность, будучи удовлетворенной через познание способа ее удовлетворения, как мы с Вами в свое время установили, сам этот процесс, порождает новое знание, более широкое, чем утилитарный ответ на прямой вопрос: как удовлетворить конкретную потребность. И — меняет, в силу природы знания, представление человека о потребностях. Порождает новые потребности. Соответственно, у него при накоплении одних удовлетворенных потребностей, и с запасом, возникают другие, которые не удовлетворены, но могут быть удовлетворены кем-то другим. Результат мы видим — возникновение экономических отношений. И собственности, и экономических отношений. Вот — эта роль знаний о том, каким образом удовлетворить потребности. В наше время такие знания — это технологии. Имплементированные знания — в тот способ, который уже есть производство.

Дальше мы говорим о том, что исторический процесс — это процесс последовательной смены технологических укладов; я абсолютно не абсолютизирую, извините, за тавтологию, те или иные уклады, как их там формулировать. Разницы большой нет. Можно спорить до опупения, что там первый уклад составляло, что второй, что третий. Какие технологии были базовыми и т. д. Принципиально другое — это смена технологических линий, технологических укладов, базовых технологий. Почему? Потому что технологии формируют в любом обществе (в любом, подчеркиваю, обществе!) способ предоставления благ для удовлетворения потребностей. Использование этого способа экономическим способом — это экономическое общество. Неэкономическим — неэкономическое общество.

Но ведь технологии развиваются, рано или поздно удовлетворение потребностей, как мы установили при исследовании нового индустриального общества следующего поколения, приведет к снижению значения...

Бузгалин: ...материальной составляющей.

Бодрунов: Да. Но в данном контексте важно снижение значения даже не столько материальной составляющей, сколько — снижение значения собственности.

Бузгалин: И собственности, да.

Бодрунов: Да, собственности как основообразующего фактора экономического способа удовлетворения потребностей людей. То есть, таким образом, у нас получается глобальная вещь, которая заключается в том, что снижение роли экономических отношений в обществе происходит будет автоматически с повышением технологического уровня удовлетворения потребностей людей. Согласны, да?

Бузгалин: Да.

Бодрунов: Да — но в идеале, при переходе к следующему этапу разделения производственной системы и общественной системы, и выведения производственных отношений из сферы экономических в связи с этим. Удовлетворение потребностей в полной мере — но разумных, понятно. Помните, мы на наших коллоквиумах говорили о том, что разумные потребности, несимулятивные, приводят к чему? Что пространство несимулятивных потребностей, расширяясь и становясь преобладающим, базовым пространством потребностей, удовлетворяемых возрастающим технологическим прогрессом, обеспечивает формирование преимущественно неэкономического общества. То есть общества, в котором главные отношения будут неэкономические. Мы можем спорить, какие это будут отношения — творческие, какие-то еще...

Бузгалин: В данном случае это не так важно.

Бодрунов: Да, для того, чтобы понять нашу тему, что это не так важно. Это — не принципиально. Принципиально другое — что это будут неэкономические отношения. И если это неэкономические отношения, тогда возникает вопрос: какого типа будет тот самый способ хозяйствования, как его назвать? Потому что — это неэкономический способ. Это — не экономика. Нечто, понимаемое как «неэкономика».

Но при этом возникает проблема. А кто будет определять критерии? Что такое удовлетворение потребностей симулятивное? Или несимулятивное? Где границы разумной, несимулятивной потребности? Где ограничитель? И

как эти границы этого пространства несимулятивных потребностей будут двигаться?

Вот здесь вступает в силу другая часть общества и человеческих потребностей: духовных, интеллектуальных, культуры и прочее. Ноо. И как ограничителя симулятивных потребностей, и как критериальной базы для формирования вот того самого типа отношений, которые ему позволят удовлетворять потребности в полной мере в рамках этой критериальной базы.

Критериальная база — это и есть «разумная» база, то есть база построения отношений. Сформированная и развивающаяся человеком, у которого сформирована, в свою очередь, ноокультура удовлетворения потребностей. И — соответствующих отношений. Отношений, выстроенных на базе технологического прогресса, развивающегося под контролем разума. Все равно его, техпрогресс, остановить невозможно, поэтому направлять его, определять, как ему «правильно» действовать, — это разум. Сформировать критериальную базу, что такое «разумно»? Опять разум. То есть — разум в квадрате, условно говоря. Эти все вещи, которые мы говорим о формировании пространства разума, — это и есть то самое ноо. Я это имел в виду, когда писал статью «От “зоо” к “ноо”...», то есть от удовлетворения потребностей зоологических к удовлетворению потребностей ноологических — значит, от способа зоологического потребления к способу ноологического потребления. Таким образом, формируется ноообщество с нооотношениями. А такой способ удовлетворения потребностей я назвал нооэкономикой. Почему так назвал? Потому что «ноос» — это разум, это база формирования такого типа отношений, а «номос», традиционно. Что такое «номос»? Это — закон, порядок, уклад. То есть — тот самый термин, который применен при формировании термина «экономика», только в таком случае был закон «экос», а в нашем случае это будет закон «ноос». Другой тип, механизм удовлетворения потребностей, противоположный экономическому, и это будет неэкономическое общество, с такого типа отношениями. Вот отсюда — термин «нооэкономика».

Поэтому, когда говорят, что нооэкономика — это разумная, ноосферная экономика, это будет все равно что говорить, что это — нехищный хищник.

Бузгалин: Да, травоядный хищник.

Бодрунов: Даже не травоядный, а — нехищный. Нехищник-хищник. Первая часть отрицает вторую, поэтому говорить так неверно, без понимания сути того, что на

самом деле заключено в термине «ноономика». Я заметил, что даже в моих некоторых докладах, которые у меня появляются, как-то в угоду публике, что называется, при пояснении характера ноотношений, проскакивает некий отсыл к ноосфере. Это создать может как раз смятение в головах. Сейчас, мне кажется, наступил такой этап в представлении ноономики общественности, когда, если не дать точных разъяснений, коллеги могут «завернуть» в другую сторону это понятие.

Я помню, Радика Десаи в Кембридже пыталась, анализируя мою книгу, что-то говорить о разумной экономике, и коллеги на презентации книги на «Нон-фикшн» 2018 года, и т. д. Мне кажется, что надо коллег гораздо глубже направлять на более основательное осмысление этой ситуации. А не просто говорить о том, что вот просто так придумал Бодрунов, «соединил» ноосферу и экономику, шлеп-шлеп, ляп-тяп, и вот уже — «ноономика». Нет, ноономика — это не механическое соединение двух понятий, а понятие, выросшее из самостоятельного корня.

Бузгалин: Даже такое соединение было бы очень важным, но у Вас концепция гораздо более глубокая.

Бодрунов: Это — четкая, логически выстроенная концептуальная платформа, которая однозначно реализуется при разрешении современной развилки в развитии цивилизации.

Если мы сумеем разумом сегодня преодолеть наблюдаемую жесткую попытку капитала не отдать своих позиций,

дисгармонию перехода от собственности к «несобственности», что сегодня в мире мы наблюдаем, преодолеть некоторый откат, некоторый регресс в этих вещах — при технологическом прогрессе продолжающихся, и регрессе отношений, неэкономических отношений, да и экономических отношений и других отношений, которые порождаются вокруг технологического прогресса. При регрессе политических отношений и изменении роли общественных структур, международных организаций и т. д., принижении их роли за счет того, что глобальный капитал начинает поглощать их интересы, довлеть, доминировать, «сторнировать» их как некое общественное явление. Это — работает против культуры, это — работа против развития ограничителей, это работает против снижения доли симулятивного потребления, и т. д. Капитал ищет выход, он ищет себе возможность дальнейшего сохранения собственности, ее удержание, более сильное огораживание собственности. Становится собственником собственности, собственником собственника собственности и т. д.

Бузгалин: Это очень интересная формулировка.

Бодрунов: И это порождает тяжелейшую ситуацию, а почему? Потому что, с одной стороны, все сильнее и сильнее кризисная ситуация. Потому что технологический прогресс позволяет решать проблемы равенства, проблемы разумного образования, проблемы культуры и т. д. и т. п., то есть духовного и правильного нооразвития человека. Причем на сегодняшний день технологические возможности мировые превышают необходимость, по некоторым

оценкам, всего мира в разумном потреблении всех благ, включая образовательные и прочие. Однако же это — не достигается: есть золотой миллиард, и есть миллиарды людей, которые сидят если не в нищете, то, по крайней мере, в проблемах, и — да, притом что технологический прогресс позволяет эти проблемы решить, просвещая при этом людей, объясняя им через интернет, через коммуникации, через прочие вещи, что надо идти другим путем, фактически показывая — что, и где, и как. Люди даже на интуитивном уровне понимают, в каком смысле жить лучше. Не только потому, что можно спокойно осесть в Германии, а не в Сирии, где и войны нету, а притом тут еще и детей можно воспитать, образовать, да? За достижениями материальными возникают и другие вещи. Той же высокоразвитой (высокотехнологичной!) Германии — решить задачи достижения достатка не только для себя, но и для тех, кто приезжает, понимаете? И принять мигрантов. И при этом немцы — да, кто-то возмущается, что достается им маловато, но львиная доля общества поддерживает этот мультикультурализм и прочие вещи. Понимая, может быть, полуинтуитивно понимая, что это — более правильный путь. Ну и, кроме того, прогресс позволяет этому бюргеру иметь необходимое еду, питье, образование своих детей, отдых на море и все, что необходимо ему для разумной жизни. А чтобы еще к этому потребить информацию какую-то, потребить какие-то культурные блага — сегодня технологический продукт позволяет не тратить никаких практически денег. Да, нужно только желание. Есть желание — получай. В некоторых странах вводится базовый доход: родился — получай немалый (!) «минимум»! За счет чего? За счет технологического развития, делающего продукт доступным и превращающим его, минуя стадию товара, в доступное благо. Неэкономическое.

Но этот естественный процесс противоречит природе экономического общества. И вот в этом плане, конечно, развитие такого конфликта между возможностями технологического прогресса удовлетворять все больше и больше потребности людей, с одной стороны, и ограничением этих возможностей зооэкономикой, заталкиванием этих возможностей в прокрустово ложе собственности, с другой, может привести к взрыву. Конфликт между технологическим развитием, позволяющим много чего решить, и зооприменением этого технологического развития в пользу усиления собственнических отношений. А почему они, экономические субъекты, сопротивляются, сильнее хватают? Капитал спасает свое место в историческом процессе. Потому что он понимает, что стул из-под него технологический прогресс убирает. Он пытается этот стул удержать. Но еще и технологический прогресс при этом придержать. Или его использовать, зарыть, зашить, ограничить использование через патентование, через другие препоны, и прочее. Превратить всякое его достижение в товар. Зашить таким образом, чтобы можно было превратить в товар его основу — знание, которое само по себе как воздух, отрубить кусок воздуха и сказать — это мой воздух, в виде патента на что-то еще. И за использование воздуха — плати. То есть превратить его

тоже в экономический субъект. Понимаете? Предмет торга. И это просто ситуация, которая может привести к абсолютному конфликту, когда экономическое общество пытается все подмять, «коммерциализовать». Культуру уже практически всю засунули в экономику, образование — туда же. Блага для людей, которые связаны со здоровьем, практически полностью — туда же. Это все на протяжении последних 20, 30, 50 лет происходило. Сейчас то же самое в сфере покушения на знания и информацию происходит тоже. Кстати, мы кричим, что вот в Китае — там столько-то патентов, в Америке вот столько, а у нас мало патентов, у нас все разработки воруют. Что значит — воруют? Воруют — значит, используют без оплаты нашу «собственность». А берут, не воруя, и используют — то, что есть «несобственность». И это у нас, в общественном сознании, в нашей ментальности, в целом не вызывает таких собственнических интенций, как в других, более «капиталомвоспитанных» сообществах. В этом смысле я бы даже отдельно отметил, что наш человек — более правильный, продвинутый, а не «отсталый». Он не считает, что придумал что-то — это безусловно его собственность. Блоху подковать — это для нашего Левши, а вот результат продать — тут торговца зарубежного звать надо. На этом принципе почти сто процентов так называемых совместных предприятий в постсоветское время строилось. Конечно, обидно, когда о тебе забывают. Но тем не менее как-то у нас не так это все устроено. И если иметь в виду, что общечеловеческая культура есть ограничитель капитала, то, мне

кажется, внутренне наш человек «культурнее» в этом смысле, чем многие другие. Вы уж извините, так сказать, я не националист, но из песни слова не выкинешь, что есть — то есть.

Бузгалин: Нет, это правильно.

Бодрунов: Когда говорят, что мы лопухи, я думаю, мы — не лопухи. Мы — цветы жизни.

Бузгалин: Вот, совершенно верно. Точно, точная формулировка.

Бодрунов: Будущей жизни, Александр Владимирович.

И в заключение — мне кажется, что в термине «ноономика» в потенциале заложен еще один смысл: аналогично термину «экономика», можно понимать под ним и спектр исследований, научное направление, раскрывающее суть этого способа удовлетворения потребностей общества. Во всяком случае, мне представляется, что здесь — необъятное поле для изучения. Собственно, чем мы и занимаемся в ИНИРе не первый год.

НООНОМИКА В КЕМБРИДЖЕ

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте, президент ВЭО
России, президент Международного союза экономистов,
эксперт РАН, д. э. н., профессор

Александр Владимирович Бузгалин,
профессор кафедры политической экономики Московского
государственного университета им. М. В. Ломоносова,
руководитель Московского отделения Института
нового индустриального развития им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор

Дэвид Котц,
почетный профессор факультета экономики
Массачусетского университета в Амхерсте (США)

Дэвид Лайбман,
почетный профессор экономики Бруклинского
колледжа и аспирантуры,
Университет Нью-Йорка (США)

Радика Десаи,
профессор кафедры политических наук Университета
Манитобы (Канада), директор Группы по исследованию
геополитической экономики, президент Общества
социалистических исследований

Извлечение из стенограммы специального семинара - презентации книги С.Д. Бодрунова «Ноономика»
(27 октября 2018 г., Кембридж, опубликовано в томе III «Трудов ИНИР им. С.Ю.Витте»)

Бузгалин: Уважаемые коллеги, рад всех приветствовать. Сегодня здесь, в стенах прославленного Университета Кембриджа, начинается презентация книги нашего коллеги, экономиста, профессора из Санкт-Петербурга Сергея Дмитриевича Бодрунова «Ноономика». Она в некотором роде продолжает известную вам его предыдущую монографию «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка», которая вышла в свет двумя годами ранее, докладывалась на многих научных конференциях, в том числе — и в Кембридже, и вызвала большой интерес читателей, что и потребовало продолжения.

Новая книга профессора Бодрунова посвящена развитию общественного устройства в период после формирования зрелого новоиндустриального общества 2-го поколения. Это устройство, базирующееся на неэкономическом способе удовлетворения разумных потребностей людей — ноономике. Автор в наиболее общих чертах представил ноономику в апреле 2018 года в Санкт-Петербурге на Санкт-Петербургском экономическом Конгрессе СПЭК-2018, а также в мае в Пекинском университете и в июне в Берлине на форумах Всемирной политэкономической ассоциации, которая удостоила профессора Бодрунова за эту книгу наградой «За выдающийся вклад в политэкономия XXI века».

Теперь и у нас есть возможность оценить достоинства и недостатки новой работы автора, тем более что многие из вас хорошо знакомы с предыдущими его работами и идеями, а некоторые специально подготовились к сегодняшней дискуссии.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я рад всех видеть на презентации моей книги «Ноономика».

Главное — о книге

Сегодня все более очевидным становится тот факт, что мировая экономика, да и, вообще говоря, мировая цивилизация стоят на пороге перемен. Череда кризисов, последовавших в конце XX — начале XXI столетия, возросшая нестабильность социальных систем, смена экономических лидеров, турбулентное состояние мировых финансов, угрозы международного терроризма и экологические проблемы, бурное развитие совершенно новых, еще недавно казавшихся фантастическими, технологий, являются неумолимыми предвестниками грядущего перехода нашей цивилизации в новое состояние, для описания которого не подходят существующие философские и социально-экономические модели.

Что же является главной действующей силой, драйвером происходящих изменений? Куда идет человечество? Что ждет его в будущем?

Ответы на эти вопросы содержит предложенная профессором Бодруновым концепция ноономики как новой модели общественного устройства, которая может состояться при рациональном развитии человеческой цивилизации.

Опыт индустриального развития убедительно доказывает: при всех изменениях, которые произошли и происходят на протяжении последнего столетия, именно материальное производство остается основой самого существования экономики. При этом материальное производство остается производством по преимуществу индустриальным, а с изменением господствующего индустриального технологического уклада меняется и облик всего общества.

Во второй половине XX века анализ таких перемен был предложен Джоном Кеннетом Гэлбрейтом в книге «Новое индустриальное общество». Но взгляд на индустриальное общество как непрерывно технологически эволюционирующую систему оказался «перечеркнут» новой концепцией постиндустриализма. Парадигма отрицания ведущей роли материального производства, представленная в работах Д. Белла и Э. Тоффлера, стала завоевывать все новых сто-

ронников. Однако мировые экономические и финансовые кризисы охладили их энтузиазм. Человечество подошло к пределу эффективности существующей модели развития. Грядут изменения — переход к новому этапу цивилизационного развития, который автор называет новым индустриальным обществом второго поколения (НИО.2). Переход к НИО.2 — это не абстрактная умозрительная конструкция, это процесс, который уже идет, и идет активно, хоть и неравномерно, в разных локусах мирового экономического пространства.

Основой экономики НИО.2 является — и в этом случае автор оказывается продолжателем традиции классической политической экономии — собственно материальное производство. Наука реально становится непосредственной производительной силой, а культура, формирующая человека, и образование «через всю жизнь» — непременными условиями эффективной производственной деятельности.

Понятно, что опережающее развитие технологий нового уклада, влекущее переход к НИО.2, потребует трансформации всех экономических и социальных отношений и институтов. Попытка осмысления этих изменений нашла отражение в книге «Ноономика» профессора Сергея Бодрунова.

Новый термин НООНОМИКА, введенный профессором Бодруновым в научный оборот, отрицая традиционные представления об экономике, синтезирует способ удовлетворения потребностей с гуманистическим взглядом на общественное устройство, который восходит к российской культурной и философской традиции, заложенной профессором Владимиром Вернадским в начале XX века. Суть концепции ноономики — в рассмотрении человеческого развития не через призму стихийности и примата природных инстинктов, свойственных экономике и современному социально-экономическому устройству, но в разумности социальных процессов, управления ими, исходя из гуманистических ценностей, через развитие творческих качеств человека на основе неэкономического способа удовлетворения своих потребностей.

Наша цивилизация стоит на пороге качественного скачка: человек постепенно выйдет «за пределы материального производства», станет его «контроллером и регулировщиком», как предрекал Карл Маркс. Главным источником развития производства будет знание, а не материальные ресурсы. Симулятивные потребности постепенно отойдут на второй план, вытесняемые потребностью в знании; система имущественного неравенства снимется системой неравенства способностей и талантов; человечество, на что, в частности, указывал Вернадский, в своей концеп-

ции ноосферы как «биосферы» деятельности разума, встанет перед необходимостью перехода от потребления природных ресурсов к воспроизводству геобиоценозов. А традиционные категории и законы экономики (стоймость, собственность, деньги и т. д.) в надвигающемся будущем постепенно потеряют свой привычный смысл, если не исчезнут вообще.

В будущем нас ждет трансформация в производстве экономических отношений в неэкономические. Проблемы экономики времени, эффективности применения ресурсов станут техническими, а не социальными. Они будут решаться во все возрастающей степени не людьми непосредственно, а внешней (по отношению к человеческому обществу) конструкцией — «безлюдной», автономной, саморегулируемой техносферой.

И это — не прогноз весьма отдаленного будущего. Это — констатация пока еще малозаметных, но уже начавшихся изменений: рождения не просто экономики, а качественно иного, нового феномена — нономики.

Предложенный автором термин «нономика» не является автоматическим конструированием нового слова из привычных слуху терминов «ноосфера» и «экономика». Гносеологически он восходит к греческим словам «ноос» — разум, и «номос» — хозяйственный общественный уклад (в философской трактовке, близкой к К. Шмитту), обеспечивающий удовлетворение потребностей членов общества.

Таким образом, нономика — это неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Иными словами, нономика — хозяйственная система, отличающаяся от экономики отсутствием отношений между людьми в процессе материального производства.

Если ранее человек строил свои общественные институты и принимал хозяйственные решения в первую очередь в зависимости от тех отношений, в которые он был встроен в процессе осуществления производственной деятельности, то теперь ситуация кардинально меняется. По мере выхода людей из непосредственного процесса производства их деятельность будет регулироваться отношением человеческого общества в целом к сфере производства, становящейся все более «безлюдной».

Сформируется новый тип общества — «ноообщество». Это — общество с ноономикой в качестве материальной основы и ноообщественными отношениями, не включающими производственные отношения в их традиционном понимании. Общественное производство в ноообществе формируется как система, включающая:

- приоритетное развитие знаниеёмкого, «умного» производства;
- обусловленная этим интеграция производства, науки и образования в рамках единых воспроизводственных контуров, ведущих к формированию нового типа воспроизводства;
- постепенное снижение роли утилитарных и симулятивных потребностей и возвышение нового класса потребностей — потребностей «человека разумного», или ноопотребностей;
- развитие новых, соответствующих этому ценностей и мотивов деятельности основных субъектов материального и духовного производства, которые теряют свойства экономических. Главными в разумном, рациональном определении человеческих потребностей становятся именно культурные, а не экономические императивы. Это позволяет решить множество проблем развития, с которыми сталкивается современное человечество и которые сегодня блокируют прогресс.

Сегодня цивилизация стоит на пороге одной из самых важных развилек в своей истории: либо поворот к человеку разумному, движение к рационализации развития, либо путь в технотронное общество, в котором элита удовлетворяет свои безмерно растущие симулятивные потребности, а большинство населения занято в сфере обслуживания, которая все более превращается в сферу прислуживания. При этом значительно возрастают риски утраты контроля над развитием техносферы и постепенная «киборгизация», вовсе не гарантирующая существование человека — и как биологического, и как социального существа.

Возможной и достижимой альтернативой является путь развития, базирующийся на ноопринципах.

Понятно, что ноономика не сформируется сразу, одномоментно. В переходный к ней период должна произойти трансформация экономических отношений и институтов в направлении их социализации и гуманизации, формирования в обществе нового характера рациональности, новых ценностей и целевых установок развития.

Ситуация начала XXI века напоминает ситуацию начала века XVIII: тогда лидерами стали те, кто смело пошел на слом традиций и совершил качественный скачок в мир

новой тогда технологии — пара, капитала и личной свободы; сегодня лидерами станут те, кто решится на скачок к производству, основанному на знании, прогрессу человеческих качеств и решению задач нооразвития, а не традиционного экономического роста.

Представленная книга — результат многолетнего кропотливого творческого труда профессора Бодрунова. Многие из описанного в этой книге разрабатывались автором в виде отдельных статей. В книге «Ноономика» эти исследования были объединены и системно изложены, что позволило получить принципиально новое видение тенденций будущего развития человеческого общества. Автор надеется, что представленная книга «Ноономика» даст толчок заинтересованному обсуждению насущных проблем грядущего, которое уже стучится к нам в двери.

Бузгалин: Теперь позвольте дать слово автору книги, профессору Сергею Бодрунову. А потом — выступления записавшихся коллег.

Бодрунов: Уважаемые коллеги!

Представляя вниманию участников сегодняшней встречи книгу «Ноономика», я хотел бы подчеркнуть: она стала результатом долгой работы автора. Причем работы и сугубо теоретической, и той, что была связана с моей практической деятельностью. А это была непростая работа по руководству одним из крупнейших в России высокотехнологических холдингов и деятельность в качестве министра экономики промышленности Санкт-Петербурга — города, равного по экономической мощи иному государству.

К чисто теоретической стороне вопроса я вернусь чуть позже, а сейчас подчеркну несколько тезисов, которые были рождены моим непосредственным включением в практики современной экономики.

Тезис первый: высокотехнологичная индустрия — не прошлое, а будущее мировой экономики. Сегодня это положение выглядит очевидным, особенно в этом кругу. Но, поверьте мне, 20–30 лет назад, когда создавался наш приборостроительный холдинг и писались мои первые книги по проблеме реиндустриализации, все это казалось даже не фантастикой — утопией.

Тезис второй, прямо вытекающий из первого: если вы хотите быть современными — надо смотреть в будущее, за горизонт. Завтра побеждает тот, кто сегодня выбирает стратегию будущего. И это будущее — индустриальное, но на качественно новой основе.

А теперь к теории. Она удивительно близка к тому, что диктует практика. И здесь оказалось, что ориентация

на будущее мне позволила оказаться к моменту завершения исследования как раз в точке наиболее актуальных разработок настоящего. Так получилось, в частности, с моей предшествующей работой, посвященной генезису нового индустриального общества второго поколения. Спустя несколько лет с того момента, когда мы начали исследовать феномен НИО.2, он стал превращаться в реальность. Книга вышла три года назад и уже стала описанием не будущего, но настоящего. Чем дальше, тем больше становится очевидно, что переход к НИО.2 — это не абстрактная умозрительная конструкция, это — процесс, который уже идет, и идет активно, хотя и глубоко неравномерно в разных локусах мирового экономического пространства. ФРГ и Япония, США и Китай создают качественно отличные от предшествующих подпространства новых индустриальных технологий.

Возвращаясь к теме этой встречи — презентации книги «Ноономика», — я могу с уверенностью сказать: то, о чем я пишу, — это не футурологический прогноз, это теоретически выверенное и исходящее из исторической практики видение изменений, которые нас ждут завтра и к которым надо быть готовым сегодня.

Что мы сегодня имеем?

В своей лекции, которую я читал здесь, в Кембридже, полтора года назад, напомним, я описал текущую ситуацию в цивилизационном развитии как кризисную; в основе кризиса лежит глобальное противоречие между, с одной стороны, уровнем технологического развития цивилизации (он развивается с «ускорением ускорения») и, с другой — уровнем развития социума (этот уровень всегда отстает, а сейчас — отстает с ускорением). Это противоречие влечет за собой возможность использования все более мощных (не только созидательных, но и разрушительных!) технологий всё более недозревшим (до их уровня!) обществом, которое всё более уподобляется обезьяне с гранатой. Отмечу, что в своих новых работах я раскрыл еще одну важную компоненту этого глобального противоречия, всё более усиливающую это глобальное противоречие в наше время. Речь идет о финансовом капитале, имеющем двойственную природу — с одной стороны, акселератора развития инноваций и, соответственно, технологического прогресса, с другой — тормоза общеэкономического и социального развития и акселератора негативных трендов развития общества, усиливающих основное противоречие.

Складывающаяся кризисная ситуация, вообще говоря, имеет два варианта разрешения.

Первый, продолжающий нынешний тренд развития, ведет к глобальной катастрофе цивилизации в силу многих

следствий: техногенных, биогенетических, экологических и других.

Второй вариант — более сложный, требующий серьезных усилий от общества, отрешения от множества догм и мифов современных представлений не просто о развитии экономики, но о пользе или вреде для человека, и даже, если хотите, о добре и зле.

Речь идет о варианте продуманного, взвешенного способа организации жизни социума, синхронизирующего без торможения обе противоречивые тенденции цивилизационного развития и дающего шанс относительно бесконфликтного разрешения грозящего кризиса. И здесь важно понять, что, с одной стороны, технологический прогресс даст возможность снижения рисков всех компонент негативного тренда (эконагрузки, технокатастроф, энергоголода, биоугроз и т. п.); доброй вестью здесь и подтверждением этого является факт, что в первой десятке технологически продвинутых стран с развитием технологий экослед за 18 лет суммарно сократился примерно на 10%. С другой стороны, надо осознать, что переход за черту, когда ресурсы природы (и человека, как его части!) перестанут возобновляться, чреват первым вариантом, и направить свои усилия на рационализацию потребления.

Готово ли общество к такого рода идеям и, более того, решениям?

Мне кажется, ответ очень важен, и его надо искать.

Моя попытка такого поиска — концепция перехода через этап нового индустриального общества второго поколения к ноообщественному устройству, основанному на нооэкономике, особом, неэкономическом способе удовлетворения потребностей общества.

Детально источники, принципы и структура его представлены в презентуемой вам сегодня моей новой книге «Ноономика».

В чем ее базовые идеи, если кратко?

Я всегда выступал за приоритет технологической компоненты в цивилизационном развитии.

Появление определенных новых базовых технологий, обладающих превалирующим — по отношению к прочим технологиям! — пенетрационным потенциалом, влекло смену технологических укладов, сопряженную с влиянием на общественное устройство. К примеру, в свое время открытие электротехнологий, обладающих более мощным потенциалом воздействия на прочие, лучшим проникновением в другие технологии, породило переход к укладу, основанному на электричестве. Подавляющее большин-

ство технологий этого уклада стало в различных формах работать на электричестве, «вобрало» его в себя, изменив свою суть! Причем быстрее и эффективнее переходили на новую базу те технологии предыдущего уклада, которые обладали большим реадiness-потенциалом (способностью воспринимать!) по отношению к пенетрирующей технологии — в данном примере к электричеству. А те технологии, которые не смогли перейти на электрическую основу, постепенно «уходили», их доля в общественном производстве снижалась, вплоть до полного исчезновения.

То же самое наблюдалось, когда происходил переход к микроэлектронике.

Сегодня мы живем в мире экономических отношений с базовым технологическим укладом, переходящим в новое состояние, главным содержанием которого станет интегрированная платформа инфокогникommunikационных технологий на цифровой основе. И это явление порождает новую реальность, горизонты которой видны. Происходят, вслед за развитием технологических возможностей, существенные изменения в социальном развитии.

Наша цивилизация стоит на пороге качественного скачка. Как мы уже отметили вчера, XXI век подтверждает прогноз Маркса о том, что человек постепенно выйдет из материального производства «за пределы материального производства», заняв роль его «контроллера и регулятора», что предсказывал К. Маркс.

Главным источником развития производства станет знание, а не материальный ресурс; господствующие ныне симулятивные потребности в обществе постепенно отойдут на второй план, вытесняемые потребностью в знании; система имущественного неравенства снимется системой неравенства способностей и талантов; человечество, становящееся мощнейшей геобиологической силой (в соответствии с концепцией ноосферы В. Вернадского), встанет перед необходимостью перехода от потребления природных ресурсов к воспроизводству геобиоценозов... И т. д. И это далеко не все из ожидаемых изменений.

Традиционные категории и законы экономики (стоимость, собственность, деньги) в этом, надвигающемся на нас уже сегодня будущем, постепенно потеряют свой привычный смысл, если не исчезнут вовсе.

Будущая эволюция всех экономических форм в неэкономические является, как показывают результаты наших исследований, закономерной. Формирование такой сферы производства, которая станет опираться непосредственно не на человеческий труд, а на функционирование «технетических» существ, определит «снятие» экономических отношений между людьми в технологических настройках

самодействующего производства.

И это — не прогноз весьма отдаленного будущего. Это — констатация пока еще малозаметных, но уже начавшихся изменений: рождения не просто экономики, приспособленной к решению задач прогресса ноосферы, а качественно нового феномена — нономики.

Здесь следует пояснить, что означает этот термин, введенный нами в науку. Под ноономикой мы понимаем неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Иными словами, нономика — хозяйственная система, развивающаяся от экономики к системе, где люди вступают в отношения в сфере, лежащей «по ту сторону» собственно материального производства, в сфере ноопроизводства.

Это — принципиальное отличие грядущей хозяйственной системы от привычной нам системы экономической.

Более подробно причины и перспективы перехода к ноономике, как и существо этого феномена, изложены в моей новой монографии, которая так и называется — «Нономика».

Таким образом, в поиске ответов на вопросы относительно выбора путей и ожидаемых результатов неоиндустриального и инновационного развития мы пришли к пониманию того, что будущий облик нашего общества кардинально изменится. И от того, насколько быстро мы сумеем подстроиться под эти изменения, провести необходимые трансформации, перестроить как структуру производства, так и общественные институты, зависит наш успех в будущем.

Таков, в очень сжатом виде, главный посыл моей новой книги.

Ну а насколько автору удалось донести этот тезис до читателей и обосновать его — судить вам.

Котц: Позвольте сделать несколько кратких комментариев. «Нономика» — очень интересная книга, которая рассматривает существующие тренды в технологической эволюции, в экономике и обществе. Бодрунов отрекается от расхожего представления о том, что технология закончилась, завершилась и подведена черта под сферой материального производства. Напротив, по мнению Бодрунова, информационные процессы преобразовали сферу материального производства и стали ее основным элементом. Однако он также высказывает мнение, что в результате технологического развития люди будут вытеснены из материального производства, как следствие — общество

будет реформировано для того, чтобы достичь следующей ступени развития общества. Изменится и текущая форма мирового капитализма, которая обожествляет нерегулируемые рынки. Существующая сейчас система не может в достаточной степени удовлетворить финансовые интересы. Для достижения следующего уровня развития необходимо усилить роль культуры и значение творческой деятельности как аспекта человеческой деятельности.

Для достижения следующего уровня социального развития нам нужна индустриальная политика, которая могла бы сочетать в себе планирование и рынок. Самый эффективный способ, который может обеспечить развитие в этом направлении, — это развитие технологий и продвинутых производственных основ, удовлетворяющих требованиям рынка, а не только планирования. Необходимо привлечь инвестиции в образование, науку и технологию. Джон Кеннет Гэлбрейт, чьи книги я читал в 60-х, в своих ранних работах говорил о ключевой роли знаний в современной экономике.

С моей точки зрения, представленная Бодруновым критика современного капитализма очень хорошо обоснована. Кроме того, в «Ноономике» предлагаются пути дальнейшего развития России, а это сейчас крайне необходимо. Однако предсказание трендов технологического развития — очень опасное и сложное дело. Самое смелое предсказание Бодрунова в отношении того, что люди будут вытеснены из процесса производства, периодически предлагалось в прошлом. Но до сих пор это предсказание не сбылось. Доля занятых в производстве сократилась, но не приближается к нулю. В то же время растет число людей, занятых в сфере обслуживания, которая тоже является частью производства в рамках современной экономики. Она включает в себя розничную торговлю, финансы, транспорт, образование, здравоохранение и т. д. При капитализме не все организовано так, как производство товаров. Производством товаров в основном занимаются сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность, производство, а другие секторы считаются производствами сферы услуг. Каждая новая технология, которая решает одну из стоящих перед человечеством задач, порождает новую задачу, и в результате в эпоху капитализма заработная плата постоянно увеличивается. По данным Бориса Гувена, периоды значительного наращивания технологического прогресса сопровождаются увеличением рабочей силы. И это очень странно, потому что мы знаем — внедрение новых технологий напрямую приводит к исчезновению некоторых профессий.

Однако, несмотря на то что мы отмечаем влияние технологического прогресса на показатели занятости и размер заработной платы, мы должны также принимать во внимание еще один фактор. Производительность за человеко-час повышается, что приводит к сокращению кадров, однако одновременно наращиваются объемы производства. И в итоге мы наблюдаем увеличение количества занятых в производстве.

Ключевой момент, который я хотел бы отметить, исходя из работ Маркса, — это концепция перехода от одной социэкономической системы к другой и то, что отмечает Бодрунов: переход общества на более высокий уровень, в котором экономическая деятельность направлена на удовлетворение человеческих потребностей. Маркс говорил, что каждый крупный переход в прошлом был подготовлен технологическими достижениями. Но переход никогда не совершался без изменений структуры власти, в распределении власти между слоями общества и экономики.

В результате формируются классы, и сейчас, с приходом капитализма сформировался класс капиталистов, который владеет производством и организациями, работающими в сфере услуг. Капиталисты заменили собой класс феодалов, который ушел в прошлое. И в то же время с приходом новых технологий развиваются капиталистические отношения, смещение которых невозможно без политических потрясений. В 1640-х годах Французская революция представляла собой сброс власти прошлого, старого правящего класса, а сейчас капиталист стал новым правящим классом. И я не верю, что богатые и могущественные капиталисты, чьи доходы проистекают из текущей системы, просто упакуют свои чемоданы и уйдут. Тот переход, который описывает Бодрунов, — это направление, в котором технология толкает наше общество. И я считаю, что этот переход невозможен, пока не разрушена политическая сила капитала.

В конце концов, создание государства не существует в природе само по себе, а является производным человеческого общества, и, когда высокие зарплаты не будут феноменом, существующим в человеческом обществе, человеческие потребности станут основным драйвером экономического развития. Спасибо.

Дэвид Лайбман: К сожалению, по имевшемуся в моем распоряжении сокращенному изданию «Нономики» я не мог составить полное представление обо всех идеях, которые содержатся в этой книге. Поэтому я надеюсь, что мне представится возможность ознакомиться с полным вари-

антом, и тогда дам более развернутую оценку идеям, которые представлены в монографии.

Однако того, что я прочитал, достаточно для того, чтобы выразить мое мнение о «Ноономике». По моему мнению, отличительное качество профессора Бодрунова заключается в том, что он всегда мыслит глобально. И эта его черта кажется мне особенно важной в контексте того, что участники презентации приехали в Кембридж из разных частей света. Глобальное мышление очень подходит к нашей глобальной по представительству и тематике конференции.

Первое, что я хотел отметить по поводу книги, — это ее акцент на усиление роли знаний в процессе производства и уменьшение роли материалов. Я в этот раз не увидел графика с кривым крестом Бодрунова, с удельными емкостными значениями, но этот график есть, может быть, вы его видели в ходе других мероприятий. Но у меня вопрос такой: как измеряется удельный вес знаний? Являются ли знания непосредственной частью материального производства? В чем можно измерить их долю? Можно, например, сравнивать нынешнюю ситуацию, сопряженную с развитием современных информационных технологий, с индустриальным производством прошлого века. Можно попробовать поставить вопрос о том, в чем заключается баланс между знанием и материалами. Современное материальное производство стало менее материальным? Оно меньше зависит от материалов? Или мы уже перешли в некую нематериальную сферу? И если здесь присутствует Кристиан Фукс, он, наверное, намного лучше меня сможет объяснить эту мысль. Обращаю ваше внимание на то, что существует множество предприятий, которые потребляют огромное количество электроэнергии. Эти предприятия поддерживают мобильную связь, интернет и т. д. Так до какой степени это не материально? Мы же зависим от этих предприятий, которые вырабатывают электричество. Это один важный вопрос, который я хотел задать.

Второе — это технологический детерминизм. Из работ профессора Бодрунова у меня создалось впечатление, что переход, о котором он говорит, основан на технологиях, и нам необходимо идти в ногу со всеми технологическими изменениями и т. д. Технологический прогресс принимает большое количество форм и форматов, но в «Ноономике» речь идет об опережающем развитии, о том, что наблюдается ускорение. Как мне кажется, такой подход может быть до некоторой степени вырван из контекста, потому что нужно обязательно рассматривать социальную систему в целом. Нужно ли нам ускорять изменения? Что из себя представляет адекватная скорость внедрения инноваций, измене-

ний? Ускорение можно рассматривать как синоним пролетаризации, потому что сегодня рабочий класс работает в сфере информационных технологий. Тут возникает отношение зависимости, и именно с этой точки зрения я подхожу к социальному детерминизму, к тому, насколько технологии влияют на общество, на состав рабочего класса. Я, конечно, говорю очень абстрактно и умозрительно.

В своем докладе профессор Бодрунов снова вернулся к тому вопросу, который он задавал на Московском экономическом форуме и на СПЭКе: почему Россия не может реализовать свой потенциал? Этот вопрос очень важен как для докладчика, так и для других представителей России. Почему Россия не может идти по тому пути развития, о котором много говорят? Почему экономика продолжает использовать сырьевую модель? Почему не может осуществиться переход к неоиндустриальному укладу? Предлагаются разные решения: реорганизация промышленности, налоговая политика, развитие технопарков и кластеров и т. д. Текущая ситуация — отсылка к советской истории, к событиям 1970-х годов, когда были созданы огромные промышленные предприятия, ассоциации. Вопрос следующий, и этот вопрос задают недостаточно часто: почему Россия зависит от своих природных ресурсов? И почему она зависит от своих природных ресурсов в такой высокой степени? И у меня не так много времени, поэтому мы не будем вдаваться в подробности о том, что из себя представляет текущая социоэкономическая формация в России. Сложилась следующая ситуация: олигархическая элита боится неоиндустриализации, о которой говорит профессор Бодрунов. Они ее боятся, и боятся по причине того, что новая технология обязательно потребует пересмотра навыков, умений, системы образования и т. д. Необходимо будет стимулировать развитие гражданского общества, которое, возможно, будет противостоять существующему политическому устройству и режиму. Я говорю откровенно, не обижайтесь, пожалуйста. Неужели мы пытаемся получить то, что в принципе невозможно, то есть мы пытаемся говорить о политических движениях, которые могли бы создать оппозицию, которой, как мы понимаем, нет в данный момент в России? Может быть, я сейчас фантазирую, но тем не менее мне кажется, этот вопрос нужно было задать.

Еще один вопрос: представляет ли неоэкономика собой некое скрытое, неявное проявление того, что Маркс назвал бы более высокой ступенью коммунизма? Я говорю о ситуации, в которой люди контролировали бы то, что происходит в государстве. В таком государстве не существовало бы разделения между элитами и всеми остальными.

ми. То есть в ноономике речь идет именно о государстве, в котором широкие массы имеют одинаковый доступ к благам и равные возможности, и, соответственно, об экономике, где техносфера и люди не будут разделены, а у людей будет возможность развивать свой человеческий потенциал и использовать технологии в качестве вспомогательных средств. Может ли ноономика считаться некой итерацией идей Маркса? Речь, конечно же, не идет о возвращении во времена Советского Союза. Это невозможно. Но можно вернуться к позитивному пути развития, к тому вектору, который был задан в советское время. И если именно об этом идет речь, то когда мы, наконец, сможем это официально признать? Может быть, если мы официально признаем, что возвращаемся к направлению, заданному в советские времена, мы сможем, в конце концов, открыто обсуждать сопутствующие проблемы и говорить о том, как нам следует двигаться вперед. И при обсуждении вариантов дальнейшего развития также необходимо принимать во внимание бывшие советские республики, которые в данный момент не активны, но могут активизироваться. Большое спасибо.

Радика Десаи: Я согласна с Бодруновым в том, что нужно отвергнуть некоторые принятые оценки постиндустриальной экономики. Я согласна с его утверждением о центральной роли производства. Подход, представленный в «Ноономике», отражает более глубокое понимание вопроса, чем переход от одной формы капитализма к другой. По мнению Бодрунова, то, что происходит сейчас, требует перехода к совершенно другой форме общества. Другими словами, технологические изменения на данный момент находятся в критическом состоянии. Не в кризисной точке, но момент сейчас критический. Старая парадигма отмирает, и новые пока не рождаются. И причина, по которой новые парадигмы не рождаются, заключается в том, что в нашем обществе все еще доминируют структуры капиталистического производства, которое я предлагаю понимать не просто как производство с целью извлечения прибыли, каковым оно является, но также в более расширенном понимании — как производство ценности. И этот вопрос зачастую трактуется неверно. Нам необходимо думать в плоскости более прямого применения теорий Маркса. Полностью изменяя, полностью отменяя производство ценности. И это не так немыслимо, как может показаться на первый взгляд, потому что некоторые страны уже создали социальное общество, в котором государство обеспечивает доступ к образованию, здравоохранению и т. д. Это лишь один пример, над которым стоит задуматься.

Более того, относительно конкретного содержания этого перехода необходимо подчеркнуть, что увеличивает производство креативных услуг, то есть наблюдается

увеличение в творческом контенте производства. Это схоже с тем, что люди говорят об экономике знаний. По-моему, не существует «экономики незнания», мы всегда существовали в экономике знания. С того самого момента, когда первый человек бросил первый камень в первое животное, он уже использовал знание или какую-то технологию и знания. Вопрос не в том, что знания есть. Нам надо двинуться дальше, оттолкнуться от мысли, что знание является частью производства. Мы должны пойти дальше. Знание всегда было частью работника. Если мы говорим об экономике знаний, мы должны производить высокообразованных, квалифицированных работников. И необходимый переход, о котором говорит профессор Бодрунов, требует серьезного отношения к производству большего знания, большего творческого подхода. Для этого необходимы более тренированные, квалифицированные рабочие, которые способны производить более сложные манипуляции. Сложная работа, сложный труд — это множитель простого труда.

Этот переход заблокирован капитализмом. В первую очередь капитализм — это попытка отоварить то, что отоварить невозможно. В частности, знания. И этот подход должен быть отвергнут. Но также следует принимать во внимание то, что такой подход существует. Капитализм пытается отоварить существующие знания, например, цифровые системы. Представьте создание ракеты для полета на Луну с использованием римских цифр. Это все является нашим общим наследием, и мы не должны его отоваривать. Потому что без этого знания мы не способны функционировать как общество. Мы можем — должны! — использовать его без возмещения.

Конечно, я понимаю, что социальное неравенство имеет еще одно следствие: оно блокирует переход к новому обществу для большинства людей как в богатых, так и в бедных странах. Сложившаяся ситуация указывает на необходимость внедрения индустриальной политики, которая фокусировалась бы на развитии новой экономики, развитии человека, создании более образованных рабочих и создании инфраструктуры для выражения их производственной и творческой деятельности. А реализация этого сценария во многом зависит от расширения спроса. Также необходимо контролировать финансовый сектор, потому что именно на нем лежит ответственность за самые разрушительные аспекты капитализма. В этом контексте я бы хотела рекомендовать профессору Бодрунову принять во внимание работы Карла Поланьи, в которых теория Маркса получила свое дальнейшее развитие.

Еще один важный вопрос: в капитализме существуют

три вещи, которые оцениваются как товар, но которые не являются им: земля, труд и деньги. Последствия отоваривания земли и труда и огромных спекуляций на финансовых рынках профессор Бодрунов отобразил на экологических графиках.

Последний момент. Профессор Бодрунов указал на трудности в использовании ВВП для оценки состояния мировой экономики. Я согласна с ним. Оценивая ноономику как современную форму марксистской экономики, мы должны оценивать экономический рост на основании показателей качества жизни индивидуумов: их уровня образования, продолжительности обучения, состояния здоровья, доступа к культурным ценностям, вот что должно быть мерилом экономического роста. Спасибо.

Сергей Бодрунов: Уважаемые коллеги! Весьма благодарен за ваш столь подробный анализ моего скромного труда. Очень хорошо чувствуется, что вы внимательно прочли книгу и что вы сопоставили ваше понимание ситуации (с учетом вашего знания и опыта) с тем, как она дана в моей работе. При этом вы также сопоставляете это с тем, что вы слышали ранее в моих выступлениях на конференциях.

Однако чувствуется и то, что в книге «Ноономика» недостаточно раскрыты мои идеи относительно конструкции общественного устройства, которую я представляю как безусловное (с возможными инвариантами) будущее нашей цивилизации. Поэтому у вас возникают вопросы, на которые я попытаюсь ответить — на некоторые сейчас, на требующие более развернутого ответа — в своих последующих докладах и статьях. В любом случае — я признателен за ваши вопросы, поскольку они и объясняют мне, где надо что-то усилить или детализировать, — и становятся стимулом для моих дальнейших размышлений.

Итак, если коротко.

Уважаемый профессор Д. Котц, которому я выражаю благодарность за высокую оценку «Ноономики» и моих идей в других книгах вроде «Будущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка», «Гелбрейт: возвращение», ссылаясь на Б. Гувена и на собственный опыт, видит коллизию в том, что с развитием технологий, заменяющих труд людей, количество занятых в производстве должно уменьшаться, а оно — увеличивается. Он полагает, что это происходит вследствие роста производства, и задает вопрос о том, что в ноообществе, основанном на ноономике как неэкономическом способе удовлетворения потребностей людей, будет наблюдаться не рост, а снижение занятых в производстве.

Мне представляется, что ничего странного здесь нет. В экономическом обществе, удовлетворение потребностей в котором осуществляется экономическим способом, стимулируется (в том числе — через капиталистические отношения, логично возникшие в процессе развития экономики на определенном этапе, и через совершившийся переход к доминированию финансового капитала над производственным капиталом и производством) не сколько удовлетворение реальных потребностей людей (ноопотребностей), сколько, причем всё более и более, — симулятивных. А их рост, формируемый и навязываемый финансовым капиталом экономического общества, ничем не ограничен, кроме человеческой, если на то пошло, фантазией, тогда как ноопотребности человека ограничены критериальной базой под названием «культура» (в широком смысле слова) — феноменом, позволяющим человеку оценить критически и свои интересы, и интересы общества, и интересы других людей, и т. д., и на этой базе сформировать свои ограниченные этими критериями потребности. Я их называю ноопотребностями. С развитием технологий меняется общество. Растет и культура. Но очевидно отставание второго от первого, отчего и грозит нам, при сохранении отношений в обществе как экономических, при сохранении нынешнего экономического способа удовлетворения потребностей, глобальная катастрофа.

И я вижу в развитии цивилизации вариант, в котором сходятся два основных тренда. Какие? Первый — это ускоренное и всё ускоряющееся развитие технологий. Это ведет к созданию возможностей для удовлетворения потребностей — практически любых, в перспективе. Отсюда — постепенное снижение роли феномена собственности как результата экономического присвоения. Отсюда — постепенное исчезновение экономических отношений и всё большее «потребление бесплатного», в идеале — полное исчезновение основы экономических отношений. При этом, действительно, человек выйдет за пределы материального производства, ибо экономические отношения — это отношения людей в процессе материального производства (в широком смысле), основанные на отношении людей к собственности. Второй тренд — это всё большее осознание человечеством необходимости уходить от самоедского экономического способа удовлетворения потребностей, ибо он ведет к катастрофе, будучи по своей природе неограниченным — при ограниченности доступности глобальных ресурсов (например, такого ресурса, как девственная природа или экология). Отсюда — развитие и культуры потребления, и культуры ограничения, и поиск разумных (ноо!) решений даже еще в рамках экономики (предноономики!). Эти два тренда и приведут и к формированию ноопотребностей, и к переходу к нооэкономике и ноообщественным отношениям; при этом, как я указывал,

произойдет разделение, в отличие от экономики, социальной и производственной систем.

Соответственно, в такой ситуации говорить о том, что количество занятых в производстве растет, не приходится. В материальном производстве не будет занятых людей — их заменят технетические устройства. Труд человека — как одна из четырех компонент нынешнего материального производства в экономике (материалы, технологии, организация производства, труд) — исчезнет как фактор экономического, занятие (не труд) станет привилегией и станет творческим актом и процессом. Вот такой ответ на этот вопрос.

Что же касается типа перехода к «другой власти» — я согласен, что без слома существующей системы не обойтись. И я бы надеялся, что ускоряющийся технологический прогресс, подрывающий материальную основу экономического общества, сможет обеспечить бескровный переход к новому типу общественного устройства.

Что касается «креста Бодрунова», о котором говорил уважаемый профессор Д. Лайбман, то могу пояснить, что речь идет о соотношении знаниевой и материальной частей в продукте. В Институте нового индустриального развития исследовали на основе временных рядов динамику стоимости и материальных параметров изделий и входящих в них материалов для некоторых видов автocomпонент, авиаприборов, информационных систем и др., везде находя подтверждение гипотезы, отраженной упомянутым графиком. При этом не были найдены ее опровержения, что позволило экстраполировать результат и интерпретировать его как общую тенденцию, о чем и было сказано. Другое дело, что в целом по экономической системе, как и в отдельных флюктуативных случаях, мы можем в те или иные моменты времени наблюдать некоторый рост доли тех или иных материалов — до того только момента, когда будет открыто и имплементировано в продукт новое знание, сокращающее материальные издержки.

По поводу технологического детерминизма — хотел бы пояснить. Я не являюсь его сторонником, во всяком случае — в том смысле, который сформировали в свое время Т. Веблен и его последователи. Речь идет о качественном изменении состояния общества с переходом от одного технологического уклада к следующему, более продвинутому, более знаниеёмкому, создающему критическую массу нового продукта (в обобщающем смысле слова), обеспечивая влияние на развитие общества, таковой продукт потребляющего и меняющего его качественно. И если речь идет о грядущем переходе к ноономике как альтернативе экономи-

ки, что позволит не допустить катастрофического варианта развития (в экономической парадигме), то, безусловно, надо поддерживать ускоренное технологическое развитие.

Является ли ноономика «неявным проявлением более высокой ступени коммунизма» Маркса? Возможно, если речь идет о нообществе, а не о ноономике. Ноономика — это неэкономический способ удовлетворения потребностей людей, ноопотребностей. Отношения, в которые люди вступают в процессе удовлетворения таких потребностей в неэкономической форме, не являются экономическими. При этом они формируют базу общественных отношений и, соответственно, тип общественного устройства. Включая способы согласования интересов между членами общества, общественных интересов и интересов отдельных индивидов и т. д. — государство это будет, в сходном с сегодняшним понимании, но качественно иное государство, или вообще это будет некая новая конструкция. Маркс эти позиции детально не раскрывал. При этом есть принципиальное отличие расхожей парадигмы социализма («от каждого — по возможности, каждому — по его труду») и коммунизма («от каждого по способности — каждому по потребности»): в нообществе, скорее, будет не просто «каждому — по потребности» — а «каждому — по ноопотребности», притом что критериальная база, определяющая «ноо», будет формироваться также на ноопринципах и, соответственно, постоянно совершенствоваться — возвышаться. Судя по всему, каждый родившийся человек будет обеспечен всеми нооблагами в полном объеме безотносительно его занятий на протяжении всей жизни. Уже сейчас, хотел бы заметить, мы продвигаемся по пути и формирования ноопотребностей (возьмите «Гринпис» хотя бы или движение «За мир без пластика»), и обеспечения потребностей без оплаты (есть масса общественных благ во все большем количестве стран), и даже формирования в некоторых странах так называемого базового дохода (в экономическом обществе, где существует плата за большинство благ, этот подход обеспечивает фактически бесплатный доступ к их критериально-разумному количеству).

Я благодарю уважаемую профессора Радику Десаи за столь высокую оценку моей работы; это для меня тем более важно, что госпожа профессор часто приезжает из-за океана на те конференции, где я докладываю свои новые результаты, будь то в России или в других странах, и хорошо знакома с моими взглядами. Я согласен с ее важным соображением по поводу «производства ценностей». А ее мысль о том, что «знание всегда было частью работника» я интерпретирую в качестве знаниевой части труда как компоненты производства. И подтверждаю в этом случае свое согласие. И совершенно верно, что переход от труда экономического (по цели) к труду творческому, к творческим занятиям, без привязки к экономической оплате, заблокирован сегодняшним капитализмом, который отличается доминированием финансового капитала. Отсюда — и негативное влияние со стороны такого яркого его проявления, или следствия, как неравенство, на прогресс человеческого общества. И я с удовольствием поищу еще раз подтверждения этих идей госпожи Десаи, совпадающих с моими, в трудах Карла Поланьи.

Еще раз — спасибо всем вам, уважаемые коллеги, за ваше время и внимание, за тот длинный путь, который проделало большинство из вас для того, чтобы принять участие в этой презентации. Ваши вопросы, беседы в кулуарах дают мне новую богатую пищу для размышлений, которые, надеюсь, я смогу отразить в следующих своих статьях и книгах.

Александр Бузгалин: Уважаемые друзья, мне кажется, дискуссия удалась, был солидный авторский доклад, выступления коллег из разных университетов мира, были и вопросы, и более чем обстоятельные ответы. Это была хорошая работа. Хочу, как модератор встречи, выразить всем признательность.

ЧАСТЬ II

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

ОСНОВА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ
ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

«ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»: ВЫЗОВ ДЛЯ РОССИИ?

МЕГАПРОЕКТ «ЕДИНАЯ ЕВРАЗИЯ — ТРАНСЪЕВРАЗИЙСКИЙ
ПОЯС РАЗВИТИЯ» — РОССИЙСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

ПРОЕКТ СЕТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ 1863 ГОДА

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Россия — это страна регионов, регионов с разными народами, традициями, конечно, с разной экономикой, с разным социально-экономическим развитием. Как развивать такое неоднородное и сложное пространство, чтобы оно было не только местами успешным и привлекательным?

СОБЕСЕДНИКИ

Владимир Викторович Иванов,
заместитель президента
Российской академии наук, член-корреспондент
Российской академии наук, д. э. н., к. т. н.

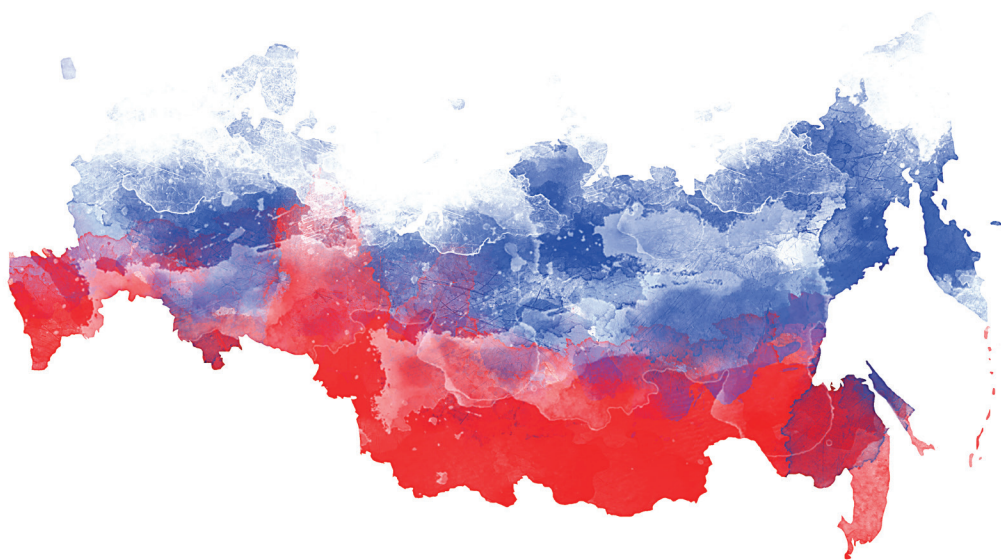

Сергей Вячеславович Калашников,
первый заместитель председателя комитета
Совета Федерации по экономической политике,
д. э. н., профессор, член Президиума Вольного
экономического общества России

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент Вольного экономического общества России,
президент Международного союза экономистов, директор
ИНИР им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Программа «Дом “Э”» на телеканале ОТР

Стратегия пространственного развития

Бодрунов: Уважаемые коллеги, у нас есть уже, наконец, документ, о котором можно как-то говорить. Есть некая доработанная стратегия пространственного развития Минэкономразвития, где России предлагается выделить 14 регионов, этим регионам поставить целевые задачи, ну, и развивать по примеру Дальнего Востока, Северного Кавказа и так далее. То есть какие-то наработки использовать. Поддерживаете ли вы идею деления России на макро-регионы, если такое слово — «деление» — можно употребить?

Калашиников: Я лично поддерживаю. И должен сказать, что эта идея не нова. Буквально начиная с первых годов жизни новой России она звучала. Дело в том, что достаточно произвольное искусственное деление на систему субъектов, прежде всего, областей, которое существует, никак не отражает экономические реалии. Дело в том, что достаточно много однотипных по хозяйственной модели регионов, находящихся в одной географической зоне, которые показывают совершенно разные результаты, это раз. Во-вторых, нарушается та возможная кооперация регионов с одной и той же однообразной моделью экономического развития, которая могла бы быть в рамках

укрупненного образования. Плюс управляемость. Я считаю, что идея объединения ряда регионов вполне жизненная, разумная, оправданная.

Другое дело, что нужно понимать, что здесь не может быть формального подхода. Например, как только речь заходит о каких-то национальных образованиях, то тут возникает целый ряд политических ограничений. Поэтому я считаю, что провозгласить просто 14 макрорегионов нельзя, особенно это связано с сибирской зоной. Я думаю, что здесь требуются и определенная дискуссия, и определенные дополнительные экономические аргументы.

Бодрунов: Я вспоминаю советские времена, когда пытались реализовать идею совнархозов. Наверное, можно говорить и о том, что президент в свое время выделял федеральные округа для каких-то определенных задач. Представляется, что это развитие или реинкарнация той идеи, потому что она постоянно как бы носится в воздухе. Страна у нас большая, как говорится, порядка только нет. Чтобы порядок был, надо все-таки повышать управляемость, связность, как говорят математики, и так далее, хотя бы межрегиональную. В момент, когда произошло образование Российской Федерации с дроблением и суверенизацией чуть ли не областей, помните, в постсоветское время, когда границы областей были, могли товар остановить и оттуда не поставлять, потому что у самих дефицит товарный и так далее и тому подобное.

Калашников: Сейчас водочные войны.

Бодрунов: Да, водочные войны. Скажите, пожалуйста, Владимир Викторович, на Ваш взгляд, новая концепция позитивная или она никак не повлияет на развитие регионов?

Иванов: На мой взгляд, мы находимся на новом этапе развития. И я бы согласился с тем, что сказал Сергей Вячеславович: надо пересмотреть административное устройство страны, но четко понимать, для чего и что мы делаем. Для того чтобы сказать: 14 макрорегионов — это много или мало, надо провести очень тщательный анализ. Сергей Вячеславович уже сказал, это ситуация и политическая, и национальная. Надо посмотреть еще экономические возможности. И вопрос стоит в том, чтобы продумать модель управления. С одной стороны, мы должны давать регионам больше свободы. С другой — нельзя допускать того, чтобы они превратились в самостоятельные, самостоятельные государства.

Частичная регионализация не повредит

Бодрунов: Эта регионализация, не приведет ли она к определенному сепаратизму, особенно когда национальные республики в составе региона в основном.

Калашников: Вы знаете, вся жизнь как маятник. Я считаю, что при том лишении любой свободы регионов, которая сейчас стала уже камнем на шее у экономики, определенная отмашка маятника в сторону большей самостоятельности и свободы просто неизбежна...

Иванов: Но, давая свободу хозяйствования, надо все-таки давать и ответственность.

Калашников: Никто не против, но ведь сейчас другая ситуация. Мы ответственность регионов в плане социальных обязательств федерального уровня отдали, делегировали, а денег даем очень мало, заставляя регионы входить в кабалу к коммерческим банкам. Так тоже нельзя.

Бодрунов: Мы предлагаем «держаться».

Калашников: Я полагаю, что в любом случае золотая середина — это динамичное состояние. Поэтому вот на сегодняшний день я совершенно сознательно, полностью соглашаясь с вами, что хорошо бы найти золотую середину, считаю, что в данный момент задача тактическая — дать, ну, если не максимум, но значительно больше экономической свободы регионам.

Бодрунов: Не знаю, Сергей Вячеславович, согласитесь Вы со мной или нет, я неоднократно слышал наблюдения специалистов, которые занимаются региональной проблематикой, о дифференциации наших регионов. Дифференциация, например, в научно-техническом потенциале по разным параметрам, я не буду в детали вдаваться, достигает десятков раз, разница в доходах населения в разы...

Калашников: В десятки раз.

Бодрунов: А иногда в десятки раз. Разница в образовательном уровне, условно говоря, тоже в разы и так далее. Здесь надо понимать, что, наверное, эти все вещи надо тоже учитывать в создании региональной политики, в развитии регионов, потому что соединить крупный с умирающим регионом, наверное, не всегда удастся, и полезно ли

это, тоже большой вопрос, когда несравним потенциал регионов. Даст ли вот это объединение, разъединение и консолидация, расконсолидация, позитивный эффект вот в этом развитии... Я полагаю, что научно-техническое развитие сейчас — это главное, на что нужно обращать внимание вообще в развитии общества, развитии страны.

Иванов: Вы абсолютно правы, первый вопрос заключается в том: дифференциация регионов по состоянию научно-технического потенциала — это хорошо или плохо? Наверное, надо вопрос рассматривать в другой плоскости. Сильных научных центров не может быть много, такого нет нигде в мире.

Бодрунов: Естественно, да.

Иванов: Но все регионы, независимо от своего социально-экономического или, там, научно-технического уровня, должны всегда иметь соответствующую научную поддержку. Я напомним, что вообще-то до недавнего времени эта схема была реализована через систему академических научных центров, когда у нас были центральная часть, три региональных отделения и в большинстве регионов были региональные научные центры Российской академии наук.

И вот одна из задач этих центров была в том, чтобы оказывать администрациям регионов научно-техническую поддержку для решения их вопросов. Поэтому нам, по-видимому, стоит вернуться к этой схеме организации. Тем более что вообще-то в законе о Российской академии наук такая функция, как региональные научные центры, прописана. Так что нам в рамках новой стратегии, наверное, надо будет к этому вопросу возвращаться.

Калашников: Я полностью согласен, но я хотел рассмотреть несколько другой оттенок. Общий жизненный цикл автомобиля определяется тем агрегатом, который имеет наименьший жизненный цикл. Если сломался агрегат, то ломается вся машина. Поэтому мы не можем исходить из того, что могут существовать высокоразвитые, богатые регионы и бедные, затюканные, никакие, потому что тогда целиком страна будет определяться не высокоразвитыми регионами, а вот этой тонкой нитью, там, где рвется...

Бодрунов: Да, как говорят в армии, «засекаю по бегущему последним».

Калашников: Совершенно верно. Поэтому я считаю, что цивилизационная экономическая задача — это все-таки выравнивание потенциалов регионов. И вот здесь объединение как раз и является методом. Да, есть плохой,

серенький, никакой регион. И есть развивающийся, бурный, не будем говорить, за счет чего: или хороший руководитель, или традиции, или недра. Но они разные. И если их объединить, понятно, что высокоуспешный немножко упадет. Это плохо. Но зато неуспешная часть поднимется...

Бодрунов: Быстро вырастет...

Калашников: Может быть, не быстро, но поднимется. Возникнет определенный средний потенциал. И уже можно работать с этим средним потенциалом. Я, например, всю жизнь выступаю против минимальных норм социальной защиты, потому что минимальные нормы социальной защиты — это система выживания. Нужно ориентироваться на средние нормы. Средние нормы — это то, что определяет, собственно, развитие. И второй момент. Да, Вы правильно заметили, что будущее регионов — это научно-технический потенциал. Даже если брать, допустим, шахты, то все равно туда не завтра, так послезавтра придут роботы. Но современный научно-технический потенциал, он географически не привязан, он сетевой...

Бодрунов: Да, именно поэтому я этот вопрос и задаю...

Калашников: Как сетевой стала наука, так сетевым стало и цивилизационное развитие. Другое дело, что да, государство должно обеспечить коммуникации, да, уровень во всех субъектах должен быть соответствующий уровню того региона, с которым я коммуницирую.

Объединяющая инфраструктура

Бодрунов: Сергей Вячеславович, вот в этой связи очень, мне кажется, важным вопрос: у нас страна большая, и состояние регионов — это отражение того, что у нас большая страна, и географически большая, и климатически разная, и по потенциалам разная — всё разное, а страна единая. Единство страны еще в царские времена определялось в том числе, как Вы сказали, инфраструктурой, в первую очередь транспортной доступностью. Мы обсуждали этот вопрос и в Координационном клубе ВЭО России. И один из важных вопросов, который там был поставлен, состоял в том, что, когда мы говорим о пространственном развитии России, развитии региональном и так далее, мы должны помнить, что мы находимся не в безвоздушном пространстве, мы находимся в мировой экономической системе. И поэтому все наши преобразования, все идеи, связанные с выделением регионов и так далее, должны

ложиться на какие-то более глобальные, крупные проекты, куда идет Россия.

Например, если мы говорим о проблемах связанности территорий, о проблемах транспортной доступности, мы понимаем, что в то же время через страну могут идти товарные потоки. Здесь нужно вспомнить и китайский Шелковый путь, и наши собственные проекты, и Северный морской путь, так что в развитии единого экономического пространства всё это должно быть тоже учтено, я так полагаю.

Иванов: Абсолютно точно. Если мы вспомним всю историю экономики, то развитие территорий шло вслед за развитием торговых путей.

Бодрунов: Совершенно верно.

Иванов: Поэтому сейчас, по-видимому, одна из основных проблем — это сделать собственные транспортные магистрали, транспортные системы, которые бы, с одной стороны, охватывали максимально возможную территорию, и с другой стороны — способствовали нашему участию во внешней глобальной торговле, во взаимодействии с нашими внешними партнерами, прежде всего, наверное, с Китаем, поскольку он близкий.

Такие проекты тоже есть. Один из таких проектов находится в очень хорошей стадии проработки. Академия наук заключила соглашение с ОАО «РЖД» о дальнейшем развитии этих работ. Они уже начались, переходят к практической стадии.

Калашиников: Я считаю, что здесь есть два нюанса. Первый нюанс — развитие транспортной системы не является самоцелью, оно подчинено экономическим задачам. Например, почему мы трижды принимались строить БАМ? Потому что без этого мы не могли освоить те месторождения, которые находятся вокруг Байкало-Амурской магистрали.

Кстати, мы до сих пор толком до них не добрались, хотя это огромный потенциал. Задача вполне экономически понятная — построим БАМ — что в 30-е годы, что в 80-е...

Бодрунов: Да, будет на чем возить...

Калашиников: Будет на чем возить, будет что осваивать. Кроме того, мировая торговля очень сильно меняется. После того как китайцы сказали, что модернизировать Сибирский железнодорожный путь невозможно, и стали строить новый через Казахстан, появление еще одной

нитки Сибирского пути железнодорожного — это, конечно, дубляж. Но дубляж чего? Китай уже обеспечивает себя вот этой новой дорогой.

Бодрунов: Прямой дорогой, так сказать...

Калашников: Да. Насколько наша, требующая колоссальных финансовых затрат, если мы ее по новой построим, станет окупаемой?

Наверное, мы не можем искать решение этих вопросов, совершенно разумных, только за счет традиционных методов. Жизнь меняется. Понятно, что на сегодняшний день будущее в грузовом товарообороте за трубопроводным транспортом, причем таким трубопроводным, который может осуществлять любые, вплоть до пассажирских, перевозки. Значит, нам нужно думать, где и как строить уже сегодня пути сообщения завтрашнего дня, и туда вкладывать. Второй момент, перемещение товаров — великая вещь, вы правы абсолютно, что за товарами идет и цивилизация. Но сейчас более важным является мобильность трудовых ресурсов. Значит, нужно, извините меня, строить аэродромы в каждом районном городке, как это было раньше, чтобы люди могли быть мобильными за умеренные деньги.

Бодрунов: Да, как это есть во многих европейских странах в том числе.

Калашников: Я могу привести пример. По всей Южной Америке можно летать из страны в страну за 100 долларов. У нас, чтобы перелететь из Москвы на Дальний Восток, нужно более 1000 долларов.

Иванов: Когда мы говорим о миграции трудовых ресурсов, мы должны понимать, что должны быть рабочие места для этих ресурсов.

Калашников: Совершенно верно. И не обычные, а технологические желательны.

Иванов: А высокотехнологические. И вот здесь мы попадаем еще в один круг для обсуждения. Транспортные магистрали — это хорошо, мы их создадим. Но нам же надо, чтобы люди закреплялись на территориях. Поэтому нам одновременно с этим надо думать и о том, как мы будем эти территории благоустраивать...

Бодрунов: Как закреплять и как повышать мобильность одновременно.

Иванов: А это связанные вещи на самом деле, потому что, если, скажем, создать на территории достаточно эффективную систему образования и систему организации труда в широком смысле, тогда можно будет говорить и о мобильности. Какое основное ограничение мобильности? Это качество жизни. Когда у нас разрыв между мегаполисами, крупными городами и маленькими поселениями — на порядок...

Бодрунов: Да, в десятки раз.

Иванов: Поток будет только в одну сторону. Поэтому одна из задач по пространственному развитию заключается в том, чтобы создать качественные условия жизни на максимально возможной территории.

Калашников: Мне кажется, Вы сказали сейчас сверхважную вещь. В сознании многих специалистов, и в том числе касательно концепции пространственного развития, акцент сделан на создание рабочих мест. Но дело в том, что сами по себе рабочие места на сегодняшний день не являются жестко привязанными к конкретной территории. Более важно то, мне кажется, что вы сказали: при пространственном развитии, планируемом пространственном развитии необходимо учитывать характеристики жизни людей. Почему люди живут там, а не в другом месте? Там лучше, экологичнее, доступнее...

Бодрунов: Да, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.

Калашников: А работать человек может ездить, если есть соответствующая транспортная система.

Бодрунов: Вы знаете, это, наверное, снижает и риски суверенизации регионов.

Калашников: Да, конечно.

Стратегия Минэкономразвития

Бодрунов: Уважаемые коллеги, процесс создания стратегии пространственного развития идет. Что можно предложить? Что можно рекомендовать, если коротко, в чем дорабатывать надо эту стратегию?

Калашников: Стратегия умозрительная и создана в Минэкономразвития без учета мнений территорий. А мне кажется, должно было бы быть построение не сверху вниз, а снизу вверх. По одной простой причине: с 1 января 2019 года наконец-то начнет работать закон, принятый в 2014 году, «О стратегическом планировании». Сейчас все регионы создают свои программы стратегического планирования. Понятно, что создают они их по старинке. Субъекты сейчас создают свой план стратегического планирования на ближайшую необозримую перспективу сами по себе. А стратегия пространственного развития Минэкономразвития — сама по себе. И вопрос — где они встретятся...

Иванов: Тут есть еще одна проблема — в том, что стратегия создается в одном министерстве, но есть и другие министерства, которые пишут свои стратегии. И вопрос в том, насколько эта стратегия связана с другими... Мы уже говорили о роли научно-технического потенциала. В этой стратегии, честно говоря, этому уделено крайне мало внимания.

Бодрунов: Я тоже на это обратил внимание.

Иванов: И если мы действительно, как уже Сергей Вячеславович сказал, будем работать по старинке, по старым лекалам, тогда мы останемся в прошлом.

МОДЕРАТОР:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

**ОСНОВНОЙ
ДОКЛАД:**

Елена Станиславовна Чугуевская,
член Правления ВЭО России, действительный государственный советник РФ 2-го класса, профессор

СПИКЕРЫ:

Руслан Семенович Гринберг,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, профессор

Иван Валентинович Стариков,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, действительный государственный советник Российской Федерации

Михаил Яковлевич Блинкин,
директор Института экономики транспорта и транспортной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор

Андрей Владимирович Боков,
почетный президент Союза архитекторов России, руководитель Центра пространственного планирования Московского архитектурного института, академик Российской академии архитектуры и строительных наук, народный архитектор России

Владимир Борисович Гелайко,
член Правления ВЭО России, заместитель председателя, секретарь Крымского регионального отделения ВЭО России

Сергей Юрьевич Малков,
научный руководитель Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор

ОСНОВА СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России, председатель Научного
совета ВЭО России, научный руководитель Финансового
университета при Правительстве РФ, член-
корреспондент РАН, профессор

Кирилл Вадимович Янов,
заведующий лабораторией прогнозирования
региональной экономики Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН

Александр Александрович Пискунов,
заместитель руководителя межведомственного
координационного центра Института социально-
политических исследований РАН (ИСПИ РАН)

Андрей Евгеньевич Городецкий,
член Правления ВЭО России, руководитель научного
направления «Институты современной экономики
и инновационного развития» Института экономики РАН,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор

15-я экспертная сессия Координационного клуба ВЭО России «Комплексное развитие транспортной инфраструктуры как основа стратегии пространственного развития РФ», 26 июня 2018 года

Бодрунов: Еще раз здравствуйте, уважаемые коллеги! Делу время, потехе час. Мы проводим 15-ю экспертную сессию Координационного клуба Вольного экономического общества России. Мы обсуждаем на встречах Координационного клуба актуальные, важные вопросы для развития российской экономики, для принятия решений органами государственной власти. И ваше экспертное мнение, экспертное мнение наших специалистов является важным подспорьем в формировании государственного видения задач. Как раз сегодня я давал интервью на телевидении России, и один из вопросов, который мне задали, — слышит ли власть общество и как общество формирует свое мнение. Я сказал, что мы формируем свое мнение как эксперты, и свое экспертное мнение доносим до тех структур власти, которые принимают решения. Такой диалог очень важен, и поэтому Вольное экономическое общество предоставляет площадку для обсуждений и приглашает своих экспертов.

Сегодня у нас очень важная тема. И в Правительстве, и президент России уже неоднократно говорили о важности связанности нашей экономики, связанности наших пространств. Помните слова классика: страна у нас большая, порядка только нет? Одна из составляющих этого порядка — это связанность между элементами всей нашей большой страны, между субъектами, между хозяйствующими структурами. Конечно, в большой стране гораздо сложнее организовать это дело. Поэтому у нас развитие шло достаточно однобоко: крупные центры, Москва в основном, возьмем тот же «Аэрофлот», который летал через весь мир, всю Россию собирал через Москву.

Таким образом, возникла большая задача сформировать пространственное развитие России. «Аэрофлот», например, уже вчера объявил, что у него новая стратегия развития, более разумная и рациональная, он ее изменяет в соответствии с таким видением руководителей государства. Теперь будет формироваться транспортная сеть, по заявлению руководителя «Аэрофлота», соединяющая города между собой, а не через Москву. То же самое можно говорить о железной дороге, об автомобильных дорогах и так далее.

На собраниях Вольного экономического общества мы уже неоднократно обсуждали некоторые аспекты этого вопроса. Рассматривали «Стратегию пространственного развития» на одном из заседаний Координационного клуба, обсуждали в Ялте на мероприятии Вольного экономического общества. И сегодня мы решили очередное мероприятие провести как раз на эту тему — посвятив его исследованию транспортного развития, пространственного развития, транспортной части инфраструктуры.

ИЗ УКАЗА ПРЕЗИДЕНТА «О НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ РАЗВИТИЯ РФ НА ПЕРИОД ДО 2024 ГОДА» ОТ 7 МАЯ 2018 ГОДА:

15. Правительству Российской Федерации на основе стратегии пространственного развития Российской Федерации разработать с участием органов государственной власти субъектов Российской Федерации и до 1 октября 2018 г. утвердить комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, предусматривающий обеспечение в 2024 году:

а) развития транспортных коридоров «Запад — Восток» и «Север — Юг» для перевозки грузов, в том числе за счет:

- строительства и модернизации российских участков автомобильных дорог, относящихся к международному транспортному маршруту «Европа — Западный Китай»; увеличения мощностей

морских портов Российской Федерации, включая порты Дальневосточного, Северо-Западного, Волго-Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов;

- развития Северного морского пути и увеличения грузопотока по нему до 80 млн тонн; сокращения времени перевозки контейнеров железнодорожным транспортом, в частности с Дальнего Востока до западной границы Российской Федерации до семи дней, и увеличения объема транзитных перевозок контейнеров железнодорожным транспортом в четыре раза; формирования узловых грузовых мультимодальных транспортно-логистических центров;
- увеличения пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей в полтора раза, до 180 млн тонн; увеличения пропускной способности железнодорожных подходов к морским портам Азово-Черноморского бассейна;

б) повышения уровня экономической связанности территории

Российской Федерации посредством расширения и модернизации железнодорожной, авиационной, автодорожной, морской и речной инфраструктуры, в том числе за счет:

- поэтапного развития транспортных коммуникаций между административными центрами субъектов Российской Федерации и другими городами — центрами экономического роста, включая ликвидацию инфраструктурных ограничений на имеющих перспективы развития территориях, прилегающих к таким транспортным коммуникациям;
- реконструкции инфраструктуры региональных аэропортов и расширения сети межрегиональных регулярных пассажирских авиационных маршрутов, минуя Москву, до 50% от общего количества внутренних регулярных авиационных маршрутов;
- создания основы для развития скоростного и высокоскоростного железнодорожного сообщения между крупными городами; увеличения пропускной способности внутренних водных путей.

Мы дадим сделать доклад Елене Станиславовне Чугуевской, специалисту в этой области. 15 минут Вам, Елена Станиславовна. Коллеги, у нас записалось очень много людей сегодня, но, поскольку мы работаем по регламенту и у многих позже есть другие мероприятия, у нас полтора часа. Регламент мы установили сейчас пять минут.

Еще хотел сказать: наши экспертные заключения важны, мы направляем их в структуры государства, которые занимаются развитием этого вопроса, исследованием, изучением и формированием соответствующих решений. В частности, мы направим наше заключение в Правительство, в Минэкономразвития, а также у нас сегодня присутствуют коллеги, которых целесообразно представить. У нас присутствует Еремеев Алексей Александрович, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе. У нас присутствует Егор Владимирович Насонов, советник Контрольного управления Администрации Президента Российской Федерации. И Олег Анатольевич Фадеев, заместитель полномочного представителя Президента России в Северо-Кавказском федеральном округе. Так что у нас есть люди, заинтересованные в получении экспертного заключения.

Стратегия пространственного развития как документ

Елена Чугуевская

Наша страна — самая большая в мире, площадь — 17,1 млн квадратных километров. Благо или проклятие, это — наша территория. Как правильно стратегировать ее пространственное развитие? На протяжении всей истории России предпринимались подходы к стратегическому пространственному обустройству страны. В период царской России — это ранжирование городов на губернские и уездные, строительство Транссиба. В период индустриализации — это планирование и т. д. Моя цель в данном случае — не дать большую историческую справку, а просто напомнить, что государство все время занималось пространственной организацией своей территории.

Важно отметить, что территория Российской Федерации достаточно сложная, на 60% неблагоприятна для проживания. Зона Севера составляет 11 миллионов квадратных километров. Очень много территорий с неблагоприятными для строительства условиями, это и зоны вечной мерзлоты, и гляциологические территории, и оползневые тер-

ритории, сейсмозоны.

Пара слов о системе расселения в том виде, как она на сегодня существует в Российской Федерации. Она состоит из двух трансконтинентальных расселенческих структур — основная полоса расселения, где проживают три четверти населения, и зона очагового расселения, в основном это зона Севера. Количество населенных пунктов по переписи 2014 года — 1100 городов, 1200 поселений городского типа, 52 000 населенных пунктов. В этом числе — 36 агломераций с городами-миллионниками (точнее, 15 миллионников и 21 город с населением более 500 000). Процессы урбанизации в основном отражаются на системе расселения — сокращается число населенных пунктов, в основном сельских, увеличивается население в миллионниках и малых городах за счет деградации сельской поселенческой системы.

**ВО МНОГОМ ВСЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
РУКОВОДСТВА НОВОЙ
РОССИИ СВОДИЛАСЬ
К СЛЕДУЮЩИМ
ХАРАКТЕРНЫМ ЧЕРТАМ:**

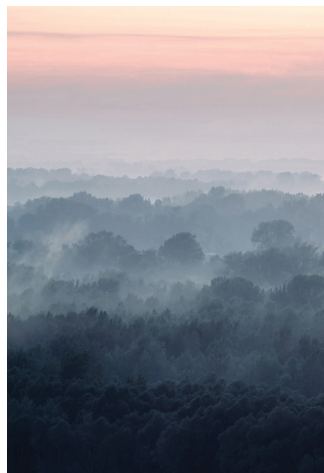
- 1) поддержке деятельности естественных монополий и вертикально интегрированных компаний,
- 2) росту территорий крупных городов и сокращению количества малых (по сути дела, неуправляемое сжатие происходило и происходит),
- 3) поддержке имиджевых мегапроектов,
- 4) усилению межрегиональных диспропорций,
- 5) отстающему развитию транспортной инфраструктуры,
- 6) конкуренции субъектов за федеральную поддержку приоритетных проектов,
- 7) ослаблению межрегиональной кооперации.

Генеральная схема

Предыдущий документ, который относился к пространственной стратегии Российской Федерации, назывался генеральной схемой расселения. Она была разработана в 1994 году, и с того времени подобными документами мы не занимались. Генеральная схема расселения рассматривала территорию страны как систему расселенческих систем. 11 крупных региональных систем, 77 систем областного типа и около 2000 местных систем в границах сельских районов. Опорными межрайонными центрами по этому документу должны были стать города с населением 100 000 — они создали бы тот самый опорный каркас России. Я приведу несколько тезисов, чтобы пояснить, какова была суть документа и как он на самом деле применялся.

Была подчеркнута необходимость дальнейшего развития Тихоокеанского региона и совершенствования расселения в районах Крайнего Севера. (Это и на сегодня открытый вопрос: нужно переосмыслить систему расселения Севера, которая была запланирована.) Речь шла и об интеграции и урбанизировании сельских местностей, были отмечены позиции Московского региона и изменение традиционных рекреационных потоков.

Напомню, этот документ разрабатывался, когда уже распался Советский Союз и осмысливалась территория в новых границах России. Речь шла и о «совершенствовании и развитии сложившейся системы расселения как основы территориальной целостности, адаптации системы расселения к структурным преобразованиям», о «модернизации и развитии целостного транспортно-коммуникационного комплекса». Приоритет отдавался развитию инфраструктурных комплексов и связей:

Москва, Санкт Петербург, Балтийские порты, Тверь, Астрахань, Благовещенск, Каспий, Владивосток, Находка.

Была предложена ориентация на бассейновый принцип территориальной организации страны. Генеральная схема расселения коррелировала с комплексной схемой территориального, экономического и социального развития Российской Федерации, которая фиксировала размещение производительных сил. В документе были отмечены территориально-отраслевые сдвиги в развитии производительных сил: в европейской части страны необходимо было сокращение производства ресурсоемкой и энергоемкой продукции, в восточной части — приоритет производству и комплексной переработке сырья.

Быстрейшая реконструкция экономики старопромышленных районов была определена как приоритет так же, как и расширение наукоемкой продукции оборонных предприятий Урала и сохранение высокого уровня добычи топливно-энергетических ресурсов. Подчеркивалась важность формирования региональных структур, хозяйственных комплексов, выделения региональных точек роста, имеющих наиболее благоприятные условия для прогрессивных отраслей. Многие эти позиции были поддержаны в последующем.

По рыночному принципу

Итак, документ работал с 1994 года, но вместе с тем основой рыночной модели организации пространства в постсоветский период было то, что 20 лет мы не смотрели на страну как на единый пространственный организм. По сути дела, государство отошло от регулирования пространственной организации экономики, произошел переход от комплексного планирования развития территории к физическому планированию инфраструктурных объектов — мы перешли к инфраструктурному планированию, а в утверждаемых документах была упущена важная аналитическая часть.

«Стратегия пространственного развития» была задумана как ретранслятор, переводчик приоритетов социально-экономического развития в приоритеты территориального развития. Она должна переводить основы государственной политики регионального развития, стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии национальной безопасности, в документы территориального планирования федерального уровня. Предмет стратегии пространственного развития — комплексный анализ трех крупных структур: системы расселения (с анализом диспропорций и изменений, прошедших в последнее время), размещения производительных

сил (определение приоритетных конкурентоспособных видов экономической деятельности для субъектов Российской Федерации), выявления разрывов инфраструктурного каркаса и определения приоритетов, которые должны стать приоритетными и принесут максимальный экономический и социальный эффект.

Пространство как фактор развития — достаточно сложная категория. Я выделила бы три укрупненных составляющих пространства: социальное пространство, экономическое пространство и физическое пространство. Стратегия пространственного развития все-таки ближе к физической части. Между тем при подготовке этого документа возникают следующие риски и вопросы по сути.

Риски подмены стратегии пространственного развития стратегией регионального развития. Разделение этих двух направлений заложено в 172-м Федеральном законе, где пространственная экономика включает региональную экономику и определены базовые цели подготовки стратегии. Тем не менее при подготовке сейчас проектируемого документа не учтена работа Российской академии наук по проблемам пространственного развития.

Технологические риски: стратегия пространственного развития задумана как цифровая карта, которая должна была быть подготовлена на единой цифровой основе схем территориального планирования Российской Федерации. Анализа и сопоставления трех пространственных блоков сейчас в документе нет.

Методологические риски: не сформирована методика пространственного анализа экономики и моделирования экономических эффектов, нет блока показателей пространственного развития, не учтен опыт документов предыдущих периодов, тех, которых я касалась.

Организационный риск: документ разрабатывается очень кулуарно. Несмотря на то что в постановлении Правительства была предусмотрена межведомственная рабочая группа, она перестала собираться. По проектному управлению внутри министерства создана проектная группа, но из-за подобной закрытости возникают домыслы, предположения, сложное отношение к документу. Я считаю, что он должен быть более публичен.

В процессе подготовки к разработке «Стратегии» был выполнен анализ пространственных аспектов развития. На их основании следует отметить следующее: изменение территориальной структуры населения идет под воздействием двух процессов. Первый — это, естественно, прирост иммиграции, — уровень доходов населения стал существенным фактором, определяющим миграционные потоки.

Если раньше важнее был климатический вектор, то сейчас основное — возможность зарабатывать. Таким образом, притягательными остаются регионы с высоким экономическим потенциалом и крупными городами.

Второй процесс — крайне ненормированное распределение инновационного потенциала Российской Федерации. Регионы с низким инновационным потенциалом — это Северокавказский, Сибирский, Дальневосточный. В пространстве структура занятости не совпадает со структурой распределения населения: тенденция в сторону увеличения западных и южных регионов и сокращения доли восточных, а также к концентрации экономического потенциала в небольшом количестве регионов.

По сути дела, 10 регионов у нас занимают в ВВП 55%. С 2011 года одна треть всех инвестиций в основной капитал были вложены в Москву, Санкт-Петербург, Московскую и Тюменскую области.

Предметом анализа на уровне производительных сил должна стать занятость населения и состояние основных фондов, вывод и выделение территорий инновационного развития, выделение экономических и технологических связей, определение диспропорций, выделение территорий с избыточной и недостаточной занятостью. На уровне системы расселения — демография, миграционная подвижность, выделение городов, их ранжирование и агломерации. Определение урбанизированных и неурбанизированных территорий, формирование межрегиональных систем расселения, выделение стратегически важных территорий.

На уровне инфраструктурного каркаса: транспорт, энергетика, связь. Определение приоритетов для снятия инфраструктурных ограничений и, обязательно, учет национальных богатств, природных ресурсов, объектов культурного наследия, определение конкурентных преимуществ территорий.

На всех уровнях после выявления диспропорций результаты должны быть проиграны через сценарии развития, а на их основе — предложены варианты пространственной организации страны.

Если говорить о дальнейшей структуре пространственного развития, она масштабируется следующим образом на стратегии разного уровня: Российская Федерация в целом — макрорегионы — субъекты РФ — муниципальные образования. Все эти стратегии также должны содержать пространственную компоненту. Если на уровне Российской Федерации результатом стратегии должны стать приоритеты пространственного развития, приоритеты развития инфраструктурного каркаса и сфор-

мированы макрорегионы, то на уровне макрорегионов основная задача — обеспечение межрегиональной интеграции, на уровне субъектов Российской Федерации — приоритеты инфраструктурного развития и развития субъектов, то же — и на уровне муниципальных образований.

Общий принцип — дифференциация задач по полномочиям на каждом уровне управления, четкие требования к единому формату данных цифровых карт пространственной модели и формирование единого пространственного каркаса страны.

Бодрунов: Спасибо большое, Елена Станиславовна, за содержательный доклад. Руслан Семенович Гринберг, научный руководитель Института экономики РАН.

Гринберг: Я сразу хочу сказать, что Институт экономики активно занимается этой темой уже лет 15, а в последние годы в содружестве с Иваном Стариковым мы написали много интересных вещей, и наши друзья тоже многое сделали.

Если у вас на квадратный километр приходится 5 или 6 человек, при этом в стране 11 часовых зон, то по определению эта страна не может развиваться в чисто рыночном режиме, поскольку рынок, несмотря на всю его могущественность, все-таки близорук. Поэтому, когда у нас произошла антисоциалистическая революция, то мы, конечно же, сразу забыли про планирование. Сегодня мы находимся у разбитого корыта, когда приступать к освоению пространства, к связанности, к преодолению фрагментарности рынка труда — очень рискованная задача. Я этот аспект особенно хочу подчеркнуть, потому что у нас есть большой разрыв между обсуждениями и началом процесса. Надо сказать, что Вольное экономическое общество должно утроить свои усилия для того, чтобы начинать реализовывать эту идею. Коротко скажу, что нам нужно сделать.

Во-первых, старая геополитика вернулась в отвратительном виде — угрозы, взаимные санкции. Мы должны это принимать во внимание. Китайская затея Великого шелкового пути — хорошая и сопрягается формально с Евразийским союзом, но пока не видно, что мы там будем равноправным партнером. Поэтому наша задача, в моем представлении, построить Транссиб-2 севернее того пути, который делает Китай.

Второй очень важный момент — это экономический рост. В оживлении экономики и ускорении драйвером может быть только государственная инвестиция. Любим мы государство, не любим мы государство, нет никакой альтернативы государственным инвестициям. Всякие

причитания по поводу отсутствия денег — это полная ерунда. У нас есть много разных выкладок: есть деньги.

Третий момент — коллективная промышленная политика Евразийского союза. Мы в Институте занимаемся этим, встречаемся и с казахами, и с белорусами: все соскучились по какому-то мегапроекту. Нас уже не очень боятся в том смысле, что мы будем диктовать свою логику, эти страны также хотят прекратить примитивизацию структур своей экономики, и это очень важно.

И конечно, обезлюдивание территории — это очень серьезная проблема. Вместо того чтобы возрождать гиперцентрализм, надо начинать реализовывать идею транспортной инфраструктуры. В моем представлении, здесь нужно отходить от всяких идеологий свободного рынка. Необходимо жестко реализовывать тот план, который уже намечен. Этих планов много, но надо их свести, несмотря на проблемы с координацией.

Бодрунов: Спасибо, Руслан Семенович. Вы дали мягкий пас в сторону Ивана Валентиновича Старикова.

Стариков: Транссиб, который сначала назывался «Великий сибирский рельсовый путь», — это самый

успешный инфраструктурный проект в мировой истории из реализованных на суше. Даже не в российской — мировой! Александр III принял в свое время решение не руководствоваться исключительно логикой экономического прагматизма. Если бы тогда начали серьезно считать, то, конечно, с точки зрения чисто бухгалтерского подхода начало строительства нужно было отложить. Если бы Александр III не принял этого решения, то мы, безусловно, потеряли бы наши восточные сибирские территории. Я назову только одну цифру: в среднем после того, как Транссиб был достроен только до восточной Сибири, за Урал в год переселялось в среднем 500 000 человек, малоземельных крестьян из европейской части нашей страны.

Для сравнения: два года почти действует так называемый закон о дальневосточном гектаре. Подали заявки 130 000 человек, но только треть — из Европы, остальные — дальневосточники.

Теперь к сути. Размещение производительных сил в плано-распределительной советской экономике было основано на том Транссибе, который был построен в начале XX века. За 30 последних лет не совсем совершенно, слегка деформированно, но рыночную экономику нам удалось

построить, и мы видим тотальное несоответствие в размещении производительных сил, которые образовались уже под действием законов рыночной экономики — отсюда многие, если не сказать все проблемы страны.

Сегодня средняя скорость движения грузов в системе Российских железных дорог — 12 километров, на некоторых участках — максимум 20. Проблема — в кривизне пути — всё проектировалось под паровозную тягу, в системе обработки грузов. Нужны совершенно другие скорости, поэтому сколько бы мы ни откладывали, нам необходима новая магистраль.

Логика международной торговли требует выхода к портам в Северной Атлантике, в первую очередь к Роттердаму, поэтому российский путь должен пройти от Владивостока, а точнее, от прибрежного поселка Посьет, до Роттердама. В этом смысле он должен сбалансировать китайский Шелковый путь, который предлагает нырнуть из Казахстана, где он проходит (1780 километров из Китая через Казахстан) в районе Кургана на территорию России, а дальше 3050 километров в сторону Бреста, потом на Берлин. Наш маршрут составит 9255 километров. Он сшивает 23 субъекта Российской Федерации.

Почему это важно в геополитическом плане? Созданное транстихоокеанское партнерство, куда вошли уже 13 стран сегодня, от Канады с Австралией до Сингапура, Кореи, Японии и так далее, не включает Китай, и большинство стран, входящих в ТРП, — это исторические противники, оппоненты Китая, и им нужен маршрут, альтернативный и Шелковому пути, и Суэцкому каналу. И, кроме российского маршрута, другой альтернативы здесь нет.

Теперь, соответственно, по деньгам. Мы сделали расчеты, сверили с тем, что PWC делал для железной дороги, и сошлись в стоимости километра пути. Российская часть — 9255 километров — будет стоить в общей сложности 18 триллионов рублей в ценах 2017 года, около 300 миллиардов долларов. Давайте посмотрим на три источника, три составные части неолиберализма.

Первое. 23 субъекта Российской Федерации, которые могут выпустить субфедеральные облигации. Нужно будет внести поправки в Бюджетный кодекс Российской Федерации, разрешить увеличить сумму доходов, чтобы регионы были заинтересованы в выпуске этих облигаций.

Второй источник. Посмотрите отчет Банка России на 1 июня: 27 триллионов рублей — вклады физических лиц, 14 триллионов — юридических лиц. Я не говорю о том, что в матрацах и в ячейках. Сегодня Сбербанк дает 5,5%, максимум — 6% годовых. Давайте выпустим облигации с периодом 20 лет с гарантированными 10%, разрешим

включать эти облигации в имущественный комплекс физического лица с тем, чтобы можно было заложить в банк, продать, передать по наследству. Это, кроме прочего, даст особое ощущение причастности к тому, что один километр пути — это ваша собственность.

И наконец, последнее — репатриация капитала российского происхождения оттуда, где ему сегодня неуютно. Я вас уверяю, поскольку срок строительства занимает восемь лет, а окупаемость этой магистрали — 22 года (все расчеты у нас сделаны и готовы), то мы с вами абсолютно однозначно можем сказать, что у нас есть такие деньги, даже без создания международного консорциума.

И что-то мне подсказывает, что в рамках начавшихся торговых войн и того, что Дональд Трамп повторяет все ошибки Герберта Гувера почти 90 лет назад, открывая торговые войны, после чего началась Великая депрессия, Россия могла бы сегодня, окруженная четырьмя цивилизациями — европейской, японской, китайской и мусульманской, — перестать быть яблоком раздора, предложить территорию солидарного и безопасного развития для всего мира.

Бодрунов: Спасибо, Иван Валентинович. Очень серьезное предложение. Думаю, что присутствующие здесь представители Администрации Президента слышали крик души специалистов Института экономики Российской академии наук. Михаил Яковлевич Блинкин.

Блинкин: В отчете Всемирного экономического форума о состоянии инфраструктуры Россия находится примерно на уровне своего национального богатства — насколько мы богаты, такая у нас инфраструктура. Конечно, мы ниже среднемировой линии, но не катастрофически. А вот в части автомобильных дорог мы находимся на три лаптя ниже мировой линии. Попросту говоря, этих дорог в макроисчислении просто нет. По коэффициенту Энгеля (коэффициент Энгеля — плотность дорожной сети, скорректированный на плотность населения. — Ред.) мы отстаем не то что от развитых стран, но и от Польши, от Турции. Европейская часть России догонит Турцию при нынешних темпах дорожного строительства через 100 лет.

Дорог высших технических категорий, по-русски это называется «автомобильные магистрали и скоростные автомобильные дороги», по-английски — highway и expressway, — в Китае не было вовсе до знаменитого выступления Дэн Сяопина в начале 1990-х о том, что надо связать страну. Сейчас они в полтора раза опережают Америку. У нас маленькими кусочками собирается 5000 таких дорог, это в основном вокруг Москвы, Питера, Сочи, то есть это тоже близко к нулю. Как мы строим? По

данным Росстата, всяких дорог, в том числе второстепенных, частных, корпоративных, городских улиц и так далее, мы вводим в год 1700 километров.

Для сравнения: у китайцев только по дорогам высшей технической категории был рекорд — 11 000 в 2016 году.

Теперь про железную дорогу. Мир строит высокоскоростные магистрали. В Китае их сейчас — 22 000 км, к концу 2019 года будет 38 000, в тесненькой Европе — почти 15 000. У нас — 0, поскольку наш «Сапсан» в эту категорию не попадает.

А теперь очень важная штука. В сегменте мобильной связи (в отличие от дорог, где мы теряемся во второй сотне) мы находимся в первой десятке, причем стабильно находимся. Вы знаете почему? Потому что в мобильной связи мы не только покупаем гаджеты, но и платим за трафик. А вот разговоры о халявных дорогах, каких-то инфраструктурных пакетах, дорожных фондах можно продолжать еще 20 лет.

Бодрунов: Убедительно. Андрей Владимирович Боков, почетный президент Союза архитекторов России.

Боков: Мы принадлежим к группе молодых стран, пространство которых неравномерно и основано на транспортных коридорах, о которых, кстати, в указе Президента говорится. Создание этих коридоров и должно быть основным направлением, как мне представляется, нашей политики пространственного развития.

Что это такое? Это та инфраструктура, которая живет не сама по себе, а формирует пространство страны, та инфраструктура, которая опирается на основные порты, трансграничные переходы и так далее и на которую нанизаны все наши агломерации, а также те образования, о которых в 80-е годы в России говорили очень много, — групповые системы расселения, а именно малые города, которые образуют сообщества, когда функция большого города делится среди группы малых городов.

Достаточно много было сказано на эту тему и сделано, это чрезвычайно перспективно, это то, что исчисляется не десятками, как агломерации, а сотнями, потому что у нас тысяча малых городов, и это тот путь, который может поддержать их состояние.

У нас утрачена культура проектирования этих образований. Нет институтов, нет экспертов, нет специалистов, и с этим надо что-то делать. Должна быть комплексная программа, которая предполагала бы создание каких-то центров обучения, исследований и всего остального.

Коридоры, о которых идет речь, должны быть объектом исследования, проектирования, осмысления комплексного: так, как это было сделано в том числе и в Советском Союзе, опытом которого сегодня пользуется замечательным образом Китай.

Бодрунов: Собственно, мы для этого все здесь и собираемся, чтобы такие инициативы обдумать, обсудить и выносить.

Блинкин: Я своему старинному другу Андрею Владимировичу должен сообщить, что не далее как в пятницу ученый совет нашего университета принял решение об организации факультета городского регионального развития.

Бодрунов: Вот видите, как замечательно. Наверно, Михаил Яковлевич, Вы немалую лепту внесли в это решение?

Блинкин: Да, конечно.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, Владимир Борисович Гелайко.

Гелайко: Проектная группа нашего консорциума разрабатывала транспортный каркас Южного региона, и несмотря на то, что у нас на сегодняшний день нет нормативной базы по определению макрорегиона, мы для себя определили его как Азово-Черноморский бассейн.

С того момента, как Крым вошел в состав России, мы принимали участие в разработке федеральной схемы территориального планирования с точки зрения транспортного каркаса. За опору мы взяли точки экономического роста — это города, и историческое расселение по территориям. За опору мы взяли Краснодар и дальше от него оттолкнулись.

Когда выяснилось, что существующая железная дорога, которая шла через Джанкой в Крым, потеряла свою актуальность, мы разработали проект прямого транспортного коридора вместе с трассой Таврида, кстати, Таврида и пошла именно в этом каркасе с железной дорогой через Белогорск.

Дальше что у нас происходит? У нас происходит абсолютно четкая связь между аэропортами: это Бельбек, Симферополь, Краснодар, Сочи, естественно, с морскими портами, естественно, с автодорогами и развитием железной дороги. Потому что от этой узловой точки — Краснодар — расходятся пути через Поты, Тбилиси до Азербайджана и Каспия, а в эту сторону, я специально показал последовательно важность, — Турция, Сирия, Ливия и дальше уже Европа.

У нас получается единый транспортный коридор с автодорогой «Таврида» и железной дорогой, и все автодороги, которые идут по побережью, образуют кольца, которые вливаются в этот транспортный коридор. И у нас получается классическая ситуация: развитие транспортного каркаса в балансе с развитием территории.

Эта разработка сейчас поддержана всеми. В «Стратегию пространственного развития» она вошла в числе основных объектов железнодорожного строительства. Мы сейчас будем разрабатывать обоснование инвестиций, и, я надеюсь, это станет примером для развития других регионов.

Что хотелось бы добавить? На сегодняшний день, конечно, по градостроительной деятельности не хватает нормативки, это точно, и надо менять законы, в том числе 44-й ФЗ, потому что выполнять такие работы должны градостроители только высокой квалификации, но никак не географы.

Сегодня «Стратегия пространственного развития», проект которой был раскритикован, представляет из себя 218 листов, 40 страниц пояснительной записки с прекрасными словами, а все остальное — таблицы и приложения, которые взяты по ведомствам, но между собой совершенно не сбалансированы. Это отдельные программы. И получается, этот документ для создания комфортной среды — «Стратегия пространственного развития», который по важности сопоставим с Конституцией, по своей сути, не соответствует тому, чего хотелось бы создать.

Бодрунов: Концентрируемся. Сергей Юрьевич Малков.

Малков: Мы буквально на прошлой неделе закончили отчет, заказчиком которого был президиум РАН, а научными руководителями — академики Садовничий и Осипов, по оценке долгосрочных макроэкономических, социальных, геополитических проектов и реализации проекта по развитию железнодорожных сетей Сибири и Дальнего Востока (имеется в виду Транссиб и БАМ). Рассматривались два горизонта. Первый — это модернизация в рамках существующих инвестиционных проектов, и второй горизонт — это развитие железнодорожной сети и создание перспективной скоростной дороги.

Были проанализированы 55 крупномасштабных проектов, включая создание 12 крупных производств, освоение 40 месторождений, реализацию трех масштабных инфраструктурных проектов.

В результате модернизации Транссиба и БАМа, включая строительство новых железнодорожных путей протяженностью 2,5 тыс. км, станет возможной реализация более 50 масштабных инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 3,7 трлн рублей (из них 1,2 трлн рублей — в развитие железнодорожной инфраструктуры). Количество создаваемых новых рабочих мест в этих проектах — 110 тысяч (из них примерно половина — высокотехнологичные рабочие места). С учетом сопутствующих рабочих мест, которые нужны для функционирования этих инвестиционных проектов, цифра занятых достигает 500 000. Средний срок окупаемости проектов — 13 лет.

Главным результатом второго горизонта развития железнодорожной сети Сибири и Дальнего Востока является обеспечение скоростного (с максимальной скоростью поездов на линии от 200 км/час и выше) перемещения грузов и пассажиров с Дальнего Востока страны до ее западной границы и обратно. Это позволит одновременно решить как внутреннюю задачу — повышение связности территории России, перевод ее экономики с сырьевой на новую индустриальную модель развития, так и внешнюю задачу — использование уникального транспортно-транзитного потенциала России для повышения ее роли в мировом экономическом пространстве.

Россия находится на пути между крупнейшими мировыми экономическими кластерами Европы и Азии и должна получать преимущество от такого стратегического положения.

Бодрунов: Спасибо большое, Андрей Юрьевич. Очень интересные материалы. Просим Вас передать их к нам сюда, потому что мы обязательно будем их использовать. Я хочу предоставить слово Дмитрию Евгеньевичу Сорокину, вице-президенту нашего Экономического общества.

Сорокин: Я хотел бы напомнить Руслану Семеновичу, что кроме философов есть еще и политэкономы. Он, наверно, помнит первого российского политэконома Ивана Тимофеевича Посошкова, который, напротив, рассматривал российское пространство как потенциал роста, а не как тормоз этого роста. Хотя, действительно, проблемы есть, все мы хорошо знаем: пространство вытянутое,

все речные пути идут поперек, плюс две трети на севере. Это первое.

Второе. Да, действительно, Вы правильно сказали сейчас, и Сергей Дмитриевич сказал, о новых стратегиях, которые поддерживает в том числе и «Аэрофлот». Я как член научного совета РЖД, объединенного совета, знаю и новую стратегию в РЖД. ОАО «РЖД» сразу заплатило дополнительно 3 миллиарда.

Меня смущает следующее: комплексное развитие и конкуренция. Я сижу на научном совете РЖД и думаю, что аналогичные ситуации есть в научных советах автомобильных, авиакомпаний и так далее. У нас отнимают перевозки автобусы, «Аэрофлот», министерство одно, а идет конкуренция. Хотя всем должно быть понятно, для нашей страны подходит комплексное развитие. Одно министерство создали — правильный ход, а конкуренция осталась.

Бодрунов: Спасибо большое. Дмитрий Евгеньевич, Вы подняли очень важный вопрос — это вопрос о поддержке общественностью наших планов. Это замечание очень важное. Следующий выступающий — Янков Кирилл Вадимович.

Янков: Спасибо, Сергей Дмитриевич. Я хочу обратить внимание вначале на одно несоответствие. С одной стороны, мы обсуждаем «Стратегию пространственного развития России». Очень важный документ, по которому идут очень важные дискуссии.

С другой стороны, транспортные проекты, которые мы также обсуждаем сейчас и которые у нас активно развиваются в последние 10 лет, направлены на две вещи. Во-первых, на увеличение экспортных возможностей, причем в основном на возможности экспорта сырья. Тут и БАМ, и Транссиб, и порты Азово-Черноморского бассейна, и порты Дальнего Востока, и так далее. И, во-вторых, на возможности транзита.

Вообще говоря, и расширение возможности экспорта сырья, и расширение возможности транзита не имеет непосредственной связи со стратегией пространственного развития. Вот это такое большое противоречие, которое я вижу, в том, что, с одной стороны, мы обсуждаем, а с другой стороны, в том, что делается в реальном развитии нашей транспортной инфраструктуры.

Второе, что я хотел бы сказать. К сожалению, никто не может дать прогноз грузопотоков и пассажиропотоков даже на 10–15 лет вперед по многим причинам. Например,

потому, что прогноз грузопотоков сильно зависит от мировой конъюнктуры цен на уголь, цен на зерно и так далее. И поэтому любые наши прогнозы все равно носят вероятностный характер, и при развитии любых транспортных проектов, будь то экспортные или транзитные проекты, всегда есть вероятность того, что государственные деньги будут вложены, а грузы по каким-то причинам не пойдут или даже пассажиры не поедут.

Третье: все наши транзитные проекты, к сожалению, опираются в геополитические или просто политические ограничения. Между Балтийским и Черным морем находятся две не очень дружественные нам страны, причем с Польшей есть многовековая история недружественных отношений, с Украиной она более короткая, но тем не менее. И я боюсь, что все проекты ВСМ «Евразия» или той магистрали, о которой Иван Стариков уже неоднократно рассказывает, станут заложниками вот этих непростых политических отношений к Западу от нас, и непростых политических отношений к Востоку от нас, начиная с Казахстана.

Поэтому, конечно, заниматься этими проектами надо, но с учетом того, что не очень-то у нас может все это и получиться, и даже не в силу того, что мы не можем спрогнозировать, какие грузы поедут из Китая в Европу через 10 лет. Пока я конкретно не слышу, какие же грузы находятся в той нише, которым плыть морем долго, а лететь самолетом дорого. Но это еще как-то можно понять сейчас. А вот что будет через 10 лет и какие политические ограничения будут через 10 лет — непонятно.

Из этого не следует, что не надо ничего делать. Конечно, делать все равно надо. И в чем здесь должна быть роль государства?

Во-первых, государство более четко должно формулировать свои приоритеты, исходя из стратегических и геополитических соображений. Как БАМ был построен исходя из стратегических соображений, из-за конфликтной ситуации с Китаем во многом, а не потому, что БАМ был нужен для экономики. Транссиб справлялся и может и дальше справляться. Но только сейчас возникла потребность именно в БАМе для транзита грузов.

Мост на Сахалин — он нужен для экономики, но давайте не делать вид, что там есть серьезные грузопотоки на Сахалин и с Сахалина, и давайте не делать вид, что пассажиры будут ездить несколько тысяч километров. Это несерьезно. Как правильно было сказано: будущее железной дороги в ускорении, и железная дорога будет конкурентоспособна на 500, на 1000, может быть, на 2000 километров. А делать скоростную дорогу из Москвы во Владивосток,

ну, хорошо, будет не шесть дней, а три дня, но все равно самолет более конкурентен. Так давайте прямо скажем — мост на Сахалин нужен из стратегических соображений, тогда надо его строить, а когда мы начинаем делать вид, что он нужен из экономических соображений, у нас ничего не получается.

Во-вторых, хочу напомнить, что весь XIX век пути сообщения в России развивались как по инициативе государства, так и за счет частного капитала. Первая железная дорога в стране — Царскосельская — была построена за счет частного капитала, вторая железная дорога — Московско-Петербургская — была построена по инициативе государства за счет казны.

Строилось много частных железных дорог, но строились одновременно стратегически важные железные дороги, такие как Транссиб, за счет казны, как и железная дорога на Мурманск в годы Первой мировой войны за счет казны. Вот такое развитие должно быть и дальше. Мы должны использовать этот позитивный опыт и не уповать на то, что Госплан за нас все решит.

Я бы предложил прежде всего прислушиваться к тем проектам, где частный капитал готов рискнуть и вложить свои деньги. Я неоднозначно, например, отношусь к строительству нового аэропорта Платов в Ростове, но это пример именно такой, когда государство вложило деньги во взлетно-посадочную полосу, в аэронавигацию, а частный капитал вложил деньги в аэровокзальный комплекс. Это пример того, где частный капитал рискнул и государство тоже вложило деньги.

Сейчас это модно называть государственно-частным партнерством, и надо больше обращать внимания на такие проекты, в том числе разработать механизм использования частного капитала при реконструкции железных дорог.

Бодрунов: Спасибо большое. Александр Александрович Пискунов.

Пискунов: Я хотел бы начать со слов благодарности Елене Станиславовне, которая предпринимает попытку предложить видение архитектора пространственного развития и преодолеть вот этот синдром плоскостопия в мозгах, когда мы пытаемся все свести к размещению производительных сил, системе расселения и развитию инфраструктуры. Штиглиц справедливо сказал, что подмена целевых эффектов созданием для этого инструментов является самой тяжелой политической ошибкой. И как совершенно справедливо говорил предшествующий выступающий, фактически перед нами

стоит задача не столько формирования портфеля эффективных проектов и образа транзитной экономики (роль такого международного извозчика бесперспективна — мы знаем это по космосу, это 7–10% локализации добавленной стоимости, и то с туманной перспективой), перед нами стоит фактически задача формирования состоятельной политики пространственного развития. Это совсем иные критерии.

Во время моей работы в Счетной палате нам удалось убедить сформировать наряду с оценкой эффективности проектов оценку эффективности стратегий, но это все равно уже «армейская» операция, когда все понятно, куда ты наступаешь и какими средствами, и спровоцировать формирование аудита состоятельности самых разных государственных политик. Соответствующие наши предложения были отправлены в Администрацию Президента, и президент произнес эти слова и даже критерии — конкурентоспособность, кризисоустойчивость. И в этом плане, действительно, у нас проблема — у нас нет заказчиков, у нас нет центров компетенций, у нас нет инструментов. Удалось при согласовании Указа об основах региональной политики сохранить такой институт, единственный интеграционный институт, как федеральные округа, право формировать стратегии развития федеральных округов, государственные программы. И я надеюсь, что там появятся если не центры компетенций, то хотя бы центры коммуникации.

С точки зрения инструментария федеральные целевые программы, к сожалению, не решают их проблемы. Основная дискуссия по стратегии пространственного развития отвернулась от того, что мы всех соберем в столицах агломераций. Вопрос, для кого мы освобождаем пространство, там что — военно-полевые суды на остальной части России? Обеспечение связанности мы восприняли как развитие инфраструктуры. Сейчас все сводится к портфелю инвестиционных проектов с попыткой наделить функциями проектных менеджеров руководителей федеральных органов исполнительной власти.

Альтернативным концептом является, как ни странно, инициатива, связанная с развитием специнвестконтрактов, предложенных Мантуровым. Но, честно говоря, это вполне странная попытка правой рукой почесать левое ухо.

Должен сказать, что нам удалось сейчас включить государственный оборонный заказ, и в июле будет размещен государственный заказ на разработку институционального обеспечения формирования трансграничных инвестиционных контрактов. У нас, к сожалению, нет никаких институтов, которые позволяли бы выстраивать

такого рода межмуниципальные, межрегиональные, макрорегиональные и даже транснациональные проекты по типу комплексных контрактных планов во Франции. А нам нужны длинные деньги. И мне кажется, что здесь наша наука могла бы внести свой вклад, потому что в свое время Вернадский действительно сформировал КЕПС (Комиссию по изучению естественных производительных сил страны. Она была организована по инициативе академика Владимира Вернадского в ходе Первой мировой войны в 1915 году при Императорской Санкт-Петербургской академии наук для изучения природных ресурсов. — Ред.), и в конце концов мы получили ГОЭЛРО, благодаря чему индустриализация обеспечила нам выигрыш в войне.

Сегодня нужен КЕПС-2, и этот КЕПС-2 — не отдельные плоскостные решения, и это даже не СБиС (сдача электронной отчетности), а это САПАР, которая обеспечивала нам сборку, пересборку и локализацию цепочек добавленной стоимости в пространстве национальной юрисдикции.

А ОЭСР справедливо отмечает, что способность формировать и локализовать глобальные цепочки добавленной стоимости — это не условия суверенитета, это факт наличия или отсутствия суверенитета. Я надеюсь, что эта цифровизация не станет очередной хай-тек-утопией и позволит нам реализовать платформенные решения для реализации архитектурных решений.

Бодрунов: Спасибо большое. Андрей Евгеньевич Городецкий, член Правления Вольного экономического общества России.

Городецкий: Я хотел бы вернуться к тому, с чего мы начали — к докладу уважаемой Елены Станиславовны. У меня здесь возник своеобразный когнитивный шок, потому что накануне я работал с материалами по «Стратегии», которые будут обсуждаться на научном совете и Совете безопасности. И у меня было очень много вопросов, в частности и по сопряжению пространственной структуры и комплексного плана развития транспортной инфраструктуры.

Здесь я хочу подчеркнуть, что то, о чем я хотел высказаться в критической части, я все увидел в этом докладе — и понимание системы вызовов, которые сегодня стоят в области пространственного развития, и тонкое различие вот этого многослойного, многовекторного, многоуровневого пространства, в котором единственное, что отсутствовало, — это природно-географическое пространство, которое, скажем, в госплановской практике очень

здорово учитывалось через механизм зональной дифференциации, территориальной дифференциации и так далее. И в этом плане у меня нет вопросов.

Но у меня есть вопросы другого плана. Если мы в проектах, которые будут обсуждаться как официальные документы, все-таки исходим не из макрорегионов, как это предлагается, а идем от базирования центров развития именно на основе агломераций, и делаем еще ряд допущений, которые говорят о том, что все механизмы и инструменты пространственного развития и территориального планирования делегируются регионам, и здесь такой капитальной, фундаментальной государственной стратегии и политики нету, то ожидать, что у нас будут серьезные подвижки в плане пространственного развития и управления этим развитием, и, соответственно, транспортной инфраструктуры, — не стоит.

Но времени мало, и я хочу сказать, что по развитию транспортной инфраструктуры много вещей тоже вызывают вопросы. Скажем, когда во главу угла ставят конкурентоспособность во всех предшествующих программах. В развитии этой инфраструктуры мы опять не видим руки рынка. Все остальные оговорки относительно сбалансированности, социальности и прочем — это уже довески. Этот подход и переходит в те стратегии, которые сейчас обсуждаются. Мне кажется, здесь нужно очень серьезно подумать. И то, что мы сегодня обсуждаем здесь, и то, что прозвучало в Вашем докладе, нужно все-таки очень серьезно соотносить с тем официальным документом, который будет обсуждаться.

Здесь ведь еще и очень много чисто понятийных вещей, которые не приняты во внимание. Например, те огромные наработки, которые были сделаны в плане советского опыта при переходе от чисто экономико-географического подхода к системам экономического планирования, к созданию того, что вы назвали генеральной схемой размещения производительных сил, расселения и прочее. Это же во многом отсутствует.

Отсюда и транспортная инфраструктура в том виде, как она формулируется и в большом документе, и в краткой записке. Набор пожеланий без соответствующих подкреплений. Когда я заглянул в самую поверхностную статистику, она говорит о том, что состояние инфраструктуры не приспособлено к той философии прорыва, которая забита в Указе Президента, и в программе Президента, и вообще в шестилетку Президента.

Серьезное несоответствие. Даже стоимостные показатели — стагнация и колебания плюс-минус. А если мы возьмем, скажем, судостроение? Мы говорим о Северном

морском пути и прочее. А гражданское судостроение — оно у нас где вообще пребывает? А посмотрите на парк авиации! Говорят, у нас слишком много транспортных компаний. Вы посмотрите, какая пестрота в парке самолетов, как они вообще обслуживаются. Чего там только нету! Посмотрите на возрастную структуру авиации. А авиастроение? Наш институт работал над развитием систем стратегического планирования в авиастроении. Там не могут создать стратегический план развития отрасли. Они не могут определиться со стратегией гражданской авиации.

Почему я об этом говорю? Если у нас под этой стратегией не будет очень четкого государственного видения, четкого отношения к стратегическому плану, к стратегическому контуру развития государства, у нас, конечно, все остальное останется, в том числе и шестилетка, на том уровне, на котором мы оставили майские указы 2012 года. И мне кажется, то, что Вы сегодня продемонстрировали в Ваших презентациях и в том докладе, который Вы озвучили, нужно очень серьезно переложить на язык нормативно-правовых и нормативно-методических документов.

Бодрунов: Спасибо большое, Андрей Евгеньевич, мы учтем эти пожелания. Сейчас мы немножко подведем итоги, и у меня есть ряд предложений.

Первое: записалось сегодня намного больше людей, чем выступило, но записались в том числе с презентациями. Я просил бы всех передать материалы нам сюда для того, чтобы мы могли включить их в обобщающий документ, по электронной почте прислать в Вольное экономическое общество в любом формате, а мы дальше отформатируем и сделаем.

Второе: итоги у нас подводятся всегда следующим образом: мы формируем экспертное заключение, которое, как я уже говорил, направляется в соответствующие инстанции. Руководить рабочей группой по экспертному заключению я поручил бы Елене Станиславовне Чугуевской. Она докладчик. Как говорится, инициатива наказуема, ей и готовить общий документ.

Но я попросил бы принять в качестве помощников участников процесса — господина Старикова, господина Блинкина (он ушел), Дмитрия Евгеньевича Сорокина и Андрея Евгеньевича Городецкого. Другие также могут присоединиться, если есть возможности, желание.

Документ формируется следующим образом: будет написано несколько страниц в экспертном заключении, содержащем общий анализ ситуации и высказанные предложения в обобщенном виде, и думаю, должны быть приложены в откорректированном, отредактированном виде выступления уважаемых коллег, потому что каждое выступление содержало серьезные предложения, идеи. Это идеи, которые родились на базе научного анализа и отражают точку зрения тех структур, тех направлений исследовательской деятельности, которыми занимаются уважаемые коллеги.

MODERATOR:

Sergey Dmitrievich BODRUNOV,
President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S. Yu. Witte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor.

**KEYNOTE
SPEAKER:**

Elena Stanislavovna CHUGUEVSKAYA,
Member of the Board of the VEO of Russia, Full State Counselor 2nd Class of the Russian Federation, Professor.

SPEAKERS:

Ruslan Semyonovich GRINBERG,
Vice-President of the VEO of Russia, Research Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor.

Ivan Valentinovich STARIKOV,
Leading Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation.

Mikhail Yakovlevich BLINKIN,
Director of the Institute of Transport Economics and Transport Policy of the National Research University of the Higher School of Economics, Professor.

Andrey Vladimirovich BOKOV,
President Emeritus of the Union of Architects of Russia, Head of the Spatial Planning Center of the Moscow Architectural Institute, Academician of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, People's Architect of Russia.

Vladimir Borisovich GELAYKO,
Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Chairman, Secretary of the Crimean Regional Branch of the VEO of Russia.

Sergey Yuryevich MALKOV,
Research Director of the Center for Long-term Forecasting and Strategic Planning of the Lomonosov Moscow State University, Professor.

BASIS OF RUSSIA'S SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY

INTEGRATED DEVELOPMENT OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE

Dmitry Yevgenievich SOROKIN,

Vice-President of the VEO of Russia, Chairman of the Scientific Council of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor.

Kirill Vadimovich YANKOV,

Head of the Regional Economy Forecasting Laboratory of the Institute for National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Alexandrovich PISKUNOV,

Deputy Chief of the Interdepartmental Coordination Center of the Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences (ISPR RAS).

Andrei Evgenievich GORODETSKY,

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of Research "Institutions of Modern Economics and Innovation Development" at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor.

Bodrunov: Good afternoon, dear colleagues! Business before pleasure. We are holding the Fifteenth Expert Session of the Coordination Club of the Free Economic Society of Russia. At the Coordination Club meetings, we discuss pressing issues relating to the development of the Russian economy and decision-making by state authorities. And the expert opinion of our specialists is an important tool for the government to be able to visualize the tasks. Today I was interviewed by the Russian television, and one of the questions I was asked was whether the authorities listen to the public and how the public shapes its opinion. I said that we form our opinion as experts, and then we convey our expert opinion to those government agencies that make decisions. Such a dialogue is very important, and therefore the Free Economic Society provides a platform for discussion and invites its experts.

Today we have a very important topic. Both the Government and the President of Russia have repeatedly spoken about the importance of keeping our economy and geography connected. As the poet said, our country is big but we have no order. One of the components of this order is the connectedness of the elements of our big country, its entities and economic structures. Of course, in a big country it is much more difficult to organize this. Therefore, our development was rather one-sided, through large population centers, primarily Moscow; consider Aeroflot, for example, an airline which flew to all parts of the world, but only from Moscow.

Thus, a huge task arose to shape the spatial development of Russia. Aeroflot, for example, announced yesterday that it has a new development strategy that is more reasonable and rational, and that it will be changing its existing strategy in accordance with the government's vision. According to the statement of the head of Aeroflot, a transport network will be built, connecting the cities with each other, and not through Moscow. The same can be said about the railways, the motor roads and so on.

FROM THE PRESIDENTIAL DECREE DATED MAY 7, 2018 “ON THE NATIONAL GOALS AND STRATEGIC TASKS OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PERIOD UP TO 2024”:

15. On the basis of the spatial development strategy of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation with the participation of the government authorities of the constituent entities of the Russian Federation is to develop and, by October 1, 2018, approve a comprehensive backbone infrastructure upgrade and expansion plan which should, by 2024, ensure:

a) the development of the West-East and North — South transport corridors for cargo transportation, particularly by means of:

- constructing and upgrading the Russian sections of motor roads belonging to the Europe — Western China international transport route; increasing the capacity of the Russian Federation seaports including the ports of the Far

Eastern, North-Western, Volga-Caspian and Azov-Black Sea basins;

- developing the Northern Sea Route and increasing its cargo traffic to 80 million tons;
- reduction of the time for container transportation by rail, in particular from the Far East to the western border of the Russian Federation, to seven days, and a four-times increase in the volume of transit container transportation by rail; establishment of freight multimodal transport and logistics hubs;
- a one and a half times increase in the carrying capacity of the Baikal-Amur and Trans-Siberian Railways, to 180 million tons; an increase in the capacity of railways accessing the seaports of the Azov-Black Sea basin;

b) an increase in the level of economic connectedness of the Russian Federation territory through the expansion and modernization of railway, aviation, road, sea and river infrastructures, particularly by means of:

- phased development of transport routes between the administrative centers of the constituent entities of the Russian Federation and other cities — economic growth centers, including the elimination of infrastructure constraints in areas with development prospects adjacent to such transport routes;
- reconstructing the regional airports infrastructure and expanding the network of interregional regular passenger air routes bypassing Moscow to 50% of the total number of domestic regular air routes;
- laying the foundation for the development of high-speed and super high-speed rail systems between major cities; increasing the capacity of inland waterways.

At the meetings of the Free Economic Society, we have repeatedly discussed certain aspects of this issue. We considered the Spatial Development Strategy at one of the Coordination Club meetings, discussed it in Yalta at a Free Economic Society event. Today we've decided to hold another event on this very topic — we will devote it to examining transport development, spatial development, transport-related infrastructure.

We will be giving the floor to Elena Stanislavovna Chuguevskaya, a specialist in this field. Elena Stanislavovna, you have fifteen minutes. Colleagues, we've registered a lot of speakers today, but since we have to keep to schedule and many of the attendees have other activities planned for later today, we have an hour and a half. The other speakers will have five minutes each.

What I also wanted to say is that our expert opinions are important, and we send them to the government agencies responsible for developing this matter and for researching, studying and formulating appropriate solutions. In particular, we will send our opinion to the Government and to the Ministry of Economic Development. We also have in attendance today some of our colleagues who need to be introduced. We have Alexey Alexandrovich Yeremeyev, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Siberian Federal District. We have Egor Vladimirovich Nasonov, Adviser to the Control Department of the Presidential Administration of the Russian Federation. And Oleg Anatolyevich Fadeev, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of Russia in the North Caucasus Federal District. It means, we have people interested in obtaining an expert opinion.

Spatial Development Strategy as a Document

Elena Chuguevskaya

Our country is the largest in the world, with an area of 17.1 million square kilometers. Good or bad, this is our territory. How to strategize its spatial development? Throughout the history of Russia, several approaches have been made to rebuilding the country's spatial strategy. During the Tsarist era they attempted to rank the cities as per their significance (provincial or district), they built the Trans-Siberian Railway. During the industrialization period, they used state planning, etc. My goal in this case is not to provide a wide historical background, but simply to remind you that the government has been constantly engaged in the spatial organization of the country's territory.

Notably, the territory of the Russian Federation is rather complicated, 60% of it is unsuitable for living. The North zone

has the area of 11 million square kilometers. Many parts of the country are unsuitable for construction — permafrost zones, glacial areas, landslide areas, seismic zones.

Let me say a few words about the settlement system as it currently exists in the Russian Federation. It consists of two transcontinental settlement structures: (1) the main settlement belt, where three quarters of the population live, and focal settlement zones, mainly the North zone. According to the 2014 census, the number of settlements is as follows: 1,100 cities, 1,200 urban-type settlements, and 52,000 population centers. This number includes 36 agglomerations around million-plus cities (more precisely, 15 million-plus cities and 21 cities with population of 500,000 or more). Urbanization processes are largely reflected in the settlement system — the number of settlements, especially rural, has been dwindling while the population of million-plus cities and small towns has been increasing due to the degradation of the rural settlement system.

**IN MANY RESPECTS,
THE ENTIRE TERRITORIAL
POLICY OF THE NEW
RUSSIAN GOVERNMENT
BOILED DOWN TO THE
FOLLOWING FEATURES:**

- 1) support of the natural monopolies and vertically integrated companies,
- 2) expansion of large cities and reduction of the number of small towns (in fact, uncontrolled contraction has been going on all the time),
- 3) support of trendy megaprojects,
- 4) strengthening of inter-regional disproportions,
- 5) lagging development of transport infrastructure,
- 6) competition among RF entities for federal support of priority projects,
- 7) weakening of interregional cooperation.

General scheme

The previous document, which dealt with the spatial strategy of the Russian Federation, was called the general settlement scheme. It was developed in 1994, and since then we have not prepared such documents. The general settlement scheme viewed the country’s territory as a set of settlement systems. Eleven large regional systems, 77 oblast-type systems, and some 2,000 local systems in rural areas. The document designated a series of backbone inter-district population centers — cities with population of 100,000. They were meant to form the very backbone of Russia. I will cite a few points to explain the what the document was about and how it was actually implemented.

The document emphasized the need for further development of the Pacific region and for the improvement of the settlement system in the regions of the Far North. (Today it is still an open question: it is necessary to rethink the proposed settlement system of the North.) The document addressed the issue of integration and urbanization of rural areas, noted the position of the Moscow region and the changes that occurred in traditional flows of holidaymakers.

You might recall that the document was developed after the collapse of the Soviet Union, and only the territory within the new Russian borders was considered. The document also mentioned the need for “improving and developing the existing settlement system as the basis of geographical integrity, adapting the settlement system to the structural changes”, and for “modernization and development of the integrated transport and communications complex”. Priority was given to the development of infrastructure hubs and connections: Moscow,

St. Petersburg, the Baltic ports, Tver, Astrakhan, Blagoveshchensk, the Caspian Sea, Vladivostok, and Nakhodka.

The document proposed adherence to the basin principle of the country's territorial organization. The general scheme of settlement was correlated with the comprehensive scheme of territorial, economic and social development of the Russian Federation which pinpointed the location of the productive forces. The document noted the territorial and sectoral shifts in the development of productive forces: it required reducing the production of resource-intensive and energy-intensive products in the European part of the country, and gave priority to production and integrated processing of raw materials in the eastern part of the country.

Rapid reconstruction of the economy in old industrial areas was identified as a priority, as was the expansion of high-tech products of the defense enterprises in the Urals and the preservation of high rates of extraction of fuel and energy resources. The document stressed the importance of forming regional structures and economic complexes, and identifying regional points of growth with the most favorable conditions for advanced industries. Many of those proposals gained support later on.

Based on the market principle

The document entered into force in 1994, but at the same time the market model of spatial organization in the post-Soviet period prevented us from perceiving the country as a single spatial entity for 20 years. Essentially, the government stopped regulating the spatial organization of the economy, and there was a transition from comprehensive planning of territorial development to physical planning of infrastructure facilities — we switched to infrastructural planning, and the documents submitted for approval lacked important analytics.

Spatial Development Strategy was conceived as a means of translating socio-economic development priorities into territorial development priorities. It is designed to translate the basics of state policy of regional development, the strategy of socio-economic development of the Russian Federation, and the strategy of national security into federal-level territorial planning documents. The subject matter of the spatial development strategy is a comprehensive analysis of three large structures: the settlement system (with an analysis of disproportions and recent changes), the system of distribution of productive forces (prioritizing competitive economic activities for the Russian Federation entities), and the system for identifying gaps in the backbone infrastructure and priorities which should bring the maximum economic and social effect.

Geographical space as a development factor is a rather complex category. I would single out three integrated spatial components: social space, economic space and physical space. Still, the spatial development strategy has more to do with the physical component. That said, during the preparation of this document, the following risks and essential questions have arisen.

The risk of the spatial development strategy being replaced with a regional development strategy. Those two concepts have been separated by Federal Law #172, which states that regional economy should be a part of spatial economy and defines the basic goals of preparing a strategy. However, the work done by the Russian Academy of Sciences on the problems of spatial development has been ignored in the document which is currently being drawn up.

Technological risk: the spatial development strategy has been conceived as a digital map which should have been uniformly based on the territorial planning schemes of the Russian Federation. At this point, the document contains no analysis or comparison of the three spatial blocks.

Methodological risk: No methodology has been formulated for spatial analysis of the economy or for modeling economic effects, no spatial development indicators have been suggested, none of the documents issued in previous periods, the ones I've been talking about, have been taken into account.

Organizational risk: the document is being prepared mostly behind the scenes. Despite the fact that the government resolution provides for the establishment of an interdepartmental working group, it no longer functions. A project group has been created within the ministry for project management, but because of the secrecy, rumor mill starts to churn, and the situation with the document appears complicated. I believe it should be made more public.

During the preparation for the development of the Strategy, spatial aspects of development were analyzed. As a result, the following point should be made: changes in the territorial structure of the population are influenced by two processes. The first is, naturally, an increase in immigration; the income level of the population has become a significant factor determining migration flows.

If earlier the climatic vector was more important, today the opportunity to get a job plays a major role. Thus, regions with high economic potential and large cities remain attractive.

The second process is the extremely uneven distribution of Russia's innovation potential. Regions with low innovation potential include North Caucasus, Siberia, and the Far East. Spatially, the employment structure does not match the population distribution structure: there's a tendency towards expansion of

the western and southern regions as the eastern regions shrink, and towards concentration of economic potential in a smaller number of regions.

In fact, the country's ten regions account for 55% of its GDP. Since 2011, one third of all investments in fixed assets were connected with Moscow, St. Petersburg, and the Moscow and Tyumen regions.

At the level of productive forces, the analysis should address population employment rates and the state of fixed assets and should deal with designating and closing down innovative development areas, singling out economic and technological relations, identifying disproportions, identifying areas with excessive or insufficient employment rates. At the settlement system level it should deal with demography, migration mobility, identifying and ranking cities and agglomerations, identifying urbanized and non-urbanized areas, forming inter-regional settlement systems, designating strategically important areas.

At the level of backbone infrastructure: transport, energy, communications. Determining priorities for the elimination of infrastructural limitations and, of course, taking account of national wealth, natural resources, cultural heritage sites, identifying competitive advantages of particular territories.

At all levels, once the disproportions have been identified, the results should be put through development scenarios and, based on those, appropriate forms of the country's spatial organization should be suggested.

As regards the additional structure of spatial development, it can be scaled for strategies of different levels: the entire Russian Federation — the macro-regions — the Russian Federation entities — the municipalities. All of those strategies must also contain a spatial component. If at the Russian Federation level the strategy prioritizes spatial development, development of the backbone infrastructure and the macro-regions, at the macro-region level the main objective is to ensure interregional integration, while at the level of the Russian Federation entities the strategy should prioritize infrastructure development and the development of the entities, and the same is true for the municipalities.

The general principle implies differentiating tasks according to the scope of authority at each level of administration, providing clear specifications for a single data format of digital maps for a spatial model, and forming a single spatial structure for the entire country.

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент Вольного экономического общества России,
президент Международного союза экономистов, директор
ИНИР им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Сергей Владимирович Уянаев,
заместитель директора Института
Дальнего Востока РАН

Борис Моисеевич Лапидус,
председатель Объединенного ученого совета
ОАО «РЖД», д. э. н., профессор

Сергей Юрьевич Глазьев,
советник Президента РФ, академик РАН

Василий Игоревич Богоявленский,
член Правления ВЭО России, заместитель директора
Института проблем нефти и газа РАН, член-
корреспондент РАН, д. т. н.

Владимир Яковлевич Литвинцев,
ученый секретарь Межведомственного координационного
совета РАН, координатор мегапроекта «Единая
Евразия — Трансъевразийский пояс развития»

Руслан Семенович Гринберг,
научный руководитель Института экономики РАН, член-
корреспондент РАН, вице-президент ВЭО России

«ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»: ВЫЗОВ ДЛЯ РОССИИ?

МЕГАПРОЕКТ «ЕДИНАЯ ЕВРАЗИЯ — ТРАНСЪЕВРАЗИЙСКИЙ ПОЯС РАЗВИТИЯ» — РОССИЙСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

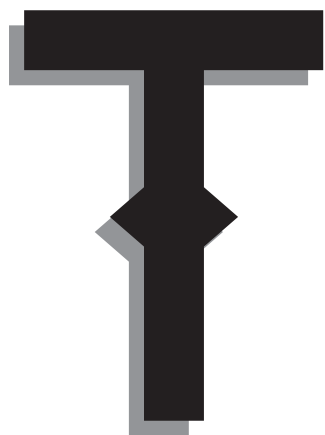
*Михаил Владимирович Ершов,
член Президиума ВЭО России, главный директор по
финансовым исследованиям Института энергетики
и финансов, профессор Финансового университета при
Правительстве РФ, член комиссии по банкам
и банковской деятельности РСПП, д. э. н.*

*Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России, руководитель Научного
совета ВЭО России, научный руководитель Финансового
университета при Правительстве РФ, член-
корреспондент РАН*

*19-я экспертная сессия Координационного клуба Вольного экономического общества России, 13 февраля 2019
года, Медиацентр «Российской газеты»*

Бодрунов: То, что сегодня мы обсуждаем проблему, которая для России очень важна, не подлежит никакому сомнению. Мегапроект Китая «Один пояс — один путь» — это вызов для России или нет. Мне часто приходится бывать на многих мероприятиях, где так или иначе обсуждается проблема, связанная с развитием российско-китайских отношений, место России в представлении Китая о мировом пространстве, мы знаем точку зрения китайцев и Китая. Я бывал на разных научных конференциях в Китае. И в целом коротко могу сказать, что, пожалуй, неофициальную позицию Китая высказал, не буду никому делать рекламы, один из крупных китайских специалистов, который, выступая на одной из конференций, не далее как в мае прошлого года, сказал, что мы прекрасно представляем, как хорошо мы можем вместе работать, мы можем взаимно дополнять друг друга: Китай может поставить в Россию необходимое количество технологий, и Россия может оставаться страной, которая даст Китаю ресурсы для развития. Так что, уважаемые коллеги, такая точка зрения присутствует и даже иногда обозначается на форумах.

Мы, конечно, представляем, что у нас есть собственное евразийское пространство, идут интеграционные процессы. Есть идеи, которые, я помню, и в 2015 году поддерживались, о сопряжении нашего проекта и китайского проекта Шелкового пути. Но сегодня мы можем задаться вопросом, насколько это нам выгодно, выгодно Китаю, насколько действительно реально сопрягаются эти проекты, есть ли подвижки на этом пути или мы видим крупные расхождения? Наконец, то возвышение Китая в мировом экономическом развитии — это для нас и вызов, это для нас и благо, это для нас комплексная ситуация. Что можно в этом случае предпринять, какие наши идеи и наши представления о развитии России можно сочетать с тем развитием, которое есть у Китая? Я, конечно, всегда придерживаюсь такой точки зрения, свои сани — это очень важно, но, конечно, хорошо, что кто-то впереди бежит, к кому эти сани прицепить, чтобы кто-то подтащил, то есть сделать ставку на сильного. Но в то же время надо понимать, что сильный может утащить куда-то туда, куда интересно ему тебя утащить. Твоя это дорога или нет — это тоже очень важно понимать. Поэтому рост экономики Китая, наверное, может дать нам и плюсы, и минусы, и мы должны это сегодня тоже оценивать.

Почему мы проводим сегодня экспертную сессию по этому вопросу? Потому что, нет большой тайны: ведутся интенсивные переговоры с Китаем, которые связаны с интеграцией России и Китая в рамках проекта Экономического шелкового пути. Мы понимаем, что процесс идет, и мы должны быть как эксперты готовы какие-то вещи оценить и что-то подсказать.

Сегодня у нас есть очень серьезные докладчики по данному вопросу. Я думаю, что многие из вас их знают. Мы рады, что сегодня они смогли уделить время нашей экспертной сессии и подготовить серьезные доклады.

Уянаев: Считаю большой честью выступить на столь авторитетной площадке и свою скромную задачу вижу в том, чтобы поставить ряд вопросов о существовании китайской концепции «Один пояс — один путь» и поделиться своим скромным наблюдением относительно стоящих в этой связи шансов и вызовов перед Россией.

Я позволю себе напомнить какие-то основные вещи, которые, может быть, известны, лишней раз подчеркнуть существование китайской инициативы.

Итак, инициатива «Один пояс — один путь», объединяющая идею сухопутного «Экономического пояса

ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ

Объединяет сухопутный «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века».

Шелкового пути», а также «Морского Шелкового пути XXI века», уже в своем рамочном варианте, оглашенном осенью 2013 года, предстала на редкость масштабным проектом. По целевым установкам он выходил далеко за национальные границы. Было декларировано предложение большой группе евроазиатских стран вдоль древнего Шелкового пути объединить усилия, как сказали в своих выступлениях Назарбаев и Си Цзиньпин, для крупномасштабного регионального сотрудничества. За последующие полтора года концептуальной эволюции инициатива де-факто сформировалась как системная программа, которая за счет внешнеэкономических, прежде всего мощных инвестиционных, а также внешнеполитических механизмов, призвана обеспечить интересы Китая в ближнем и дальнем зарубежье, прежде всего в Евразии, и одновременно решить ряд структурных проблем экономики страны, и тем самым решительно подкрепить общий поступательный алгоритм внутреннего и международного развития КНР.

О масштабе инициативы свидетельствуют сразу несколько обстоятельств. Это и географический охват проекта: уже на первом этапе это практически весь Евразийский континент и Северная Африка с населением около 4 миллиардов человек. Это и комплексный спектр ставящихся пяти главных направлений реализации: речь идет о политических согласованиях стратегии развития, о развитии инфраструктурных взаимосвязей, включая транспорт и производство, о глубокой либерализации торговли, о свободном передвижении капитала и финансовых обменов, о продвижении гуманитарных связей.

Очень скоро инициатива стала одним из лейтмотивов внутренней и внешней политики страны. И как подчеркивала еще в феврале официальная китайская печать, ини-

циатива «Один пояс — один путь» — это главная особенность внешней дипломатии Китая в новой эпохе. Особенно важно, что инициатива была вписана в основополагающие в сегодняшней установке КНР. Речь идет о постулатах великого возрождения китайской нации и построении сообщества единой судьбы человечества.

Причем в создании такого сообщества, а оно, по сути,

является китайской версией нового справедливого мирового порядка с достойным в нем местом возрожденного великого Китая, — инициативе «Один пояс — один путь» отводится важнейшая роль созидательной платформы. В октябре 2017 года XIX съезд КПК включил строительство пояса и пути в устав КПК. Кроме того, характерно, что концепцию «Пояс и путь» Китай прямо связывает с таким явлением, как глобализация, полагая, что инициатива способна придать ей дальнейшее, причем правильное, развитие.

Один из очевидных импульсов появления шелковой инициативы — это экономические диспропорции, которые возникли как побочное следствие стремительного развития КНР в 1980–2010 годах (это примерно 10% в год), и выросли эти диспропорции в явном переизбытке товаров и производств. Эти процессы совпали по времени с кризисными явлениями в мировой торговле в конце нулевых годов и ее стагнации в середине нынешнего десятилетия. Явления, которые ограничивают возможность экспорта как одного из ключевых драйверов китайской экономики.

Когда стали очевидны лимиты прежнего сверхдина-

ТРАНСЪЕВРОПЕЙСКИЙ МАРШРУТ

проходит через Казахстан и выходит на российскую территорию лишь у Челябинска, оставляя не у дел большую часть Транссиба.

Трансевразийские маршруты (Казахстан — новый Шелковый путь)

мичного, но в основном экстенсивного развития, руководство КНР поставило задачу структурной перестройки экономики с опорой на качественные показатели и рост внутреннего потребления. Но такие решения требуют времени, поэтому неслучайно параллельно было усилено внимание и к внешнему фактору. Еще в конце нулевых годов в стране громко заговорили о концепции широкого выхода вовне. А в 2010 году председатель КПК официально сформулировал задачу активнее использовать внешнее пространство страны. В комплексе эти обстоятельства видятся очевидной предтечей, которая и предопределила выдвижение концепции «Пояс и путь».

Эту инициативу иногда не без оснований называют

программой тотального экспорта — экспорта китайских товаров, капитала, производства, рабочей силы. Свою целевую роль, несомненно, играет также возможность доступа на сырьевые рынки, прежде всего углеводородов. В мотивах видится очевидный аспект безопасности. Прокладывая сухопутную артерию, Китай стремится застраховать себя на случай, если осложнение отношений с Соединенными Штатами создаст угрозу его морским коммуникациям.

Продвижение проекта «Пояс и путь» Китай сопровождает массивной информационной и программной работой, множеством выступлений политиков и в СМИ, проведением форумов, проводимых даже вне Китая.

Примером могут служить крупные симпозиумы сотен экспертов и действующих политиков в форматах SILKS,

которые с 2015 года китайская сторона последовательно провела в Мадриде, Варшаве, Пекине и Париже. Апофеозом такой активности стал институт специальных форумов лидеров целой группы стран «Пояса и пути». Первый прошел в 2017 году в мае в Пекине с участием высших руководителей 28 стран и ряда международных организаций. Второй, судя по всему, не меньше по масштабу, пройдет в апреле сего года также в столице Китая.

За пять лет с момента оглашения инициативы сформирована документальная база «Пояса и пути». Первым в ней стал правительственный документ от 28 марта 2015 года — своего рода развернутая концепция и дорожная карта. Развитием стал майский документ 2017 года с показом определенной практики реализации. Одновременно появилась специальная концепция сотрудничества на море, а в январе 2018 года — документ под названием «Арктическая политика Китая».

Согласно официальным сообщениям КНР, пять лет реализации инициативы по упомянутым пяти направлениям

ПЛАНЫ СТЫКОВКИ

дальневосточных путей России и Китая — это проекты «Приморье-1» и «Приморье-2». Однако в целом как единому мосту «Китай — Европа» Транссибу с высокой вероятностью придется смириться со вторыми ролями.

принесли следующие результаты. Китай со 105 странами вдоль «Одного пояса — одного пути» и с 29 международными организациями подписал 149 межправительственных документов о сотрудничестве. Помимо прочего, это говорит не только о существенном расширении географии «Пояса и пути», которая ныне распространяется практически на все континенты, важнее то, что определилась основная тенденция реализации инициативы, практикующая предпочтительно двусторонние форматы.

Торговый оборот Китая со странами «Пояса и пути», согласно китайским заявлениям, за пять лет превысил 5 триллионов долларов, причем темпы роста были на 4% выше динамики внешнеторгового оборота Китая в целом. Для 25 стран проекта Китай стал самым крупным торговым партнером, подписал и вывел на более высокий уровень пять соглашений о зоне свободной торговли, которая охватывает 13 стран.

Следующее направление взаимосвязано с инфраструктурой. Имеется в виду производство и транспорт. Заявлено, что в странах «Пояса и пути» компании Китая создали 82 торгово-

экономические зоны, в которых сооружено около 4000 предприятий. Это обеспечило 250 000 новых рабочих мест, не менее 85% занятых, по заявлению Китая, это местный персонал. Соответственно, 15%, порядка 30 000 рабочих мест, — это китайский персонал. По предусмотренному проектом «Один пояс — один путь» новому евразийскому континентальному пути между Китаем и Европой, согласно этим же сообщениям, включая путь через Казахстан, а также другие маршруты, к началу 2019 года совершено порядка 13 000 рейсов в обоих направлениях контейнерных поездов. В целом эта сеть путей связала почти 50 китайских мегаполисов с таким же количеством городов в 15 странах Европы.

В части свободы капитала: за счет создания фонда Шелкового пути и азиатского банка инфраструктурных инвестиций прямые инвестиции Китая в страны проекта

превысили 70 миллиардов долларов с ежегодным ростом 7%. Стоимость планируемых контрактов китайцами на сегодняшний день оценивается в 500 миллиардов долларов. К реализации подключается один из крупнейших китайских банков — Банк развития Китая, резервирующий, согласно этим же сообщениям, на эти цели до 1 триллиона долларов.

В части последнего направления — гуманитарных связей — подчеркивается также большая работа, в частности ориентированная на большое количество обменов между молодежью и студентами. К этим цифрам можно относиться по-разному. Зачастую возникает впечатление, что под крышу проекта «Пояс и путь» выводят уже давно существующие проекты по двусторонним форматам взаимодействия Китая с «Поясом и путем». В любом случае, думаю, что на эти цифры стоит обратить внимание.

Формирование места и позиции России в отношении «Одного пояса — одного пути» прошло через несколько этапов. Нельзя не сказать, что в первое время имел место элемент неопределенности, и не в последнюю очередь связанной с тем, что на карте Нового шелкового пути, которая была опубликована осенью 2013 года агентством «Синьхуа», маршруты проходили в обход России. Одновременно в китайской печати наблюдалась дискуссия вокруг российского фактора, высказывались мнения о том, что в контексте китайской инициативы «самым большим вызовом для Китая является налаживание отношений с Россией». Положение стало меняться после встречи президента России и представителя КНР в феврале 2014 года в Сочи. Неслучайно после этого изменился и тон официальных китайских комментариев, в которых отчетливо стала продвигаться мысль, что Россия является неотъемлемым элементом сотрудничества в рамках проекта.

Официальный подход России к концепции определился в совместном заявлении о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза

и «Экономического пояса Шелкового пути» от 8 марта 2015 года. Этот документ, отчасти компромиссный, носит знаковый характер. На высшем политическом уровне было зафиксировано понимание, что Россия не просто подключается к китайскому проекту, а на равных представляет свой проект с тем, чтобы вместе двигаться к интеграции евразийского пространства. Осенью 2015 года после одобрения заявления от 8 мая остальными членами Евразийского экономического союза между ЕС и Китаем был запущен диалог с целью заключения всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, и такое соглашение

было подписано 17 мая 2018 года в Астане.

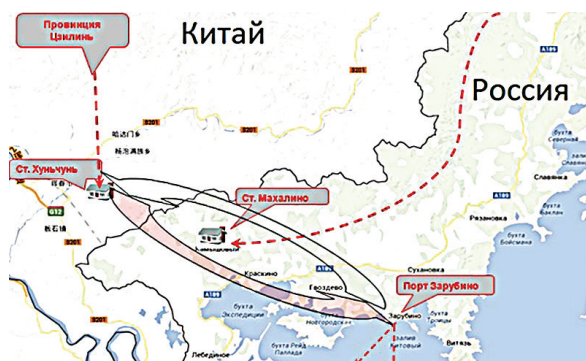
О шансах и возможностях. В основном в российском экспертном сообществе был выработан определенный консенсус о том, что, действительно, присутствуют как шансы

и возможности, так вызовы и риски. И эти представления в целом актуальны и сегодня. Шансы и возможности прежде всего в том, что в контексте сопряжения возрастают возможности привлечения китайских капиталов в важные для России совместные инфраструктурные проекты. Они особенно актуальны для подъема Сибири и Дальнего Востока, могут способствовать развитию и других российских регионов, вовлеченных в зону прохождения Шелкового пути, в частности Поволжья.

Есть возможность обрести плюсы в качестве страны-транзитера, поскольку существенной частью проекта является создание трансевразийского перехода, который начал выстраиваться по северному маршруту: Китай — Казахстан — Россия — Европа. Взаимодействие по данной теме может принести пользу России не только в виде модернизации российского участка такого моста и увеличения транзитных поступлений, но и придания импульса развитию прилегающих регионов. Кроме того, сотрудничество с Китаем по теме «Пояса и пути» могло бы стать движущей силой в контексте инициативы России о большом евразийском партнерстве, в которое наряду с участниками Евразийского экономического союза постепенно могли бы войти и многие другие страны Евразии, в том числе члены ШОС и АСЕАН. Сопряжение ЕАС и проекта «Пояс и путь», а КНР поддержала идею большого евразийского партнерства, могло бы стать ядром такой большой евразийской интеграции, одновременно укрепив роль России.

Вместе с тем очевидно, что проект «Экономический пояс Шелкового пути» для России несет очевидные вызовы.

Во-первых, между проектом «Пояс и путь», особенно имея в виду его сухопутную часть, и Евразийским экономическим союзом как российским проектом имеются очевидные противоречия в важных целевых установках. «Пояс и путь» ориентирован на максимум торгово-экономических свобод и широкие зоны свободной торговли, тогда как Европейский экономический союз, напротив, предусматривает защиту внутренних рынков союза перед внешними игроками и бестарифную зону лишь для стран-участниц. Неслучайно вопрос свободной торговли Евразийским экономическим союзом отнесен на достаточно отдаленную перспективу. Это вряд ли устраивает Китай, который, активно действует по двусторонним линиям, последова-

ШАНСЫ ВЫГОДНОГО ДЛЯ РОССИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Остаются в основном потенциальными.

тельно продвигая идею устранения всех тарифных барьеров. И практика зачастую такова, что члены ЕАЭС, охотно делегируя полномочия вести от имени Союза диалог с Пекином, оставляют за собой право самостоятельно идти навстречу китайским двусторонним инициативам, прежде всего инвестиционным. Так, признав сопряжение Евразийского экономического союза и «Пояса и пути» стратегически важным, Казахстан договорился с Пекином о собственном сопряжении между «Поясом и путем» и национальной программой «Светлый путь», которая, к слову, предусматривает и участие в построении трансевразийского моста в обход России через порт Актау и далее через Каспий.

Во-вторых, понятно, что все перечисленное вряд ли способствует институциональному укреплению Евразийского экономического союза, где вопрос формирования гомогенного экономического пространства и так называемых четырех внутренних свобод остается непростым. Причем в этой части каждая из стран и ныне использует порядка 40 барьеров, изъятий и ограничений. Заключение в мае прошлого года в Астане соглашения между ЕАЭС и КНР о торгово-экономическом сотрудничестве с этой точки зрения, с точки зрения российско-китайского сопряжения — безусловно, шаг в верном направлении, но он пока носит начальный характер. И неслучайно соглашение касается лишь нетарифных торговых барьеров. Имеется в виду сближение стандартов, технических регламентов, процедур, санитарных мер, ограничение таможенной бюрократии и так далее.

В-третьих, аналогичные риски присутствуют для России в деятельности Шанхайской организации сотрудничества,

на пространстве которой Китай ставит тот же вопрос о зонах свободной торговли уже второе десятилетие. Уход в сотрудничестве со странами ШОС в тот же двусторонний

формат, как и в случае с Евразийским экономическим союзом, также не способствует укреплению ШОС как организации, по крайней мере, на экономическом треке. А падение значения ШОС и ее консенсусных решений способно обернуться увеличением регионального влияния КНР и соответствующими последствиями для позиции России.

Шансы выгодного для России инвестиционного сотрудничества в рамках сопряжения пока остаются в основном

потенциальными. Результаты носят весьма скромный характер и лимитируются давно известными нестыковками в виде достаточно очевидной разницы подхода китайской и российской сторон к целевым задачам и самому алгоритму инвестиционного сотрудничества. К данному вызову относится, на мой взгляд, и совершенно очевидная проблема слабой наполняемости пока того, что мы называем сопряжением, конкретными реальными проектами.

В-четвертых, обозначенные ранее плюсы от сухопутного трансконтинентального моста из Китая в Европу сосед-

ствуют для России с очевидными минусами. Речь идет о снижении, если не об утрате, интереса перевозчиков к сибирскому и дальневосточному участку Транссиба, поскольку маршрут через Казахстан для Китая с учетом протяженного участка по самому Китаю выгоднее и по тарифам, и по времени. Сегодня из 14 находящихся на слуху маршрутов Китай — Европа 10 проходят по маршруту через китайско-казахстанский КПП, выходя на Транссиб лишь в районе кургана Челябинска и Магнитогорска, и лишь оставшиеся 3–4 маршрута проходят через российский переход в Забайкалье и по трансмонгольскому маршруту через Наушки.

Отдельно стоит вопрос о проигрыше Транссиба железным дорогам Китая с точки зрения технического состояния. Более того, потенциально, и это обозначено в изначальной концепции «Пояс и путь», возможно создание моста «Китай — Европа» полностью в обход РФ не только по упомянутому транскаспийскому, но и по имеющейся концепции центрального маршрута — это через Центральную Азию, Иран и Турцию. Несколько смягчает ситуацию, что центральный маршрут носит пока сугубо тестовый характер. Кроме того, отмечен рост грузопотока из северо-восточных провинций Китая, поднимающий интерес к дальневосточным портам РФ, а значит, сохраняющий предпосылки для совместной модернизации восточного участка Транссиба. Есть планы со стыковкой дальневосточных инфраструктурных сетей России и Китая — это проекты «Приморье-1» и «Приморье-2». Однако в целом как еди-

ному мосту «Китай — Европа» Транссибу с высокой вероятностью придется смириться со вторыми ролями.

Противоречивые последствия инициативы «Пояс и путь» для интересов РФ не отменяют необходимости адаптации к китайскому мегапроекту, поскольку очевидно, что Китай будет его проводить, и проводить последовательно. Поэтому задачей России является оптимальное использование шансов, предельная минимизация рисков и потерь при общем понимании важности, особенно в нынешнем международном контексте, всеобъемлющего партнерства с Китаем, нашим динамично развивающимся соседом и важным торговым партнером. Существенным подспорьем здесь является то, что Китай декларирует готовность к сотрудничеству и учету интересов России. Такой подход, кстати, ясно виден и в документах «Пояс и путь», официальных правительственных документах, где, в частности, говорится о задаче усилить сотрудничество северо-восточных провинций Китая с дальневосточными регионами РФ. Общий повышательный характер развития российско-китайских отношений дает основание полагать, что это не только декларация.

Если суммировать все вызовы, стоящие перед Россией, на них во многом проецируется общая проблематика российско-китайских отношений. Ведь, скажем, вопрос о недостатках нашего инвестиционного партнерства — это вопрос, который касается непосредственно российской повестки. Здесь очень много нерешенных проблем, и если не иметь в виду проект «Ямал СПГ», то общая сумма российско-китайского инвестиционного сотрудничества пока весьма скромна. И повторяю, эти проблемы проецируются

и на тему сопряжения «Пояс и путь».

А еще более системный вызов, если уже так говорить в общем, то, на мой взгляд, это растущая диспропорция наших экономических потенциалов. Трудно говорить об отсутствии вызовов, когда даже с точки зрения шадящего для России показателя годового роста ВВП по паритету покупательной способности разница между Китаем и Россией составляет почти шесть раз. Причем, согласно прогнозам, такая разница не только не будет уменьшаться, а будет расти. Надо отвечать на главный экономический вызов, и тогда все последующие можно будет решать гораздо легче.

Бодрунов: Спасибо большое, Сергей Владимирович. Я думаю, что Вы дали обстоятельный обзор ситуации, которая сегодня сложилась.

Вопрос к представителю РЖД: Как вы относитесь к русской колее? Китайцы просят сделать колею по их стандартам. Какая у вас позиция как у корпорации? Это первый вопрос. И второй: нужны ли нам китайские инвестиции для челябинского хаба? Говорят, что там уже все сделано.

Реплика: Это вопрос больше к следующему докладчику.

Бодрунов: Я предлагаю для начала выслушать два доклада. Они друг друга дополняют.

Вопрос: Вы писали об Индии, знаете Индию, каково отношение Индии к этому проекту?

Реплика: Отвратительное отношение Индии.

Бодрунов: Конечно, отношения Китая и Индии нам известны, они конкурентны, и Индия относится к этому проекту критично. Но тем не менее не учитывать это мы уже не имеем права. Я предложил бы сегодня продолжить наш разговор Бориса Моисеевича Лапидуса.

Лапидус: Я больше остановлюсь на технологических составляющих и хотел бы оттолкнуться от фразы по поводу того, что в переговорах с китайцами звучит их желание в совместном сотрудничестве использовать их технологии и наше сырье. Но я думаю, конечно, Россия не может согласиться с построением долгосрочного сотрудничества на такой основе, потому что, бесспорно, любое сотрудничество по этой схеме будет только увеличивать разрыв между технологическими лидерами и нашей страной, чего допустить нельзя. Нам нужно думать не о догоняющей, а об опережающей стратегии развития. И в этой связи железнодорожная политика и политика в области транспортной инфраструктуры может сыграть существенную позитивную роль главным образом за счет выбора не следования за лидерами в развитии железных дорог, а создания условий для собственного лидерства. И такая возможность у нас есть.

На наш взгляд, конкуренцию маршрутов, которые опре-

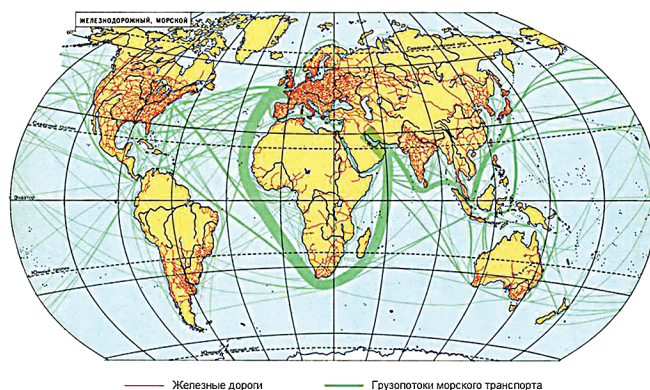
делили наши китайские коллеги и партнеры, можно рассматривать по двум критериям для сегодняшнего дня. Прежде всего, по критерию массовости. Это, бесспорно, преимущество морского маршрута, который наращивает производительность своих морских судов уже до 18 000 контейнеров на одном контейнеровозе, то есть практически неограниченные возможности. А по скорости, бесспорно, выигрывает наземный железнодорожный, не считая воздушного, но не может быть массовым.

В связи с этим нам нужно рассматривать как раз, в каких сегментах этого торгового обмена мы можем конкурировать с другими маршрутами. Я соглашусь, что есть надежда на то, что китайские политические стратегии связаны с желанием сделать Россию более эффективной в транспортном и торговом обмене между Западной Европой и Китаем. Скорее всего, действительно, я тоже бывал на конференциях в Китае, где однозначно звучит мысль о том, что российская миссия — это дополнять то, что захотят китайские предприниматели. А если учесть, что маршруты формируются в Китае, то по-железнодорожному мы можем сказать: стрелка, чтобы переключать потоки на морской путь или на железнодорожный, находится, к сожалению, не у нас. Поэтому нам нужно предложить в стратегии опережающего развития такие решения, которые заинтересуют не просто ментально, но и экономически, не только китайских предпринимателей, но и предпринимателей других восточноазиатских стран.

Мировые транспортные коридоры

НАМ НУЖНО

рассматривать вопрос, в каких сегментах этого торгового обмена мы можем конкурировать с другими маршрутами.

13.02.2019

2

Мы считаем, что несмотря на то, что в последние годы мы добились серьезных позитивных результатов в транзитных перевозках из Китая в Европу и обратно, доведя их скорость с учетом конечных операций до 20 суток, тем не менее перспективу нужно строить только на основе высокоскоростного железнодорожного транспорта. Здесь есть четкий критерий по срокам доставки. В Европе сделан очень серьезный аналитический обзор по потребительским ожиданиям от поступлений грузов электронной торговли, а электронная торговля разворачивается, тем более с участием Китая, в мировом масштабе очень быстро, и это — 4–5 суток. И как бы мы ни хотели традиционными железными дорогами доставить за 4–5 суток товары электронной торговли, мы этого не сделаем, а это очень дорогие товары — до 40 долларов они готовы платить за перевозку одного килограмма этих товаров.

Это подсказывает, что нам и карты в руки, нам нужно думать как раз об опережающей стратегии, которая базируется на высокоскоростных магистралях. Поэтому железнодорожный проект должен базироваться на критерии 3 суток хода, не более, от границы до границы. Уже сегодня есть четыре активных пограничных перехода, и нам нужно заинтересовать китайцев использовать эти переходы во всей их мощности, а не только по тому маршруту, который называют центральным и который нам доверяет всего чуть более 2000 километров транзита по России, притом что сегодня Транссибирская магистраль — только от Москвы до Владивостока — это 9230 километров. Около 10 000 километров, если считать от Находки.

Конечно, наша задача использовать нашу территорию более эффективно. И в последние годы нам удастся не без помощи самих китайцев, надо сказать, существенно наращивать объем транзита. Если в 2008 году мы перевезли, к нашему стыду, всего 6000 контейнеров транзита, уже в 2017 году — 277 000, в 2018-м — 363 000, то есть рост идет на десятки процентов ежегодно.

На днях подписан Правительством национальный инфраструктурный проект. Перед нами поставлена задача довести этот объем к 2024 году (здесь написано — к 2025-му, на самом деле к 2024 году) до 1 656 000 контейнеров. Это объемы для классической железной дороги, для нашего Транссиба, БАМа, с учетом развития нового плеча высокоскоростной магистрали Москва — Казань — Екатеринбург и далее через Казахстан до Пекина. Это вполне подъемно, но опять-таки, если говорить о роли в масштабах торгового обмена, она будет очень незначительной — 2, максимум 3% от общего оборота контейнеров.

ВСМ Москва – Казань: повышение связанности территорий и мобильности населения

В РОССИИ ПОКА НЕТ

ни одного километра высокоскоростных специализированных магистралей.

Поэтому заострять внимание мы должны все-таки на новых проектах, на развитии железных дорог на современных и, скажу даже, прорывных технологиях. А для этого, конечно, нужны инвестиции.

Надо сказать, за последние 2–3 года мы увеличили инвестиции, в том числе частные, но в связи с наличием законодательных ограничений частные инвестиции, конечно, малы в железные дороги. Эти 600 миллиардов рублей не идут в сравнение с другими железнодорожными системами.

Большие надежды и больше перспективы открылись в связи с совместным рассмотрением на форуме «Один пояс — один путь» сотрудничества между железными дорогами Китая и Российскими железными дорогами. Мы сделали большие конкретные шаги в развитии пограничных переходов, в увеличении обращений регулярных поездов. Сегодня около 40 поездов ежедневно в направлениях «Восток — Запад» и «Запад — Восток» следуют с контейнерами. Развиваются новые типы отправок с пассажирскими поездами, почтовых отправок. И самое главное, достигнуты договоренности об участии китайского технологического, научного и железнодорожного сообщества в развитии высокоскоростной магистрали.

Напомню, что пока в России нет ни одного километра высокоскоростных специализированных магистралей. Есть только модернизированная магистраль Москва — Санкт-Петербург, на которой эксплуатируются поезда со скоростью до 250 км/ч на небольшом участке, а в основном — 200 километров в час. В то время как в Китае за 10 лет построено 25 000 километров высокоскоростных магистралей со скоростями от 250 до 350 километров в час. Китай побил все возможные рекорды, и сегодня протяженность его дорог составляет половину мировой протяженности высокоскоростных магистралей. Они освоили технологию и инфраструктурного строительства, и проектирования

Интегрированная Евразийская Транспортная система в контексте
Евразийских транспортных коридоров

**ЛИНИЯ МОСКВА —
КАЗАНЬ —
ЕКАТЕРИНБУРГ**

и далее на Астану и Пекин дает огромный социально-экономический эффект.

строительства подвижного состава, тем самым показав пример, что следование за лидером может быть только временным, для того чтобы встать с собственными технологиями на ноги и начать обгонять бывших лидеров.

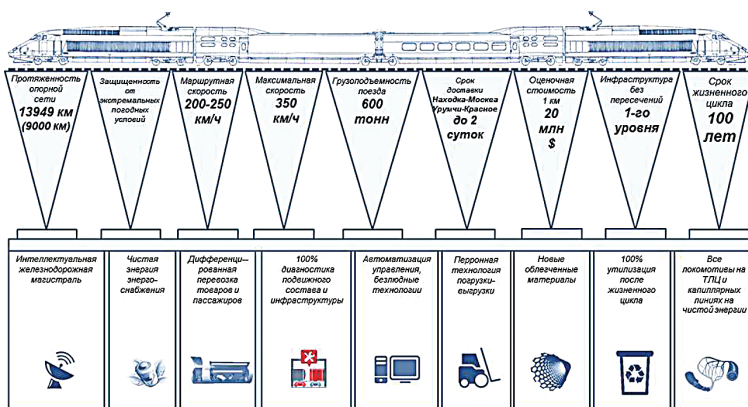
Очень важно, что линия Москва — Казань — Екатеринбург, далее на Астану и Пекин, дает огромный социально-экономический эффект. Не буду называть цифры, но абсолютно очевидно, что региональные валовые продукты возрастают в несколько раз не только из-за того, что появляется потребность и в рабочей силе, и в материалах, технологиях и технике, но и, по опыту итальянских железных дорог, даже в образовании. Есть доклад, в котором говорится, что при строительстве высокоскоростных магистралей с севера на юг Италии потребность в высшем образовании возросла на 30%. То есть высокоскоростная магистраль генерирует сегодня очень хороший мультипликативный и социально-экономический эффект.

У нас в компании утверждена программа развития высокоскоростного движения. Она, бесспорно, требует и значительных средств, и, самое главное, требует политического решения, поскольку это серьезнейшая не только отраслевая и тем более не только корпоративная задача, а огромная задача государственного масштаба. На сегодня мы пока получили отмашку на начало строительства дороги Москва — Казань, в этом году начнется строительство первого участка, 301 километр, от станции Железнодорожная до станции Мороховец, не доезжая Нижнего Новгорода. Несмотря на скромные объемы, технологии будут отлажены и мы получим огромный опыт для того, чтобы развивать высокоскоростные магистрали.

В течение последних лет инициативная группа академиков Российской академии наук, включая Садовниченко, Осипова, Макарова, Некипелова, члена-корреспондента Гринберга, разработала концепцию трансъевропейского пояса Сибири и Дальнего Востока на основе строительства высокоскоростной грузопассажирской магистрали. Нигде в мире грузопассажирской высокоскоростной магистрали пока нет. Мы видим, что такая концепция вполне реалистична. Если бы такая магистраль была построена, то абсолютно очевидно, что инфраструктурная решетка между Северным морским путем и новым Транссибом, да и старым Транссибом, стала бы хорошим генератором развития территории Сибири и Дальнего Востока.

Говоря о Транссибе, я абсолютно не согласен с тем, что Транссиб должен смириться со вторыми ролями и по техническому состоянию не в состоянии выполнить новые задачи. Техническое состояние Транссиба великолепно. Это самая современная классическая железнодорожная магистраль. На сто процентов электрифицирована, на сто процентов оснащена автоматической блокировкой диспетчерской централизации. Транссиб не только находится в Книге рекордов Гиннеса по протяженности, но еще и нет ни одной магистрали, которая бы одновременно по двум рельсам осуществляла перевозки такого количества грузов, пассажиров, а теперь еще контейнеров. Транссиб перегружен. А вся мировая практика направлена в сторону специализации. Должны быть высокоскоростные магистрали, должны быть тяжеловесные магистрали. С учетом нашей не очень диверсифицированной линейки экспорта,

**Высокоскоростная магистраль ТрансЕвразия
- технологии XXI века**

В РЖД УТВЕРЖДЕНА ПРОГРАММА ВЫСОКОСКОРОСТНОГО ДВИЖЕНИЯ

Она требует и значительных средств, и политического решения, поскольку это огромная задача государственного масштаба.

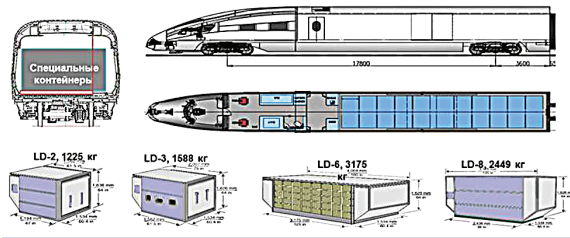
а в последующем, может быть, более диверсифицированной, работа Транссибирской магистрали сохранится даже с учетом тем модернизаций, которые сегодня осуществляются. Мы должны будем перевозить 186 миллионов тонн уже в ближайшие годы, помимо пассажирских перевозок. Подчеркиваю, это очень трудная задача.

Наши маршруты могли бы быть более эффективными, если в стратегической перспективе мы бы опирались на новые технологические решения. Такие технологии есть. Есть модель поезда, которую наши ученые разработали с учетом китайского опыта. Можно сформировать поезд из 16 вагонов со скоростью 350 километров в час и с полезной нагрузкой до 600 тонн груза. Конечно, это не будут стандартные 40-футовые контейнеры, но мы проверили и убедились, что очень комфортно вписываются в габариты высокоскоростных поездов стандартные авиационные контейнеры, которые не нужно внедрять, которые сертифицированы в мире, и эти перевозки могут быть более эффективны.

Что из себя может представлять эта высокоскоростная магистраль, «Транс-Евразия»? Маршрут, конечно, пока не выбран, это отдельная задача, но очевидно, что он должен следовать севернее, чем сегодняшний Транссиб и, возможно, БАМ. И он должен давать максимальную скорость 350 километров в час, что позволит достигнуть средней скорости 200–250 километров в час и менее чем за трое суток обеспечить перевозку от Находки до границы с Восточной Европой.

Соответственно, эта железная дорога должна стать генератором научно-технологических идей, прорывных решений, на которые не просто сегодня ориентируются наши производители, но которые сегодня еще находятся на столе ученых, конструкторов. В этом смысле задача Академии наук и отраслевых институтов — стать лидерами такого рода разработок. Если бы удалось сформировать такой проект, мы могли бы предложить при соответствующей политической обстановке кратчайший путь к Западной Америке через Российскую Федерацию. Как ни странно, но из Китая путь до восточного побережья Соединенных Штатов будет короче, если мы едем по железной дороге до Мурманска или Архангельска, а далее на морском транспорте. Строительство высокоскоростной магистрали «Транс-Евразия» позволит объединить две крупнейшие высокоскоростные системы мира — китайскую, или даже восточноазиатскую (Китай, Корею и Японию), с европейской. И тем самым российская транспортная система сможет стать связующим звеном такой мировой части.

Грузовой высокоскоростной подвижной состав

- ✓ **Размещение грузов в специальных контейнерах на грузовых хабах**
- ✓ **Удобная и оперативная загрузка и выгрузка**
- ✓ **Высокоскоростной поезд:**
 - **16 вагонов**
 - **скорость до 350 км/ч**
 - **полезная нагрузка до 600 тонн**

ЕСТЬ МОДЕЛЬ ПОЕЗДА,

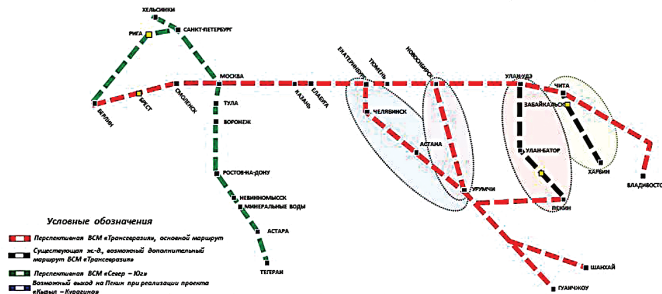
который сможет перевозить грузы в 16 вагонах на скорости до 350 км/ч и с полезной нагрузкой до 600 тонн.

В академических докладах, в принципе, проработаны районы промышленного развития Сибири и Дальнего Востока. Есть четкое понимание, как должна выглядеть энергосистема России на перспективу, что создает востребованность и основу для высокоскоростной грузопассажирской железной дороги не только как транзитного коридора, через который товары будут следовать с Востока на Запад и с Запада на Восток — будет развиваться территория России вместе с ее населением, технологиями и так далее. А такие направления поддерживаются нашим высшим политическим руководством.

ЭТА ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

должна стать генератором научно-технологических идей, прорывных решений, которые сегодня еще находятся на столах конструкторов.

ПРЕДЛАГАЕТСЯ СОЗДАТЬ ГРУЗОПАССАЖИРСКУЮ ВСМ, СОЕДИНЯЮЩУЮ КИТАЙСКУЮ И ЕВРОПЕЙСКУЮ СЕТИ ВСМ ЧЕРЕЗ МОСКВУ, КАЗАНЬ, ЕКАТЕРИНБУРГ

Маршрут	ЕС	Белоруссия	Россия	Кавказстан	Монголия	Китай	Всего	Доля РФ
1. Через Кавказстан (Достык)	750	597	2200	2250		4070	9867	22%
2. Через Наушки и Монголию	750	597	5988		1000	860	9195	65%
3. Через "Кызыл-Курагино" и Монголию	750	597	5185		1755	860	9147	57%
4. Через Забайкальск и Харбин	750	597	6750			1900	9997	68%

20

Конечно, речь пока не идет о конкретном финансировании, но речь должна уже сейчас идти о выработке не только социально-политической и демографической, но и технологической научной концепции и основных проектных решений, чтобы с появлением возможности финансировать этот проект научный фундамент и научный базис были бы готовы.

Бодрунов: Теперь, я думаю, правильным будет представить слово Сергею Юрьевичу Глазьеву, который у нас от высшего политического руководства ведет эти проекты.

Глазьев: Я хочу вернуться к тематике сопряжения «Пояса и пути» с Евразийским экономическим союзом. К сожалению, Борис Моисеевич не стал комментировать проблему с шириной колеи, а именно она почему-то китайских товарищей волнует больше всего в части проекта «Приморье-2», который, я замечу, пока является реально единственным, по сути, на столе лежащим проектом по части сопряжения наших пространств по железнодорожному транспорту.

Я понимаю, что эта тема не столько РЖД, сколько наших органов безопасности, но я просто хочу начать свое выступление именно с иллюстрации того, что у нас главная проблема сопряжения — это нестыковка больших элементов наших хозяйственных механизмов. Это касается и стандартов, если мы говорим про железнодорожное сообщение. Как ни странно, даже в таком локальном проекте, как «Приморье-2», уже в течение лет 10 не находится решение, хотя есть готовые финансовые источники, есть уже действующий порт, и уже можно было бы эту дорогу построить, если бы мы согласовали стандарты.

Но это лишь малая часть. Еще более проблематичным является согласование финансовых условий и кредитных возможностей нашего сотрудничества по сопряжению. Торгово-экономическое соглашение, которое было подписано в Астане в прошлом году между государствами Евразийского союза и Китаем, — всего лишь модификация режима наибольшего благоприятствования. В принципе, ничего принципиально нового по сравнению с тем, что мы являемся членами ВТО, оно нам не дает, кроме механизма постоянных консультаций, которые прописаны в этом соглашении, которые, по-моему, так до сих пор и не заработали, эти постоянные консультации. Здесь тоже имеет место недоразумение, потому что китайская сторона хочет

преференциальный режим, мы говорим, что мы к этому не готовы, что вполне правильно, но тогда приходится констатировать, что в части нормативно-правовой базы у нас еще сверх того, что дает ВТО в плане сопряжения, нет и не предполагается.

Главным в идее сопряжения является, конечно, совместный инвестиционный проект. Здесь мы сталкиваемся с тем, что наши денежно-кредитные механизмы абсолютно не стыкуются друг с другом. В Китае огромный поток долгосрочных кредитов, благодаря которым финансируются гигантские инфраструктуры стройки, мы знаем, что монетизация китайской экономики в четыре раза превышает российскую, а количество денег уже в 25 раз больше, чем в России. У нас долгосрочных кредитных ресурсов просто нет вообще. Попытки организовать совместные инвестиционные проекты, включая инфраструктурные, которые требуют огромных кредитов, упирается в то, что российская сторона предоставить такие кредиты не может. Попытки формировать совместные инфраструктурные проекты на паритетных началах не работают, потому что китайская сторона свою часть строит, а мы свою часть построить не можем, потому что, кроме как из бюджета, если мы говорим про инфраструктуру, других источников финансирования нет.

Я напоминаю пресловутый мост через Амур, вокруг которого был Президентом России устроен, прямо скажем, разбор полетов наших министерств и ведомств, которые не только не смогли российскую часть моста построить, но они даже не удосужились запланировать около этого моста контрольно-пропускной пункт. Возникает вопрос: для чего он строится? Если мост есть, а пропускного пункта нет, который предполагалось построить через три года после введения в действия моста. Казалось бы, небольшие инвестиции, но даже такого рода проекты буксуют, потому что у нас в экономике нет долгосрочных кредитов, нет механизмов рыночного финансирования крупных инвестиционных проектов.

Казалось бы, можно привлечь китайские инвестиции без нашего финансового участия. Такие проекты есть, например, «Большой камень» в Белоруссии, где китайские инвесторы вкладывают свои деньги, частично белорусское правительство предоставляет гарантии и даже некоторые объекты строятся под заказ белорусского правительства. Но это, скорее, единичный пример, чем общая практика. Инвестиционное сотрудничество, еще раз подчеркну, является стержнем вообще всей идеи сопряжения. Вообще все идеи «Один пояс — один путь», смысл этой китайской

инициативы — совместный инвестиционный проект. Это стержень всей их идеи. Без кредита инвестиции быть не может. Поэтому нестыковка наших денежно-кредитных механизмов приводит к тому, что мы уже четыре года говорим про это сопряжение, а в реальности похвастаться особо нечем.

Достижения, которые у нас есть: по взаимной торговле мы вышли в прошлом году на тот рубеж, который был установлен главами государств, — 100 миллиардов долларов. Но преодоление этой планки является пределом с точки зрения чистой торговли. Нужна кооперация производства, нужны совместные предприятия, только расширение кооперации позволит дальше двигаться к 200 миллиардов, о чем было заявлено.

Тем временем именно денежно-кредитная и валютно-финансовая сфера становится сегодня у нас главным камнем преткновения не только участия в совместных инвестициях, о чем я сказал, но и дальнейшего наращивания товарооборота. Понятно, что взаимная торговля без кредитов, без расчетов невозможна. Как вы знаете, в России действуют американские санкции, а китайские банки оказались чрезвычайно чувствительными к ним. При всей нашей надежде на то, что в Китае действует такой жесткий административный механизм: начальник сказал — все остальные сделали, оказалось, это не так. Все наши попытки на политическом уровне поставить вопросы о том, что американские санкции не должны влиять на нашу торговлю, они носят избирательный характер, для отделов комплаенс китайских государственных банков — не аргумент. Они в массовом порядке отказываются работать с российскими клиентами. Вместо содержания мы получаем разрыв в самом, я бы сказал, важном месте, в кровеносных сосудах, которые питают это сопряжение. Решения этого вопроса, к сожалению, нет.

У нас есть предложение Банка России о том, что наша платежная система, недавно запущенная, позволяет включать иностранные банки. Китайцы нам предлагают, чтобы российские коммерческие банки заходили в международный сегмент их платежной системы. Казалось бы, можно все это стыковать, но пока стыковки не получается не только в межбанковских отношениях из-за большого количества технических препон, но и, казалось бы, в самом простом сегменте платежных банковских карточек. Идея сопряжения карты «Мир» с «Юнион Пэй» не реализована в необходимом масштабе, частично кобейджинг ведется, но в очень небольших объемах, и это говорит о том, что мы пока еще очень далеки от реализации той задачи, которые поставили главы государств в части сопряжения Евразийского экономического союза и «Одного пояса — одного пути». По совершенно непонятным причинам из этой работы исключен Межгосбанк СНГ, который специаль-

но в свое время был создан именно для формирования трансграничных платежных систем. В рамках Евразийского союза у Межгосбанка СНГ платежная система есть, даже в рамках СНГ она работает, она в 10 раз дешевле, чем коммерческие банки, проводит валютные транзакции, но почему-то Банк России не использует инструменты, которые специально созданы государствами для того, чтобы сопрягать наши платежные системы.

Тем временем идет теневое сопряжение, которое мы не контролируем. Известно, что самый большой рынок биткоина — это обслуживание трансграничных операций между Россией и Китаем. Недавно в Москва-Сити проводилась спецоперация, в ходе которой было изъято гигантское количество валюты, и рублей и прочей валюты, которые там в открытую обменивались на биткоины. То есть у нас идет гигантский поток теневого импорта через наших партнеров по Евразийскому союзу, который никак не фиксируется в банковской системе. Платежи идут через наличные, которые трансформируются в биткоины в Москве и в юани в Китае. Рынок уже намного идет впереди нас, предлагая великолепную опцию для коммерсантов — трансграничный платеж за несколько минут. Это говорит не только о том, что мы не просто имеем гигантские дыры в регулировании, в таможенной границе, в валютном контроле, но и о том, что мы просто бизнесу не предоставляем тех условий, ради которых, собственно, идея сопряжения была главами государств поставлена.

В заключение хочу сказать, что делать в этой ситуации. Во-первых, нужно задействовать те механизмы сопряжения, которые есть, и по Межгосбанку СНГ, в онлайн-платежных расчетах. Во-вторых, если мы хотим действительно сопряжения экономических пространств, нам нужно делать ставку на совместное предприятие. Создание таких совместных предприятий имеет гигантские перспективы, это касается не только сырьевых отраслей, лесопереработки и прочего, что развивается само собой, потому что это то, что Китаю нужно, — наша сырьевая база, но нам-то нужен китайский огромный рынок. Мы со своими самолетами, я убежден, и с ТУ-1204, и с ИЛ-96, на которых летает российское правительство, вполне можем конкурировать. И вполне могут быть реализованы проекты в коммерческих масштабах совместно с Китаем, если мы создадим идею нового совместного самолета, загрузив те производственные мощности, которые у нас сегодня стоят. Загрузка в авиапроме — процентов 10, которые могли быть загружены с перспективой китайского рынка, если мы создадим объединенный авиационный консорциум. Не просто совместный самолет, где мы свою часть проектируем, они

— свою, потому что кончится тем, что они сами его будут производить, наш совместный самолет. Нужно совместное предприятие, где мы производим свою часть, комплектуем ее китайскими частями, эксплуатируем вместе и так далее.

Что касается крупных инвестиционных консорциумов типа трансконтинентальных железных дорог. Я убежден, что с учетом нестыковки наших кредитно-денежных механизмов, единственный способ обеспечить жизнеспособность таким крупным проектам — это создание больших инвестиционных международных консорциумов. Когда создается единый консорциум с общей системой управления, как единое юридическое лицо, которое может выходить на финансовый рынок и брать кредиты в Китае, выходить на китайский финансовый рынок с облигациями. Для этого он должен иметь автономию. Он не должен зависеть ни от какой политической конъюнктуры, он должен именно работать как международная единая, целостная система управления. Тогда у нас есть шанс. Есть и другой шанс — вдруг Банк России поменяет денежно-кредитную политику и будет ее вести так же, как в Китае, или как в Америке, или Европе хотя бы. Но пока таких планов на ближайшие три года нет и единственный источник финансов — китайский финансовый рынок, к сожалению. Для этого нужно найти способ туда выйти, но, чтобы выйти, нам необходим консорциум для этой академической, крупномасштабной затеи с созданием трансматериковых магистралей.

Я хотел бы еще напомнить, есть отработанная такая философия — пояса развития. Академия наук к этому причастна. Идея в том, чтобы создавать не только дороги, но и зоны развития вдоль этих дорог. Консорциум международный мог бы от российского правительства получить именно такие большие коридоры развития, которые включают в себя и поселки, умные города, о которых мы много говорим, и прилегающие территории, которые можно развивать. Я подозреваю, что сама по себе дорога без прилегаемых к ней территорий не окупится. То есть это будет опять же субсидия. Если мы хотим на рыночных условиях финансировать, нам нужно не просто дорогу строить, а строить пояса развития, которые бы окупались.

Бодрунов: Спасибо большое, Сергей Юрьевич. Уважаемые коллеги, я думаю, что будет хорошо, если сейчас нам представит свою точку зрения Василий Игоревич Богоявленский, член правления Вольного экономического общества России, замдиректор Института проблем нефти и газа Российской академии наук, и в том числе коснется проблем нефти и газа. Спасибо большое.

Богоявленский: Пока мы обсуждаем этот поток или этот путь, на самом деле уже определенные тропы и дороги в виде трубопроводов проложены, ВСТО (трубопроводная система «Восточная Сибирь — Тихий Океан») уже вовсю поставляет нефть в Китай. Не за горами завершение стройки «Силы Сибири». Планируется, что пойдет газ, другой вопрос, насколько он будет востребован. Мы отдельное исследование сделали, потому что, как оптимисты, надеемся, что в полном объеме — порядка 38 миллиардов будет поставляться, но некоторые расчеты показывают, что все-таки китайцы настолько умны, что заключили соглашения, наверное, с 20 различными странами по поставке газа. Причем берут подчас 1–2 газозова всего для поддержания, я так понимаю, связи, и, если кто-то будет несговорчивый, основных поставщиков газа они могут резко здесь сократить и в один день увеличить поставки по проторенным морским тропам.

Мы совсем не говорили сегодня о Северном морском пути, который, без сомнения, является очень важной маги-

стралью. В первую очередь он важен, конечно, для нас, но он важен и для многих других стран. Китай активно проводит исследования арктических территорий и акваторий, вовсю строит ледокольный флот, а один из их судов ледового типа, если правильно говорить, провел уже несколько экспедиций в Арктике (и в Антарктике, кстати, тоже). Прошел по Северному морскому пути в направлении с востока на запад и обратно, прошел, минуя вот наш классический морской путь, почти через Северный полюс. Это короткий путь получается. Китайцы, насколько я понимаю, северо-западный проход серьезно не рассматривают, через Канаду и побережье Аляски, там все-таки более сложные условия арктические, поэтому прорабатывается наш маршрут.

Я в прошлом году был на, наверное, самом крупном форуме, который проходил в Исландии по Арктике. «Арктический круг» называется, ежегодно проходит там. Я вам скажу, что в значительной степени это был бенефис Китая, и, я думаю, не первый год. Во-первых, на севере Исландии они открывали свои научные подразделения, и группа специалистов летала туда на север. Из трех дней работы все спонсировалось Китаем, а один вечер полностью был посвящен Китаю с китайской концертной программой. Вроде бы Исландия совсем далеко, с другой почти стороны планеты, тем не менее Китай проявляет очень

большой интерес к Исландии. Естественно, проявляется интерес к Шпицбергену и ко многим нашим проектам.

Вы знаете, что китайцы достаточно быстро и активно решились и вошли с 30-процентной долей в наш успешный проект «Ямал СПГ». Это еще один из морских путей поставки газа. Естественно, о своей доле они будут помнить и ее выбирать. Также они проработали и построили трубопроводы, которые уже давно работают в Туркмении, — это большие поставки газа. Поэтому я говорю, что они, рассчитывая и на дальнюю перспективу, уже обеспечили себе портфель поставщиков потенциальных по газу из очень многих стран. Собственно, и сами инвестируют очень большие деньги в газовые и нефтяные проекты во многих странах, включая и страны СНГ, и страны Африки, и многие другие страны.

Существует и действует поток, о котором мы постоянно слышим, — это непрерывный поток леса с нашей стороны. Если проанализировать, эти потоки, конечно, в большинстве своем идут с Запада на Восток. То есть мы туда очень много поставляем ресурсов всех видов практически.

Сегодня у нас уже затрагивался вопрос касательно технологий. Я вижу, что в нашей нефтегазовой отрасли поток технологий — именно из Китая в Россию. В частности, в бурении многих скважин на море многие платформы китайские, а не российские. Мы несколько лет назад утверждали, что Арктика, арктические проекты будут локомотивом для многих проектов, для всей нашей индустрии, но мы пока особенно этого не видим. Потому что при реализации этих многочисленных арктических проектов используется система прямой аренды — не строительства, не обустройства каких-то своих предприятий (хотя на востоке верфь уже, можно сказать, заработала и там будут строиться суда), тем не менее все газозовы для проекта «Ямал СПГ», хотя изначально утверждалось, что в России будет налажено производство, строятся за рубежом. Поэтому пока локомотив буксует, я бы сказал. Не до больших скоростей, не до 350 км/ч. Буксует уже сейчас. Все эти наши проекты, о которых мы мечтали, что они будут нашу экономику вытаскивать, к сожалению, пока не работают серьезно.

Я хоть не специалист по строительству железных дорог, но я знаю, как работает железная дорога на Ямале в зоне мерзлоты. Если в классическом варианте они работают, как я понимаю, достаточно надежно, как они будут работать на скоростях в 300 км/ч? Ведь есть эффекты пучения, и как бы не получилось, что поезд просто-напросто взлетит и по воздуху пойдет. Надо с крыльями делать поезда тогда.

Реплика: Китайцы построили даже на высоте 5000 метров в вечной мерзлоте, и у них со скоростью 280 км/ч поезда идут. На высоте 5000 метров в Тибете, понимаете? Герметичный, как самолеты, там, естественно, искусственная атмосфера внутри. Работает. По вечной мерзлоте на Ямале проложена, я не хочу обижать, но это не наша железная дорога. Поэтому она там и не работает.

Богоявленский: Что касается крыльев, я скажу, что в России реализуется ряд интересных проектов. И вообще надо идти не по импортозамещению, а по импортоопережению, и тогда мы сможем обмениваться технологиями. Есть такой проект, который заинтересовал китайцев, — атомная подводная лодка с крыльями. Я видел, как этот макет был выставлен на одном из форумов, он был окружен специалистами китайскими, фотографировалось тщательно. Так что есть у нас технологии, но у нас между разработкой и производством — кто же это сказал из наших известных академиков? — лежит долина смерти. Асеев! Надо думать, как долину смерти преодолеть.

Бодрунов: Спасибо большое. Мы не в первый раз об этом говорим, о долине смерти. Одна из проблем, которая сегодня действительно обсуждается: с одной стороны, деньги есть, но не так используются, как надо бы их использовать, с другой стороны, разработки есть, но не так используются, как их можно было бы использовать, и так далее. В чем же проблема, в чем вопрос? Может, таких проектов нет — таких, которые с одного берега этой долины можно было бы перевести на другой.

В этом смысле и национальное устройство наше немножко не то. Поэтому надо внимательно и более широко смотреть на эти проблемы, потому что, как только мы что-то обсуждаем, мы тут же вылезаем вот на эту самую «долину смерти» не только в технологиях, но во всех практически наших начинаниях. Может, здесь и аппарат бюрократический работает своеобразно, может, еще какие проблемы есть, которые надо менять. Надо это запланировать и обсудить отдельно.

Предоставляю слово Владимиру Яковлевичу Литвинцеву, руководителю отдела реализации мегапроекта «Единая Евразия — Трансевразийский пояс развития».

Мегапроект «Единая Евразия — Трансъевразийский пояс развития»

Литвинцев: Мне сейчас очень легко выступать, потому что и Сергей Юрьевич, и Борис Моисеевич, и Сергей Владимирович ряд моментов, который касается проработки концепции мегапроекта, озвучивали, и я на них останавливаться не буду. Потому что мы, группа разработчиков, которую возглавляют Александр Михайлович Сергеев и Виктор Антонович Садовничий, полностью поддерживаем и стоим на этих позициях.

Я хочу рассказать несколько о сути этого проекта. Если я скажу, кто входит в этот ведомственный координационный совет, будет понятно, что мы предлагаем с точки зрения глубины проработки и с точки зрения обоснования. Базовыми являются структуры Российской академии наук со своими учеными, экспертами, Московский государственный институт им. М. В. Ломоносова, а также ряд структурных компаний, которые вошли в Межведомственные координационные советы, о которых я скажу дальше, и вы поймете почему. Они обеспечивают достаточно глубокую проработку и детализацию концепции этого проекта. Это, прежде всего, РЖД, они входят в состав Межведомственного координационного совета, а я по линии соглашения между РАН и РЖД являюсь полномочным представителем РЖД в РАН. Мы согласовываем планы научно-технического развития в рамках этого проекта в том числе. Туда входят также «Русгидро», «Россети», «Росатом», Объединенная судостроительная, Объединенная авиационная компании, которые сейчас входят в «Ростех».

Мы настаиваем на создании инфраструктуры, которая будет включать транспортные коридоры, то есть высокоскоростного железнодорожного комплекса. Я подчерки-

ваю: не высокочастотной магистрали, а высокоскоростного железнодорожного комплекса, по маршруту которого должно быть несколько мультимодальных транспортно-логистических центров, которые обеспечат стыковку высокоскоростной магистрали со всей инфраструктурой территории Сибири, Дальнего Востока.

По Северному морскому пути — это транспортная решетка водных маршрутов сибирских рек с соответствующей сетью водных терминалов, которые обеспечат транзит и расфасовку грузов, межрегиональных авиационных

КОНЦЕПЦИЯ СОЗДАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

ЭТОТ МЕГАПРОЕКТ

своей главной целью должен ставить комплексное, глубокое, долгосрочное освоение Сибири, Дальнего Востока и Арктики.

хабов, а также сети взлетно-посадочных, быстровозводимых полос для малой авиации. На примере опыта Аляски и того, как это сделано у канадцев, — это мы изучали совместно с Минобороны. Это можно сделать и быстро, и технологично, и обеспечить логистику поставки, как говорится, «коротких плеч» населению.

В эту инфраструктуру между транспортными коридорами должна быть включена энергетическая система, как генерации, так и сетей по передаче электроэнергии, информационно-коммуникационная по наземной части и космической части, которая обеспечит логистику систем управления, всех, не только транспортных, но энергетических и других каналов передачи информации, а также система жизнеобеспечения.

Исходя из этого, мы считаем, что вот этот мегапроект «Единая Евразия — Трансъевразийский пояс развития» своей главной целью должен ставить комплексное, глубо-

кое, долгосрочное освоение Сибири, Дальнего Востока и Арктики на базе создания этой инфраструктуры экономических макрорегионов, которые обеспечат создание там предприятий малых и средних. Ни в коем случае не «Магниток», не Липецких комбинатов и так далее, а высокотехнологичных компаний, которые могут быстро приспособляться к научно-технологичному развитию, выдавать конкурентную продукцию и будут приспособлены к тем особенностям, арктическим, агропромышленным и так далее, которые имеются на территории Сибири.

Это главная задача с позиции группы разработчиков создания пространственных транспортно-логистических коридоров. Первое — обеспечение логистики на этих территориях с решетками транспортно-энергетическими,

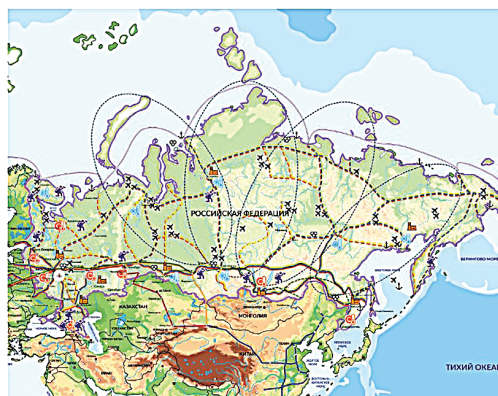
В ОСНОВУ ПРОЕКТА

должны быть положены долгосрочное планирование производительных сил и бюджетное планирование на базе стратегического горизонта до 35 лет и выше.

МНОГОСЛОЙНОСТЬ

Проектные решения принимаются на основании всей совокупности исходных данных.

- Геоподоснова
- Транспорт, энергетика и информационные каналы
- Демографические данные, производственные силы и туристические маршруты
- Климат и экология
- Экономика
- Оборонноспособность и национальная безопасность

информационно-коммуникационными. Второе — использование географического положения России с точки зрения транзита и создания глобального коридора грузов.

Второй момент. Тема наша посвящена проекту Китая. На мой взгляд, акцент надо делать еще и следующий: 1 февраля вступило в действие соглашение о свободной торговле между ЕС и Японией. Это, между прочим, рынок, который по товарообороту превышает китайский, и это не надо забывать. А японцы с большим воодушевлением смотрят на возможность использовать российский сухопутный коридор в обход Китая, по понятным причинам.

В этом плане мы предлагаем связать сухопутным коридором тоннель Хокайдо на Сахалин, далее мост или тоннель на Восточно-Сибирскую магистраль и обеспечить им

транзит груза по ВСМ в Европу. Это и инвестиции, это и геополитические возможности с точки зрения маневра нашего государства. Это и сильный аргумент с точки зрения взаимоотношений с Китаем. Пусть я скажу оценочное мнение, которое сформировалось в общении с китайцами, но, если китайцы увидят, что мы целенаправленно взялись за продвижение этого проекта, взаимоотношения наших стран будут несколько другими, в нашу пользу. Сейчас мы занимаем пассивную позицию: как бы нам пристроиться к этому Шелковому пути и так далее. На наш взгляд, надо твердо заявлять о том, что мы идем на глубокое комплексное освоение Сибири, построение глобальных коридоров, построение всех макрорегионов с точки зрения современных производств, а тогда и пойдут инвестиции, тогда и отношение будет другое.

Второе, что мне хочется отметить. На наш взгляд, проект должен включать в себя две базовые вещи: он не

должен быть нацелен на инфраструктуру как самоцель. Инфраструктура должна обслуживать стратегическое планирование производительных сил. Если в основу проекта будет положено долгосрочное стратегическое планирование производительных сил и бюджетное планирование, которое будет поддерживать эту цель на базе стратегического горизонта, то 35 лет и дальше — это будет ориентир для государства, это будет ориентир для инвестиций, это будет ориентир для инвестиционного планового бизнеса, малого в том числе, и так далее. Это создаст другую совсем базовую основу для развития стратегии пространственного развития, для разработки всех стратегических проектов, инфраструктуры и так далее. Планирование инфраструктуры просто, как самоцель, не дает того синергетического эффекта, которое может дать соединение производительные силы — инфраструктура — бюджетное планирование.

Если поставить соответствующие поэтапные цели, будет результат. С точки зрения РАН, и ей это нужно, потому что все то, о чем я говорю, должно обеспечиваться научно-технологическим сопровождением по фундаментальным исследованиям, по научно-поисковым исследованиям, лабораторным исследованиям, по развитию макрорегионов современных производств, по развитию современных технологий: железная дорога, атомный флот, авиация и так далее. Это даст толчок развитию науки, заставит науку развернуться с точки зрения заказчика к потребностям экономики, и тогда не будет этой мертвой долины. Я уже три года на всех уровнях, начиная от всех заместителей председателя Правительства, секретариата, Совбезов, всех комитетов и так далее, говорю примерно то, что я говорю сейчас, потому что за моей спиной стоят вот такие люди, как Руслан Семенович Гринберг, Борис Моисеевич Лапидус и так далее. Это коллективный ум разработчиков, подкрепленный энергией структурных компаний, но тем не менее он упирается в мертвую зону.

Все согласны, никто не возражает. Правительству первого состава, Дворковичу поручение было по линии Патрушева, все положительные заключения дошли вроде

бы до дела, но Правительство ушло, пришло другое. Начали опять с этим Правительством по новой, вроде поручения раздали, занимаемся, но время-то прошло. Я только на этой должности три года, а китайцы вон уже сколько понастроили. А мы убеждаем, что надо делать так, что надо подходить так, что это даст такой-то эффект, что наука говорит об этом и так далее, и так далее.

Этот проект начинался в 2008 году — это было концептуальное осмысление контуров проекта. К 2016 году мы вышли на концепцию, все документы проработали детально, притянули структурные компании, показали, что это не просто мысли ученых, это потребности бизнеса, потреб-

ности экономики страны, это потребности финансовой системы. Мы предлагаем пойти по линии международного консорциума с 2016 года. Почему? Есть много факторов «за». Это создает, первое, долгосрочную основу реализации этого проекта. Мы по Транссибу, кстати, закончили выплачивать дивиденды по облигациям займа царского правительства в 2008 году. Если заложить туда облигации имущества займа стран-участниц, а потенциально это — японцы, южные корейцы, северные, Вьетнам, Сингапур, Индия и так далее. Если мы построим новый, мультимодальный, свободный от тех проблем, которые есть во Владивостоке, в Находке порт. Не тот, который перегружен и заточен на уголь и так далее, и экологию губит, а новый, мультимодальный, современный портовый комплекс на Сахалине, свяжем, то мы дадим опору и для Северного морского пути, и для транзита грузов оттуда из Юго-Восточной Азии, затем на сухопутный коридор и так далее. Преимуществ масса. И с точки зрения транзита, и с точки зрения развития экономики.

Можно дополнить финансирование, помимо международного, облигациями внутреннего займа, дать к ним доступ физических лиц, включив их в имущественный

ПОТЕНЦИАЛЬНЫМИ УЧАСТНИКАМИ ПРОЕКТА

могут стать Индия, Вьетнам, Сингапур, обе Кореи, можно дополнить финансирование облигациями внутреннего займа.

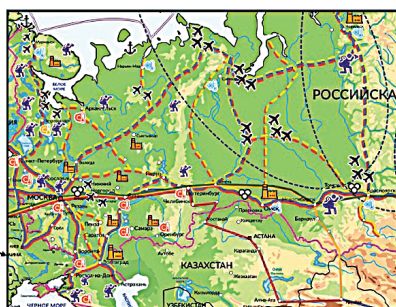
комплекс, с правом залога, перекредитования, дарения и так далее. Под 4% на 30 лет, то совсем другая ситуация сложится и с финансированием этих вещей.

Времени мало, поэтому я говорю несколько сумбурно, но я хочу что сказать: мы стоим на том, что этот проект надо реализовывать как проект комплексного развития Сибири, Дальнего Востока и Арктики, опорными хребтами которого является высокоскоростной железнодорожный комплекс и Северный морской путь.

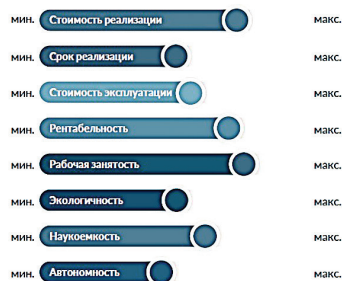
МАСШТАБИРУЕМОСТЬ

Принятие решений на основании данных для каждого этапа, объема и территории выполнения работ (макрорегион, регион, муниципалитет).

ВЫБОР КРИТЕРИЕВ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Оптимизация решений по разным параметрам или по совокупности параметров.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКУЮ МАГИСТРАЛЬ

можно начать строить уже сейчас сразу на восьми участках.

Вопрос транзита — это вопрос второго порядка. Важного, но второго. Этот проект может стать основой стратегического планирования, прогнозирования и программирования социально-экономического развития страны, а также послужить основой для разработки инвестиционных планов крупных компаний бизнеса. Развитие этих территорий возможно и с учетом развития имеющихся агломераций. Ничего тут противоречивого нет, надо развивать и агломерации, но надо их развивать не как Магнитогорск, с дымом, пылью и так далее. Надо строить агломерации, которые будут центрами передовых технологий, научно-образовательные и так далее, которые будут вписаны в архитектуру развития Сибири и Дальнего Востока. Источники финансирования проработаны. Ведущие экономисты наши — Руслан Семенович Гринберг, Александр Дмитриевич Некипелов и многие другие — эти детали проговорили, отработали, их можно брать за основу. Наши экономисты по банку развития ЕврАзЭС тоже согласны с этой идеей. То есть это вопрос, я вижу, он, конечно, важный, но он, скорее, технический, потому что подходы, в принципе, проговорены.

Какие сроки и нормативы? Восточно-Сибирскую магистраль, РЖД говорит, можно начать строить уже сейчас. РЖД предлагает начать одновременно на восьми участках, тогда дорогу можно построить в течение восьми-девяти лет. Реализация горизонта этого проекта по этапам развития: мы даем полтора-два года на подготовительный этап, когда надо будет согласовать все, что сейчас делается по линии нацпроектов, естественно, не прерывая их, согласовать все финансово-экономические, инвестиционные планы, программы и так далее, и стартовать с этим проек-

том начиная с 2025 года. Получится раньше — ради бога. Основной этап — 10–15 лет, когда основные задачи надо решить по строительству несущего каркаса, проектированию всех систем и началу их реализации. Далее — этап развития до 2035 года и дальше. Это база для стратегического планирования.

В нашем понимании для того, чтобы этот проект был реализован, это должен быть президентский проект, прежде всего. Проекту указы подготовили, отдалив Администрацию Президента и Правительство. Для его реализации нужен специально созданный надведомственный орган, за основу мы брали атомный проект 1946 года, который, в общем-то, методу реализации таких вещей достаточно просто прагматично прописал. Надведомственный орган с особыми полномочиями, который по указу Президента имеет свой бюджет, свою строку в бюджете, научно-технический совет, который согласовывает все эти вещи. И исполнительные органы, которые раздают исполнительные распоряжения тем структурам, которые они задействовали в реализации, в том числе предложения бизнесу о том, что нужно реализовывать, в какие сроки.

Реплика: Кандидатура на должность Лаврентия Павловича есть?

Бодрунов: Давайте, Сергей Юрьевич.

Глазьев: Одну минуту, реплику. Убедительный грандиозный проект, но я хочу сказать, что в рамках политики Банка России это все выглядит по отношению к международным кооперациям примерно так, что идея наша — деньги ваши. Да, потому что в России наш Центральный банк денег на это дело дать не может, в рамках той политики, которую они проводят.

Скажем, если бы сегодня рассуждали в рамках китайской системы кредитной, совершенно понятно, как решается эта задача. Есть платформы финансовые в каждой провинции. Каждая провинция выдает конгломерат обязательств под кредиты. А дальше банк Китая через государственные коммерческие банки под эти платформы вливает деньги. Значит, если магистраль железнодорожная — под полпроцента годовых. Если это агломерация, город, коммерческий проект, то 2% годовых. Частный бизнес — под 3–4% годовых. Вот так бы финансировали китайцы. Я могу сказать, как бы финансировали европейцы или американцы. Всегда деньги используются как инструмент, в любой системе. У нас деньги не являются инструментом, деньги являются фетишем. И пока у нас такое отношение

к кредитам, мы за счет бюджета в такие сроки не вытянем. В ином случае это можно было уже вчера с вами начинать.

Бодрунов: Спасибо большое. Мы отпускаем Сергея Юрьевича на следующее совещание.

Уважаемые коллеги, буквально два коротких момента. Что касается консорциума, кооперации. У нас же есть этот опыт. У нас есть Северный поток номер два. Иностранцы сделали консорциум международный. Сейчас какие бы ни были у него перипетии, а участники душат свое правительство, чтобы участвовали в этом проекте, продолжали проект и завершали проект.

И, уважаемые коллеги, я еще могу сказать, что касается финансирования, то, безусловно, не обойтись без того, чтобы не привлечь сюда помимо государственных денег деньги населения. Сделать участниками проекта развития своей страны население. И опыт российский есть.

И третье небольшое замечание. У нас также есть и опыт организации такого рода проектов. Можно вспомнить не только атомный проект, можно взять космический проект. Это наш драгоценный, бесценный советский опыт. Почему мы не можем сегодня, пусть на новых условиях, этот опыт использовать, как-то задействовать?

Я не зря говорил о том, что у нас долина смерти есть, эту долину смерти преодолеть можно таким вот путем — вовлечением в проекты всех, кто мог бы содействовать этому проекту, сделать их соучастниками этого большого строительства. Спасибо большое, Владимир Яковлевич. У нас время выходит, но, коллеги, я думаю, что Руслану Семеновичу Гринбергу мы предоставим слово.

Гринберг: Прежде всего я должен сказать, что Владимир Яковлевич, как оловянный солдатик, борется с этой долиной смерти.

Бодрунов: Значит, стойкий.

Гринберг: Это поразительный человек, и он все точно сказал, особенно в отношении с Китаем. Я хочу сказать, что единственная возможность у нас не стать младшим партнером Китая — это делать все то, что сказал Владимир Яковлевич. Есть много других стран, которые не хотели бы зависеть от Китая, все это понимают. У нас есть шанс это все реализовать. Но такое впечатление, что мы не хотим сказать, что, собственно говоря, мешает этому. Какая-то долина смерти, бюрократы какие-то.

Я Вам хочу сказать, Владимир Яковлевич, когда Вы говорили о том, что у Вас два союзника есть в этом. Советник президента ушел только что, жалко, который считает, что

главное — это нестыковка финансовых систем, но это десятое дело вообще. Нестыковка интересов есть с Китаем, реальная разница интересов. У нас, кстати, еще третий есть союзник, вы забыли его назвать — это Президент Российской Федерации, он тоже за это все выступает. Мне удавалось сказать как-то ему про это дело.

Бодрунов: И президент Академии наук мне рассказывал, что докладывал.

Гринберг: Мы хотим провести некий комплекс действий, который имеет абсолютно безальтернативное значение с точки зрения оживления России. Вот Вы, Владимир Яковлевич, говорите о нашей усталости, но Вы, слава богу, не устаете еще бороться. А есть ведь еще усталость власти, есть еще усталость народа. Я боюсь, есть проблемы, которые выходят за рамки нашего разговора. Понятное дело, что все равно нельзя складывать руки. Я думаю, что давление общественности какое-то должно быть.

Я скажу такую вещь в заключение, грустную. Если бы мы были на месте президента, может быть, мы в теперешней российской ситуации, в полной неопределенности геополитической, тоже бы не начинали такое дело тяжелое. Дело ведь не в том, что Центральный банк в чем-то вредит. Они проводят абсолютно контрпродуктивную политику, но с точки зрения сохранения статуса, чтобы хуже не было.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, Руслан Семенович у нас специально заготовлен как всегда в конце, чтобы аккуратно приземлить. Почему? Потому что его мудрый взгляд на все позволяет мне всегда всякий раз говорить о том, что у нас были разные точки зрения, в том числе приземленная точка зрения со стороны академического сообщества. Значит, буквально по паре слов коллеги в завершение. Михаил Владимирович.

Ершов: Три тезиса, если можно.

Бодрунов: Три тезиса на две минуты.

Ершов: Нужно иметь в виду те риски, которые сейчас формируются. ОЭСР, Организация экономического сотрудничества и развития, говорит, что сейчас наблюдается более высокий риск кризиса, чем в преддверии последнего мирового финансового кризиса. Это значит, что риски серьезные в мире и их надо учитывать.

Выстраивая взаимодействие с китайскими коллегами, надо иметь в виду, что, даже по данным международных организаций, они в своем «Поясе и пути» одновременно и решают для себя проблему экспансии, и стимулируют экономический рост. То есть продвигают и экономические, и геополитические интересы. Под такими системными углами зрения нужно это иметь в виду, учитывая, что у нас неравные условия участия по дешевизне, длине, финансированию и так далее.

Последний момент. Что будет для нас значить, если мы будем свои отношения с ними сейчас дальше углублять и расширять с этими программами? Нам нужно не спускаться до уровня каких-то локальных технических задач, ставить наш акцент, иметь в виду наш экономический рост, наше территориальное развитие, наши структурные проблемы.

Савченко-Бельский: Можно одну минуту?

Бодрунов: У нас еще записавшиеся? Хорошо. Кирилл Александрович Савченко-Бельский.

Савченко-Бельский: Я бы хотел подчеркнуть еще важность подготовки квалифицированных кадров. Мы подготовили материал. Казалось бы, маленькая Республика Калмыкия, один-единственный государственный вуз, но подготовлено за последние 10 лет тысяча специалистов с китайским языком. В Китае из 22 центров по изучению русского языка три центра подготовлено калмыками.

В декабре приехал посол Китая в Элисту, выступил там вместе с главой республики. И отметил, что маленький вуз сделал большую работу для всех программ. Я подготовил материалы.

Бодрунов: Давайте мы лучше их сюда приложим.

Савченко-Бельский: Пригодятся?

Сорокин: Судя по той дискуссии, которая здесь велась, у меня сложилось впечатление, что, видимо, два россий-

ских извечных вопроса «Кто виноват?» и «Что делать?» надо дополнить третьим «Почему не можем?». Вы знаете, как политэконом не могу не вспомнить, отвечая на вопрос, почему мы не можем, из предисловия к первому изданию первого тома «Капитала». «Я рисую капиталиста не в розовом цвете», — пишет Маркс. Но я, продолжает он, меньше всего склонен делать этого капиталиста ответственным за те условия, в которых он работает, может быть, что-то не ладно?

Если все всё понимают и принимают решения, а потом они не реализуются конкретными авторами, это значит, что что-то не ладно в системе экономических отношений, которая порождает определенную систему экономических интересов, которые и реализуются. Значит, будем править систему сложившихся экономических отношений, значит, что-то надо менять в этой системе, потому что такие мегапроекты, связанные с качественным сдвигом в производительных силах, без изменения системы экономических отношений невозможны в принципе.

Бодрунов: Я думаю, мы здесь сегодня посмотрели на вопрос с разных точек зрения. Мне кажется, что мы некий баланс находим и некое понимание. Что бы я хотел в завершение нашего сегодняшнего мероприятия произнести. Мы подготовим этот материал, и этот материал обязательно сегодня пойдет туда, куда ему положено пойти, то есть в экспертное управление и в Совет Федерации, и в Государственную Думу, в Правительство, в Администрацию Президента.

Реплика: В Совбез.

Бодрунов: В Совбез. Эти органы готовят те или иные решения, и им нужны действительно квалифицированные консультационные материалы, которые позволяют: а) сделать некие рекомендации; б) получить нужный материал; в) иметь в виду оценки ситуации со стороны специалистов, которые так или иначе в этом задействованы и хорошо разбираются. Потому что принимать решение, будучи руководителем какого-нибудь, условно, экономического управления по конкретному направлению, не посоветовавшись со специалистами, нельзя. Я полагаю, что наша роль в этом плане будет не последняя. Кроме того, мы сможем привлечь к решению этих вопросов интересы общественности, той общественности, которая как раз в среднем звене руководства находится и которая не очень настроена решать эти вопросы. Она должна задуматься и нацелить своих руководителей тоже на размышления.

Несколько замечаний. Я попробую, не будучи представителем Академии, несколько сумбурно высказать свое мнение по данному вопросу.

Первое — что касается управления всем этим процессом со стороны государства. Я приведу примеры, казалось бы, далекие. В моей жизни было создание вертикальной интегрированной структуры в авиации, приборостроительный блок. Мне удалось создать огромную частную компанию, которая вошла в государственный проект через какое-то время, через 10 лет. Это были приборостроительные предприятия. Каждый прибор, радар, система управления имеют технологическую цепочку, создаются в кооперации определенной. И в Советском Союзе эта кооперация управлялась одним хозяином. Потом наступил развал, и все было распродано по частям. В результате получилось, что в этой кооперации появились дыры и управлять было невозможно.

Что я сделал со своей группой инвесторов по решению государства? Я как частник рискую сам, а потом государство принимает решение: да или нет. Если у меня получится, то хорошо, а если нет — рискуй сам. Первое, что мы сделали, — мы создали консорциумы, в которых мы работали не так, как работают сегодня у нас в России. Это были консорциумы, когда мы договариваемся об общих правилах, а потом одна компания, головная компания начинает двустороннее соглашение заключать со всеми членами кооперации. Вместо цепочки появляется такая звездочка. Появляется контроль, появляются инвестиции конкретные, куда надо и сколько. Появляется накопление денег.

А потом за эти деньги покупаются активы, формируется структура, которая управляется одним хозяином. А дальше этот хозяин может и стратегию поменять, и сделать что-то другое. Смотрите: ЕС — коллективное управление. Эффективность — видим какая? В США пришел товарищ Трамп и сказал: «Извините, чего? Будут двухсторонние отношения». Почему? Потому что там нашлись умные советники, которые сказали: «А Китай строит двухсторонние отношения». Вот эти самые консорциумы. И с этой точки зрения он во главе процесса будет всегда. И мы видим, сколько соглашений уже подписано, какие решения уже приняты. И они приняты на основе такой идеологии.

Мы сейчас пошли путем создания структур коллективного пользования. Мне кажется, что эти коллективные структуры очень важны. Они правильно определяют общее направление нашего движения. Мы пытаемся построить единое пространство. Но нам надо иметь в виду и двухсторонние, мощные отношения. Но при этом создавать конкуренцию тем, с кем мы пытаемся в крупные отношения войти. Я абсолютно поддерживаю ту самую идеологию, которая касается создания конкуренции нашим отношениям с Китайской Народной Республикой, при всем хорошем отношении. Экономика говорит: «Друг ты мой, а хлеб ест каждый свой». Поэтому мы должны понимать, что наши интересы не только в том, чтобы сесть на эту лошадь, которая быстро везет, но где-то, на всякий случай, иметь для этой лошади и кнут, чтобы она имела представление, куда идти, а в ином случае мы можем сесть на другую лошадь.

Тезис второй. «У батюшки нет золотого запаса». Помните «Свадьбу в Малиновке»? У нас есть золотой запас, у нас есть огромные накопленные ресурсы, которые мы храним, не знаем как, на всякий случай. Я понимаю, что внешнеэкономическая и внешнеполитическая внешняя обстановка непростая. Я понимаю тех, кто хочет как можно больше резервов на все случаи жизни иметь. Но главный ресурс, если ты едешь на мотоцикле, — это скорость. Главный ресурс — это заправленный бензобак и скорость. Бензобак у нас есть, скорости нет. Надо инвестировать эти ресурсы в нашу экономику.

Теперь возникает третий вопрос — куда инвестировать? У нас есть нацпроекты. У нас есть идея, как перевести на проектное управление наш государственный корабль. Но, уважаемые коллеги, каждый проект, когда анализируешь, говорят, что проект недоработанный, говорят, что надо полгода-год, чтобы он заработал, довести до ума. Но мне кажется, что все эти проекты важны сами по себе. Транспортный проект, инфраструктурный проект, наука

и прочее. Они должны быть завязаны в одну единую крупную большую стратегию. И эта стратегия должна быть выстроена на базе какой-то глобальной идеи.

В свое время Витте занимался железной дорогой. Он говорил: «Это становой хребет России». И на это дело трагались огромные государственные деньги, в том числе и те облигации, которые привлекали средства для решения вот этой глобальной большой задачи. И российский бизнес активно шел в этот проект. Это история, которая тоже нас должна учить. Поэтому, мне кажется, здесь надо подумать над тем, как наши идеи, наши желания развивать Россию можно сопрячь с теми идеями, которые есть у Китая, — развивать Китай, у Японии — развивать Японию и так далее, при этом оставаясь самими собой.

Мне кажется, что такого типа проекты, я не утверждаю на 100%, что, допустим, ТЕПР («Единая Евразия — трансевразийский пояс развития». — Ред.) — это тот самый проект, но он ближе всего к стратегическому представлению о том, какой должна быть Россия. И очень важно, что он уже много лет выверен, что он отработан специалистами крупнейшего уровня. Это не то, что один Руслан Семенович работал, хотя я к нему трепетно отношусь, или там Александр Дмитриевич Некипелов, Садовничий, все остальные. За ними — научные коллективы. За ними люди, которые много и глубоко в этом деле разбирались. Сформирована стратегия, к которой не подкопаться. Можно ее модифицировать, можно модернизировать, но не надо растаскивать на сегодняшний день наши глобальные планы на небольшие, краткосрочные проекты.

Мол, давайте, построим одну конкретную дорогу в каком-то углу. Выделим деньги какому-то космодрому. Все замечательно, хорошо было бы, чтобы это было в рамках единого плана, стратегического плана. У нас уже закон есть о стратегическом планировании, но мы его не задействовали так, как надо. Вот об этом, мне кажется, нам стоит в наших рекомендациях также сообщить.

Литвинцев: Только одно дополнение. Мы везде сейчас уже на последнем этапе предлагаем. Бесконечно согласовываем, двигаем Совбез, Совет Федерации. Это на всех письмах, в том числе и на президентских. Совет при президенте по стратегическому развитию, по национальным проектам. Представление этого проекта идет на этом уровне.

Бодрунов: Я с Вами согласен, но дополню. Знаете, как это бывает? Мне кажется, что этот проект с точки зрения стратегической может объединить все национальные проекты. Это мегапроект.

Реплика: Эта тема должна быть на Совете подтверждена, и должна быть дана отмашка.

Бодрунов: Что касается управления, то, действительно, пусть это будут национальные проекты, но, может быть, президентский проект стратегического развития России. Можно его не называть ТЕПР, можно его модифицировать, так? Но Россия, помните, как говорил наш основатель Вольного экономического общества и Академии наук Ломоносов, «должна прирастать Сибирью», теми местами, где у нас все национальные богатства сегодня собраны.

Там проблема сегодня, которую мы усугубляем сегодня своим нежеланием заниматься, — это кадровая проблема, не хватает людей, населения просто нет. И развивая эти территории, мы должны думать о том, как создать социальные условия, а не только бизнесу возможности дать. И это дело государства, никакой бизнес не будет строить квартиры в большом количестве, кроме как для своих специалистов.

Реплика: Социальной инфраструктуры не будут создавать.

Бодрунов: Значит, государство должно дать и ресурсы, и условия, чтобы эти бизнес-проекты мелкие, небольшие, средние развивались. Для этого нужно мощное государственное решение по инфраструктуре, по транспорту. А бизнес подключится, когда там будет куда подключаться. Это и есть те самые условия.

СОБЕСЕДНИКИ

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, expert of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Sergey Vladimirovich Uyanaev,
Deputy Director of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

Boris Moiseevich Lapidus,
Chairman of the Joint Scientific Council of Russian Railways, Doctor of Economics, Professor

Sergey Yurievich Glazyev,
Advisor to the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences

Vasily Igorevich Bogoyavlensky,
Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director of the Institute of Oil and Gas Problems of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences

Vladimir Yakovlevich Litvintsev,
Academic Secretary of the Interdepartmental Coordination Council of the Russian Academy of Sciences, Coordinator of the United Eurasia, Trans-Eurasian Development Belt Megaproject

Ruslan Semyonovich Grinberg,
Research Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the VEO of Russia

“ONE BELT ONE ROAD: A CHALLENGE FOR RUSSIA?”

UNITED EURASIA MEGAPROJECT — TRANS-EURASIAN DEVELOPMENT BELT — A RUSSIAN ALTERNATIVE

Mikhail Vladimirovich Yershov,

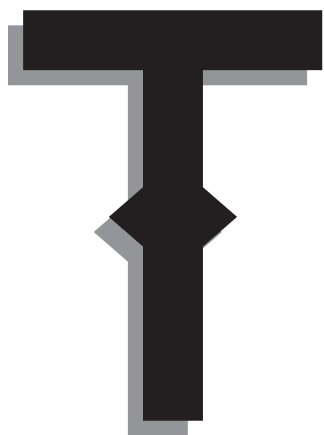
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Chief Financial Research Director of the Institute of Energy and Finance, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, member of the Banks and Banking Commission of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Doctor of Economics

Dmitry Yevgenievich Sorokin,

Vice-President of the VEO of Russia, Head of the Scientific Council of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Bodrunov: The fact that the problem we are discussing today is very important for Russia is beyond doubt. Is China's One Belt One Road megaproject a challenge for Russia? I often have to attend many events, where the problem of development of Russian-Chinese relations is discussed one way or another, as is Russia's place in China's worldview, and we are aware of the outlook the Chinese and China adhere to. I've attended various scientific conferences in China. And long story short, I can say that, perhaps, the unofficial position of China was expressed by a major Chinese specialist (and I will not be naming that particular person to avoid putting him in a spotlight), who, speaking at one of the conferences last May, said they could perfectly imagine how well our countries could work together and complement each other: China could supply Russia with the necessary tech, and Russia could remain a country that will give China resources for its development. So, dear colleagues, such an outlook does exist and at times may even be expressed at forums.

Of course, we are aware of the fact that we have our own Eurasian space, and that integration processes are underway. There are certain ideas that, as I remember, gained support as early as 2015, about integrating our project with the Chinese Silk Road project. But today we may ask ourselves how profitable it is for us, and for China, can those projects be actually integrated, is there any progress in that area or we are seeing some major disagreements? Finally, the rise of China in the global economic development is both a challenge and a blessing for us, it is a complex situation. What can be done in this case, which of our ideas and views on the development of Russia can be combined with the development of China? Of course, I've always thought you need a sleigh of your own, but, of course, it's good if someone is running in front of you and you can hitch on to them, so that they would pull you along; it's good if you can put your money on a stronger contender. But at the same time, we must understand that the strong can pull you to where want you to be. And it is very important to understand whether or not such a place is where you really want to be. Therefore, the growth of the Chinese economy probably has its upsides and downsides, which we should also consider at this point.

Why are we holding an experts session today on this issue? It's no big secret: intense negotiations are underway with China in connection with the integration between Russia and China as part of the Silk Road project. We understand that the process is underway, and we should, as experts, be ready to evaluate it and make some suggestions.

Today we have serious speakers on that topic. I think many of you know them. We are happy they agreed to devote their time today and prepare serious reports.

Uyanaev: I consider it a great honor to speak before such an authoritative forum and I see my modest task in raising a number of points concerning the essence of the Chinese One Belt One Road concept and share my humble views on Russia's chances and challenges in this regard.

Let me remind you of some basic things that you may already know of, and to once again emphasize the essence of the Chinese initiative.

So, even a framework version of the One Belt One Road initiative, which was announced in the autumn of 2013 and which combines the idea of a terrestrial Silk Road Economic Belt and a maritime Silk Road of the 21st century, appeared to be an unusually large-scale project. In terms of its targets, it went far beyond national borders. A proposal was made to a large group of Eurasian countries located along the ancient Silk Road to join

forces for large-scale regional cooperation, as Nazarbayev and Xi Jinping said in their speeches. Over the next year and a half of conceptual evolution, the initiative was shaped de facto as a systemic program that, through powerful foreign economic, investment, and foreign policy mechanisms, has been designed to ensure China's interests in the near and far abroad, primarily in Eurasia, and simultaneously solve a number of structural problems of the country's economy, and thereby strengthen the generally progressive algorithm of China's domestic and international development.

Certain features are indicative of the sheer scale of the initiative. They include the project's geographical scope: already at the initial stage it practically covers the entire Eurasian continent and North Africa with a population of nearly 4 billion. And the wide spectrum of the five main target areas: political harmonization of development strategies, development of an interconnected infrastructure, including transport and production, deep liberalization of trade, free movement of capital and financial exchanges, and promotion of humanitarian ties.

Very soon, the initiative became one of the leitmotifs of the country's domestic and foreign policy. As the official Chinese press emphasized earlier in February, the One Belt One Road initiative will be the main feature of China's foreign diplomacy in the new era. It is especially important that the initiative was named as fundamental for China's current mode of existence. It concerns the tenets of the great revival of the Chinese nation and the building of a community of mankind's common destiny.

Moreover, the One Belt One Road initiative plays an extremely important role of a creative platform for the creation of such a community, which is in fact the Chinese version of a new and just world order with the revived great China as a worthy player. In October 2017, the 19th CPC Congress included the construction of the belt and the road into the CPC Charter. In addition, it is noteworthy that China has been directly connecting the Belt and Road concept with globalization, believing that the initiative can further push it in the right direction.

One of the obvious causes for the emergence of the Silk Road initiative is the economic imbalances that arose as a side effect of China's rapid development in 1980–2010 (10% annual growth), and those imbalances grew with an apparent excess of goods and production facilities. These processes coincided with the crisis in global trade at the end of the Noughties and its stagnation in the middle of this decade. Those phenomena have limited China's ability to export as one of the key drivers of the Chinese economy.

When the limits of the former hyper-dynamic, but mostly extensive, development became obvious, the Chinese leaders set the task of

restructuring the economy based on quality indicators and growth of domestic consumption. But such decisions take time, so it was not by chance that the attention to the external factors was also simultaneously increased. At the end of the Noughties, the country began to loudly discuss the concept of venturing abroad. And in 2010, the Chairman of the CPC officially formulated the task of more active use of the country's foreign space. Taken together, those circumstances can be seen as an obvious sign, which predetermined the Belt and Road concept.

This initiative is sometimes called the total exports program, and not without reason: it is about exporting Chinese goods, capital, production and labor. The possibility of accessing commodity markets, especially hydrocarbons, has undoubtedly played a certain role as well. Obviously, the motives have something to do with security. By building a terrestrial route, China seeks to insure itself should any complications in its relations with the United States threaten its maritime communications.

China has been accompanying its work on the promotion of the Belts and Roads project by massive information and program campaigns, and a lot of speeches by politicians both in the media and at forums held in different venues, even outside of China.

For instance, since 2015 China held a number of SILKS symposia attended by hundreds of experts and incumbent politicians in Madrid, Warsaw, Beijing and Paris. The apotheosis of such activity was the institution of special forums of leaders of the entire group of Belts and Roads countries. The first forum was held in May 2017 in Beijing and was attended by top leaders of 28 countries and a number of international organizations. The second, which apparently will not be less in scale, will be held this April, also in the capital of China.

During the five-year period after the announcement of the initiative, the Belts and Roads documentation was prepared. The first item was a government document dated March 28, 2015, a detailed concept and a roadmap of sorts. The concept was further developed in the May 2017 document which outlined a certain implementation procedure. At the same time, a special concept for cooperation at sea was released, followed by the January 2018 document entitled "China's Arctic Policy".

According to China's official reports, during the five years of implementation of the initiative in the five areas mentioned above the following results were achieved. China signed 149 documents on intergovernmental cooperation with 105 One Belt One Road countries and 29 international organizations. Among other things, it indicates not only a significant expansion of the Belt and Road geography, which now extends to almost all the continents, but, more importantly, identifies the main trend in the implementation of the initiative that favors bilateral

formats.

According to Chinese statements, the turnover of China's trade with the Belt and Road countries over the 5 year period exceeded \$5 trillion, with its growth rates being 4% higher than those of China's entire foreign trade turnover. For the project's 25 countries, China has become the largest trading partner and has signed and then upgraded five treaties on a free trade zone which encompasses 13 countries.

The next area of development is connected with the infrastructure, i.e. production and transport. It has been reported that Chinese companies created 82 trade and economic zones in the Belts and Roads countries, in which they built nearly 4,000 enterprises. As a result, 250,000 new jobs were created, and at least 85% of those employed are local staff, according to China. Accordingly, 15%, or nearly 30,000 jobs, are occupied by Chinese staff. It is reported that the new Eurasian Continental Route between China and Europe envisaged by the One Belt One Road project, including the route through Kazakhstan and other routes, will be used for approximately 13,000 voyages of freight trains in both directions by early 2019. In general, this network of routes has connected almost 50 Chinese megapolises with the same number of cities in 15 European countries.

As regards the freedom of capital: through the creation of a silk road fund and an Asian infrastructure investment bank, China's direct investment in the project countries exceeded \$70 billion, with an annual growth of 7%. The price of contracts currently anticipated by the Chinese is estimated at \$500 billion. One of the largest Chinese banks, the Development Bank of China, which has set aside up to \$1 trillion for that purpose according to the reports, has joined the implementation.

As regards the last area, humanitarian ties, a lot of work has also been done, in particular, with a focus on a large number of youth and student exchanges. Those figures can be interpreted in different ways. It often seems that some long-existing projects on China's bilateral relations with the Belt and Road countries have been placed under the umbrella of the Belt and Road project. In any case, I think that those figures are worth paying attention to.

The formulation of Russia's place and position vis a vis the One Belt One Road program has passed several stages. Initially, there was an element of uncertainty connected with the fact that the routes bypassed Russia on the map of the New Silk Road, which was published in the fall of 2013 by Xinhua. At the same time, there was a discussion about the Russian factor in the Chinese press which said that, in the context of the Chinese initiative, "the greatest challenge for China is the establishment of relations with Russia." The situation started to change after the meeting between the President of Russia and China's representative in Sochi in February 2014. It is no coincidence

that the tone of official Chinese commentators has changed; they have obviously started to promote the idea that Russia is an integral element of cooperation within the framework of the project.

Russia's official approach to the concept was defined in the March 8, 2015 joint statement on cooperation related to integrating the construction of the Eurasian Economic Union with the Silk Road Economic Belt. This document, partly a compromise, is symbolic. An understanding was fixed at the highest political level that Russia was not just about to join the Chinese project but was also to present its own project on an equal footing in order to advance the integration of the Eurasian space together with China. In the fall of 2015, after the approval of the May 8 statement by the other members of the Eurasian Economic Union, a dialogue was launched between the EU and China with a view to entering into an all-encompassing treaty on trade and economic cooperation, and such a treaty was indeed signed on May 17, 2018 in Astana.

Concerning chances and opportunities. Basically, a certain consensus has been reached by the Russian experts community to the effect that there are indeed chances and opportunities along with challenges and risks. Generally, those views are still relevant. Chances and opportunities primarily exist because the possibilities for attracting Chinese capital for joint infrastructure projects that are important for Russia are growing stronger within the context of integration. They are especially relevant for developing Siberia, the Far East and perhaps other Russian regions within the Silk Road zone, particularly, the Volga region.

It is possible to gain advantages as a transit country, since an essential part of the project is the creation of a trans-Eurasian bridge which is being built along the northern route, China — Kazakhstan — Russia — Europe. Cooperation on this topic can benefit Russia not only by upgrading Russia's section of the bridge and increasing transit revenues, but also by driving the development of adjacent regions. In addition, cooperation with China on the Belts and Roads project could become a driving force in the context of Russia's initiative for a major Eurasian partnership which may be gradually joined by members of the Eurasian Economic Union along with many other Eurasian countries, including SCO and ASEAN member states. The integration between the EAU and the Belt and Road project (with China supporting the idea of a large Eurasian partnership) could become the core of such a large-scale Eurasian partnership, while at the same time strengthening the role of Russia.

At the same time, it is obvious that the Silk Road Economic Belt project is an obvious challenge for Russia.

Firstly, the essential targets of the Belt and Road project, especially its terrestrial part, and the Eurasian Economic Union as Russia's project are obviously contradictory. The Belt and Road project is focused on maximum trade and economic

freedoms and wide free trade zones, whereas the European Economic Union, on the contrary, focuses on the protection of the union's domestic markets against foreign players and provides for a tariff-free zone for participating countries only. It is no coincidence that the issue of free trade was relegated by the Eurasian Economic Union to a rather remote perspective. This hardly suits China, which is actively playing along bilateral lines, consistently promoting the idea of eliminating all tariff barriers. And the practice is often such that the members of the EAEU, while willingly delegating the authority to conduct a dialogue with Beijing on behalf of the Union, reserve the right to independently accede to Chinese bilateral initiatives, primarily investment ones. Thus, recognizing the strategic importance of the integration between the Eurasian Economic Union and the Belt and Road initiative, Kazakhstan has agreed with Beijing on the integration between the Belt and Road project and its national Shining Path program, which, by the way, also provides for participation in the construction of a trans-Eurasian bridge through the port of Aktau and across the Caspian Sea, bypassing Russia.

Secondly, it is clear that all of the above hardly contributes to the strengthening of the institutions of the Eurasian Economic Union, where the question of forming a homogeneous economic space and the so-called four internal freedoms remains open. Moreover, each of the countries still uses nearly 40 barriers, exemptions and restrictions in that area. From the point of view of the Russian-Chinese integration, the treaty between the EAU and the People's Republic of China entered into last May in Astana was certainly a step in the right direction, but it still belongs to the initial stage. And it is no coincidence that the treaty addresses only non-tariff trade barriers, i.e. convergence of standards, technical regulations, procedures, sanitary measures, customs bureaucracy limitation and so on.

Thirdly, similar risks exist for Russia in the activities of the Shanghai Cooperation Organization, whose space has been used by China to raise the same issue of free trade zones for two decades in a row. Neither does China contribute to strengthening the SCO as an organization, at least in the economic sense, by resorting in its cooperation with the SCO countries to the same bilateral format as with the Eurasian Economic Union. A drop in the significance of the SCO and its consensus decisions could increase China's regional influence and accordingly weaken Russia's position.

The chances of investment cooperation profitable for Russia within the framework of the integration are still quite slim. So far, the results have been very modest and limited by the long-known inconsistencies in the form of a fairly obvious difference between the Chinese and Russian sides' approach to the targets and the algorithm of investment cooperation itself. I believe this challenge is also associated with the obvious problem which has

to do with the fact that specific actual projects are too few and far between to fill the void of what we call the integration.

Fourthly, as far as Russia is concerned, the abovementioned advantages from the terrestrial transcontinental bridge from China to Europe coexist with obvious disadvantages. Chinese freight carriers are becoming less, if at all, interested in the Siberian and Far Eastern sections of the Trans-Siberian Railway, since the route through Kazakhstan, taking into account the lengthy section across China itself, is better for China in terms of both tariffs and time. Today, of the 14 known China-Europe routes, 10 follow the route through the China-Kazakhstan checkpoint that joins the Trans-Siberian Railway only in the vicinity of Kurgan, Chelyabinsk and Magnitogorsk, and only 3 or 4 routes pass through the Russian territory in Transbaikalia and along the Trans-Mongolian route through Naushki.

Separately, there is the question of the Trans-Siberian Railway losing the competition to the Chinese railways due to its technical condition. Moreover, as indicated in the original Belt and Road concept, it is potentially possible to build a China — Europe bridge completely bypassing the Russian Federation not only via the abovementioned trans-Caspian route but also via the existing central route concept — through Central Asia, Iran, and Turkey. The fact that the central route concept is still being tested alleviates the situation to a certain degree. In addition, a growth in freight traffic from the northeastern provinces of China has been noted, which sparked interest towards the Far Eastern ports of the Russian Federation suggesting possible joint modernization of the eastern section of the Trans-Siberian Railway. There are plans for joining together Russia's and China's Far Eastern infrastructure networks, the Primorye-1 and Primorye-2 projects. Most likely, however, Transsib will have to take a back seat in providing a unified China — Europe bridge.

The implications of the Belt and Road initiative, contradictory for the interests of the Russian Federation, do not eliminate the need of adapting to the Chinese megaproject since it is obvious that China will carry it through. Therefore, Russia's task, especially in the current international context, is to make optimal use of opportunities, minimize the risks and losses as much as possible while understanding the importance of a comprehensive partnership with China, a dynamically developing neighbor and an important trading partner. A significant help here is that China has declared its willingness to cooperate and to take into account Russia's interests. Such an approach, by the way, is evident from the Belt and Road documentation, official government documents, which, in particular, set the task of strengthening cooperation between China's northeast provinces and the Far Eastern regions of the Russian Federation. The general upward trend in the development of Russian-Chinese relations gives us reason to

believe that it is not merely a declaration.

If we sum up all the challenges facing Russia, most of the common problems of Russian-Chinese relations can be projected onto them. After all, let's say, the question about the shortcomings of our investment partnership is one that is directly related to the Russian agenda. There is a lot of unsolved problems here, and if we leave out the Yamal LNG project, the total scope of Russian-Chinese investment cooperation is still quite modest. And I repeat, those problems can also be projected onto the Belt and Road integration topic.

In my opinion, a growing imbalance of our economic potentials is a challenge that is even more systemic. It is difficult to talk about the absence of challenges, when the difference between China and Russia is almost 6 times, even in terms of the annual GDP growth rate based on purchasing power parity, an indicator which has a reduced impact on Russia. Moreover, according to forecasts, this difference not only will not decrease, but will grow. It is necessary to address the main economic challenge, and then we will be able to solve all the subsequent ones much easier.

Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель
Финансового университета при Правительстве РФ, член-
корреспондент РАН, д. э. н., профессор

Валерий Анатольевич Крюков,
директор Института экономики и организации
промышленного производства Сибирского отделения РАН,
член-корреспондент РАН, профессор НИУ ВШЭ

Андрей Владимирович Островский,
заместитель директора Института
Дальнего Востока РАН, д. э. н.

Павел Андреевич Гудев,
ведущий научный сотрудник сектора международных
организаций и глобального политического регулирования
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, к. э. н.

Анатолий Васильевич Шевчук,
член Правления ВЭО России, директор СОПС по вопросам
экологии и природопользования, профессор РАНХиГС при
Президенте РФ, д. э. н., профессор

Анатолий Ильич Соловьев,
профессор Финансового университета при Правительстве
РФ, член Санкт-Петербургской Арктической
общественной академии наук

Евгений Владимирович Буйдинов,
заместитель генерального директора по развитию
и эксплуатации систем связи Федерального
государственного унитарного предприятия «Космическая
связь»

Юлия Викторовна Зворыкина,
директор Института исследований и экспертизы
Внешэкономбанка, член Президиума Экспертного совета
Государственной Думы Российской Федерации по вопросам
законодательного обеспечения развития районов
Крайнего Севера, д. э. н.

АРКТИКА: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

Светлана Артуровна Липина,
заместитель председателя Совета по изучению
производительных сил ВАВТ Минэкономразвития России,
заведующая научно-исследовательской лабораторией РАНХиГС
при Президенте РФ, д. э. н.

Владимир Львович Квинт,
заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы
экономики МГУ, иностранный член РАН, д. э. н, профессор

Виктор Меерович Полтерович,
академик РАН, заведующий лабораторией математической
экономики Центрального экономико-математического
института

Александр Александрович Широ́в,
заместитель директора ИНП РАН, член Правления ВЭО России,
д. э. н.

Борис Николаевич Порфирьев,
академик РАН, директор Института народнохозяйственного
прогнозирования

Владимир Михайлович Грузинов,
вице-президент НО «Полярный фонд», заместитель директора
по научной работе Государственного океанографического
института им. Н. Н. Зубова

Научный форум ВЭО России «Абалкинские чтения», 31 января 2019 года

Сорокин: Сегодня мы проводим круглый стол на тему «Арктика: вызовы для России». Мы прежде всего пригласили специалистов, которые занимаются непосредственно проблемами Арктики. Чтобы было понятно, ваш ведущий круглого стола тоже имеет прямое и непосредственное отношение к этим районам. На куртке, которая на мне надета, я ее очень люблю, на ней знак, что я — участник Международного полярного года и был на Северном полюсе в научной экспедиции. Вы сами понимаете, что на Северном полюсе в научной экспедиции мало чего с экономиста можно взять, и я там честно мыл посуду. Но сказали, что хорошо. Я сознательно надел на себя то, что получил за время пребывания в течение многих лет на Севере. Это вот якутское правительство меня наградило за Гражданскую доблесть. Это вот — подарок золотоискателей в Оймяконском районе со встроеным настоящим самородком. Я горжусь вот этим знаком, потому что, конечно, в Академии наук много академиков, членкоров, но ни один из них не имеет статуса почетного гражданина Булунского улуса Республики Саха (Якутия). И когда в Тикси будет метро, по этому знаку я, видимо, буду ездить на нем бесплатно.

Так, ну что же, мы начинаем нашу работу. И что хочу сказать в начале? Содержательная сторона простая. Сегодня Арктика даже по средствам массовой информации — в центре внимания. Вот вчера, по-моему, в «Российской газете» вышло громадное интервью, посвященное Арктике. Недавно соответствующие административные перемещения были, в соответствующие министерства передана вся Арктика. В общем, в том, что Арктика — это и экономические, и геополитические, и социальные, и каких только проблем тут нет — нет сомнений. И я уж не говорю, что это и серьезные экологические проблемы. Поэтому мы собирали специалистов, которые непосредственно этими проблемами занимаются.

Я сразу хочу сказать, что, когда я посмотрел список приглашенных, я похолодел, потому что специалистов пришло, людей, более чем наш регламент может вместить, и кому-то не дать из них слово — просто караул. А всем — возможности нет, потому что в 17:20 мы должны поставить точку, и никуда не деться. Но у нас есть в данном случае не две даже, а три возможности дать высказаться всем.

Первая возможность — это то, что, я напоминаю, как всегда, выходит сборник. И те, кто не смог высказаться, но хочет выступить на эту тему, может передать статью. Вот мне бывший мэр Тикси буквально вчера звонил, сейчас он на пенсии, и говорит: я хочу написать вам сюда. И он пришлет мне соответствующую статью. Вторая и третья: Арктика оказалась очень серьезной проблемой, я даже не знал, а теперь знаю. В Финансовом университете две очень большие серьезные конференции проходят: одна в апреле, другая в мае. В мае причем будет международная большая конференция с участием стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые активно идут в Арктику, и сегодня мы этот вопрос затронем. И здесь присутствует господин Ильинский, я его не вижу.

Ильинский: Здесь, Дмитрий Евгеньевич, здесь.

Сорокин: Так вот, это декан международного финансового факультета, который у нас, как говорится, отвечает за обе эти конференции. Тут информационное письмо для тех, кто захочет ознакомиться. И мы всех приглашаем на эти конференции. Тем более, повторю, здесь присутствуют профессионалы, которых будет интересно послушать.

Еще раз напоминаю, мы будем очень жестко выдерживать регламент, потому что даже для тех, кто отобран, времени мало, надо постараться, чтобы все выступили.

Я очень благодарен своему коллеге, товарищу, Валерию Анатольевичу Крюкову, директору Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. Профессионалы знают, что это за институт.

Член-корреспондент Российской академии наук Валерий Анатольевич Крюков приехал из Новосибирска, чтобы сделать этот доклад.

Его институт и он сам этими проблемами занимаются. И мы договорились, что он делает стартовое выступление. Давай, Валерий Анатольевич, начинаем.

Крюков: Добрый день, уважаемые коллеги, соратники. Соратники — потому что я думаю, что здесь равнодушных людей нет. Мне выпала очень ответственная, очень непростая миссия представлять Арктику в Вольном экономическом обществе.

Арктика многообразна, многопланова, проблем очень много, которые охватывают освоение, изучение, продвижение, понимание Арктики. Я буду говорить больше об экономической стороне дела, о том, какие экономические проблемы, какие экономические вызовы, какие подходы могут быть реализованы и как это видится не только из Сибирского отделения Академии наук, из других частей света.

Я не только работаю в Институте, я преподаю в Высшей школе экономики. Здесь присутствуют соавторы моего доклада, аспиранты Высшей школы экономики. Я состою в Норвежской академии полярных исследований в Свальбарде, очень много лет сотрудничаю с Институтом Фритьюфа Нансена в Осло, который расположен в доме Нансена. И то, что я буду говорить, это в известном смысле квинтэссенция того, что представляли наши уважаемые коллеги, авторы в журнале «ЭКО», главным редактором которого я являюсь. Дмитрий Евгеньевич, я вам дарю трехтомник. 83 статьи по Арктике. Здесь присутствуют очень многие авторы статей. Это антология экономического взгляда на проблемы Арктики. И есть такая же антология по Востоку России. И вот последние номера журнала «ЭКО». Последний посвящен региональным пространственным проблемам Арктики, Востока России, это проблемы взаимосвязанные. Я с удовольствием вам передаю их.

Сорокин: Сразу скажу, извини, Валерий Анатольевич, благодарен, конечно, за это. Но имей в виду: мне это не дадут, это передается в нашу научную библиотеку Вольного экономического общества. Поэтому отдельно потом мне привезешь, Валерий Анатольевич.

Крюков: Хорошо. Поэтому я понимаю ту сложность и ту ответственность, которая на меня выпала, представить взгляд на экономические проблемы. Это мое первое появление здесь, на трибуне, в кругу коллег-экономистов в Вольном экономическом обществе. Я хотел понять, чем

же оно занималось и чем оно было призвано заниматься. И меня привлекло то, что задача — соединить «взаимными пользами сословий ученых с теми, кто приводит в употребление полезные открытия и умоначертания». То есть сначала это было сельское хозяйство, затем — интеграция разных городов и разных направлений, исследования, поддержки, реализация тех или иных направлений.

Арктика — ареал наших интересов и то, на что мы будем акцентировать внимание в географическом плане. О чем я буду говорить и на каких вопросах я попытаюсь сосредоточить свое внимание? На арктической экономике, общих ее особенностях, основных составляющих, особенностях российской арктической экономики. Механизмы и процедуры подхода современной экономики, какие вызовы возникают. Доклад я назвал «Арктическая экономика. Можно ли обеспечить гармонию общего и особенного?». И мне представляется, что вокруг этих проблем крутятся очень многие из тех вопросов, которые связаны с теми или иными проектами, с теми или иными задачами.

Общие особенности арктической экономики

Крюков: Арктика объединяет в себе проблемы и глобальные, и военно-стратегические, и социальные, и природоресурсные, и этнографические — целый комплекс проблем. Всплеск интереса в последние годы в основном связан и с климатом, и с изменением распределения геополитических ролей, появления новых игроков. На мой взгляд, это не только и не столько ресурсная проблема. Интерес к Арктике связан с целым комплексом интересов, которые выходят за рамки чисто экономические.

Тем не менее среди экономических факторов, на мой взгляд, важны следующие. Есть общие экономические особенности, которые верны для всех видов хозяйственной деятельности, — это сравнение затрат и результатов и оценка эффективности тех или иных решений, связанных с использованием труда, капитала и других возможностей, которыми располагает любой экономический агент. Особенно важны значительная удаленность, удлинение сроков оборота финансовых ресурсов вследствие этого, отсутствие локальных рынков, где можно сбывать, откуда

можно привлекать те или иные ресурсы, те или иные факторы производства.

Существенна роль экологических проблем. Это раннность арктической природы, длительные циклы восстановления, возобновления и, как я уже отметил, значительное влияние геополитических факторов и обстоятельств, которые связаны как трансграничными отношениями, так и общеполитическими. То, что сейчас Индия, Южная Корея, Япония, Китай — страны, которые находятся далеко от Арктики, — имеют серьезные арктические программы, проекты, направления, говорит о многом.

История экономического развития Арктики

Традиционная экономика Арктики живет по тем же принципам и законам, что и нетоварная экономика в любой другой части света. Это хозяйственная деятельность, связанная с укладами жизни коренных народов Севера Арктики, которые сформировали уникальные культуры и подходы к хозяйствованию. И уникальность, и неповторимость, и их разумность, и их жизнеспособность по-настоящему осмысляются только сейчас, когда мы сталкиваемся с новыми пагубными явлениями климатического, социально-демографического плана.

Этой темой занимались многие российские исследователи, в том числе мои уважаемые учителя в Новосибирске. Впервые, на мой взгляд, обстоятельно проанализированы аспекты этого направления были канадским исследователем Гарольдом Иннисом, начиная с его ранней работы «Меховая торговля в Канаде». Это книга 1920-х годов, где было проанализировано место и роль ведущего продукта, где автор рассмотрел, как реализуется деятельность, связанная с продвижением, развитием, получением тех или иных экономических результатов.

С этим ведущим продуктом было связано решающее правило, которое состоит в последовательном переходе от одного уникального источника данного ресурса к другому. То есть от одного вида природного ресурса к другому виду, от одного месторождения — к другому. Этот процесс разворачивался и разворачивается. Но мы являемся сейчас свидетелем того, что пространство в достаточной степени доступно, а лучших источников становится все меньше. И возникают новые проблемы, которые вызывают необходимость пересмотра подходов к освоению и взаимодействию.

Рентная проблема этого процесса, на мой взгляд, состоит в том, что неправомерно и неправильно весь дополнительный доход, который возникает в случае освоения

арктических ресурсов, изымать в пользу государства. Это связано с тем, что существуют очень большие расходы, очень большие обязательства, связанные с рекультивацией, с восстановлением, с завершением хозяйственной деятельности, которая закончилась.

Сейчас мы с этими проблемами столкнулись. Есть те производственные объекты, которые оставляет «Газпром», которые оставляют нефтяники, которые оставили наши горнорудные компании. Когда ставится вопрос, что необходимо это убрать, естественный вопрос: за какие деньги и где их взять? У нас денег нет. Тем не менее есть процедуры, определенные финансово-экономические институты, ликвидационные фонды — они существуют, функционируют, взаимодействуют по определенным принципам и правилам. Эта практика апробирована в ряде стран. И нам, видимо, предстоит пройти этот путь — путь поиска своей взаимоприемлемой модели реализации таких финансово-экономических механизмов, связанных с переходом от одного месторождения к другому и с ликвидацией последствий ведения этой хозяйственной деятельности.

От планирования к стихии рынка

Важно иметь в виду, что каждая экономическая система имеет свой, присущий только ей производственный аппарат. Это касается рыночной экономики, это касается экономики централизованного планирования. Это очень актуально для России, потому что на протяжении 70-летней истории мы сформировали определенный производственный аппарат, который накладывает определенные ограничения и формирует определенные обязательства. Изменение экономической системы и особенности осваиваемых объектов неизбежно подразумевают и изменения организационных рамок. Нельзя в рамках стабильных устойчивых организаций, которые возникали десятки лет тому назад, сейчас реализовывать процессы на различных стадиях и этапах освоения ресурсов, решать проблемы, которые возникают в арктической и вообще в ресурсной экономике.

Итак, какие основные этапы? В период до 1930 года примерно развитие шло в рамках общепринятой экономической модели, ориентированной на освоение природных ресурсов частным капиталом. Это были лучшие источники развития, которые обеспечивали дополнительный доход, которые компенсировали транспорт, удаленность и возможные риски. После 1930 года работала модель на основе безусловного участия государства, государственных инвестиций, необходимого соотношения цен и тарифов. Это

Ликвидация промыслов/объектов – с каждым годом комплекс проблем нарастает. Медвежье, ГП-3 (2007).

НОВЫЕ РЕАЛИИ АРКТИКИ

Нельзя и неправомерно проекты, которые реализуются в Арктике, рассматривать в старых категориях.

принципиальный момент. Нельзя и неправомерно очень многие проекты, очень многие начинания, которые реализуются в Арктике, рассматривать в рамках тех ценовых, финансовых пропорций и соотношений, которые складываются в иных экономических обстоятельствах. Надо тщательно смотреть, как соотносятся стоимость факторов производства и организация проектов.

Тогда был основной акцент сделан на гарантированный сбыт — проблема сбыта не возникала, на выявление и ввод уникальных эффективных природных горных объектов и трансформацию цивилизаций народов Севера в практику планирования.

Казалось бы, это странно. Тем не менее, на мой взгляд, особенно это видно сейчас на примере полуострова Ямал, когда мы ликвидировали систему планирования и систему программ развития хозяйства коренных народов, на их место пришел стихийный рынок. И что в результате мы имеем? В результате излишнее поголовье на полуострове Ямал приближается к 200 000 оленей. А ямальская тундра, судя по длительным исследованиям тундры, которые начались еще в XIX веке и продолжились в первой трети XX века, может удержать не более 450 тысяч голов. Сейчас там 700–750 тысяч голов. Исчезают ягельники, появляются заболевания. Природа включает аварийные обратные связи.

В свое время знание коренных народов было трансформировано в работу плановых органов или организаций, которые этим занимались. Сейчас знание коренных народов отсутствует, планирования нет и система регулирования этой деятельности всецело ориентирована на рыночные индикаторы, которые связаны со спросом прежде всего на рога оленей, который предъявляет Юго-Восточная Азия. И результатом является то, о чем я сказал. Это как раз проблема, которая говорит о том, что проблема интеграции в современную рыночную систему понимания природных условий, которые наработали коренные народы, это касается и многих других экологических проблем, — крайне актуальная задача.

Зависимость от прошлого

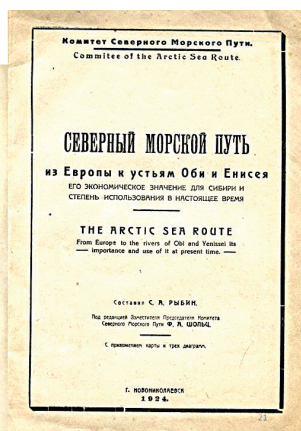
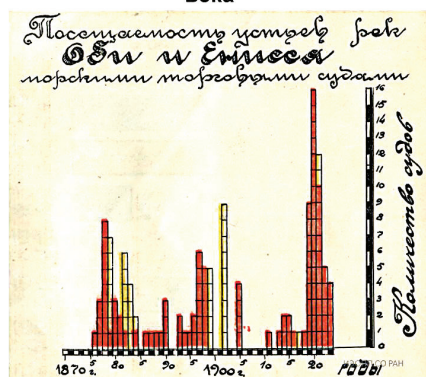
Что в результате мы получили? Я назвал это «зависимость от прошлого». Это очаговый характер освоения (осваивались только те места, где располагались высокоэффективные ресурсы). Чрезвычайно высокий уровень урбанизации на Севере и в Арктике. Были сформированы уникальные производственно-технологические комплексы и системы, рассчитанные на высокий пиковый уровень производства. Что будет потом, такие вопросы не ставились и не предусматривались, их решение и откладывалось на потом.

При переходе к системе координат, основанной на рыночных сигналах, проявляются неэффективность и нецелесообразность поддержания многих проектов, что мы и наблюдаем, избыточная занятость и нецелесообразность многих поселений, монопоселений. Арктика потеряла много десятков поселений, которые сейчас заброшены. Отложены проблемы рекультивации, нейтрализации, оздоровления территорий. Разрушены системы функционирования хозяйственного уклада коренных народов Севера и Арктики.

Поскольку, как я уже сказал, в основе системы освоения были крупные проекты, мы получаем много проблем отложенного характера. В то же время происходит неуклонное усложнение условий для продолжения деятельности на этих проектах, обостряется проблема раздела рисков, компании настаивают на льготах, на преференциях, на изменении существующего принципа взаимодействия с экономической средой, с финансовой средой, что опять же порождает дополнительные риски. Становится актуальной проблема адаптации правил регулирования. Надо менять правила, надо менять подходы, которые бы учитывали эти динамически меняющиеся обстоятельства ведения хозяйственной деятельности.

Крупных месторождений газа больше нет. Сейчас крупным месторождением уже считается месторождение, запасы которого исчисляются сотнями миллиардов кубических метров, это далеко не те объемы, которые вводились и рассматривались в 70-е годы. Вот газовый промысел Надымского месторождения Медвежье, бездействующий. Стоит проблема рекультивации, нейтрализации, вывода и приведения тундр в исходное состояние. У «Газпрома» на это денег нет. Но спрос, если посмотреть и оценить потенциал этой рекультивационной экономики, колоссален. За счет каких ресурсов и в рамках каких процедур взаимодействия хозяйствующих субъектов государства и экономической системы это делать? Этот вопрос в России остается открытым.

Арктика и Сибирь – 20-ые годы XX Века

Наукоёмкость Арктики

Важнейшая задача — это повышение наукоёмкости на всех стадиях и для всех типов проектов. Рост сложности вызывает необходимость повышения интеллектуальной составляющей, ничего, кроме знания. Здесь нельзя не вспомнить Григория Аграната, который очень много писал с конца 50-х годов о специальной технике для Севера, о специальных подходах. Это остается до сих пор актуальным. Кадры, наукоёмкое сервисное обслуживание, меняется роль различных типов компаний. Нет универсальных технологий, объекты становятся очень специфичными и очень рассредоточенными. Это вызывает необходимость постоянного научного мониторинга, сопровождения, взаимодействия научной среды и производственной при реализации таких проектов.

И отсюда важнейшее условие — соучастие нескольких компаний в реализации проектов. Принцип моноигрока мне представляется неэффективным, неоперациональным и недееспособным с точки зрения тех особенностей, с которыми приходится сталкиваться в Арктике. Как раз это говорит о том, чем, благодаря чему и в связи с чем достигнуты те успехи, которые были получены в Канаде. Наука и постоянное научное сопровождение проблем, с которыми приходится сталкиваться при освоении природных источников.

Арктическая диверсификация

Можно ли говорить о диверсификации экономики в Арктике? Конечно, можно. Но нужно учитывать, что возможности диверсификации экономики высоких широт, арктических регионов более чем ограничены. Есть экономическое направление диверсификации, когда появляются новые виды деятельности, есть финансовое направление — этим путем идут штат Аляска и штат Альберта.

У нас проблема связана с прямой диверсификацией. Назову в качестве примера Уренгойский газохимический комплекс. Там безвозвратно утрачено оборудование на миллиард тогда еще дойчемарок, завод так и не запущен, хотя «Газпром» каждый год обещает. Это связано с тем, что решение было принято в тех координатах, в тех измерениях, которые были сформированы к концу 80-х — началу 90-х годов. В новой экономической ситуации, в новой экономической системе этот проект, видимо, едва ли можно реализовать так, как он был задуман.

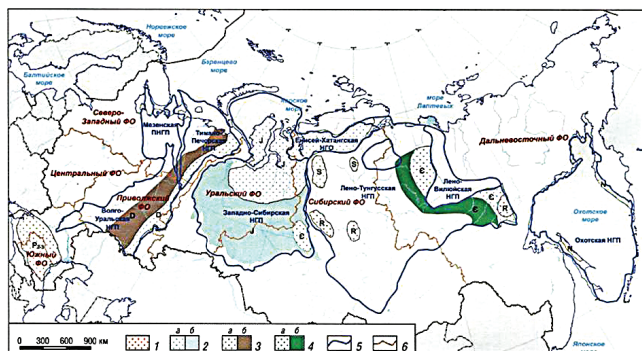
Из проектов прямой диверсификации, которые связаны с развитием систем газоснабжения, с производством СПГ, реализован пока только один — это Финнмарк и почти реализован проект «Ямал СПГ». Он вышел на проектную мощность и начал функционировать, и уже ведется речь о следующем этапе. Но это не только и не столько диверсификация, сколько логическое развитие процессов добычи и подготовки углеводородов для транспортировки и реализации в изменившихся финансовых и экономических условиях. Финансовая диверсификация возможна, если имеет место наличие значительного положительного финансового потока, плюс развитый финансовый рынок. Но в России пока в должной степени этих условий не сформировано.

Старая проблема, которая возникает в Арктике, — это проблема пространственно-распределенных цепочек создания стоимости и времени реализации для компаний, которые ведут данные проекты.

Для чего нужна Арктика?

Это главный вопрос, на который нужно ответить. Арктика в экономическом смысле нужна не только для того, чтобы освоить ее пространство. Проекты, которые уже реализуются, и те, которые могут быть реализованы, потенциально обладают колоссальным мультипликативным эффектом для остальной экономики. Они должны рассматриваться и должны оцениваться, исходя из взаимосвязей в более широкой системе, в рамках российского экономического пространства. Сейчас, к сожалению, этот проектный мультипликатор работает своеобразным образом.

**Ресурсная база меняется стремительно.
От легкой нефти к тяжелой нефти, битумам, «черносланцевым
материалам», далее ...?!**

Цветом показан возраст формаций и характер насыщения (1-4): 1 - кумская и худская свиты: газовые, 2 - баженовская свита: газовые (а) и нефтяные (б), 3 - доманковская свита: газовые (а) и нефтяные (б), 4 - кузимская свита: газовые (а) и нефтяные (б); 5 - границы нефтегазоносных провинций; 6 - границы федеральных округов

Добыча ТРИЗ в России требует разработки новых технологий, ранее не применявшихся нигде в мире. Первоочередное значение создания именно технологий, а не оборудования.

Мы поставляем сложное технологическое оборудование для того же «Ямал СПГ» исключительно импортное, главным образом из Западной Германии и Южной Кореи, которое перебрасывается по Оби. В то же время корейские коллеги показывают, что Северный морской путь и освоение арктических регионов не может быть устойчивым без формирования устойчивых, обоснованных и взаимно выгодных связей с внутренними регионами Российской Федерации, прежде всего районами, расположенными к югу от арктических регионов.

С чем мы сталкиваемся? Что важно с точки зрения реализации проектов? Это не локальная оценка эффективности в месте добычи, а оценка проекта, исходя из тех пространственно-распределенных цепочек создания стоимости, с которыми связан данный проект. У нас такой учет не ведется.

Возьмем норвежское месторождение Большой Экофиск. Там идет общественный мониторинг, идет оценка социальной стоимости и тех социальных выгод и эффектов, которые получает государство от реализации проектов. Учитываются товары и услуги, зарплата, кредиты, дивиденды, сколько получает государство. То есть все эффекты, которые вызывает тот или иной проект с точки зрения развития национальной экономики?

Что мы имеем по тем проектам, которые сейчас реализуются? Вот он, проект в высокой степени готовности — «Ванкорнефть», который уже перешел в стадию снижающейся добычи на севере Красноярского края. Участие Красноярского края в этом проекте — от 4 до 7%. То есть никакого мультипликативного эффекта на развитие наукоемкой индустрии, машиностроение. То же самое «Ямал СПГ» — не влияет на реализацию проектов, связанных с криогенным машиностроением в городе Омске.

Особенности мультипликативных эффектов: ослабление по мере перемещения с Востока на Запад, наибольшее мультипликативное влияние на предпринимательские услуги, производство и распределение электроэнергии. В Норвегии наибольшее влияние подобных проектов — на научные исследования, разработки, машины и оборудование. Норвегия при добыче порядка 160 миллионов тонн нефтяного эквивалента поставляет машин и оборудования и наукоемких услуг на сумму порядка 70 миллиардов долларов ежегодно. То есть в основе — социальная ценность.

Сказать об этом легко, осуществить — не так просто. Целесообразно при работе в этом направлении больше ориентироваться на свой опыт и традиции, разделить науку и сферу коммерческих разработок, установить ясные приоритеты развития науки и сферы инноваций, обеспечить надлежащую государственную поддержку приоритетных направлений при разумном уровне бюрократического вмешательства.

Современная экономика Арктики

Арктика не исчерпывается углеводородами, она настолько богата, что постоянно предлагает нам новые возможности, появляются новые виды минерально-сырьевых ресурсов. Это редкие земли, это новообразивное сырье, связанное с импактными алмазами в кратере Попигай. Томторское месторождение — один из крупнейших источников редкоземельных материалов. Стоимость всех извлеченных из тонны руды компонентов приближалась три года назад к 11 000 долларов. Сравните с ценой нефти. Но есть проблема — эта ниша занята Китаем. А у нас отсутствует внутренний спрос. Как с этим быть при отсутствии внутреннего спроса и как пробиться на рынок? Видимо, надо развивать свою экономику, интегрировать арктические проекты в общее русло или в общую канву экономической и структурной политики.

Таймыр - от меди и никеля к платиноидам, нефти и газу, РЗМ, алмазам

АРКТИКА — ЭТО НЕ ТОЛЬКО УГЛЕВОДОРОДЫ

Она настолько богата, что постоянно предлагает нам новые возможности.

КТО ХОЗЯИН «ЯМАЛ СПГ»?

Финансирование — Китай, Франция.

Техническое руководство — Франция.

Интегратор проекта — сербская компания.

Расположение — Крайний Север России.

Потребители — Китай, Япония.

Технологии — Европа.

Оборудование — Китай, Европа, Япония.

Танкеры — Корея с норвежской начинкой.

То есть ничего с точки зрения мультипликатора для развития сибирской экономики, восточной экономики, российской экономики данный проект не обеспечил.

Предполагается строительство центра по выпуску платформ на Мурманской губе, но это опять же только основание, это не столь наукоёмкий вид деятельности.

Совместимы ли современная экономика и арктическая экономика? Совместимы вполне, но для этого необходима гибкость во всех областях выработки, принятия и реализации решений. Если нет у нас рынка, если нет индикаторов, могут использоваться блокчейн, система больших данных, те возможности, которые предоставляют системы управления данными в современных условиях, когда возрастают потребности в высокотехнологичных видах сырья и материалов.

На этом я бы, пожалуй, закончил, если бы не одно важное замечание — ориентация многих решений на простоту, кажущуюся антикоррупционность и как бы эффективность. Необходимо формирование подходов на принципах соучастия и реального вовлечения в них представителей региональных и местных сообществ, рассмотрение проектов и инициатив для развития хозяйственной деятельности и решения социально-экономических проблем.

Сорокин: Валерий Анатольевич, спасибо тебе большое. И будем надеяться, что ты активно сможешь продолжать участвовать в нашем Обществе.

Арктика — это проблема столкновения серьезных геополитических интересов. Я думаю, что сейчас мы поговорим и об этом. Андрей Владимирович Островский, замдиректора Института Дальнего Востока.

Островский: Все знают, что в 2013 году Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Один пояс — один путь», который, впрочем, состоит из двух проектов. Первый — это «Экономический пояс Шелкового пути», который идет из Азии в Европу по маршруту, который был проложен еще при Юлии Цезаре. И второй — это «Морской шелковый путь XXI века». Так вот Арктика относится ко второму маршруту. По сути это морские пути, которые идут из города Фучжоу — столицы провинции Фуцзянь — в Азию, Африку, Западную Европу, Северную Европу, Австралию и Латинскую Америку. Арктика там — отдельная тема.

5 ОСНОВНЫХ ЦЕЛЕЙ ЭТОЙ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

1. Обмен между странами региона информацией по стратегии экономического развития для поиска точек соприкосновения.
2. Развитие дорожного сообщения для создания большого транспортного коридора: Тихий океан — Балтийское море — Атлантический океан.
3. Организация бесперебойной торговли в зоне «Экономического пояса Шелкового пути» при упрощении торговых и инвестиционных процедур.
4. Укрепление сферы денежного обращения за счет расчета в национальных валютах.
5. Взаимное изучение устремлений народов в этой зоне.

Для реализации этих проектов в Китае были созданы две крупные финансовые структуры: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (общий объем капитализации — 100 млрд долларов) и Фонд Шелкового пути (объем капитализации — 40 млрд американских долларов).

Китай впервые упомянул о заинтересованности в Северном морском пути в 2009 году. Они четыре года готовили маршрут первого, единственного пока китайского ледокола «Снежный дракон». В 2013 году он впервые прошел от Мурманска до Шанхая. Сейчас Китай ведет строи-

тельство ледокольного флота, так как там пришли к выводу, что одного судна явно мало. Для чего им нужен Северный морской путь? Как альтернатива морского Шелкового пути через Индийский океан и далее в Европу. Расстояние значительно короче. По времени — экономия 20%. По китайским оценкам, к 2020 году страна сможет через СМП проводить от 5 до 15% внешнеторгового грузопотока в виде контейнерных перевозок из двух портов — Шанхая и Даляня в пункты прибытия — либо Мурманск в РФ, либо Киркинес в Норвегии.

Для более активного участия Китая в развитии СМП Китай нам на государственном уровне предлагает создать Банк освоения океана, который бы финансировал эти совместные экономические и научные проекты. В настоящее время в Китае уже выделены структуры, которые занимаются реализацией этого проекта: Даляньское морское пароходство, и уже получил крупный грант на научную разработку проекта внедрения Китая в Арктику Харбинский инженерный университет. В Китае также предполагают развитие сотрудничества с Россией для более активного включения ее в разработку СМП. Каким образом? Китайскими учеными неоднократно выдвигались идеи об использовании двух наших транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» для сокращения транспортных маршрутов для товаров с северо-востока Китая — провинций Хэйлуцзян и Дзилинь до Владивостока и порт Зарубино с последующей перегрузкой на суда для следования по Северному морскому пути. Кроме того, в Китае есть Институт приграничных территорий Академии общественных наук, где использовали для развития Северного морского пути в качестве опорной зоны погранпереход Хэйхэ — Благовещенск. Где Благовещенск и где Арктика? Тем не менее планы у них — ввозить товары в Благовещенск по железной дороге, далее по Транссибу Тында — Якутск с последующей перевалкой на суда — по реке Лене до порта Тикси. Но эти планы можно будет реализовать только после строительства моста через Амур в районе Хэйхэ — Благовещенск.

Таким образом, РФ может включиться в реализацию китайской инициативы «Один пояс — один путь» не только через развитие северного маршрута «Экономического пояса Шелкового пути» и развития транспортного коридора Китай — Монголия — Россия, но и используя СМП в качестве дополнения. Будет таким образом создан дополнительный маршрут из Восточной Азии в Северную Европу, и при освоении углеводородных месторождений в Арктике, как показывает опыт компании «Новатэк», эта транспортная магистраль тоже будет востребована.

Сорокин: Ты молодец, уложился. Спасибо.

Островский: Ну вот, как обещал. Сказал — не затяну.

Сорокин: Спасибо. А теперь слово еще одному новому участнику нашего круглого стола. Я благодарю Павла Андреевича Гудева, который представляет в данном случае Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Евгения Максимовича Примакова.

Гудев: Все видели и читали, что есть такая Комиссия ООН по границам континентального шельфа. Так вот, Комиссии ООН не существует. Есть просто Комиссия по границам континентального шельфа. Аналогия такая же, как есть международный суд ООН. Это ключевая международная судебная инстанция, все страны — члены ООН могут инициировать иски и набирать судей. А есть Международный трибунал по морскому праву. И только страны — члены Конвенции ООН по морскому праву 1982 года могут инициировать иски и выбирать судей. Комиссия по границам континентального шельфа — исключительно технический орган, который не принимает обязательных решений. Она выдает рекомендации. Государство имеет право с этими рекомендациями согласиться либо их отвергнуть.

Все вы знаете, что наша заявка на границы шельфа была подана, но есть и канадская готовая заявка, которая еще не подана. С вероятностью 99% можно сказать, что, когда канадцы подадут свою заявку, претензия будет накладываться.

Были попытки в 2007-м, в 2011 году договориться, подать трехстороннюю заявку, но, к сожалению, не получилось. Я вам хочу напомнить, что Российская Федерация

была первой из всех прибрежных государств, которая инициировала применение статьи 76-й Конвенции ООН по морскому праву. Сделано это было, еще когда Виктор Степанович Черномырдин был главой Правительства. Поэтому у меня напрашивается такой каламбур: хотели как лучше, получилось, к сожалению, как всегда. Немножко поспешили.

В чем здесь проблема? Проблема в том, что Соединенные Штаты, как вы знаете, не подписали, не ратифицировали Конвенцию. Есть мнение ошибочное, что Соединенные Штаты что-то подписали, но не ратифицировали. Нет, это

ошибка. Это абсолютно некорректная точка зрения. Соединенные Штаты подписали дополнительное соглашение части 11 Конвенции в 1994 году. А саму Конвенцию они подписали и не ратифицировали. Но США являются участниками Конвенции 1958 года о континентальном шельфе, у них есть целый ряд национальных законодательных актов, по которым их континентальный шельф никак не ограничен. И у меня есть очень большие сомнения, что Соединенные Штаты даже в случае ратификации Конвенции, будут использовать статью 76-ю Конвенции ООН по морскому праву.

При этом я еще раз хочу напомнить, что для американцев это совершенно стандартная модель поведения: американцы не участвуют не только в Конвенции по морскому праву 1982 года, но и в целом ряде других международных соглашений, которые касаются управления пространствами и ресурсами Мирового океана — в Конвенции о биологическом разнообразии (ключевой абсолютно документ), в Конвенции об охране подводного культурного наследия. При этом американцы были инициаторами разработки текста Конвенции по международному морскому праву, но потом решили ее не подписывать, не ратифицировать, объясняя, что она не соответствует их национальным интересам.

Как вы знаете, в январе 2018 года Китай тоже принял первый официальный документ, белую книгу по арктической политике. На мой взгляд, очень странный документ.

Во-первых, китайцы сразу в нем заявили, что в Арктике уже якобы де-факто, не де-юре, существуют два международных района морского дна. То есть как будто бы заявки всех стран уже утверждены, одобрены комиссией и страны с этими заявками согласились. Теоретически один или два района могут существовать. Но не нужно спекулировать на этом и заявлять, что они уже есть. Это первая проблема, связанная с китайским документом.

Второе. Как вы знаете, китайцы, не всегда на официальном уровне, часто на экспертном, заявляют, что Арктика — это некий общий район, международный район общего наследия, всемирный парк, всемирное достояние. Но я хочу подчеркнуть, что в Конвенции есть только одна правовая концепция общего наследия человечества. И что очень важно, эта концепция применима к ресурсам дна и недр международного района морского дна, которого здесь пока не существует. Я подчеркиваю, исключительно к ресурсам. А все поверх лежащие воды, вся акватория над международным районом морского дна всегда будет акваторией открытого моря со всеми вытекающими отсюда свободами.

Китайцы позиционируют себя в этом документе как

near arctic state — «околоарктическое» государство. В моем понимании, есть «арктическая пятерка», есть «арктическая восьмерка». Но я просто посмотрел по широте, у китайцев самая северная точка их территории — это какой-то 56-й градус. А прибрежная зона — где-то, я не уточнял, это очевидно, 46-й градус. То есть, если взять эту методологию, такие страны, как Британия, Франция, Польша, Германия, даже Украина, могут в конце концов заявить, что они околоарктические государства. Кстати, меня год назад приглашали в Киев обсуждать арктическую проблематику. Я не поехал, потому что тема конференции была: «Россия милитаризирует Арктику». Мне, естественно, пришлось отказаться, да.

Сорокин: Вас бы не пустили. 60 нет.

Гудев: Да, но тогда, по-моему, не было такого еще требования.

Кстати, французы тоже заявляют, что они околоарктическое государство в своей стратегии 2015 года. Но французов можно понять. Они говорят, что у них есть целая плеяда исследователей Арктики и Антарктики. Она сложилась в течение десятилетий. Более того, французы напирают на географический фактор. Оказывается, у французов есть два маленьких острова рядом с канадским арктическим архипелагом. Они говорят, что климатические условия примерно похожие. Поэтому они претендуют на некий, чуть более уважаемый статус.

Вы сейчас знаете, что очень многие страны претендуют на получение статуса наблюдателя в Арктическом совете. Допустим, Эстония разработала тоже свою арктическую стратегию, правда, неофициальную, она не принята на официальном уровне, но тем не менее это очень значимый документ. Там записано, что Россия, естественно, — главная угроза в Арктике, что нужно в Арктику максимально привлекать НАТО и ЕС. Нам нужен такой наблюдатель в Арктическом совете? С моей точки зрения, нет. Претендует Турция. Также не очень хорошо понимаю. Монголия, внутриконтинентальная страна. Понимаю прекрасно, что под монгольским флагом, удобным флагом, плавают огромное количество гражданских торговых судов. Наши президенты, я так понимаю, имеют весьма неплохие отношения и занимаются дзюдо и другими видами единоборств.

Нужно ли нам привлекать ЕС в качестве наблюдателя? Многие страны, естественно, лоббируют это.

У меня позиция очень простая. Когда подключаются такие транснациональные организации, в какой-то момент, не хочу здесь, прошу прощения за жаргон, накаркать или что-то спрогнозировать нехорошее, но в какой-то момент

может встать вопрос: а может быть, и Североатлантический альянс привлечь в качестве наблюдателя? Почему нет? Давайте вспомним 1969 год, был комитет по невоенным аспектам безопасности НАТО. НАТО финансирует огромное количество научных исследований во всех акваториях, которые НАТО интересны.

Я считаю, что Арктика — уникальный морской регион. Он никак не похож на Индийский, Тихий, Атлантический океан. И мы имеем право настаивать на учете наших приоритетных интересов в Арктике.

Сорокин: Спасибо большое. Продолжаем наш разговор. Василий Игоревич Богоявленский, часто участвовал в нашем столе, член-корреспондент РАН, Институт нефти и газа. Как Арктика и без этого института?

Богоявленский: Прошлый год для нас был очень непростой, но завершился весьма успешно. Мы закончили многолетние исследования в области газовой гидратации, причем не касательно какой-то отдельной территории, а в глобальном плане, по всей планете. Для этого пришлось длительное время изучать температуры распределения водной толщи. Интересные зависимости показывают, что в Арктике у нас вблизи дна повсеместно, за исключением влияния Гольфстрима или Северо-Атлантического течения Баренцева моря, температуры отрицательные. Это накладывает дополнительные проблемы. Построены такие карты. Это, собственно, температуры. Синие тона — это как раз криогидросфера. То есть это серьезная проблема, с которой и «Газпром» уже сталкивался, в частности, в Охотском даже море, я уж не говорю о наших арктических акваториях.

А перед этим у нас были исследования нефтегазоносности всего Арктического региона. Они свидетельствуют, что, действительно, в Арктике гигантские ресурсы углеводородов.

Мы буквально на днях завершили подводить итоги добычи по всем опять-таки странам, свежие цифры. В России продолжается активный рост арктической нефтедобычи. В данном случае это доля добычи жидких углеводородов в объеме общероссийской добычи. Вы видите: график красный достаточно активно растет. Он более скромно выглядит в мировом пространстве пока, но тем не менее также видно, что растет. И этот график показывает очередной рекорд по 2018 году. Вы видите, какой подъем пошел и по России, и по Арктике в целом. То есть Арктика все больше и больше начинает давать углеводородов и для нас, и для всей планеты. И в долях растет доля России. Уже 87% добычи — в Арктике. Это именно россий-

ские углеводороды — 87,5. Соединенные Штаты — 12,5, Норвегия — всего 0,3%.

На шельфе мы также лидируем. Россия за эти годы на шельфе добыла больше, чем все другие страны, — 58,3%. Успешно работают наши проекты.

В прошлом году мы побывали на ряде платформ, в том числе на Приразломной. Получили совершенно свежие официальные цифры. Они, конечно, устаревают с каждым днем. Тем не менее. Вы видите: 120 танкеров на конец лета прошлого года. Сейчас, наверное, уже где-то 140–150 танкеров. 8 миллионов тонн отгружено. И никаких эксцессов пока не наблюдается.

22 года Россия добывала больше половины углеводородов именно в Арктической зоне. Потом пошло некоторое снижение. Последние два года опять пошел рост. Я думаю, что этот тренд будет расти. Опять мы добываем именно в Арктической зоне больше 50% углеводородов страны.

Есть прогноз, что в 2030 году добыча на шельфе Арктики будет порядка 50 миллионов тонн. Это зашло в официальный документ, но это абсолютно несостоятельный прогноз. Дай бог, чтобы мы добывали порядка 13 миллионов вместо 50.

Это карта компании «Роснефть», в которой она сама признается, что технологий для большого шельфа не существует не только в России, но даже в мире. Это красный цвет. А желтый означает, что технологии частично существуют и требуют серьезной доработки.

Платформы, практически на всех этих платформах я побывал, могу вам сказать, что больше 80% оборудования — зарубежное. Я не считаю металл, конечно.

Если говорить о геофизике, самые совершенные суда, вы видите, такие экзотические, треугольной формы, необычные. Собственно, я на них тоже бывал. И больше того, я какое-то время назад был президентом этой замечательной компании по России и СНГ. Это самая передовая компания. Так вот, полтора-два года назад были закуплены два таких судна для сейсморазведки 3D. Слава богу, что их закупили, а не пошли по пути построения таких судов у нас в России. В удачный момент мы купили эти суда. Теперь мы обеспечены, пусть и на сто процентов оборудование геофизическое — зарубежное.

Тем не менее нам надо идти по пути не импортозамещения, а импортоопережения. Вы видите целый ряд разработок новых, которые не имеют аналогов в мире, в том числе атомные подводные лодки с крыльями. Это, в частности, моя разработка совместно с компанией «Рубин».

И проблемы экологические, как всегда. Вот на что нам надо обращать большое внимание. Колоссальные разливы. Брошенные скважины в Арктике. Горели, взрывались сква-

жины на многих промыслах, применялись в том числе атомные взрывы. И эмиссия в этих скважинах продолжается до сих пор.

Сорокин: За одну секунду до звонка закончил. Так, я предоставил слово Анатолию Васильевичу Шевчуку.

Шевчук: Я попытаюсь показать, что наш возврат в Арктику, новое освоение Арктики может столкнуться с тем, с чем мы уже столкнулись буквально 10 лет назад, когда были первые поручения по очистке Арктики, в котором наш институт участвовал.

Три позиции, которые я выделил и с которыми мы будем сталкиваться. Я не претендую на весь охват экологических проблем, биоразнообразия и так далее. Только промышленная экология, и то в части трех позиций. Это огромное накопление прошлого ущерба. Можно говорить о том, что это наследие Советского Союза, военных, неважно. Оно — по всей Арктике, по всему Крайнему Северу.

Проблема, которая остается, мы ее пока не решили, это текущее загрязнение, текущее воздействие на окружающую среду. Далее — это проблема будущих ущербов.

В рамках исследования мы изучили загрязнение устьев рек. Там даже боеприпасы есть, в Якутии 250 судов затоплено в дельте Лены. Я уже не говорю о том, что там 100 000 металла. Мы смотрели в основном Землю Франца-Иосифа, где идет очистка. Дальше были работы на острове Врангеля. Везде примерно одно и то же — металл, бочки, какие-то бытовые отходы.

Очень интересные работы были связаны с очисткой Кольского полуострова. Там поднимали суда, в том числе военного профиля. Интересная работа на острове Белом в ЯНАО.

Есть текущее загрязнение. Тот же «Норильский никель», те же самые углеводородные добытчики, даже просто коммуналка — обычные ТБО в Анадыре, на погранзаставе острова Ратманова. Это наша свалка. И, конечно, шламокопители (ямы, предназначенные для сброса отходов добычи), которые уже расходятся, и загрязнение идет.

Есть надежда, что по новым законам мы все-таки выправим текущую ситуацию. Есть движение. Но есть вопрос, который поднимался и которым, я думаю, нужно заниматься очень активно. Это будущее загрязнение. Вся «красота», которая связана с реализацией наших стратегий, транспортных, по добыче углеводородов, наши военные и так далее. Я сам видел эти объекты на Земле Александры,

но они же 425 объектов построят. Представляете? Больше четырех сотен. Хорошо, молодцы. А кто будет этим дальше заниматься? Кто будет это все ликвидировать? Через 30–50 лет эти все платформы, эти все красивые заводы, в том числе Сабетта, придут в негодность.

Когда мы принимали экспертизу по закрытию никелевого завода, я спросил: «Хорошо, закрываем, а что дальше?» Они говорят: «А теперь 11 миллиардов на его утилизацию». 11 миллиардов! У нас так некоторые отрасли не финансируются. Поэтому огромная задача, какие механизмы выстраивать. Конечно, нужны какие-то стратегические документы с точки зрения экологической безопасности. Пока у нас ничего такого по Арктике нет, к сожалению.

Мы должны все крупные инфраструктурные проекты просматривать на предмет стратегической экологической оценки, чтобы мы понимали, какие последствия могут быть через 10, 20, 30 лет, чтобы наши внуки за нас не подчищали.

Сорокин: Анатолий Ильич Соловьев, действительный член Арктической Академии наук, есть и такая.

Соловьев: В апреле 2014 года была принята Государственная программа социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации. Половина территорий, приходящихся на Арктический регион, — это территории, подконтрольные Российской Федерации. Интерес к этим территориям тоже понятен. За 30 лет зона льдов существенно сократилась. Северный морской путь в сентябре полностью открыт, даже ледоколов почти не нужно, чтобы проводить суда. Естественно, интерес к этому региону растет. И Россия среди стран, выходящих к этому региону, занимает по конкурентноспособности далеко не равнозначное место.

До 1991 года Север жил, развивался, и люди считали за счастье, в моем лице, допустим, когда я получил назначение, служить на Северном флоте, на кораблях, на подводных лодках. Мы получали денежное довольствие повышенное, как и гражданские служащие, мы получали льготы. Затем были 90-е.

В 1998 году была предпринята первая попытка принять закон по Арктике, но Государственная Дума его отклонила. Только в 2008 году в стране вернулись к обсуждению государственной политики в Арктике. Были приняты основы государственной политики. Еще пять лет ушло на то, чтобы принять собственно Стратегию развития Арктической зоны. И только в 2014 году появилась государственная программа. В 2015 году была создана государственная комиссия. Более 50 нормативно-правовых актов сегодня имеют в своем содержании слово «Арктическая зона». Можно трактовать это как то, что важную тему размазали тонким слоем по различным направлениям.

15 января во всех газетах была приведена цитата нашего первого заместителя министра финансов о том, что так четко система и наша работа строятся, пожалуй, впервые. А 18 января встречается президент с премьер-министром, и Дмитрий Анатольевич докладывает: «В соответствии с Вашими решениями Правительство занимается вопросами, связанными с реализацией государственной политики в Арктической зоне. Так получилось, что в Правительстве нет единой структуры, которая бы занималась координацией этой деятельности. Есть правительственная комиссия, я не случайно подчеркнул, которая создана моим решением, но собирается от случая к случаю. И есть предложение создать, ввести в состав Министерства Дальнего Востока, развития Дальнего Востока еще одного заместителя министра, который бы занимался Арктикой».

Думаю, как же так? С 2014 года действует программа. Заглянул на сайт. Нет программы. Потом, покопавшись внимательнее, все-таки нашел страницу госпрограммы, и, как видите, в 2014 году здесь стоит 0,01 тысячи рублей. Понятно, почему она не привлекает никакого интереса. Если нет финансирования, то проблемы можно не решать. В конце концов, в 2017 году была принята новая редакция, деньги выделены. 46 миллионов на текущий бюджетный период. Основные деньги выделены на потом, 44 миллиарда. В этом году из 900 миллионов, которые предназначены по новой госпрограмме, только 140 миллионов были фактически выделены. Бюджет этого периода бюджетного. Вместо 46 миллионов, которые в госпрограмме заложены, всего 16 миллионов на все три года — 2019, 2020, 2021.

И последние две особенности. Когда читаешь программы других государств, они так или иначе заботятся о том, чтобы консультироваться, как развивать территории, с местным населением. У нас это проходит не более чем фоном. Где люди?

Есть проект Закона об Арктической зоне. Приоритет Государственной Думы на текущий период — это переселение народов с Севера в центральную полосу. Но текста закона нет, хотя он прошел в декабре общественные обсуждения. И судя по всему, его ждет та же судьба, что и предыдущие документы.

Сорокин: Евгений Владимирович Буйдинов, заместитель генерального директора по развитию и эксплуатации систем связи Государственного унитарного предприятия «Космическая связь».

Буйдинов: Предприятие у нас небольшое, около 1000 человек, чуть менее. Пять центров космической связи, которые расположены в Московском регионе, в Красноярском крае, Железногорске и под Хабаровском. Мы являемся самым крупным предприятием спутниковой связи в России. Кроме нас еще есть компания «Газпром космические системы», которая тоже обладает собственной группировкой.

Здесь показана общая зона обслуживания наших 12 космических аппаратов. И скажу, что мы обслуживаем не только наши северные территории и территории России, но и предоставляем связь в Антарктиде.

Предприятие достаточно успешное. Мы работаем как на российском рынке, так и на международном. 53% доходов — это у нас валютная составляющая, работаем в 55 странах мира.

По Арктике у нас тоже достаточно продолжительный опыт, более 20 лет мы предоставляем услуги в Арктической зоне. Был реализован проект связи на Шпицбергене для «Арктикуголя» в поселке Баренцбург. Там были построены спутниковая станция, наземная сеть оптической связи, 470 точек подключения, в каждой комнате для работников «Арктикуголь» были предоставлены связь, телевидение и прочее.

Также сеть спутниковых станций развернута в Арктической зоне. То, что мы там делаем, это, скорее всего, не правило, а исключение, потому что работаем мы там на пределе теоретической возможности. Предел работы через спутники — это 80-я широта. Вот у нас одна станция, которая стоит за 80-м градусом. Там уже радиоволны слегка огибают нашу Землю. Это большие сложности в работе с оборудованием, и это заслуга наших профессиональных связистов.

Для того чтобы предоставлять связь на кораблях, в 2012 году мы сделали первый эксперимент и оснастили за свой счет судно знаменитое «Михаил Сомов», которое несколько раз попадало в дрейфы в Антарктике. И оно прошло по

Северному морскому пути и показало, что даже через геостационарные спутники можно предоставить связь на кораблях на 95% протяженности Севморпути.

После этого лед немножко тронулся и большую часть судов ледового класса мы смогли оснастить спутниковыми станциями, которые предоставляют услуги. Самое тяжелое было работать с «Атомфлотом», потому что у них серьезные ядерные объекты. И с допуском туда очень тяжело для установки оборудования.

После того как мы развернули сеть и обеспечили связь в Арктике, мы реализовали коммерческий проект — оснащение рыболовных судов, которые ведут лов рыбы на Дальнем Востоке России. В сеть было подключено более 250 рыболовецких судов, и они прекрасно пользуются связью, потому что компании коммерческие, связь нужна не только в интересах компании, но и морякам.

Наконец-то для нас ситуация переломилась, и теперь при поступлении на суда моряки обращают внимание, есть ли там спутниковая связь и можно ли будет пользоваться связью, находясь в море. Такая ситуация в мире уже была

лет 10–15 назад, там уже все при наёме на корабли, кроме зарплаты, интересовались наличием связи. Теперь у нас это произошло, хотя наш флот, конечно, несопоставим по размерам.

Чтобы решить проблемы в Арктике, если мы смотрим на нашу территорию Земли с геостационарной орбиты, которая расположена в плоскости экватора, видно, что территория России находится под очень малыми углами, ее

практически незаметно. Для того чтобы эту проблему решить, нужно запустить спутники на высокий эллипс, чтобы спутник находился в апогее над территорией России и осматривал ее сверху. Тогда можно будет предоставлять высококачественную связь в самой Арктической зоне.

Нужны 3–4 космических аппарата, в зависимости от типа орбит. Но при этом затраты на группировку очень высоки, учитывая, что из всех видов космической деятельности только спутниковая связь является коммерчески рентабельной и сама себя окупает. После 2014 года, когда тарифы наши остались в рублях, а спутники российского производства подорожали в два раза, потому что там есть элементная база иностранная, срок окупаемости российских космических аппаратов с семи лет растянулся на 14–15. А срок активного существования космического аппарата — 15 лет. Они на грани окупаемости. Когда количество аппаратов увеличивается, то, естественно, окупаемости не происходит.

В рамках бизнес-плана была просчитана востребованность услуг, которые могут быть предоставлены. Они, конечно, востребованы. А теперь, если перейти к эконо-

мике, то при развертывании этой группировки, которая может обеспечить связь в Арктике, необходимо 58 миллиардов на создание космической техники. И это в основном предприятия «Роскосмоса». Вклад коммерческих операторов связи — это 46 миллиардов. 16 миллиардов — это наше предприятие, и 30 миллиардов — частные инвесторы, коммерческие компании, которые вкладывают деньги в предоставление услуг, разработку оборудования, установку и сервисы.

Пока мы три года пробивали с «Россвязью», Министерством связи деньги в Правительстве, наконец нас увидели и, по-моему, включили в план программы «Цифровая экономика России».

Совместно с Московским технологическим университетом связи и информатики мы разработали методику, которая показывает, что эффект от связи в Арктике нужно смо-

треть не в рамках нашего профильного ведомства связистов, а в рамках государственного подхода. Этот эффект был различными тремя методами проверен. Могу только подытожить. На каждый рубль инвестиций для государства мы получили эффект 63 рубля, причем для России расчеты совпадают с теми, что были проведены Европейской ассоциацией спутниковых операторов, которые показывают, что у них один евро приносит 47 евро.

Сорокин: Спасибо. Все-таки, пользуясь случаем и своими прерогативами, спрошу по-простому: мне «Иридиумом» продолжать пользоваться или «ГлобалТелом»? Или ваши-ми? А то у меня как сел спутниковый телефон, так мне пришлось со связи уйти. Иначе бы я вертолет не вызывал. Представляете, что в Москве творилось, когда я со связи ушел?

Буйдинов: Единственная группировка, которая сейчас имеет полярные орбиты, это «Иридиум».

Сорокин: «Иридиум». Все правильно. А вот я сначала шел с «ГлобалТелом» и попал. Ладно. Спасибо. Это важно. Как вообще без связи жить? Юлия Викторовна Зворыкина, член Президиума Экспертного совета Госдумы по вопросам законодательного обеспечения развития Крайнего Севера.

Зворыкина: Я буду предельно краткой и выступлю как тот, кто непосредственно занимается развитием Севморпути и знает последние цифры и новости.

На сегодняшний момент развитие в Арктике характеризуется узким кругом технических и готовых проектов, которые, скажем так, уже получили финансирование фактически. И до 2024 года вряд ли будут предложены какие-то другие решения. Поэтому формирование 80 миллионов тонн (грузов. — Ред.) как задача, поставленная Президентом, реализуется исключительно на тех проектах, которые уже готовы.

Фантазии, к сожалению, в этом случае использованы быть не могут в силу объективных причин. И мы это все понимаем. Сейчас Министерством транспорта совместно с Госкорпорацией «Росатом» подготовлен детализированный план формирования грузовой базы проектов, которые позволяют этот грузопоток обеспечить, и, собственно, потребность во флоте рассчитана для того, чтобы этот проект реализовывать.

Этот план будет обсужден сейчас сразу с четырьмя заинтересованными вице-преьерами. Помощник Президента Левитин уполномочен докладывать непосредственно Президенту о ходе работ по Севморпути. И мы

Северный морской путь

«Комплексный проект развития Северного морского пути» до 2030 г. утвержден Правительство Российской Федерации в июне 2015 г.

5,6

Протяженность пути от Карских Ворот до бухты Провидения
Тыс. км

>>80

Грузопоток к 2025 году
млн т в 8 раз к 2017 г.

=9,7

Грузопоток в 2017 году
млн т +33% к 2016 г.

~1,0

Грузопоток в 90-е годы
млн т

~12

Грузопоток в советское время
млн т

с вами видим, что сейчас прогноз, скажем так, к 2025 году, потому что в 2024 году еще не выйдет «Арктик СПГ-2», и поэтому не будет 82 миллионов тонн. То есть 82 будет к концу 2024 года, а не в 2024 году. Основа — это газ, где-то 42 миллиона тонн, а остальное — это частично нефть. Мы с вами знаем, что нефть из-за попутного газа, добыча будет снижаться, если не будет вовремя реализован проект по строительству газопровода.

Таким образом, есть некоторые колебания по базе. Самая проблемная точка — это, конечно же, уголь, потому что основные наши компании не определились не только с объемами, с флотом, но даже с терминалами. То есть колебания составляют порядка 25 миллионов тонн в год от заявленных компаниями.

Для того чтобы проекты были реализованы, необходим флот. Где-то 80 судов плюс. Они все находятся в разных фазах привлечения. Ряд компаний переводит под российский флаг находящиеся под другими юрисдикциями суда. Например, «Газпромнефть-Ямал».

Федеральный проект СМП в плане развития Магистральной инфраструктуры

82

Грузопоток к 2025 году, согласованная позиция Минтранса, Минприроды и Минэнерго на основе данных представленных компаний
млн. т
(уголь, СПГ и ГК, нефть, медный концентрат, медно-никелевые и редко-земельные руды)

905

Объем финансирования по проекту
млрд. руб.

385

Средства федерального бюджета
млрд. руб.

80+

Перспективная потребность в судах
шт.

ВОПРОС ДЛЯ ДИСКУССИИ

Есть ли перспективы для больших грузопотоков и развития Севморпути?

Крупнейшие компании, работающие в Арктической зоне РФ

- Роснефть
- Росатом
- Совкомфлот
- РЖД
- НОВАТЭК
- Норильский никель
- Востокуголь

Все крупнейшие клиенты Внешэкономбанка как института развития одновременно являются компаниями, реализующими проекты в Арктике. Мы имеем инструментарий как институты развития фактически на всех фазах реализации проекта достаточно успешно осуществить государственную поддержку.

Проблемный вопрос для дискуссии, есть ли перспективы для больших грузопотоков и развития Севморпути? Здесь звучал Китай, звучали наши враги, которые крадутся. Но на самом деле задача значительно шире и более глобальна.

Согласно Парижскому соглашению, будет введен в какой-то момент и, видимо, достаточно быстро глобальный климатический налог. Именно введение этого налога играет нам на руку и фактически делает перевозку по Севморпути не просто короче, а выгоднее по этому параметру. Строим 50 ледоколов, грубо говоря, и все поехало к нам со всех других направлений. И задача тогда будет решена для транзита.

И конечно же, глобальный климатический налог — это дополнительный источник финансирования тех проектов в особых экологических зонах, таких как Арктика и Каспий.

Сорокин: И сейчас опять Совет по изучению производительных сил Всероссийской академии внешней торговли.

Липина: Выступать после таких светил науки для меня большая честь. Нас уже здесь четверо или пятеро представителей СОПСа, мы практически захватили сегодня здание ВЭО. Действительно, СОПС уже более 100 лет, которые существует, занимается в том числе и территориями Севера. Здесь присутствует Александр Николаевич Белясов, который десятилетиями занимался вопросами развития Арктики и Севера. За последние три года мы как Отделение Мирового океана по Арктике сделали очень многое, в том числе работали над проектом по опорным зонам, разрабатывали концепцию создания минерально-сырьевых центров в Арктике, мониторили указ президента, который прописан в стратегии.

Сейчас находим новые рубежи. Вы знаете, что создана Миндаль (Минвостокразвития в просторечии. — Ред.) Арктики. Поэтому, наверное, мониторинг и развитие Арктических территорий. Хотелось бы верить в то, что самое важное — это программная часть развития Арктики, о чем говорили коллеги, наполнялась мало того что мероприятиями, так еще и средствами и деньгами. Пока на сегодняшний день в основном средства идут в Минобороны по программе. И очень мало остается на социально-экономическое развитие.

Вы знаете, что основополагающие документы по реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике, не буду зачитывать, уже были озвучены. И вот что мы увидели. До 2025 года финансирование, как я уже отмечала, идет на проекты Министерства обороны России. Смотрим сейчас мы по грузам и считаем, что до 75–80 миллионов тонн — действительно достижимая цифра. Эти цифры заодно подсчитаны и «Росатомом».

Сорокин: Так. Московская школа экономики, иностранный член Российской академии наук, Владимир Львович Квинт. Правильно я Вас представил, Володя?

Квинт: Московская школа экономики МГУ.

Сорокин: МГУ, да. Прошу.

Квинт: А то мало ли что подумают. Дорогие коллеги, я называю всех людей, которые интересуются Арктикой, моими коллегами. Я там прожил и работал 14 лет. И школу даже там окончил.

Что касается нескольких документов, которые, на мой взгляд, сегодня не упоминались и исключительно важны. Документ первый. В 1976 году была разработана программа развития Норильского промышленного района до 2024 года. Почему до такого года? Потому что в то время именно до такого года хватало утвержденных запасов халькопиритовых руд, поставленных на государственный баланс. И программа эта до сих пор в значительной степени является рабочим документом, для тех, кто не знает. Я периодически бываю на Норильском комбинате, этим интересуюсь.

Второе. В 1980 году постановлением Академии наук СССР была создана экспедиция, экономическая экспедиция по всей трассе Северного морского пути — от Архангельска до Магадана. В этой экспедиции участво-

вали шесть академиков, научный руководитель был Аганбегян, я — начальник экспедиции, участвовали академик Гранберг, впоследствии 20 с лишним лет председатель СОПСА, я был там членом ученого совета довольно много лет. Участвовал академик Нестерихин, член-корреспондент Чичканов, крупнейшие ученые Колесов, Лившиц и так далее. Была разработана по результатам этой экспедиции программа «Арктика», которую рассматривал Президиум Совета Министров СССР, в то время председателем был Николай Александрович Тихонов. Программа, конечно, имеет гриф, но если вы ее захотите найти, я вам советую ее найти. Это серьезнейший документ, многотомный. Советую найти.

Дальше. В 1981 году первая экспедиция длилась 63 дня. Следующая экспедиция — 45 дней вдоль всего Арктического Тихоокеанского побережья с выходом на более южные Командорские острова, Курилы, Сахалин. Но главный акцент был сделан на Восточное плечо Арктического бассейна. Была разработана программа «Дальний Восток», утвержденная первым и последним президентом СССР Горбачевым. Ее судьба, по-моему, не очень веселая, много раз к ней возвращались. Чем закончилось, не знаю.

Из экспедиций последняя, которую я хотел бы упомянуть для тех, кто занимается Енисейским Севером, была экспедиция 1979 года уже не Академии наук СССР,

а Сибирского отделения Академии наук. Я был начальником всех трех этих экспедиций. Ее доклад нашел свое отражение в программе развития Красноярского края на 10 лет. Она была утверждена и долгие годы реализовывалась под названием «Красноярская десятилетка».

Теперь относительно программы 2014 года, забытой. Я в то время был членом коллегии Минрегиона. Вообще, фантазмагория. В самой крупной стране мира ликвидировали Минрегион, интегратор. Но тем не менее там была комиссия по Арктике. Многократно заседала, некоторые люди здесь были ее членами. Я думаю, что для того, чтобы ваши усилия были более эффективными и не протапывать дорожку там, где она была протоптана, надо воспользоваться этими документами.

И последнее, очень коротко. В советское время, особенно под председательством Николая Константиновича Байбакова, регулярно проводились заседания Госпрезидиума Госплана, куда входило много важных людей. Я присутствовал много раз, хотя не был ее членом, меня приглашали. Там принимались документы. Советую их почитать.

Сорокин: Спасибо. Так. И следующий выступающий у нас академик Российской академии наук Виктор Меерович Полтерович.

Полтерович: Когда мы рассматриваем проблемы, связанные с Арктикой, то мы должны учитывать мультипликативный эффект. Термин «мультипликативный эффект» на самом деле многозначен. В самом простом случае это означает, что мы где-то увеличиваем производство, за счет этого на другом предприятии, может быть, в другой отрасли мы используем незадействованные мощности.

И одновременно с этим простым пониманием мультипликативного эффекта есть гораздо более содержательное, на мой взгляд, и сложное понимание. Я бы назвал это второе «мультипликативный эффект в широком смысле», или, может быть, это «синергетический эффект». И речь идет о том, что мы должны рассматривать совокупность проектов, касающихся разных, может быть, отраслей народного хозяйства, и оценивать их совместно. И только в этом случае мы можем действительно рассчитывать на эффект. Это относится ко многим задачам хозяйственного развития. И в Арктике это проявляется очень явно, очень сильно.

Вот для меня задача совместного проектирования в нескольких точках производственного графа, совместной оценки этих проектов — это задача индикативного планирования. Современное индикативное планирование, на мой взгляд, должно быть устроено именно так. И если мы принимаем эту точку зрения, мы должны иначе смотреть на то, что называется государственными программами, как бы они там ни назывались.

Программы эти на самом деле чаще всего не выполняются. В общем, эффективность всевозможных программ крайне низкая. Это сейчас общепризнанно. На мой взгляд, суть дела именно в том, что они недостаточно структурированы.

Если мы рассматриваем программу, скажем, развития Арктики как совокупность проектов, при этом эти проекты

хорошо просчитаны, их совокупный эффект оценен (а в методах оценивания совокупности проектов, хотя они не на поверхности лежат, есть значительный задел), в этом случае мы можем рассчитывать на эффект.

И второе, очень важное условие. Такого рода программы должны быть результатом совместной деятельности государства, бизнеса, банковского сообщества и общества в целом. Вот только в этом случае — при отборе проектов, при их реализации государство координирует действия всех этих сил (это вовсе не означает, что государство должно делать наиболее крупные вложения). Это может быть помощь самыми разными способами — гарантиями кредитов и другими. Но важно, чтобы бизнес-сообщество и общество в целом, гражданское общество было вовлечено и понимало выгоды, взаимные выгоды от совокупности проектов.

Сорокин: Спасибо, Виктор Меерович. Заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Александр Александрович Широв.

Широв: На мой взгляд, проблема состоит в том, что, к сожалению, пока вопрос развития Арктики носит такой девизный характер. Да, в указы президента попала цифра объема перевозок по Северному морскому пути. Кроме того, понятно, что там реализуются некоторые проекты оборонного характера. Но целостной стратегии или понимания того, что там будет происходить в ближайшее десятилетие, у нас нет. И связано это, на мой взгляд, с тем, что, к сожалению, и это нужно признать, в стране практически утрачена культура этого комплексного пространственного социально-экономического анализа и прогнозирования. Остались отдельные островки такого рода деятельности.

В частности, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН продолжает этим заниматься, есть СОПС (Совет по изучению производительных сил РАН и МЭР). Но в целом, еще раз, такой системы, которая увязывала бы между собой развитие стратегии пространственного развития государственного масштаба с деятельностью соответствующих институтов, нет.

А наши расчеты показывают, что в последние 3–4 года региональный компонент экономического роста вносил лишь отрицательный вклад в динамику экономики. То есть

несмотря на то, что можно предпринимать эффективные действия на уровне макроэкономической политики или даже какой-нибудь структурной политики, эти диспропорции развития, которые возникают у нас на региональном уровне, тащат нас назад. И в Арктике, и в тех регионах, которые имеют эту северную компоненту, это в наибольшей степени проявляется.

И здесь у нас какие варианты? Можно опираться на систему стратегически важных регионов: Калининград, Дальний Восток, Арктика, там Кавказ, наверное, и, соб-

ственно, делать стратегии для них. Но все это будет неэффективно, потому что невозможно создать такие стратегии для отдельных регионов, которые бы порождали те самые мультипликативные эффекты, про которые здесь тоже много говорилось. Нужна единая стратегия регионального развития, пространственного развития, где Арктика будет естественным элементом.

Проблема мультипликаторов. Все то, что я понимаю про расчет мультипликаторов, и простых, и сложных, про которые говорил Виктор Меерович, это все-таки проблема распределения доходов. То, что регионам арктическим не достаются доходы, это не проблема мультипликативных

эффектов, они есть. Просто доходы распределяются таким образом, что этим регионам ничего не достается. А система кооперационных связей в экономике настолько слаба, что не формируются новые дополнительные элементы формирования этих самых доходов.

То есть, с одной стороны, у нас неэффективна система распределения и перераспределения доходов. А с другой — у нас таких стадий распределения доходов очень мало. Нам нужна более сложная экономика. И более сложная экономика в Арктической части России. Если это будет, то это будут доходы, которые получают регионы. И мы получим от этого дополнительную компоненту регионального экономического роста.

Сорокин: И мы подходим практически к заключению.

Порфирьев: Наверное, вопросов поставлено было больше, чем дано ответов, что совершенно естественно. И тут может быть несколько соображений, которые связаны,

навеяны выступлениями, и прежде всего отличным докладом Валерия Анатольевича.

Все-таки главная проблема, об этом очень хорошо сказал Виктор Меерович, проблема разрывов территориальных, разрывов межотраслевых. Мы это видим, четко ощущаем. Может быть, это для всей нашей экономики характерно, но в Арктике ощущается наиболее болезненно этот отрыв. Это противоречие — одно, может быть, из центральных, когда в огромном стратегическом регионе, если внимательно посмотреть, по сути дела, за исключением военной составляющей, в общем-то доминируют корпоративные, а не народнохозяйственные интересы. А ведь их нужно привести в баланс. Там должны быть задействованы все игроки, включая, конечно же, и коренное население, без которого на самом деле построить экологически адаптированную экономику мы вряд ли сумеем. Это доказывает опыт не только нашей страны, но и зарубежных стран, которые живут в других совершенно климатических режимах.

Конечно, та проблема, о которой сказал Александр Александрович, это проблема распределения доходов. Действительно, что такое Арктика? Арктика у нас, если ее охарактеризовать в макротерминах, это экспортно-ориентированный регион, в том смысле прежде всего, что из него вывозится не только за рубеж, а вообще за пределы региона. И если посмотреть, сколько туда возвращается, что там ни выстраивай, при таком распределении, как говорится,

так мы слона не продадим никогда.

И отсюда напрашиваются и подходы. Поскольку такой колоссальный регион, то должны быть макрорешения. Мы с моим учителем и коллегой, много работая по этой теме, с Владимиром Николаевичем Лексиним, называем это переосвоением Арктики, потому что освоение уже было, и этот опыт освоения Арктики, кстати, многому нас учит и в отрицательном, и в положительном плане, подталкивает к решению, что должны быть не программы и не серия проектов, должен быть мегапроект. Арктика должна стать мегапроектом, увязывающим в себе целый набор решений, друг с другом сопряженных и территориально, и в отраслевом плане. И конечно, как говорится, большому кораблю должно быть большое плавание.

И в этом смысле очень показателен тот опыт, который Андрей Владимирович сегодня затронул. Я имею в виду китайский опыт. Он рассказывал о том, как китайцы торят свой путь в Арктику.

И я хотел бы обратить внимание на этот проект, так называемый «Один пояс, один путь». Как он устроен и что это может дать Арктике? Ведь это же довольно любопытная штука. Этот проект считается личным проектом Си

Цзиньпина. Он, грубо говоря, за него отвечает, это его фишка. Если проект провалится, провалится Си. Он так ставит этот вопрос. Это очень показательно.

Второй момент. Центральная роль государства в организации управления. При председателе КНР создана специальная руководящая группа. И то, о чем говорил Андрей Владимирович, — центральная роль государства в финансировании.

Какие из этого вытекают уроки? Прежде всего, это предопределяет гигантские масштабы. То есть возможен такой мегапроект с действительно колоссальными ресурсами. Что такое «Один пояс, один путь»? Это почти 900 проектов или более 900 проектов стоимостью триллион долларов. Еще предлагается вкладывать в те страны, через которые проект пройдет, почти 4 триллиона.

Мне кажется, что если с этих позиций посмотреть

на наши задачи в Арктике, то этот мегапроект, о котором я говорил, мне кажется, что он должен быть повышен до статуса президентского. Это должен быть личный, так сказать, проект, учитывая те особенности, которые есть. Это, конечно, позволит очень много решить и закрепить за Россией роль мировой арктической державы. Просто мы должны помнить, что все-таки Арктика — это примерно 12% нашего ВВП, Это примерно 60%, чуть больше, процентов ВВП полярного. Про геополитические вещи, связанные с торговлей и с военными делами, говорить не будем.

В связи с этим, конечно, должна быть проведена переоценка существующих программ. И управление тогда будет выстроено не таким образом, как сегодня. Это должно быть все-таки управление того, кто знает замечательный механизм стратегического планирования программно-целевого управления, так, как он реализовался, как он реализовывался и реализуется в классическом виде. То, что, как говорится, делалось неоднократно и в советские времена, и в другие времена.

В этом смысле, конечно, те проекты, которые сейчас существуют, те же девять опорных зон — наверное, это вещь полезная, но они не решают этой проблемы. Тем более что они внутри не все до конца продуманы, и взаимодействие между ними тоже не особенно четкое. Разные они совершенно.

Еще, когда мы говорим об Арктике, не надо забывать, что это глобальная эколого-климатическая система. Это кухня погоды, это не только экологические проблемы, но

и климатические. Мы должны точно понимать, за что мы там отвечаем.

И в этой связи, кстати, я хотел бы тоже все-таки коснуться углеродного налога в связи с нашими транспортными проблемами. Я хочу сказать: аккуратнее с этим надо. Там много чего нехорошего. Этот углеродный налог в Парижском соглашении, прошу прощения, отсутствует. Нет там ничего про углеродный налог. Не нужно нам тянуть рака за камень. Мы себе можем привезти очень большие проблемы. Надо нам решать конкретные проблемы, которые у нас существуют.

Сорокин: Спасибо, Борис Николаевич. Ну что, коллеги. Мы подошли к завершению. Если у кого совсем горит, одну минуту могу дать. Но минута. Давайте. Минута пошла.

Грузинов: С тем, что происходит сейчас в Арктике, мы уже сталкивались. К 2002 году исчезли и Госкомсевер, и комиссии при председателе Правительства. Сейчас у нас происходит примерно такая же ситуация. Мы практически ушли из Арктики. Мы не проводим ни одной экспедиции сейчас в Арктике. Сейчас немецкий ледокол «Поларштерн» собирается туда, там будут, сменяя друг друга, работать 600 ученых. Нам выделено там всего два места. Надо этим заниматься.

Второе. Северный морской путь, мы должны понимать это, работает только в своей западной части. Восточная часть не работает. И даже в том проекте грузопотоков, который только что рассматривался на совещании у председателя Правительства, транзит обозначен 5 миллионами тонн. Это из тех 80, которые планируются. Так что и не предполагается, что восточная часть будет работать. Надо принимать меры.

И последнее. В 2002 году мы с Чилингаровым предложили (все, я заканчиваю) провести Международный полярный год. Не столько для того, чтобы проводить исследования в Северном Ледовитом океане, а для того, чтобы обратили внимание на Арктику и организовали соответствующие структуры. И нам удалось решить эту проблему.

И нам удалось решить эту проблему. Я думаю, что-то подобное нужно придумывать и сейчас. И это притом что у нас ежемесячно идут бесконечные конференции по Арктике. В декабре была в Санкт-Петербурге, сейчас заседала, в феврале, в «Президент-отеле» будет конференция, в апреле, с 1-го по 9-е, в Санкт-Петербурге — «Новые территории диалога». Так нельзя.

Сорокин: Спасибо. Понятно. Все. Заключительное слово, как всегда, нашему докладчику. Пожалуйста, Валерий Анатольевич.

Крюков: Спасибо, уважаемые коллеги, соратники, за дополнения, за благожелательное отношение. Но мне

кажется, очень емко и очень содержательно то, что я хотел сказать, сказал Виктор Меерович, что Арктику надо рассматривать во взаимосвязи, взаимообусловленности с теми проблемами и с теми направлениями развития российской экономики, над которыми мы должны работать.

Арктика сама по себе — это, так сказать, фантазия. Без взаимосвязи, без синергии, без взаимодействия поднять, реализовать ее невозможно. И в основе этого не только и не

столько программы и комитеты, сколько очень банальные, простые подходы, связанные с управлением природно-ресурсным потенциалом. Управление процессами лицензирования, контроля и мониторинга прав пользования

природными ресурсами. Это опыт Канады, Аляски, Норвегии, Гренландии сейчас. У нас до сих пор этого нет. У нас есть изолированные проекты, которые ориентированы, как говорят специалисты, на добычу, без анализа тех цепочек и тех взаимодействий, которые они вызывают и которые они могут дать.

Пора от этой примитивной и ресурсоориентированной экономики в самом таком первоначальном понимании отказаться. И мне представляется, что реализация арктического проекта на этой основе — это хороший повод для того, чтобы нам эту проблему поставить остро, по-серьезному и продвигать вместе.

Сорокин: Спасибо. Судя по той дискуссии, которая была, по остроте поднятых вопросов, мы в очередной раз выбрали правильную и нужную и нам, и обществу, и стране тему. Спасибо всем участникам.

В заключение просто хочу сказать. С конца 70-х годов почти каждый год я эту Арктику на лодке, пешком проходил. Проблемы Арктики возникли не сегодня. И то, что происходило при советской власти на Арктике, и бочки эти валялись на Ямале тогда, избивались северные народы, и шел туберкулез там по Арктике, по северным народам, я это знаю, я в этих поселках жил и был каждый год практически, практически каждый год. И поэтому болит тоже, личный интерес к этой теме, болит душа.

Но, к сожалению, голос научной, интеллектуальной элиты звучит вот здесь, на наших конференциях, и не выброшен в общество.

Арктика — это проблема не Арктики, это проблема России. Мы так и написали: вызов для России. Наверное, надо подумать, что позицию академическую научного сообщества в целом, в том числе через сетевые современные организации научного сообщества, мы должны вбросить в средства массовой информации как острейшую проблему.

Dmitry Yevgenievich Sorokin,
Vice-President of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Valery Anatolievich Kryukov,
Director of the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor at the National Research University of the Higher School of Economics

Andrei Vladimirovich Ostrovsky
Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Pavel Andreevich Gudev,
Leading Researcher of the Sector of International Organizations and Global Political Regulation of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economics

Anatoly Vasilyevich Shevchuk,
Member of the Board of the VEO of Russia, Director for Ecology and Environmental Management of the Council for the Study of Productive Forces, Professor at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics, Professor.

Anatoly Ilyich Solovyev,
Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Member of the St. Petersburg Arctic Public Academy of Sciences,

Yevgeny Vladimirovich Buidinov
Deputy General Director for the Development and Operation of Communications Systems of the Federal State Unitary Enterprise Cosmic Communications

Yulia Viktorovna Zvorykina,
Director of the Institute of Research and Expert Reviews of Vnesheconombank, Member of the Presidium of the Expert Council on Legal Support for the Development of the Regions of the Far North of the State Duma of the Russian Federation, Doctor of Economics

THE ARCTIC: CHALLENGES FOR RUSSIA

Svetlana Arturovna Lipina,

Deputy Chairman of the Council for the Study of Productive Forces of the All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of Russia; Chief of Research Laboratory of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics

Vladimir Lvovich Kvint,

Head of the Financial Strategy Department, Moscow School of Economics of the Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Professor

Viktor Meyerovich Polterovich,

Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Laboratory of Mathematical Economics of the Central Institute of Economics and Mathematics

Alexander Aleksandrovich Shirov,

Deputy Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Member of the Board of the VEO of Russia, Doctor of Economics

Boris Nikolayevich Porfiryev,

Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Economic Forecasting

Vladimir Mikhailovich Gruzinov,

Vice President of the Polar Fund, Deputy Research Director of the N.N. Zubov State Oceanographic Institute

Sorokin: Today we are holding a round table on the topic “The Arctic: Challenges for Russia”. First of all, we’ve invited specialists who deal directly with the problems of the Arctic. To be clear, the round table host is also directly involved with those lands. The jacket I’m wearing, and I’m very fond of it, has a sign that says I am a participant of the International Polar Year program and that I traveled to the North Pole with a scientific expedition. You understand that at the North Pole, a scientific expedition has little use for an economist, and, honestly, I just washed dishes there. But they said I did it well. I’m deliberately wearing what I received during my many years stint in the North. This is the civilian award for bravery the Yakut government gave me. It is a gift from gold-diggers in the Oymyakon district with a real nugget built into it. I am proud of this badge, because, while there are many academicians and corresponding members of the Academy of Sciences, none of them has the status of an honorary citizen of the Bulun Ulus of the Sakha Republic (Yakutia). And when metro opens in Tiksi, I will ride it for free thanks to the badge.

So, let us proceed. What I want to say at the beginning is quite simple. Today, the Arctic is in the media spotlight. Yesterday, I believe, Rossiyskaya Gazeta ran a huge interview devoted to the Arctic. Certain administrative changes took place recently, and all the Arctic-related matters were relegated to the relevant ministries. In general, there is no doubt that the Arctic means a lot of economic, geopolitical, social, and other problems. Let alone serious environmental problems. Therefore, we've assembled specialists who have been directly involved with those problems.

I just want to say that when I looked at the list of invitees, I went cold, because the number of specialists who showed up, the number of speakers is greater than we can accommodate, but we cannot deny them the floor. But it's impossible for all of them to speak, because we must close at 17:20, and there's no way around it. But in this case we have not just two, but as much as three possibilities to allow everyone to speak.

The first possibility is that a journal will be coming out. And those who wanted to speak on the topic, but were unable to, can submit an article. The former Mayor of Tiksi, now retired, just called me yesterday, and he says: I want to write a piece for you. And he will be submitting an article.

Second: The Arctic turned out to be a very serious problem, I wasn't even aware of that, but now I know. Two very large and serious conferences will be held at the Financial University: one in April, the other one in May. In May, there will be a large international conference with the participation of the countries of the Asia-Pacific region which are actively becoming involved with the Arctic, and today we will touch upon this issue. Is Mr. Ilyinsky present, I do not see him.

Ilyinsky: I'm here, Dmitry Evgenievich.

Sorokin: He is the dean of the International Finance Department, who, we shall say, is responsible for both of those conferences. There is an information letter for those who wish to read it. And we invite everyone to attend those conferences. The more so, I repeat, as there are professionals here who will be interested in hearing what the speakers have to say.

Once again let me remind you we will be very strict about the procedure, because time is short, even for those who have been chosen as the speakers, we must try to get everyone to speak.

I am very grateful to my colleague and comrade, Valery Anatolyevich Kryukov, Director of the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Professionals know that institute very well. A Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Valery Anatolyevich Kryukov came from Novosibirsk to make this report.

He and his institute have been dealing with those problems.

And we agreed he would make an opening speech. Valery Anatolyevich, please take the floor.

Kryukov: Good afternoon, dear colleagues and companions-in-arms. I call you companions because I think that not one of you is indifferent. I have a very important and difficult mission here, to represent the Arctic at the Free Economic Society.

The Arctic is diverse and multidimensional, and there are a lot of problems relating to the development, study, promotion, and understanding of the Arctic. I will talk more about the economic side of things, i.e. what economic problems, economic challenges and approaches can be implemented, and how this problem is viewed not only from the Siberian Branch of the Academy of Sciences but also from other parts of the world.

Not only do I work at the Institute, I also teach at the Higher School of Economics. I've been joined today by the co-authors of my report, graduate students of the Higher School of Economics. I am a member of the Norwegian Polar Research Academy in Svalbard, I have been working for many years with the Fridtjof Nansen Institute in Oslo, which is located on Nansen's estate. What I will be speaking about is, in a certain sense, the quintessence of what our dear colleagues, the authors, presented in the ECO magazine, of which I am the editor-in-chief. Dmitry Yevgenievich, I'm giving you a three-volume edition as a gift. Eighty-three articles on the Arctic. Many of the authors are present today. This is an anthology of economic views on the problems of the Arctic. There is also a similar anthology on the Russian East. And here are the latest issues of the ECO magazine. The latest issue is devoted to regional spatial problems of the Arctic and the Russian East, whose problems are interrelated. I'm happy hand them over to you.

Sorokin: Valery Anatolyevich, of course I'm grateful for that. But let me tell you straight away: I'm sorry but you should know I will not be able to accept your gift personally, it will be sent to the scientific library of the Free Economic Society. Will you be able to bring me those issues later, Valery Anatolyevich?

Kryukov: I will. So, I'm well aware of the difficulty and the importance of presenting the views on economic problems. This is my first appearance here, on the podium, in front of my fellow economists at the Free Economic Society. I wanted to understand what the Society was about and what it was supposed to do in the first place. And I was excited by the fact that its task was to combine the "mutual benefits of the scientists and those who make use of discoveries and ideas". At first it meant agriculture, and then the integration of various cities and areas, research, support, and implementation of particular areas of research.

Geographically, the Arctic is our area of interest. What I will talk about and what I will focus my attention on is the Arctic economy, its general features, main components, the features of

the Russian Arctic economy. Mechanisms and procedures for the modern economic approach, and what challenges have arisen. I entitled the report: “Arctic Economy. Is Harmony between the General and the Particular Possible?” It seems to me that many of those issues revolve around the problems that are associated with particular projects and particular tasks.

Overview of the Arctic economy

Arctic combines all kinds of challenges: global, military-strategic, social, natural resources-related, and ethnographic — a whole range of problems. The recent surge of interest is mainly associated with climate change, changes in the distribution of geopolitical roles, and the emergence of new players. In my opinion, this is not only and not so much as a resource problem. The interest in the Arctic is associated with a whole range of interests that go beyond purely economic ones.

However, in my opinion, the following economic factors are important. There are general economic features that are true for all types of economic activity — like, for instance, a comparison of costs and benefits and an assessment of the effectiveness of certain decisions related to the use of labor, capital and other opportunities that any economic agent has. Especially important is the considerable remoteness which results in longer turnover periods of financial resources, the lack of local markets where you can sell things and from where you can draw certain resources, certain production factors.

The role of environmental issues is significant. It is the vulnerability of the Arctic environment, long reproduction and recovery cycles, and, as I have already noted, a considerable impact of geopolitical factors and circumstances which are connected to both cross-border and general political relations. The fact that India, South Korea, Japan, China, i.e. countries located far from the Arctic region, all have serious Arctic programs, projects, areas of research, is self-explanatory.

The history of economic development of the Arctic

The traditional economy of the Arctic functions according to the same principles and laws as the subsistence economy in any other part of the world. It is an economic activity related to the way of life of the indigenous peoples of the Arctic North, which formed unique cultures and approaches to economic management. The uniqueness, rationality, and viability of their culture have been truly understood only recently, when we have come face to face with new destructive phenomena related to climate change and socio-demographic processes.

Many Russian researchers, including my esteemed teachers in Novosibirsk, worked in this area. I believe the aspects of this trend were first thoroughly analyzed by the Canadian researcher Harold Innis, beginning with his early work *Fur Commerce in Canada*. That book came out in the 1920s, and the author analyzed the place and the role of the most important product and examined how the activities related to the promotion, development, and production of certain economic results had been implemented.

A decisive rule was associated with the most important product, which consisted in a gradual transition from one unique source of the product to another. That is, from one type of natural resource to another, from one field to another. This process was continuously unfolding. But what we see today is that every geographical location is quite accessible but the best sources are becoming fewer and fewer. New problems have arisen that necessitate a revision of approaches to development and interaction.

I believe the rent-related problem of this process is that it is improper and wrong for the state to appropriate all the extra income gained from the development of Arctic resources because the costs and obligations associated with land remediation and restoration, and the winding up of the economic activity that has come to an end are extremely cumbersome.

We are currently facing such problems. There are production facilities left by Gazprom, which are being abandoned by oilfield workers, and those left by our mining companies. When the matter of their removal is raised, the first question that pops up is: where would we get the money? We have no money. Nevertheless, there are procedures, certain financial and economic institutions, liquidation funds — they exist, they function, they interact according to certain principles and rules. Such practice has been tested in several countries. And we, apparently, need to follow this path and search for a mutually acceptable model for the implementation of such financial and economic mechanisms associated with the transition from one field to another and with the elimination of the consequences of conducting such economic activity.

From planning to market

It is important to keep in mind that each economic system has its own production apparatus. It is true for both the market economy and the central planning economy. It is very important for Russia, because over the 70-year history we have built a certain production apparatus which imposes particular limitations and obligations. Changes in the economic system and development targets inevitably lead to changes in the organizational framework. Within the framework of stable and sustainable organizations that arose decades ago it is currently impossible to implement processes at various phases and stages of resource development or to solve problems that arise in the Arctic and, generally, in a resource economy.

So what were the main stages? During the period until 1930, development was driven by a generally accepted economic model focused on the utilization of natural resources by private capital. Those were the best sources of development which provided additional income and compensation for transportation needs, remoteness and possible risks. After 1930, the model functioned on the basis of unconditional participation of the state, public investment, and the prescribed ratio between prices and tariffs. It is a fundamental point. It is impossible and wrong to view many of the projects and undertakings that are being implemented in the Arctic within the framework of the pricing and financial proportions and ratios that have taken shape in different economic circumstances. We must carefully look at the relationship between the cost of production factors and the organization of projects.

At that time, the main focus was on guaranteed sales — the problem of sales did not arise, on identifying and introducing uniquely effective natural mining sites and transforming the civilizations of Northern people into accepting planning practices.

It would seem that this is strange. Nevertheless, I believe it is especially evident now if you look at the Yamal Peninsula: when we abolished the planning system and the system of development programs for the indigenous peoples' economy, they were replaced by spontaneous market. And what do we have as the bottom line? Excessive livestock production in the Yamal Peninsula is approaching 200,000 deer. The Yamal tundra, judging by the lengthy studies of the tundra which began in the 19th century and continued in the first third of the 20th century, can accommodate no more than 450,000 head of cattle. Now there are 700,000-750,000 head. Reindeer mosses disappear, diseases spread. Nature turns on emergency feedbacks.

At one time, indigenous knowledge was transformed into the activity of planners or organizations that were involved in

planning. Now there is no indigenous knowledge, there is no planning, and the system for regulating economic activity is entirely focused on market indicators which are connected with demand, primarily for reindeer antlers, on the part of Southeast Asian markets. The bottom line is exactly what I have said. The problem of integrating the understanding of environmental conditions that the indigenous peoples have developed into the modern market system (which also applies to many other environmental problems) is an extremely urgent task.

Dependence on the past

What have we got as a result? I called it “the dependence on the past.” It is the focal character of development (only those places were developed where highly efficient resources were found to exist). The extremely high urbanization levels in the North and the Arctic. The unique production and technological complexes and systems designed for a peak production level. No one asked or pondered what would happen next, such questions were put aside for later consideration.

After the switch to a coordinate system based on market signals, the inefficiency and inexpediency of supporting many of the projects become apparent, as we can clearly see; there is excessive employment and redundancy of many population centers and mono-settlements. The Arctic region has lost dozens of settlements, which are now abandoned. The problems of land remediation, neutralization, rehabilitation of territories have been postponed. The mechanisms which ensured the functioning of the economies of the indigenous peoples of the North and the Arctic have been destroyed.

Since, as I’ve said, the development system was based on large-scale projects, we’ve ended up with a lot of problems being postponed for later. At the same time, the continuation of work on these projects has gradually become more and more difficult, the problem of risk sharing has become exacerbated, companies insist on benefits, preferences, on changing the existing principle of interaction with the economic and financial environment, which, in turn, results in additional risks. The problem of adapting regulations is becoming more urgent. It is necessary to change the rules, it is necessary to change the approaches that would take into account those dynamically changing circumstances of economic activity.

Large gas fields no longer exist. Now any field whose reserves amount to hundreds of billions of cubic meters is considered large, which is a far cry from the amounts that were processed in the 1970s. Consider the Medvezhye gas field in Nadym, which has been decommissioned. There is a problem of land remediation, neutralization and re-classification, and of bringing the tundra to its original state. Gazprom has no money

for it. But if you look at and assess the potential of this land restoration economy, the demand is enormous. What resources and what procedures of interaction between the economic entities of the state and the economic system should be used? This question remains open in Russia.

Arctic high tech

The most important task is to increase the high tech content at all stages and for all types of projects. The increase in complexity makes it necessary to beef up the intellectual component: nothing but knowledge. Here it is impossible not to recall Grigoriy Agranat, who had been writing a great deal since the late 50s about special equipment for the North, about special approaches. It is still relevant. Staffing, high-tech support, changes in the roles of different types of companies. There is no single universal technology, facilities are becoming more diverse and widely scattered. It necessitates constant scientific monitoring and support, interaction between the scientific and production environments during the implementation of such projects.

Hence, the most important condition is joint participation of multiple companies in the implementation of projects. I believe the solo-player principle to be ineffective, impracticable and inadequate from the point of view of the circumstances one has to face in the Arctic. That's exactly how Canada's success was achieved. Science and constant scientific support are essential in dealing with the problems associated with the development of natural sources.

Arctic diversification

Can we talk about diversification of the economy in the Arctic? Sure you can. But it is necessary to take into account the fact that the possibilities of diversifying the economy in the high latitudes of the Arctic region are more than limited. There is economic diversification, which brings about new types of activity, and there is financial diversification — the state of Alaska and the state of Alberta have been following that path.

We have a problem with direct diversification. Consider the Urengoy gas chemical facility. It irrevocably lost its equipment worth billions of Deutsche Marks (as the currency was called back then), the plant has yet to be launched, and every year Gazprom promises to launch it. This is due to the fact that the decision to launch the project was made in the circumstances that existed at the end of the 1980s and the beginning of the 1990s. In the new economic situation, within the new economic system, this project, apparently, can hardly be implemented as originally intended.

Of the direct diversification projects associated with the

development of gas supply systems and LNG production, only a single one, Finnmark, has been implemented so far, and the Yamal LNG project is nearing full implementation. It has reached its design capacity and began functioning, and the next stage is already being discussed. But it is not just diversification and not so much so as the logical development of the processes of extraction and preparation of hydrocarbons for transportation and sale in the changed financial and economic conditions. Financial diversification is possible if there is a significant financial inflow, plus a developed financial market. But so far those conditions have not been adequately met in Russia.

An old problem that arises in the Arctic is the problem of spatially distributed value chains and implementation time for companies that operate those projects.

What is the Arctic for?

This is the main question to be answered. In the economic sense, the Arctic is needed not only for the development of its area. The projects that are already being implemented and those that can be potentially implemented have a tremendous multiplier effect for the rest of the economy. They should be considered and evaluated on the basis of interrelations in a wider system, within the framework of the Russian economic space. Now, unfortunately, this project-based multiplier works in a peculiar way.

We have been buying sophisticated technological equipment for the Yamal LNG project exclusively abroad, mainly from West Germany and South Korea; from there it is transported via the Ob river. At the same time, the Korean colleagues have shown that the Northern Sea Route and the development of the Arctic region cannot be sustainable without building stable, sound and mutually beneficial ties with internal regions of the Russian Federation, primarily the ones located south of the Arctic region.

What have we encountered? What is important in terms of project implementation? It's not a local efficiency assessment at the extraction site, it's a project assessment based on spatially distributed value chains with which the project is associated. We have not been registering those.

Take the Big Ekofisk field in Norway. It has been publicly monitored, it has been assessed for its social value and social benefits and effects that the state can receive from the implementation of projects. Goods and services, salaries, loans, dividends, and how much the state will receive — everything is taken into account. That is, all the effects that a project may have in terms of development of the national economy.

What have we got in terms of projects that are being currently implemented? Consider Vankorneft, a project in the north of the Krasnoyarsk Krai with a high degree of readiness, which has already reached the stage of declining production. The Krasnoyarsk Krai has a

4-7% participation in the project. That is, the project has no multiplicative effect on the development of high-tech industry or mechanical engineering. Similarly, the Yamal LNG project has no effect on the implementation of projects related to cryogenic engineering in the city of Omsk.

Features of multiplier effects: they weaken as we move from east to west, the multiplier effect is the greatest for business services, electricity production and distribution. In Norway, such products have the most substantial impact on research, development, machinery and equipment. With production of about 160 million tons of oil equivalent, Norway supplies machinery, equipment, and high-tech services worth approximately \$70 billion annually. It's all based on social value.

It's easier said than done. When working in this area, it is advisable to focus more on your experience and traditions, to separate science from the sphere of business development, to establish clear priorities for the development of science and innovation, to ensure proper government support for priority areas with a reasonable level of bureaucratic intervention.

YAMAL LNG: WHO IS IN CHARGE?

Financing — China, France.
Technical management — France.
Project integrator is a Serbian company.
Location — Russian Extreme North.
Consumers — China, Japan.
Technologies — Europe.
Equipment — China, Europe, Japan.
Tankers — Korea with Norwegian equipment.

That is, the project has done nothing in the sense of providing a multiplier effect for the development of the Siberian economy, the Eastern economy or the Russian economy. The construction of a platform manufacturing center is planned in the Murmansk Bay, but again it's only a foundation, it is not a high-tech activity.

Arctic economy today

The Arctic is not entirely about hydrocarbons. It is so rich it constantly offers us new opportunities, new types of mineral resources. They include rare earth metals, new abrasive materials associated with asteroid-impact diamonds in the Popigai crater. The Tomtor rare metal field is one of the largest sources of rare earth minerals. Three years ago, the price of all components extracted from a ton of ore was approaching \$11,000. Compare it with the price of oil. But there is a problem — that niche is occupied by China. And we have no domestic demand. How to deal with this in the absence of domestic demand and how to penetrate the market? Apparently, it is necessary to develop our economy, integrate Arctic projects into a common framework of economic and structural policies.

Are the modern economy and the arctic economy compatible? They are quite compatible, but such compatibility requires flexibility in all areas of development, adoption and implementation of decisions. If there is no market, if there are no indicators, blockchain or big data can be used, the opportunities currently provided by data management systems as the demand for high-tech materials increases.

I would probably end my speech at this point, were it not for one more important point — many decisions have been orientated towards simplicity, apparent lack of corruption, and perceived efficiency. It is necessary to build approaches based on the principles of joint participation and actual involvement of members of regional and local communities, review of projects and initiatives for the development of economic activities and resolution of social and economic problems.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

«ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА», 1863 Г., Т. 4, Ч. 4

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

**Главные условия, которым должна удовлетворять
сеть железных дорог в европейской России.
Сеть, начертанная, ввиду этих условий, Главным
управлением путей сообщения.**

«Труды Императорского Вольного экономического общества» за всю историю существования общества хранятся в Научной библиотеке ВЭО России (Тверская, 22а), а также на сайте veorus.ru.

В журнале путей сообщения помещены весьма интересные сведения о составленном Главным управлением путей сообщения сети железных дорог европейской России, причем выяснены условия, имевшиеся в виду при составлении упомянутой сети. Сообщаем здесь, в извлечении, эти любопытные соображения.

**СЕТЬ ГЛАВНЫХ ЛИНИЙ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ДОЛЖНА УДОВЛЕТВОРЯТЬ
СЛЕДУЮЩИМ ГЛАВНЫМ УСЛОВИЯМ:**

- 1) Открыть произведениям земледелия и скотоводства юго-восточной, южной и юго-западной частей России кратчайшие пути для сбыта к главным портам Балтийского, Черного и Азовского морей, а именно: к Петербургу, Риге и Либаве на Балтийском море; к Одессе, Севастополю или Феодосии — на Черном море, и к Таганрогу — на Азовском море, или к Ростову, близ устья реки Дон.
- 2) Учредить кратчайшее сообщение плодородного юго-востока, юго-запада с северо-западными губерниями, часто нуждающимися в средствах продовольствия.

- 3) Связать со столицами между собою главные центры населения и, между прочим, дать ближайшее сообщение Киеву, играющему важное политическое и военное значение, с Москвой и Петербургом.
- 4) Обеспечить всю систему железных дорог топливом, преимущественно каменным углем из Донецкого бассейна, и теми же путями ввести это топливо для доступного по цене употребления в безлесные части России, и наконец:
- 5) Достигнуть этих важных результатов, при наименьшем протяжении железных дорог, избирая для проложения их возможно удобные местности и удовлетворяя по возможности условиям выгодного расположения войск, как в отношении стратегическом, так и для дешевого продовольствия армии и для возможности сокращения при удобствах передвижения.

ВВИДУ ВСЕХ ЭТИХ УСЛОВИЙ, НАЧЕРТАНА СЕТЬ ГЛАВНЫХ ЛИНИЙ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ:

- 1) Южная линия: от Москвы, через Тулу, Орел, Курск, Харьков, Екатеринославль и Александровск, в Крым, через Симферополь до Севастопольского порта, всего протяжением около 1440 верст.
- 2) Восточная линия: через Тамбов до Саратова протяжением 680 верст.
- 3) Западная линия: от Орла, через Смоленск и Витебск до Динабурга (где начинается существующая Рижско-Динабургская дорога и проходит С.-Петербургско-Варшавская) и далее от Риги, через Митаву, до Либавы, всего протяжением около 945 верст.
- 4) Юго-Западная, или Одесская линия: от Одессы, через Балту; Брацлав и Линовец, в Киев и от Киева, через Чернигов, на соединение с Западной линией, между Брянском и Рославлем, протяжением, включая уже устраиваемую ветвь от Одессы к Парканам-на-Днестре, у Тирасполя, до 1065 верст, и
- 5) Юго-Восточная, или Антрацитная линия: от Екатеринославля до Грушевки (отсюда уже устроена Грушевская железная дорога к Дону, у Аксая), протяжением до 380 верст.

В общей сложности протяженность — около 4510 верст.

**ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ГЛАВНЫЕ ЛИНИИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ
УДОВЛЕТВОРЯЮТ ПО ВОЗМОЖНОСТИ
ИЗЛОЖЕННЫМ ГЛАВНЫМ УСЛОВИЯМ:**

**1) СБОР ГЛАВНЕЙШИХ ПРЕДМЕТОВ
ТОРГОВЛИ В ПРИМОРСКИЕ ПОРТЫ:**

- а) Из восточной полосы России, составляющей бассейн Волги и ее притоков, произведения могут быть доставляемы (независимо от водяных путей) через Москву к с.-петербургскому порту, и также чрез Москву и Орел к рижскому и даже либавскому порту, причем наибольшее расстояние подвозки будет: от Нижнего Новгорода до Петербурга — 1017 верст, а от Саратова до Петербурга — 1646 верст (расстояние это сократится на 262 версты, ежели строящуюся ныне линию от Москвы до Рязани продолжать на соединение с Восточной линией), до Риги (1626) и до Либавы (1826 верст).
- б) Из южной полосы произведения могут перевозиться по железным дорогам, на юг к крымским портам и Ростову, и на север — к Москве и Петербургу, а также чрез Орел в северо-западные губернии, в Ригу и Либаву.
- в) Из юго-западной полосы произведения пойдут на юг к Одессе, а на запад, через Киев, Смоленск, Витебск и Динабург, до Риги или Либавы.

Произведения Нижней Волги, а также лесные и железные произведения, сплавляемые по средним ее притокам, и, наконец, предметы восточной торговли, получаемые через Астрахань, могут быть доставляемы Волго-Донскою железною дорогою, пароходами общества этой дороги и Русского общества пароходства, по всей придонской стороне до Ростова и далее к портам южной и юго-западной Европы; наоборот, тем же путем все произведения из Европы и с юга России, а равно антрацит с Дона, будут доставляться на Волгу.

Что касается расстояния подвозки к портам произведенный южной и юго-западной полос, то оно находится в зависимости от линии развала, с которой начинается более выгодная перевозка произведений на юг или северо-запад; линия эта должна, разумеется, изменить свое положение вместе с местными урожаями, с требованиями из различных частей Европы и с планами фрахта. Если предположить, что эта линия развала прошла бы близко к срединам линий: Одесско-Киево-Либавской и Севастопольско-Московско-Петербургской, в таком случае наибольшее расстояние перевозки товаров было бы: по Одесской линии — около 1000 верст, как к Одессе, так и к Либаве; а по Севастопольской линии — также около 1000 верст, как к Севастополю, так и к Петербургу (стоимость перевозки можно считать около 30 коп. с пуда за 1000 верст).

2) СООБЩЕНИЕ ПЛОДОНОСНОЙ ЧАСТИ РОССИИ С НУЖДАЮЩИМИСЯ ГУБЕРНИЯМИ СЕВЕРО-ЗАПАДА.

Условие это удовлетворяется посредством линии от Орла на Смоленск, Витебск и Динабург, на которую перейдут кратчайшими путями произведения юго-запада посредством Одесско-Киевской дороги, произведения юга через Московско-Севастопольскую дорогу и, наконец, с востока, посредством Саратовско-Орловской дороги, причем расстояния подвозки (до Витебска, например) будут: по первой линии, считая от Шева, около 730 верст; по второй линии, от Курска через Орел, до 645 верст, и по третьей линии, считая от Тамбова, до 785 верст, или средним числом около 720 верст, так что, полагая цену перевозки 3 к. с пуда за 100 верст, цена перевозки среднего расстояния будет около 21 коп. с пуда; следовательно, 9-пудовый куль муки обойдется в Витебске только на 1 р. 95 коп. дороже того, что он стоит на самих местах производства.

3) СВЯЗЬ ЖЕЛЕЗНЫМИ ДОРОГАМИ ГЛАВНЫХ ЦЕНТРОВ НАСЕЛЕНИЯ.

Одним взглядом на карту видно, что предполагаемая сеть железных дорог даст непосредственную связь наиболее населенным и промышленным городам России; а если принять в соображение, что города, стоящие при судоходных реках: Волги с ее главными притоками, при Южном Днестре, Доне и Волхове, находятся в связи с системой железных дорог, посредством учрежденного по этим рекам правильного срочного пароходства, как для пассажиров, так и для ценной клади, то оказывается, что в районы этих железных дорог входят все губернские города, кроме северных: Архангельска, Вологды и Вятки, центральных — Пензы, Воронежа и Полтавы, и западных: Ревеля, Минска, Могилева, Житомира и Каменец-Подольска.

Но Полтава, Могилев, Житомир и Каменец будут находиться в недалеком от железных дорог расстоянии, и притом последний может быть введен в сеть устройством соединительной ветви от Юго-Западной линии, от Брацлава через Каменец, к австрийской границе, в то время, когда будет устроена в австрийских владениях предполагаемая дорога от Лемберга вдоль нашей границы по Галацу.

Наконец, Киев получает железной дорогой непосредственное сообщение с Москвой, которая, в свою очередь, имеет сообщение по кратчайшим путям с Петербургом и всеми почти губернскими городами, исключая поименованные выше и те западные города, которые соединяются непосредственно с С.-Петербургом Варшавской железной дорогой.

4) УДОБНОЕ СНАБЖЕНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ТОПЛИВОМ.

Это условие также удовлетворяется по возможности предположенной сетью, в которой Западные линии проходят большей частью по местности, изобилующей лесом, а бедные могут более или менее пользоваться донецким каменным углем или антрацитом, главные склады которого можно будет учредить на Днепре: в Екатеринославле и Киеве. Когда откроется возможность пользоваться с выгодой торфом и каменным углем, находимыми в различных местах Центральной России, то сеть главных линий железных дорог даст возможность правильного распределения топлива по всему пространству, ею обнимаемому, и значительно возвысит еще достоинство южных частей нашего Отечества, нуждающихся в топливе.

5) УСЛОВИЕ НАИМЕНЬШЕГО ПРОТЯЖЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ И УДОБСТВА МЕСТНОСТИ.

При огромном пространстве европейской России предложенная сеть, имеющая всего около 4510 верст железных дорог, а с существующими уже дорогами около 7250 верст, то есть по 1 версте дороги на 607 кв. верст пространства, не может считаться обширной.

Предполагаемая сеть железных дорог даст возможность быстрого перемещения войск, что приведет к возможности сокращения численного состава армии и размещения ее в местах дешевого продовольствия и содержания, так что сокращения одной этой статьи государственного бюджета будет, вероятно, достаточно для покрытия расходов на уплату процентов или гарантии на употребленный капитал, если бы в первые годы сборы с движения по дорогам оказались для этого недостаточными.

ИЗ ВОШЕДШИХ В СЕТЬ ГЛАВНЫХ ЛИНИЙ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РАЗРЕШЕНЫ К УСТРОЙСТВУ:

- 1) Южная железная дорога от Москвы до Севастополя;
- 2) Киево-Одесская дорога с веткой к Днестру у Тирасполя;
- 3) дорога от Динабурга до Витебска.

Остальные линии еще не утверждены окончательно и могут подлежать изменению, сообразно местным обстоятельствам и потребностям. Независимо от предположенной сети главных линий железных дорог, сделаны уже изыскания по некоторым другим линиям, не входящим в сеть, а именно:

- 1) от Перми до Тюмени;
- 2) от Рыбинска до ст. Бологое на Николаевской железной дороге, и
- 3) от Минска до Белостока, на С.-Петербургско-

Варшавской железной дороге.

Первая из этих дорог имеет целью соединение р. Камы с р. Турой, впадающей в Тобол, для удобного сообщения между главнейшими системами вод европейской и азиатской России, для оживления сибирской торговли и водоемкости для доставления уральским казенным и частным горным заводам возможности усилить свое производство изготовлением потребностей для железных дорог и вообще удобством постоянного сбыта своих произведений.

Вторая дорога предполагается для доставления грузов из Рыбинска в С.-Петербург, особенно в зимнее время, когда прекращается судоходное сообщение столицы с Волгой, и для своевременного удовлетворения требований наших произведений за границу.

Наконец, третья дорога предположена для соединений р. Припяти и других притоков Среднего Днепра с С.-Петербургско-Варшавской железной дорогой и, посредством ее, с портами Балтийского моря, взамен мало удобных Днепровско-Бугской и Онежской судоходных систем.

ЧАСТЬ III

ПРОЕКТЫ ВЭО РОССИИ

ПРЕМИЯ «ЭКОНОМИСТ ГОДА»

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИКТАНТ

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ МОЛОДЕЖИ
«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ».
ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КНИГА ГОДА.
ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ФЕСТИВАЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.
ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

КОНКУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА СЕГОДНЯ

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ВЫСШАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕМИЯ «ЭКОНОМИСТ ГОДА»

Общероссийская высшая общественная экономическая премия «Экономист года» — главная награда для российского экономического сообщества — приурочена к профессиональному празднику «День экономиста».

Премия «Экономист года» учреждена Вольным экономическим обществом России в 2016 году. Первая церемония награждения лауреатов Премии состоялась 11 ноября 2017 года в Государственном Кремлевском дворце. Премия входит в комплекс мероприятий Всероссийского экономического собрания, посвященного профессиональному празднику «День экономиста», которое проводится ВЭО России при содействии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

«Экономист года» — главная экономическая премия России

Наряду с престижными профессиональными наградами России «Юрист года» и «Учитель года», Премия является признанием профессиональных заслуг перед обществом и государством.

Основаниями для присуждения Премии являются разработка и реализация инновационных, социально-значимых, просветительских проектов, направленных на социально-экономическое развитие страны, на решение задачи повышения качества жизни населения.

Кандидатов на соискание Премии представляют общественные институты, коммерческие структуры, ученые советы вузов, научные и образовательные организации. В работе по отбору претендентов на звание лауреата Премии «Экономист года» принимают участие видные российские ученые, государственные и общественные деятели, экономисты-практики, руководители крупных предприятий, представители образовательных организаций высшего профессионального образования и профильных научных институтов.

В 2018 году на Общероссийскую высшую общественную экономическую премию «Экономист года» претендовали 137 человек.

На основании проведенной экспертизы Экспертный совет утвердил список номинантов на премию «Экономист года» 2018 года в количестве 17 человек. В списке номинантов экономисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Иркутска, Орловской, Кировской и Архангельской областей, из Республики Татарстан, Краснодарского края и Алтая.

Жюри Премии, во главе с председателем — членом Президиума ВЭО России, первым заместителем председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике Сергеем Калашниковым, по представлению Экспертного совета, определило восемь дипломантов Премии «Экономист года» в 2018 году. Из числа дипломантов Общероссийской высшей общественной экономической премии «Экономист года» жюри тайным голосованием избирает лауреатов Премии «Экономист года».

В 2018 году лауреатами Общероссийской высшей общественной экономической премии «Экономист года» стали:

Михаил Юрьевич Алексеев, председатель Правления АО «ЮниКредит Банк», доктор экономических наук признан лауреатом премии «Экономист года» за формирование и реализацию программы кредитования предприятий реального сектора экономики, сельхозпроизводителей, программу ипотечного кредитования и поддержку социально-культурных проектов.

Михаил Алексеев стоял у истоков формирования российского рынка ценных бумаг и внес существенный вклад в создание современного фондового рынка в нашей стране. Под его руководством ЮниКредит Банк стал одним из лидеров банковской сферы России и сегодня входит в топ-7 наиболее прибыльных российских банков. Финансовая организация взаимодействует с Министерством сельского хозяйства по вопросам льготного кредитования сельхозпроизводителей, реализует проект «Свободная касса» для стимулирования, а также оказания помощи предприятиям малого и среднего бизнеса по внедрению онлайн-касс, активно сотрудничает со многими российскими благотворительными организациями, имеющими четко структурированные программы. В 2018 году АО «ЮниКредит Банк» продолжил поддержку ряда государственных социально значимых проектов: государственное субсидирование авто и ипотечного кредитования, поддержка семей с двумя и более детьми и предоставление выгодных условий лицам, получающим бюджетные выплаты.

Марина Николаевна Ракова, генеральный директор ФГАУ «Фонд новых форм развития образования» признана лауреатом премии «Экономист года» за разработку и реализацию просветительского социально значимого инновационного образовательного проекта «Разработка и реализация новой модели дополнительного образования детей в форме детских технопарков «Кванториум».

Технопарки «Кванториум» — это уникальные учебные программы и технологии, новое современное оборудование и материалы для технического, экономического, интеллектуального развития детей. На базе проекта «Кванториум» формируется сообщество молодых и заслуженных ученых, представителей технологических стартапов, а также руководителей крупных промышленных предприятий и госкорпораций. Разработанная при активном участии Марины Раковой модель образования делает их внедрение доступным для тиражирования. На сегодняшний день проект представлен в 37 российских регионах. Уже работает 51 технопарк. До 2021 года в регионах России на условиях софинансирования из федерального бюджета должны быть созданы еще 85 таких площадок. А к 2025 году «Кванториум» будет присутствовать в каждом крупном городе России. Количество обучающихся составит 600 тысяч человек, а всего в мероприятиях проекта будут задействованы порядка 5 миллионов детей.

Анатолий Владимирович Слудных, генеральный директор АО «ПО «УОМЗ» Производственное Объединение «Уральский оптико-механический завод имени Э.С. Яламова» признан лауреатом премии «Экономист года» за создание и реализацию программы инновационного развития предприятия, перевод производства на новую технологическую базу, за разработку и налаживание серийного выпуска высокотехнологичной продукции военного и гражданского назначения и трансфер специальных технологий в гражданскую сферу.

Работая на предприятии с 2004 года, Анатолий Слудных прошел путь от менеджера отдела экспорта специальной техники до генерального директора. Под его руководством на предприятии ведется работа по техническому перевооружению, строятся высокоавтоматизированные производства, осваивается современное оборудование. Численность сотрудников завода превышает две с половиной тысячи человек. Предприятие является ведущим в России разработчиком и производителем оптико-локационных станций для боевых самолетов и вертолетов, а также специальной техники для оснащения надводных кораблей ВМФ России. В последние годы активно ведутся высокотехнологичные разработки продукции двойного и гражданского назначения. Это медицинское оборудование и светотехника мирового уровня, уникальные лазерные микроскопы и многое другое.

Илья Игоревич Чех, генеральный директор ООО «Моторика» признан лауреатом премии «Экономист года» за разработку и реализацию социально значимого проекта «Моторика», связанного с решением важной гуманитарной проблемы – технологий протезирования верхних конечностей детей и взрослых, и обеспечением бесплатного протезирования, в том числе по государственной программе социальной защиты.

Начиная с 2015 года компания установила более 500 активных механических протезов кисти и предплечья, 10 инновационных биоэлектрических протезов предплечья и, пока в тестовом режиме, два многосхватовых современных протеза с внешним источником энергии. Разработаны уникальные методики реабилитации. Операции дорогостоящие. Но компания согласовала условия бесплатного протезирования по государственной программе социальной защиты, сотрудничает с Фондом социального страхования, Министерством труда и социальной защиты, Минпромторгом и Агентством стратегических инициатив. Команда Ильи Чеха верит, что при помощи современных средств реабилитации можно не только вернуть людям основные возможности: брать, держать, взаимодействовать с окружающим миром — но и в чем-то превзойти возможности обычного человека.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИКТАНТ

Организован Вольным экономическим обществом России при участии Финансового университета при Правительстве РФ, РЭУ имени Г. В. Плеханова, Московского авиационного института, Администрации субъектов Российской Федерации. Проводится во всех субъектах Российской Федерации. Призван определить и повысить уровень экономической грамотности.

СОБЕСЕДНИКИ

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте, эксперт РАН, д. э. н., профессор*

*Михаил Абдурахманович Эскиндаров,
вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор*

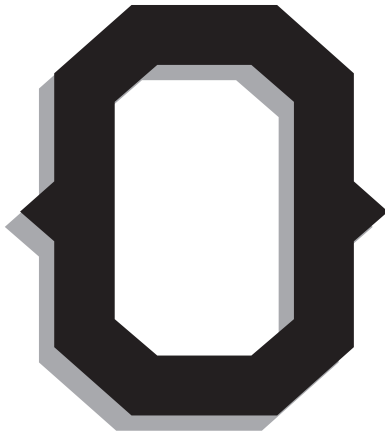

*Александр Дмитриевич Некипелов,
вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН*

*Руслан Семенович Гринберг,
научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, вице-президент ВЭО России*

Общее — о Диктанте из первых уст

Из пресс-конференции в ТАСС

Бодрунов: Несколько слов об Экономическом диктанте. Вы знаете, что это акция, которую мы проводим на территории всей нашей страны. Она впервые прошла в прошлом году. Экономический диктант проводится Вольным экономическим обществом России, которое родилось во времена просвещенной императрицы Екатерины Великой по ее указу. В этом году уже 253 года Вольному экономическому обществу России. Основной целью Общества с момента основания было просвещение поданных России. С тех пор масштабы экономической деятельности существенно расширились. Поэтому важно, конечно, чтобы участники хозяйственного процесса хорошо понимали, чем они занимаются.

Эскиндаров: Это не экзамен для экономистов или тех, кто изучает экономику. Я бы привязал его даже к той кампании финансовой грамотности населения, которая сейчас идет. Во всяком случае, вопросы, которые есть в Диктанте, стимулируют к тому, чтобы изучать основы экономики. Я надеюсь, что в следующем году уже не 700 000 человек будут принимать участие, а значительно больше. И мы будем призывать не только экономические вузы, но и вообще все вузы стать площадками для этих Диктантов для студентов своих вузов и тех, кто общается с этими вузами.

Некипелов: Самое важное — это то, что спрос есть, большая активность проявляется. Все-таки 83 региона нашей страны заявили о своем участии. Практически все регионы. Сергей Дмитриевич упоминал, что Диктант уже становится международным. Это правильно. Количество площадок растет. В два раза выросло. Посмотрим результаты по общей численности участников. Мне кажется, что эта инициатива как раз и хороша тем, что она имеет очень серьезный спрос со стороны людей. И это, мне кажется, дает возможность надеяться, что проект не на один и не на два года.

Когда молодые люди понимают, что все-таки есть вещи и поважнее денег, много таких вещей есть, — это более здоровое общество. Диктант, мне кажется, очень сильно влияет на то, чтобы люди рационально мыслили и знали, что есть вещи поважнее денег.

Есть разные объяснения, кто такие экономисты. Зачем надо изучать экономику, например? Экономику надо изучать хотя бы для того, чтобы не попадаться на удочку экономистам. Или, например, кто такое экономист? Это человек, у которого нет денег, и он учит других, чтобы у них тоже не было денег.

Зачем нужен Диктант и о чём там спрашивают?

Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России,
руководитель Научного
совета ВЭО России, научный
руководитель ФГБОУ ВО
«Финансовый университет
при правительстве РФ», член-
корреспондент РАН

Сорокин: Диктант разделен на две части: для школьников и для взрослых. Его основная цель — посмотреть, насколько наша молодежь, которая вступает в жизнь, да и взрослые, разбираются в экономике.

Поэтому основные вопросы сосредоточены вокруг чисто практических действий, которые можно предпринять в разных ситуациях: скажем, при каких условиях вы пойдете вкладывать деньги в банк или как взять кредит. Хотя есть задания и на более глубокие знания: к примеру, когда предлагается ответить, кому из экономистов принадлежит высказывание.

И наконец, немаловажная сторона дела: насколько участники акции знают экономическую историю нашей страны, так как знание истории во многом определяется представлениями о том, что происходило в экономике.

На основании результатов Диктанта научным сотрудникам станет ясно не только то, как люди разбираются в экономике. Полученные ответы позволят сформулировать практические рекомендации по вопросам проведения принятой экономической политики, в том числе по каким направлениям необходимо формировать общественное мнение в отношении осуществляемых реформ и какие аспекты сле-

дует учесть в экономическом образовании населения.

Кстати сказать, после того как закончится очное написание Диктанта, будет открыта его онлайн-версия (<https://diktant.org>), где все желающие на своих компьютерах смогут ответить на похожие вопросы, без разделения на категории «школьники» и «взрослые» для того, чтобы тоже проверить себя на экономический «интеллект».

Я думаю, Всероссийский экономический диктант сможет поправить финансовую и экономическую грамотность населения. Поскольку выявится: насколько сегодня те же школьники старших классов, которым завтра вступать в реальную жизнь и принимать ответственные решения, в том числе экономические, осведомлены в операциях с банковскими картами, ипотеками, кредитами, депозитами и тому подобное.

И мы увидим, где у нас этой грамотности недостаточно. Тогда можно будет обратить внимание на школьные программы, касающиеся экономического образования, обратить внимание СМИ на «пропаганду» среди населения тех или иных знаний.

Ведь, к примеру, у нас сколько ни пишут про финансовые пирамиды, а люди все равно на них попадают. Многие просто остаются обманутыми из-за невнимательности, халатности и, конечно, незнания элементарных экономических приемов, которые могут использовать мошенники.

Как прошёл Всероссийский экономический диктант 2018 года

4 октября 2018 года состоялась вторая Общероссийская образовательная акция «Всероссийский экономический диктант», проведенная Вольным экономическим обществом России. Тема Диктанта: «Сильная экономика — процветающая Россия!». В число соорганизаторов вошли Финансовый университет при Правительстве РФ, Московский авиационный институт, РЭУ имени Г. В. Плеханова и ряд других вузов России, а также администрации субъектов Российской Федерации. Генеральным партнером акции выступило ТАСС, а официальным партнером — «Российская газета». Акция прошла с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

На площадках Диктанта

Площадки Диктанта были организованы в 83 субъектах РФ, в нем приняли участие 98 538 человек разных возрастов и профессий. Очно Диктант писали 77 382 человека, через сайт (<https://diktant.org>) — 21 156 человек. Получить детализированную картину экономической компетентности различных слоев общества, выявить возможности оптимизации российского экономического образования, позволить участникам узнать о своих сильных и слабых сторонах этой компетентности и зародить в них стремление к ее повышению — вот лишь некоторые задачи, на которые направлен Всероссийский экономический диктант.

Торжественное открытие Всероссийского экономического диктанта состоялось в Финансовом университете при Правительстве РФ. Кстати, ректор университета Михаил Эскиндаров, отвечая на вопрос о том, дает ли статус отличника преимущества при поступлении, пообещал, что в следующем году вуз рассмотрит такую возможность. По мнению профессора Эскиндарова, начислять отличникам Диктанта дополнительные пять баллов при поступлении — неплохая идея, которая могла бы привлечь внимание школьников к акции.

В большом зале университета собрались школьники, в малом — отвечали на вопросы студенты. Члены оргкомитета акции внимательно следили, чтобы участники не совещались и не пользовались интернетом. Все было как на настоящем экзамене. Впрочем, нельзя сказать, чтобы такие строгие меры были необходимы, потому что вопросы составлены таким образом, что требовали базовых знаний по экономике и минимального умения принимать экономические решения — а здесь ни один поисковик не поможет.

Открывая церемонию, Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России, подчеркнул масштаб просветительской акции: «Всероссийский экономический диктант пишут во всех городах и весях нашей страны — от Калининграда до Владивостока. Более того, Диктант впервые вышел за пределы России. Он проходит за рубежом — в Монголии, Таджикистане и Приднестровской Молдавской Республике». Диктант писали как в крупных университетах регионов, так и в школах в малонаселенных сельских пунктах. Акция дошла до самых отдаленных уголков РФ. Так, например, в этом году в поселке Каратайка, в Заполярном районе Ненецкого автономного округа, диктант написали 10 старшеклассников, а в поселковой Правохеттинской средней школе Надымского района Ямало-Ненецкого автономного округа — 3 школьника.

Выявить экономическую грамотность

Президент ВЭО России подчеркнул, как важно, чтобы люди во всех, даже самых малонаселенных пунктах России интересовались экономической повесткой, умели ориентироваться в экономическом пространстве страны и принимали экономически верные, взвешенные решения.

«Я думаю, Всероссийский экономический диктант сможет поправить финансовую и экономическую грамотность населения. Поскольку выявится: насколько сегодня те же школьники старших классов, которым завтра вступать в реальную жизнь и принимать ответственные решения, в том числе экономические, осведомлены в операциях с банковскими картами, ипотеками, кредитами, депозитами», — отметил Дмитрий Сорокин, вице-президент ВЭО России, член-корреспондент РАН.

Цель акции состояла как раз в том, чтобы проверить, насколько экономически подковано население страны, получить общую картину и на основе этих данных составить аналитический отчет и рекомендации по усовершенствованию образовательных программ вузов и средних школ в части изучения основ экономики.

«Для меня диктант — это проверка не столько экономических знаний моих однокурсников, сколько — уровня экономического образования в стране. Если студенты могут ответить на вопросы Диктанта — значит, обучение на должном уровне, нет — нужно искать пробелы в экономическом образовании», — отметил Андрей Наумов, студент Финансового университета при Правительстве РФ.

Организаторы также надеются, что у молодых людей проснется интерес к экономической науке и появится желание открыть книгу по экономике. Если Диктанту удастся пробудить экономическое любопытство в участниках, можно считать, что акция удалась, — полагает Оргкомитет Диктанта.

«Это акция полезна и для студентов, и для школьников. К примеру, ты не ответил на вопрос, приходишь домой и, конечно, начинаешь искать эту информацию — потому что познавать новое интересно и увлекательно», — поделилась впечатлениями от акции Лиза Гребенюк, студентка Финансового университета при Правительстве РФ. Некоторые вопросы, по признанию студентки, поставили ее в тупик.

Руслан Гринберг, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, считает, что Всероссийский экономический диктант помогает подгото-

вить молодых людей к взрослой жизни, научить экономически благоразумному поведению в стране, где рыночная экономика еще не до конца устоялась и есть соблазн совершить экономическую «глупость». «Активизировать рациональное мышление — это большое дело! — сказал Руслан Гринберг, — Чтобы люди понимали: экономика — это наука, которая помогает ориентироваться в жизни. Вопросы, которые поставлены в Диктанте, позволяют разобраться в том, что хорошо, а что плохо».

Михаил Эскиндаров, вице-президент ВЭО России, ректор «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации», также выразил уверенность, что акция несет большую практическую пользу, так как основные вопросы Диктанта сосредоточены вокруг практических действий: скажем, при каких условиях вы пойдете вкладывать деньги в банк или как взять кредит.

Успешный первый опыт

В 2017 году Диктант впервые в российской истории позволил осуществить столь масштабное исследование экономической грамотности населения, ценное как для государственных министерств и ведомств, общественных и образовательных организаций, национальных аналитических агентств, ведущих экспертов, так и для самого общества. Полученные результаты позволили выявить недочеты в университетских образовательных программах экономического профиля и стали основой для разработки рекомендаций по их совершенствованию. Кроме того, как заявили впоследствии многие его участники, Диктант стал для них тем опытом, который пробудил в них интерес к самой экономической науке и подтолкнул их к изучению ее основ.

— Недостаточно хорошо разбираться в фундаментальных основах теории, также необходимо находить применение этой теории в жизни. Задавая себе вопросы о природе экономических явлений, не только углубляются знания, но и вырабатывается способность к гибкому мышлению, выходящему за рамки установленными классическими экономическими моделями. Несомненно, в подготовке к Диктанту помогают научная и учебная литература, различные курсы и тренинги, лекции и семинарские занятия. Все средства хороши, главное — найти свой и не лениться его использовать, — рассказал Никита Андреев, отличник Диктанта 2017 года, студент 3-го курса факультета Международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ.

— Хотелось бы отметить высокий уровень организации мероприятия и выразить огромную благодарность Вольному экономическому обществу России за проведение таких акций, объединяющих людей и дающих возможность расширить свой кругозор! Всегда стоит стремиться к новому! Когда, если не сейчас? Поэтому я искренне желаю удачи всем участникам Всероссийского экономического диктанта — 2018! Прекрасный проект, подобные которому обязательно стоит развивать в нашей стране! — сказала третьекурсница Кристина Рындина, также отличница прошлого года.

Всероссийский экономический диктант — 2018 в цифрах

Прежде всего, следует отметить значительное увеличение количества региональных площадок по сравнению с предыдущим Диктантом. Так, если в 2017 году их было 637, то в этом году зарегистрировано 1294, то есть произошло увеличение более чем в два раза. Важной отличительной особенностью нынешнего Диктанта является то, что в этом году он вышел на международный уровень: был организован ряд зарубежных площадок, благодаря чему в мероприятии приняли участие граждане Монголии, Приднестровья и Таджикистана.

Абсолютным лидером по увеличению числа региональных площадок является Республика Крым, где в 2017 году работали 14 площадок, а в этом — зарегистрированы 93. В частности, стоит отметить, что более чем в шесть раз увеличилось число площадок в Архангельской области — с 6 до 40, в Краснодарском крае увеличение составило также более чем в шесть раз, с 14 до 89, в Ленинградской области — вместо четырех площадок в прошлом году в нынешнем году действовало уже 27. В Тульской области рост количества площадок и вовсе составил 8,5 раза: вместо двух площадок, действовавших в прошлом году, в рамках нынешнего Диктанта работали уже 17 площадок.

Александр Некипелов, вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, отметил эффективность акции как одного из инструментов для «воспитания правильного отношения к экономике», а также искренний интерес людей к проекту, о чем говорит количество площадок, зарегистрированных в этом году.

И главная цифра: Аналитический отчет по итогам Всероссийского экономического диктанта показал, что в 2018 году количество отличников Всероссийского экономического диктанта, то есть тех, кто набрал от 80 до 100 баллов, составило 745 человек, или 0,76% от общего числа участников. По традиции все участники Всероссийского экономического диктанта получают сертификат, а для отличников, которые наберут по результатам тестирования от 80 до 100 баллов, предусмотрены отдельные награды.

В продолжение темы

Всероссийский экономический диктант Интеллект как основа сильной экономики

Статья в газете «Аргументы недели» от 1 ноября 2018 г.

Голов Роман Сергеевич,
ответственный за работу Аналитической группы,
руководитель рабочей комиссии по проверке Всероссийского
экономического диктанта, член Президиума Вольного
экономического общества России, заведующий кафедрой
«Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей
промышленности» МАИ, член экспертного совета по высшему
образованию при комитете Государственной Думы по
образованию и науке, главный редактор журнала «Экономика
и управление в машиностроении», д. э. н., профессор

4 октября состоялась вторая Общероссийская образовательная акция «Всероссийский экономический диктант» — «Сильная экономика — процветающая Россия!». Ее организатором выступило Вольное экономическое общество России, которое вот уже более 250 лет объединяет крупнейших ученых и экономистов, политических деятелей и авторитетных мыслителей. Масштаб проведенного Диктанта позволил нам охватить практически все слои общества и возрастные группы, став крупнейшим на настоящий момент национальным интеллектуальным испытанием в сфере экономических знаний.

Цель и аудитория

При проведении первого Диктанта в 2017 году перед нами стояла задача не только выяснить уровень экономической компетентности граждан, но и разжечь в них творческий интерес к последующему освоению экономики. Основываясь на уже проанализированных результатах нынешнего Диктанта я твердо могу сказать: мы достигли этой цели. Как повышения экономической грамотности аудитории Диктанта, так и привлечения к его написанию тысяч новых людей по всей России. Обращаясь к более конкретным данным, прежде всего отмечу, что в этом году Диктант написали более 98 тысяч человек, что значительно превосходит прошлогодний результат (свыше 60 тысяч). Существенно увеличилось и количество региональных площадок, на которых он проводился. Если в прошлом году их число составляло 637, то в этом году было зарегистрировано уже 1294 площадки. Еще одним важным отличием нынешнего Диктанта от предыдущего является участие в нем Монголии, Приднестровья и Таджикистана, что позволяет говорить о достижении образовательной акцией международного уровня. С точки зрения активности отдельных российских регионов по числу созданных площадок следует в первую очередь отметить организаторов в Республике Крым, Воронежской области, Краснодарском крае, Республике Саха, Республике Татарстан. Там смогли повысить количество площадок не на какую-то незначительную долю, а в разы, что позволило привлечь к написанию Диктанта сотни и тысячи новых участников.

На пути к интеллектуальному совершенству

Проведя Диктант в 2017 году, мы определили тем самым базовый уровень экономических компетенций отдельных слоев российского общества в качестве стартовой границы. Зародив тогда в участниках интерес к экономике, в нынешнем году мы смогли оценить тот путь, который они сами преодолели в стремлении к интеллектуальному совершенству. Как показал проведенный нами анализ, подавляющее большинство из них достигли впечатляющих результатов. Практически все категории участников смогли повысить собственную результативность. В среднем это увеличение составило от 15 до 20% в зависимости от категории. Соответственно, сократилось количество респондентов, сдавших Диктант менее чем на 30 баллов, и увеличилось число участников в двух верхних категориях — от 31 до 50 баллов и от 51 до 100 баллов. В реальной жизни это — очень серьезный прогресс. Мы должны понимать, что за каждым из

подобных числовых значений стоят огромная работа участников, их интеллектуальный труд и упорство, которые они проявили на пути к экономическим знаниям. Важным является и то, что среди этих участников — не только учащиеся школ, колледжей и вузов, но и уже работающие профессионалы из разных отраслей, преподаватели и ученые. Каждый из них внес в эти результаты тот посильный вклад, который на более высоком уровне позволил получить реальный синергетический эффект. И для нашей экономики, экономики ограничений, этот прогресс является важным знаком: в условиях кризиса общество не только консолидируется, но и активно учится эффективному управлению собственными ресурсами. По моему глубокому убеждению, в современной экономике первостепенными факторами становится не только интеллект, но и способность к активному самообучению, саморазвитию. Растущая сложность — как общей экономической системы, так и отдельных ее направлений — требует от людей всё большей компетентности. Сегодня простая остановка на этом пути означает в реальности шаг назад: когда человек не развивается сам — его тут же опережают другие. То же самое и с экономикой, ведь, по сути, экономика — это те же люди. Нерациональные финансовые решения, слабое понимание рыночных механизмов и элементарной макроэкономики — это лишь малая доля пробелов, которые делают человека уязвимым в повседневной жизни, приводя подчас в крайне сложное материальное положение. Наиболее важно это именно в условиях кризиса, когда отсутствие экономической компетентности обходится людям особенно дорого и способно стать причиной их банкротства.

Потенциальные лидеры будущей России

Диктант в этом смысле — тот мощный интеллектуальный импульс, который направляет общество к столь необходимому ему экономическим знаниям. Затрагивая в своих вопросах большую часть ключевых экономических компетенций, он тем самым позволяет самому участнику выявить свои слабые стороны в этой сфере, наметив благодаря этому конкретные разделы экономики для более полного освоения. Анализируя собственные результаты выполнения Диктанта на портале Вольного экономического общества России, каждый участник может выработать собственные стратегию и тактику самостоятельного обучения. Сам Диктант при этом становится для него необходимой обратной связью для проверки уровня своей экономической компетентности. Рассмотрев сам Диктант и его роль в экономике глобально, мне бы хотелось коснуться

такой важной темы, как роль в судьбе России отдельных его респондентов. Как известно, Диктант является исключительно добровольным общественным мероприятием, участие в котором могут принимать все лица старше 14 лет. И для меня сам факт участия в нем каждого из написавших его людей — это столь же важный символ, как и те полученные ими суммарные высокие результаты. По моему глубокому убеждению, участники Диктанта — это потенциальные лидеры будущего, которые обладают ответственностью не только за свою судьбу, но и за экономическое процветание России. Ведь лидерство как качество личности и означает наличие как высокого интеллекта и ответственности, так и способности использовать их для того, чтобы вести за собой других людей. Это готовность выйти из так называемой личной «зоны комфорта» ради действительно важной цели. Каждый, кто пришел на одну из региональных площадок и написал Диктант, — в действительности вышел из этой «зоны комфорта», доказав в первую очередь самому себе, что способен сделать волевой шаг в направлении интеллектуального роста как основы его личного вклада в будущее России.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ МОЛОДЁЖИ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ»

ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент Вольного экономического общества России,
президент Международного союза экономистов, директор
ИНИР им. С. Ю. Витте, эксперт РАН, д. э. н., профессор

Маргарита Анатольевна Ратникова,
вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-
президент, исполнительный директор Международного
союза экономистов, доктор экономики и менеджмента

Алексей Андреевич Савин,
заместитель главного редактора «Российской газеты»,
член Правления ВЭО России

Константин Ильич Могилевский,
исполнительный директор Фонда «История Отечества»

Руслан Семенович Гринберг,
научный руководитель Института экономики РАН, член-
корреспондент РАН, вице-президент ВЭО России

Бодрунов: Уважаемые друзья! Сегодня в «Российской газете» мы награждаем победителей и лауреатов XXI Всероссийского конкурса научных работ молодежи «Экономический рост России». Вольное экономическое общество проводит конкурс каждый год, начиная с 1996 года. За эти более чем 20 лет конкурс выявил немало количество талантов. Многие из них стали учеными, многие — специалистами, практиками. Думаю, что сотрудничество Вольного экономического общества и молодого экономического поколения России будет продолжаться дальше в таком же плодотворном ключе. Конкурс носит название «Экономический рост России» неслучайно. Разве возможен рост, модернизация экономики без вовлечения в этот процесс молодых талантов, тех, кто сегодня за партой, кто сегодня исследует какие-то процессы в научных лабораториях в качестве аспирантов и так далее, без того, чтобы они не пришли в реальный сектор экономики и не применили свои глубокие знания, способность мыслить новаторски? Если не они поставят Россию на рельсы нового индустриального общества, то кто? Кто будет драйвером этой работы? Те, кто сегодня с нами.

Председатель жюри конкурса Сергей Юрьевич Глазьев, вице-президент Вольного экономического общества России, советник Президента Российской Федерации, академик Российской Академии наук сегодня, к сожалению, отсутствует. Он находится на совещании. Вы знаете, сейчас идут интенсивные мероприятия в Правительстве России. Он находится там сейчас, но просил вам передать очень большой привет. И мы, наверное, взаимно передадим нашу признательность за большую работу жюри и его лично.

Конкурс проводится в рамках Фестиваля экономической науки, организованного Вольным экономическим обществом России, куда мы, конечно, приглашаем всех победителей и лауреатов. Этим вопросом у нас занимается Маргарита Анатольевна Ратникова, и она дальше нам расскажет о конкурсе и о том, что такое Фестиваль экономической науки.

Ратникова: Я коротко расскажу, поскольку мне жюри делегировало такую обязанность — вам сообщить о том, как проходило подведение итогов конкурса и как проходило заседание жюри.

Хотелось начать с того, что на заседании все члены жюри и экспертного совета конкурса отметили, что в этом году был беспрецедентно высокий уровень работ. Для нас это очень отрадно. Поэтому дискуссия при подведении итогов на заседании жюри была достаточно жаркой и очень продолжительной.

У нас первый тур конкурса считается региональным, и уже там был жесткий отбор. После первого тура работы выходят во второй тур — всероссийский. Там мы применяем все новейшие системы антиплагиата, поэтому часть работ отпала по этому признаку. Но поскольку география в этом году была достаточно широкой, количество работ большое, то нам действительно очень приятно отметить, что все те работы, которые были после обработки выведены на рассмотрение экспертным советом, продемонстрировали очень высокий уровень исследований, фундаментальные знания, новаторский подход и, самое главное, желание мыслить неординарно, чтобы найти новые решения и свои предложения озвучить по всем острым вопросам не только национальной повестки, но и мировой.

В этом году во всероссийский этап конкурса вышли работы из 70 городов, 8 сельских поселений, из 56 субъектов Российской Федерации. И, по решению жюри, победителями и лауреатами Всероссийского конкурса научных работ среди учащихся признаны 13 человек, среди студентов — 10 человек, среди аспирантов — 14 человек. В этом году было принято жюри такое серьезное, на наш взгляд, самое важное решение. У нас не каждый год присуждается

Премия имени Леонида Ивановича Абалкина. Это высшая награда конкурса. В этом году жюри единогласно такое решение приняло, и в конце нашего сегодняшнего торжественного мероприятия будет вручена высшая награда конкурса, Премия имени академика Абалкина.

Что касается Фестиваля экономической науки, то это большой всероссийский проект, который предполагает включение в качестве одного из основных мероприятий и проектов как раз и наш сегодняшний конкурс, а также Всероссийский экономический диктант, мы вас приглашаем к активному участию, и многие олимпиады. В частности, недавно мы подвели итоги межвузовской международной олимпиады по истории экономических учений, которую организовывал Финансовый университет при участии Вольного экономического общества. И еще много мероприятий входит в комплекс Фестиваля экономической науки. Сведения о них у нас есть в открытых источниках, поэтому мы всех приглашаем активно в них участвовать, а всех победителей и лауреатов будем приглашать отдельно на заключительный этап Фестиваля экономической науки для участия в финале. И будем надеяться, что победители и лауреаты нашего сегодняшнего всероссийского проекта также продемонстрируют отличные результаты в финале Фестиваля экономической науки.

Савин: Добрый день, дорогие друзья! Рад приветствовать вас в «Российской газете» на правах хозяйина! Этот зал наполняется молодыми лицами, к сожалению, только два раза в год. «Российская газета» является партнером двух мероприятий, двух молодежных конкурсов. Это конкурс Вольного экономического общества «Экономический рост России» и олимпиада Финансового университета «Миссия выполнима. Ты финансист». И каждый раз, когда я вижу в этом зале молодежь, она меня удивляет и радует. Удивляет, потому что мне приходится читать конкурсные работы. Они удивительно зрелые, профессиональные и актуальные. А радует, потому что проблема в российской экономике — это не столько деньги, деньги есть, это идеи и люди, способные эти идеи воплощать. И здесь, как показывает конкурс, у нас все должно быть в порядке.

Еще одна проблема — это проблема территориального неравенства. Иногда кажется, что мысль бьется в пятишести, как их раньше называли, «университетских» городах. Но вот Маргарита Анатольевна сказала, что мы получили работы из 70 городов, 56 субъектов Федерации, 8 сельских поселений, и все эти работы достаточно сильные, то есть — всюду мысль. И это очень приятно.

Мне остается лишь поздравить лауреатов и участников конкурса и выразить надежду, что когда-нибудь «Российская газета» будет иметь честь публиковать ваши идеи в области экономики.

Могилевский: Дорогие друзья! Участники конкурса! Коллеги! Хотел бы поздравить в первую очередь всех с этим замечательным событием. Сегодня какой-то чудесный день в этом смысле, потому что только мы в Государственной Думе поздравляли победителей олимпиады по истории российского предпринимательства, которую мы проводим уже несколько лет. И тоже очень много участников. Это подтверждает тот тезис, что экономика и история идут всегда рука об руку. И в этом смысле наше партнерство с Вольным экономическим обществом, старейшим обществом России, конечно, совершенно закономерно.

Почему экономика и история близки? Не только потому что все новое — это хорошо забытое старое. Но и потому, что многие ошибки, которые были совершены в прошлом, полезно знать для того, чтобы их не повторять. Хотя иногда и говорят, что история никого ничему не учит, но не учит она тех, кто ее не знает. А тех, кто занимается историей и интересуется тем, что было, она, конечно, может многому научить.

У нас в 2018 году юбилей — 200 лет известному немецкому экономисту Карлу Марксу, который оказал большое влияние на историю нашей страны и ряда европейских государств. Это тоже такая площадка, где мы сотрудничаем с Вольным экономическим обществом. Честно говоря, не знаю, были ли работы по поводу того, как идеи Карла Маркса преломлялись, интерпретировались, но, может быть, будут в дальнейшем. Знаете, в 1918 году такие рисовали карикатуры: Карл Маркс родился в Германии, 1918-й — похоронен в России. Такие тогда давались оценки интерпретации марксовых идей нашими марксистами.

Поэтому, уважаемые коллеги, простор здесь для вашей будущей работы огромный, в сфере экономики и в наших каких-то совместных областях. Добро пожаловать в Российское историческое общество! Еще раз поздравляю!

Гринберг: Уважаемые дамы и господа! Я поздравляю вас с победой! Дело в том, что экономика у нас в стране — очень важная не только наука, но и важное обстоятельство. Все ею занимаются. И поэтому даже почетно, я бы сказал,

найти какие-то выходы для того, чтобы российская экономика встала на устойчивую траекторию развития. Большая загадка, как это сделать. Есть много разных подходов. И насколько я знаю, мои коллеги, которые читали эти тексты, считают, что очень много оригинальных есть вещей в этих работах. Я думаю, что пришло время молодым людям заняться этими вопросами, поскольку люди в более продвинутом возрасте запутались немножко. Мне кажется, что сейчас — самое время нестандартные решения выявить и попытаться их предложить людям, ответственным за принятие решений. Поэтому я желаю вам хорошей жизни и успехов на этом поприще!

Бодрунов: Я думаю, что пора приступать к награждению наших победителей. Мне кажется, они ждут.

Результаты конкурса

Высшая награда Конкурса Премия имени Л. И. Абалкина присуждена Попову Андрею Васильевичу, младшему научному сотруднику ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда), за работу «Распространение неустойчивой занятости как ограничитель экономического роста России».

Победители XXI Всероссийского конкурса научных работ молодежи «Экономический рост России» среди учащихся 9–11-х классов образовательных организаций среднего общего и профессионального образования России:

I место:

Пряжникова Наталья Юрьевна, учащаяся 2-го курса ГБПОУ Воронежской области «Воронежский государственный промышленно-экономический колледж» (г. Воронеж), за работу «Дифференциация доходов населения как сдерживающий фактор экономического роста России»;

Мнацаканян Давид Альбертович, учащийся 11-го класса МАОУ «Гимназия № 32» (г. Калининград), за работу «Перспективы регионального ипотечного кредитования».

II место:

Корнев Ярослав Александрович, учащийся 9-го класса МАОУ «СОШ № 20» (г. Липецк), за работу «Определение источников роста производительности труда в Российской Федерации на основе сравнительного анализа»;

Мартынова Надежда Николаевна, учащаяся 3-го курса отделения среднего профессионального образования ФБОУ ВО «Орловский государственный университет экономики и торговли» (г. Орел), за работу «Современные проблемы развития сельского хозяйства (на примере Орловской области)»;

Антипова Ольга Александровна, учащаяся 10-го класса Лицея Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва), за работу «Цифровые технологии в авиационной промышленности России: перспективы XXI в.».

III место:

Курышкина Анастасия Андреевна, учащаяся 10-го класса МАОУ «СОШ № 20» (г. Липецк), за работу «Преодоление отрицательных внешних эффектов, связанных с влиянием мировых экономических кризисов на деловые циклы в России»;

Пьянзина Анна Сергеевна, учащаяся 10-го класса МОУ «Гимназия № 19», за работу «Демографические угрозы как фактор, сдерживающий экономический рост в России»;

Кожухметова Венера Газизовна, учащаяся 3-го курса БПОУ ОО «Омский промышленно-экономический колледж» (г. Омск), за работу «Переработка отходов биологического происхождения и производство органических удобрений как дополнительный источник дохода в экономику России».

Лауреаты Конкурса научных работ молодежи среди учащихся 9–11-х классов образовательных организаций среднего общего и профессионального образования России (поощрительные премии):

Абубакарова Тамила Исламовна, учащаяся 10-го класса ГБОУ «Президентский лицей» (г. Грозный), за работу «Нефтегазовая промышленность Чеченской Республики: история и современность»;

Яскевич Дарья Вадимовна, учащаяся 11-го класса ГБОУ «Школа № 1554» (г. Москва), за работу «Экономический рост России: роль малого бизнеса»;

Самородов Артем Александрович, учащийся 9-го класса МБОУ «Лицей № 1 им. М. В. Ломоносова (г. Орел), за работу «Роль и значение рынка человеческого капитала в развитии современной экономики»;

Рекончишек Елизавета Алексеевна, учащаяся 11-го класса МБОУ ДО «Гуманитарный центр интеллектуального развития г. о. Тольятти» (г. Тольятти), за работу «Социально-экономические последствия международной миграции в России и их влияние на экономический рост»;

Афанасьева Софья Георгиевна, учащаяся 10-го класса Гимназии ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)» (г. Москва), за работу «Концепция Walkable city».

Победители XXI Всероссийского конкурса научных работ молодежи «Экономический рост России» среди студентов высших учебных заведений России:

I место

Садыкова Динара Дамировна, студентка 4-го курса факультета прикладной математики и информационных технологий ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» (г. Москва), за работу «Разработка подхода к инжинирингу бизнеса, основанному на сервисной модели»;

Попыкина Иванна Константиновна, студентка 4-го курса факультета «Менеджмент» Курского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Курск), за работу «Диверсификация экономики Российских регионов: изменения и тенденции».

II место:

Пылаева Екатерина Владимировна, студентка 4-го курса факультета прикладной математики и информационных технологий ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» (г. Москва), за работу «Маркетинг без бюджета: Брендинг образовательной программы «Бизнес-информатика» Финансового университета».

III место:

Оганова Анжелика Аркадьевна, студентка 4-го курса кафедры экономики и торгового дела Смоленского филиала ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» (г. Смоленск), за работу «Оценка экспортного потенциала субъектов МСП несырьевого энергетического сектора экономики»;

Боталова Ирина Владимировна, студентка 1-го курса магистратуры института экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства» (г. Пенза), за работу «Система организации личного времени студенческой молодежи и повышение эффективности его использования».

Лауреаты Конкурса научных работ молодежи среди студентов высших учебных заведений России (поощрительные премии):

Курганская Мария Юрьевна, студентка 1-го курса магистратуры Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (г. Санкт-Петербург), за работу «Внедрение гендерно-трудовой проблематики в систему общего образования как фактор экономического роста России»;

Крулькина Дина Григорьевна, студентка 1-го курса магистратуры Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет» (г. Уфа), за работу «Инновационные бизнес-модели как инструмент стимулирования экономического роста промышленных предприятий»;

Золотухина Елизавета Владиславовна, студентка 3-го курса Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова» (г. Барнаул), за работу «Пути оптимизации системы государственных закупок в РФ»;

Квиткина Юлия Александровна, студентка 4-го курса экономического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар), за работу «ТОР как средство развития экономики в условиях ее нестабильности».

Премия за оригинальность авторского подхода:

Беличев Олег Михайлович, студент 4-го курса факультета мировой экономики и бизнеса ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет» (г. Екатеринбург), за работу «Агророгодок “Артёмовский” как пример проектного развития сельских территорий на основе массового и кооперированного фермерства».

Победители XXI Всероссийского конкурса научных работ молодежи «Экономический рост России» среди аспирантов, научных сотрудников, соискателей научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений России.

I место

Окунь Мария Васильевна, аспирантка кафедры государственной политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (г. Москва), за работу «Взаимосвязь направлений государственной политики в обеспечении экономического роста России (в контексте определения стратегии социально-экономического развития страны)»;

Сазонова Мария Александровна, аспирантка кафедры «Финансы, денежное обращение и кредит», специалист по учебно-методической работе кафедры «Финансы, денежное обращение и кредит» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (г. Челябинск), за работу «Управление человеческим капиталом промышленного предприятия в условиях инновационной экономики»;

II место

Разумников Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры информационных систем Юргинского технологического института (филиала) Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Юрга), за работу «Методика поддержки принятия решений при выборе облачных ИТ-сервисов для внедрения на предприятии».

III место

Павлова Ангелина Александровна, аспирантка 2-го года обучения кафедры экономики фирмы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород), за работу «Цифровые предприятия и локализация промышленного производства в России как базовые факторы экономического роста».

Лауреаты Конкурса научных работ молодежи среди аспирантов, научных сотрудников, соискателей научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений России (поощрительные премии):

Мезинова Инга Александровна, доцент кафедры «Мировая экономика, политика и глобализация» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону), за работу «Международная конкурентоспособность России: концептуальные основы и новые стратегические подходы»;

Керимова Лилия Дилаверовна, аспирантка 1-го года обучения кафедры мировой экономики института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Симферополь), за работу «Оптимизация внешнеторгового сотрудничества России со странами Ближнего Востока»;

Валько Данила Валерьевич, заведующий лабораторией социально-экономических исследований ОУ ВО «Южно-Уральский институт управления и экономики» (г. Челябинск), за работу «Процессная эффективность адаптивного государственного управления региональной социо-эколого-экономической системой (на материале Челябинской области)»;

Остроухова Наталья Григорьевна, доцент кафедры экономики филиала ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (г. Сызрань), за работу «Реинжиниринг бизнес-процессов как средство создания новой бизнес-модели предприятий российского топливно-энергетического комплекса и решения хозяйственных проблем»;

Глушенко Сергей Андреевич, доцент кафедры информационных систем и прикладной информатики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (г. Ростов-на-Дону), за работу «Нейро-нечеткая система поддержки принятия решений управления рисками проектов в условиях неопределенности»;

Колегова Ольга Александровна, специалист по учебно-методической работе кафедры информационных систем Юргинского технологического института (филиал Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Юрга), за работу «Разработка модели поддержки принятия решений при выборе стратегии развития государственного пассажирского автотранспортного предприятия»;

Барабанов Виталий Викторович, старший научный сотрудник лаборатории полупроходных и речных рыб ФГБНУ «Каспийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства» (г. Астрахань), за работу «Управляемое любительское рыболовство как фактор экономического роста Астраханской области»;

Глебов Александр Алексеевич, аспирант факультета экономики и финансов, кафедры банковское дело ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (г. Ростов-на-Дону), за работу «Повышение финансовой грамотности населения как один из элементов продуктовой политики коммерческого банка»;

Комаревцева Ольга Олеговна, аспирантка кафедры «Менеджмент и государственное управление» Среднерусского института управления-филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Орел), за работу «Агрегатирование и протипирование экономики “городов будущего” в условиях лабильности и робастности изменений».

СОБЕСЕДНИКИ

*Абел Гезевич Аганбегян,
академик РАН*

*Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель
Финансового университета при Правительстве РФ,
член-корреспондент РАН*

*Юрий Васильевич Якутин,
вице-президент Вольного экономического общества
России, научный руководитель Издательского дома
«Экономическая газета», заслуженный деятель науки
Российской Федерации, д. э. н.*

*Александр Владимирович Бузгалин,
вице-президент ВЭО России, директор Института
социоэкономики Московского финансово-юридического
института, почетный профессор МГУ
им. М. В. Ломоносова, д. э. н.*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КНИГА ГОДА

ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
(25.12.2018)

*Сергей Николаевич Катырин,
президент Торгово-промышленной палаты РФ*

*Александр Дмитриевич Некипелов,
вице-президент ВЭО России,
директор Московской школы экономики
МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
эксперт РАН, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Добрый день, уважаемые друзья, коллеги! Сегодня, наверное, один из самых торжественных дней в работе Вольного экономического общества, Международного союза экономистов. Мы сегодня подводим не просто итоги года, но итоги очень важной работы для многих. Итогом многолетней работы ученых становятся книги, статьи, материалы, которые призваны дать новые направления мысли тем, кто будет читать, и тем, кто будет потом слушать тех, кто читал. Я думаю, что очень правильно мы решили, что нам не хватает конкурса «Лучшая экономическая книга года». Бывая на всяких мероприятиях, типа «Нон-фикшн», на презентациях разных книг, мы убедились, что книг много разных, так много, что можно заблудиться. И очень важно дать ориентиры людям, какие же книги сами профессионалы, специалисты в области считают важными, хорошими и умными, самыми лучшими, наиболее ярко и образно, полно раскрывающими проблемы, предлагающими различные пути их решения и т. д. Мне кажется, что призвание нашего конкурса — выискивать, находить хорошие книги и поощрять тех, кто многие годы работал над их созданием. Мне кажется, это очень важная, хорошая цель, миссия. Надеюсь, что сегодня, впервые подводя итоги этого конкурса, мы закладываем традицию сделать его ежегодным, сделать его более массовым.

Сегодня я могу сказать, что наше очень мощное жюри, экспертный совет прочли большое количество книг. Их было более сотни. Сначала экспертным советом был сформирован лонг-лист так называемый. Должно было войти туда 10 книг, но так случилось, что вошло 11, потому что не смогли прийти к консенсусу по поводу 10 книг. Нашему уважаемому жюри пришлось рассматривать лонг-лист из 11 книг, чтобы найти 5 тех, которые войдут в шорт-лист. Затем было тайное голосование, и по тайному голосованию были определены лауреаты. Таким образом, конкурс устроен по тому же принципу, что и многие профессиональные конкурсы.

На нашем сайте можно найти при желании более полную информацию о том, кто возглавлял этот совет, кто работал и как велась работа. Я за то, что будет полезно и правильно объявить тех людей, которые потратили много времени и сил. Поверьте, это действительно непростая работа: прочитать, просмотреть эти книги, сделать некие оценки по многим критериям и т. д. Я очень признателен нашему жюри, особенно экспертной группе, которая долго и много занималась.

Я хотел бы представить вам, уважаемые коллеги, председателя Организационного комитета Премии Дмитрия Евгеньевича Сорокина, вице-президента Вольного экономического общества России, научного руководителя Финансового университета При Правительстве РФ, члена-корреспондента Российской академии наук. У нас два сопредседателя нашего жюри. Мы выбирали специалистов (наше правление рассматривало, президиум Союза экономистов) — тех людей, которые и писать умеют, и читать умеют, и понимают предмет, и понимают все, что связано с подачей этого предмета. Таким образом, мы определили некоторое количество участников и двух сопредседателей. Один сопредседатель — человек, который прекрасно разбирается в том, что такое экономика, но при этом является журналистом высокого уровня. Он может очень правильно и грамотно оценить, как подан материал. Это Алексей Андреевич Савин, член Правления Вольного экономического общества России, заместитель главного редактора «Российской газеты». Алексей Андреевич, спасибо. И Юрий Васильевич Якутин, вице-президент Вольного экономического общества России, научный руководитель Издательского дома «Экономическая газета», заслуженный деятель науки Российской Федерации. Юрий Васильевич у нас представляет «Экономическую газету». Он — писатель, издатель, ученый-экономист.

Я хотел бы, конечно, поблагодарить за большую работу многих участников экспертного совета и членов жюри. Не буду их называть. Мне кажется, будет справедливым и правильным, если мы отметим их большое участие в подготовке этой работы на наших сайтах, на наших публичных площадках, где мы можем подробно описать работу тех людей, которые бескорыстно, бесплатно (что в наше время не так просто) потратили свое время, квалифицированное время, время профессиональных специалистов на то, чтобы оценить сегодня вашу работу, уважаемые конкурсанты.

ПО РЕШЕНИЮ ЖЮРИ В ШОРТ-ЛИСТ ПРЕМИИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КНИГА ГОДА» ВОШЛИ ПЯТЬ ИЗДАНИЙ:

1. Учебное пособие «Финансовая система Китая», авторский коллектив — 23 человека.
 2. «Классическая политическая экономия», авторский коллектив — Александр Бузгалин, Андрей Колганов и Ольга Барашкова.
 3. «Финансы, бюджет и банки в новой России», автор — Абел Аганбеян.
 4. Учебное пособие «Современный маркетинг», автор — Анатолий Овсянников.
 5. «История для экономистов», интегрированный учебный комплекс в двух томах
- под общей редакцией академика Российской академии наук Александра Некипелова и президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации Сергея Катырина, коллектив авторов — Геннадий Бордюгов, Никита Дедков и Екатерина Щербакова.

Бодрунов: Уважаемые друзья, я предоставляю слово Юрию Васильевичу Якутину, сопредседателю жюри Премии. Юрий Васильевич, прошу Вас.

Якутин: Спасибо. Дорогие друзья, у меня вообще небольшое такое поручение от имени жюри, экспертной комиссии и всех наших организационных...

Бодрунов: Сделать небольшой доклад на два часа...

Якутин: Нет. Сказать, что по решению жюри мы назвали шорт-лист, а теперь лауреатами признаны три издания. Это интегрированный учебный комплекс в двух томах «История для экономистов». Второе — «Финансы, бюджет и банки в новой России». Третье — «Классическая политическая экономия». На самом деле, мое выступление здесь должно закончиться, но я, с вашего разрешения три минутки возьму. Сергей Дмитриевич, разрешаете?

Бодрунов: Даже четыре.

Якутин: Спасибо. Вы знаете, здесь есть несколько очень важных моментов. Во-первых, если сказать, с чего Вольное экономическое общество начиналось, то оно начиналось как научная, общественная структура гражданского общества с определением победителя общественной мысли, лауреатов общественной мысли. Сама Екатерина в первые же месяцы создания Вольного экономического общества поручила ВЭО решить конкурсную задачу. И темы она

предложила: «Как быть с крепостными?», «Кто эффективно хозяйствует?» Более того, прислала сундучок с золотыми червонцами и сказала: «Вот это победителю Премии».

Бодрунов: Какие вопросы были тогда простые...

Якутин: Вопрос вообще замечательный был. Несколько тысяч работ пришли, в том числе из-за границы. Победителем оказался француз. Думая об этом конкурсе, можно сказать, что на самом деле мы продолжаем вот эти традиции екатерининские, которые были заложены. Только не сами выступаем постановщиками тем, а берем те темы, которые уже в обществе кипят, обсуждаются. Мне кажется, что можно совместить и традиции, и современность. Может быть, на следующий год и темы какие-то задавать, и выбирать из того, что есть.

А выбирать действительно, дорогие друзья, сложно и трудно, потому что, во-первых, книг очень много хороших, и авторы все замечательные, и, самое главное, никого не хочется обидеть. Второй момент. Вы знаете, мне очень понравилось то, что сегодня среди лауреатов нашего конкурса присутствуют представители совершенно разных организаций. Во-первых, академическая наука, вузовская наука, наука отраслевая и такие общественные организации, как Вольное экономическое общество и Торгово-промышленная палата. Это очень важно. Мне хотелось бы предложить, Сергей Дмитриевич, чтобы в следующем году (получится у нас или не получится?) академики, вузовцы, преподаватели, представители общественных организаций, бизнес-структуры и т. д. могли бы поработать вместе. Это придаст весомость нашей Премии, общественную значимость. Я хочу поздравить всех победителей с этой непροстой победой и пожелать им дальнейших творческих и научных успехов. Спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое. Ваше поручение, Юрий Васильевич, я принимаю. Что делать? Будем расширять жюри, нагружать работой. На самом деле, у меня такое ощущение складывается, что уже начали звонить люди и предлагать книги свои на конкурс следующего года. Они выходят или уже вышли, но еще не было презентации и т. д. Так что работы прибавляется. Я счастлив сказать, что у нас есть возможность эту работу поручить нашим уважаемым коллегам.

Уважаемые друзья, я хотел бы предоставить слово Дмитрию Евгеньевичу Сорокину, члену-корреспонденту Российской академии наук, председателю Оргкомитета Премии.

Сорокин: Спасибо. Вы знаете, когда мне сказали, что Сергей Дмитриевич... Не раскроешь тайну?

Бодрунов: Давай. Мы здесь все открытые. Открытое общество.

Сорокин: Да, открытое общество. Правильно. Он предложил организовать вот такой конкурс «Лучшая экономическая книга года» и попросил высказать свое мнение. Сразу скажу, я честно сказал: «Знаете, я что-то как-то воздерживался бы от этого». Спрашивают: «В чем дело? Почему?» Говорю: «Мы же договорились». Сейчас показывали кадры со Дня экономиста, снимали мы на Дне экономиста. Такая у нас номинация есть «Экономист года». Правильно? Мы тоже из вузов, из науки, из практики даем людям эту номинацию. Мы договорились: «Только давайте на эту номинацию никого из академиков выдвигать не будем. Кого-то выдвинешь... А что? Другие академики — не экономисты года?» Говорю: «Давайте». Это не значит, что они — не экономисты. Мы просто так договорились. Я тоже испугался, думаю: «Проблемы — книги». Но когда эта работа началась, мне сказали: «Давай тогда ты будешь председателем Оргкомитета». Знаете, что интересно, работаем...

Бодрунов: Никого не обижаем.

Сорокин: Это действительно интересная работа. Это первый раз. Мы никогда еще не делали это. На ходу приходилось выработать критерии. Чем отличаются эти три книги от не менее интересных книг, в том числе которые в лонг-лист вошли и в шорт-лист вошли, не менее интересных, профессиональных? Чем отличаются эти три книги? Мы для себя выбрали. Во-первых, книга должна быть написана профессионально. Это понятно. Все авторы — профессионалы. Например, Александр Бузгалин, Андрей Калганов. С юности помним, что они — профессионалы в области классической политэкономии. Всегда им завидовал, кстати говоря, в таком личном порядке.

Я уже не говорю про тех профессионалов, которые работали в Высшей школе экономики, например, про Абега Гезевича Аганбегяна. Тут уже слов никаких не хватит. И остальные книги (я еще раз говорю) должны быть профессиональными. Они все были профессиональными.

Тогда мы пошли еще по одному критерию. Почему именно эти книги? Книги эти должны быть интересны не только профессионалам, специалистам. Они должны быть интересны (то, что мы называем) широкой общественности. Все эти три книги, с одной стороны, профессионально интересны. Скажем, я — не специалист в финансах, поэтому книга мне просто профессионально интересна, чтобы

восполнить свои знания. Все эти три книги мне просто интересно читать как и любому грамотному человеку. Могу сказать, что у меня сейчас один том по истории захватил сын, а другой — супруга. Это «История для экономистов». Я сейчас перечитываю Абела Гезевича. А тебя, Саша (Александра Бузгалина. — Ред.), я отложил на третье, в летний отпуск буду читать. Книга уже у меня лежит на даче. Так вот эти книги просто интересны: они и литературно интересны, и дают, скажем так, более широкий взгляд на то, что вокруг нас. Именно поэтому мы выбрали эти книги наряду с хорошо, профессионально написанными книгами. Я думаю, что эту линию мы должны продолжать. Мы — Вольное экономическое общество России, а не просто профессионалы.

Бодрунов: Спасибо большое, Дмитрий Евгеньевич. Такие проникновенные слова... Я хотел бы к ним присоединиться. В качестве небольшого комментария скажу, что самая главная задача была даже не столько отобрать книги, сколько действительно не обидеть тех, кто не стал победителем или не вошел даже в лонг-лист. Если книга была принята на наш конкурс, она уже предварительно была просмотрена. Она уже, как правило, имела очень серьезную научную и познавательную ценность. Поэтому мы обязательно опубликуем все данные о наших участниках, о том, кто стал лауреатом и какой степени, на наших сайтах Вольного экономического общества и Международного союза экономистов и по нашим каналам распространим эту информацию так, чтобы она была понятна, доступна. Спасибо еще раз всем большое.

Аганбегян: Уважаемые коллеги, очень неожиданное, честно говоря, присуждение. Сказать, что это аванс человеку в моем возрасте — просто никто не поймет. Вряд ли я еще напишу что-либо подобное. Это плод, конечно, длительной работы. Я — больше макроэкономист. Я попытался с этих позиций взглянуть на финансы. Я думаю, что вы согласитесь — роль финансов сейчас совсем другая, чем была несколько десятилетий назад. Это колоссальная сфера, от которой зависят и развитие экономики, и развитие социальной сферы. К сожалению, в нашей стране, которая еще не завершила переход фактически к цивилизованному рынку, где не сложилась пока какая-то цельная социально-экономическая новая система в противовес той, которая была у нас, финансы — одна из самых отстающих сфер. Если по уровню экономического развития (это валовой продукт на душу населения) мы в мире занимаем 45-е место, по уровню реальных доходов — примерно 55-е место, то по уровню финансов международный наш рейтинг, по определению международных организаций,

составляет 107-е место. Это одна из самых отсталых сфер нашей экономики. У нас очень низкий объем монетаризации, очень небольшая доля банковских активов в валовом продукте, второе меньше, чем в развитых странах. Мы сильно отстаем по объему инвестиций, вообще по количеству «длинных денег». Мы не создали финансовые механизмы экономического роста, поэтому уже 27 лет фактически топчемся на месте. Мы не увеличили валовой внутренний продукт за время существования новой России, промышленность, сельское хозяйство. Мы не создали двигателя экономики. Мы выбросили за борт наше огромное преимущество планирования, которое на вооружение взяли многие капиталистические страны: Франция, Южная Корея, Китай, Индия и многие-многие другие. Не создали, к сожалению, рынка капитала, не создали настоящей конкурентной среды, не создали рыночного мощного механизма развития, поэтому топчемся на месте.

Я с этих позиций рассмотрел финансовую систему и попытался обобщить то, что многие писали и говорили. Я далек от того, чтобы приписывать себе какие-то новые мысли. Я все время цитирую великого естествоиспытателя XVIII века, палеонтолога, который сказал, умирая: «Если бы у меня в жизни была хоть одна собственная мысль, то я — гений». Все мы говорим то, что до нас говорили, но я попытался это как-то обобщить и предложить какие-то мероприятия, какое-то действие для того, чтобы с помощью финансового форсажа вывести нашу экономику из тупика стагнации, в которой мы уже пребываем шестой год и будем, наверное, пребывать до 2020 года включительно, судя по прогнозу Минэкономразвития и экспертов. Поэтому книга носит весьма дискуссионный характер.

Я — оптимист. Наша страна не один раз попадала и в более трудные ситуации. Я не говорю о Смутном времени или периоде даже революции. Я говорю, что мы выберемся из стагнации. Но надо иметь в виду, что из стагнации выбраться намного тяжелее, чем из кризиса. Америке потребовалось 10 лет в прошлом веке, в 70-е годы. Это стоило двух президентов, второго президентского срока. Форд и Картер не смогли преодолеть стагнацию тогда 10 лет. Только Рейган с его кардинальными реформами, которые названы рейганомикой, смог вывести страну вверх. И нам нужны кардинальные реформы, прорыв, к которому нас призывает Владимир Владимирович Путин. Но пока не видно этого прорыва, пока не видно структурных реформ, пока не видно финансового форсажа, пока не видно новых источников экономического роста. Все это будет. Я в этом не сомневаюсь. Я думаю, что вы доживете до лучших времен, мало того, наверное, будете участниками создания более мощной, процветающей России. Желаю вам успеха.

Бодрунов: Спасибо большое, Абел Гезевич. Такое напутствие — подарок для нашей экономики и нашей экономической науки. Это, конечно, дорогого стоит. Ваш оптимизм, я думаю, заряжает нас всех. Мы рассчитываем на то, что так и будет.

Бузгалин: Уважаемые коллеги, для нас это действительно неожиданность абсолютная. То, что эта Премия сейчас вручается авторам книги «Классическая политическая экономика» — результат возросшего уважения к классическому наследию. Хотя сегодня этот курс читается довольно редко (в Московском, Питерском и еще нескольких университетах), но он является базовым в Китае, этот курс читается во многих университетах Штатов и Европы. Мы очень надеемся, что он вернется и даст знания о том, как устроено это общество, почему оно развивается так, а не иначе, какие интересы в нем присутствуют, молодому поколению, да и старшему, которое уже про это забыло.

Последнее, что я хотел бы сказать. Авторский коллектив решил, что денежная часть премии будет использована для развития преподавания, изучения классической политической экономии. Мы сами этой премией не воспользуемся. Огромное спасибо Вольному экономическому обществу. Это очень важная поддержка нашего направления.

Бодрунов: Спасибо большое. Еще раз поздравляем победителей этого конкурса. Ваши имена войдут в анналы Вольного экономического общества, а это не просто так, потому что, коллеги, мы — наследники тех традиций, о которых говорил Юрий Васильевич. Вольному экономическому обществу 253 года. 254-й год пошел. Я думаю, что, как обещали многие наши коллеги, мы будем продолжать эту традицию еще 250 лет. Надеюсь, те лауреаты, которые сегодня стали победителями, свои имена увидят и через многие годы на наших сайтах, в наших изданиях и войдут в официальную историю Вольного экономического общества России. Я хочу предоставить слово президенту Торгово-промышленной палаты Российской Федерации Сергею Николаевичу Катырину.

Катырин: Спасибо большое. Прежде всего я, конечно, хочу поблагодарить Вольное экономическое общество в целом за сотрудничество с Торгово-промышленной палатой, а также за эту интересную идею, за этот проект определения лучшей экономической книги. Конечно, мы очень рады, что двухтомник, посвященный истории, экономической истории, стал одним из лауреатов. Нам приятно. Наш творческий коллектив действительно очень серьезно работал. Хочу сказать, что нам, конечно, не 250 лет (Торгово-

промышленной палате России всего 100 лет), но в последние годы мы очень часто обращаемся к истории не только страны, а прежде всего к той роли, которую играла Торгово-промышленная палата в разные периоды истории России: Советского Союза, нынешней России. Несколько трудов было посвящено нашими коллегами этим периодам жизни, периодам Великой Отечественной войны и после нее. Конечно, было интересно не только нам.

В честь 100-летия мы организовали проект «100 надежд бизнеса», куда пригласили 100 студентов. Был определенный отбор конкурсный и т. д. Это были студенты, которые изъявили желание (по крайней мере, у них сегодня такое желание есть) стать предпринимателями. Мы постарались им помочь освоиться в этой среде, постарались помочь им найти партнеров. Лучших предпринимателей пригласили в качестве партнеров. Но начинали мы с того, что рассказывали об истории, об экономике, о тех вещах, которые нам казались очень важными. Может быть, на таких встречах и родилась идея создания труда, который сегодня был номинирован так высоко, за что мы чрезвычайно благодарны.

Я бы хотел сказать, что в профессиональной деятельности Торгово-промышленной палаты практически ни одна дискуссия не проходит без экономистов. Мы очень тесно связаны с Вольным экономическим обществом, с Академией наук. У нас практически на каждой дискуссии присутствуют ведущие экономисты страны. На острых дискуссиях академики бывают часто. Разным темам посвящены наши дискуссии: и отраслевым вопросам, и общим экономическим. Абел Гезевич сейчас, выступая, рассказал некоторые свои мысли, которые заложены в книге. Я рекомендую тем, кто книгу еще не получил, прочитать. По-моему, в «Коммерсанте» была такая статья, достаточно развернутая, как раз по этим мыслям, о которых сегодня говорил Абел Гезевич.

Мы стараемся внимательно следить за развитием событий в экономической науке, слушаем их наяву, приглашаем для выступлений, для дискуссий. Естественно, что у нас не один общественный орган. Есть у нас комитеты и советы. Они без научной составляющей, конечно, не существуют. Всегда есть предприниматели в комитете или совете. Всегда есть представители науки. Всегда есть представители власти той или иной: законодательной, исполнительной и т. д. Мы благодарны всем тем, кто с нами работает от Вольного экономического общества. Конечно, я хочу поздравить всех, кто сегодня получил заслуженные награды, пожелать им успеха, а конкурсу — более широкой географии успеха. Я надеюсь, что в будущем году мы номинируем тех коллег из российских регионов, которые с нами работают и которые заслужат право участвовать в таком конкурсе.

Бодрунов: Спасибо большое, Сергей Николаевич. Я хотел бы подчеркнуть, что часто бывал сам редактором. В более молодые годы приходилось писать книги для студентов, поэтому я очень хорошо понимаю, что это такое — редактировать труд, особенно где 23 автора. У вас два соредатора в этой книге. Есть еще один соредатор этой книги. Это Александр Дмитриевич Некипелов. Я прошу Вас. Александр Дмитриевич Некипелов, академик Российской академии наук, Высшая школа экономики Московского университета.

Некипелов: Спасибо большое, Сергей Дмитриевич. Я начну тоже с благодарности. Прежде всего благодарность Вольному экономическому обществу, создавшему такую традицию, которая в течение неопределенно длительного периода времени будет, как я надеюсь, соблюдаться. Конечно, огромная благодарность жюри. Для нас для всех и для авторов — огромная честь быть среди таких замечательных номинантов: и академика Абела Гезевича Аганбегяна, и команды во главе с Александром Владимировичем. Это действительно огромная честь. Конечно, авторы благодарны Торгово-промышленной палате, Сергею Николаевичу Катырину.

Надо сказать, что Торгово-промышленная палата с самого начала оказала огромную моральную, и не только моральную поддержку, в подготовке этой книги. Это совершенно не формальное участие было. Очень внимательно Сергей Николаевич и его коллеги следили за ходом работы, высказывали пожелания, ободряли авторов. Конечно, еще благодарность большая и нашей одной из крупнейших российских компаний «Роснефти», которая оказывала финансовую поддержку в этом издании. Издание дорогое. Издана книжка очень хорошо (вы можете в этом убедиться), с большим количеством иллюстраций, карт, фотографий и репродукций картин и т. д. Так, что это потребовало очень больших финансовых усилий.

А теперь я просто хотел несколько слов сказать, как возникла идея подготовки этой книги. Дело в том, что мы в Московской школе экономики (она в основном ориентирована на подготовку экономистов-теоретиков) исходили из того, что для современного экономиста-теоретика необходимо владение тремя вещами. Первая вещь достаточно формальная, но абсолютно необходимая сегодня. Это знание английского языка. Сегодня в нашей области английский — это примерно то же самое, что и латынь в прошлом для всей науки. В содержательном плане важны две вещи, причем они достаточно разные. Первая (и она роднее) — это экономическая теория современная с естественными

науками. Это очень активное использование математического аппарата. По поводу того, в какой степени столь широкое использование математического аппарата является обоснованным, идут дискуссии, но сам процесс все более активного вовлечения этого инструмента в теоретический анализ прогрессирует.

И еще одно. Все-таки экономика имеет дело с социумом. Чрезвычайно важно для экономистов, для хороших экономистов-теоретиков понимать особенности этого предмета исследования. Такие особенности есть по сравнению с предметом исследования для представителей естественных наук. Кстати говоря, довольно часто многие очень известные специалисты в области естественных наук недооценивают эти особенности, поэтому иногда приходят к выводам, которые в общем для профессиональных экономистов представляются достаточно легкими. Как-то была конференция, на которой выступал Джейми Гэлбрейт. Он — профессор, известный ученый в Соединенных Штатах, сын знаменитого Джона Кеннета Гэлбрейта. Это было во время кризиса последнего финансово-экономического, очень крупного. Речь шла как раз о диагнозе этой ситуации.

Джейми начал свое выступление с шутки, но в каждой шутке, как мы знаем, есть доля истины. Он начал с шутки, сказав: «Вообще говоря, это все очень просто. Приехали на Уолл-стрит математики и физики из Китая и из Советского Союза, придумали массу сложнейших финансовых конструкций, и вот результаты все мы сейчас пожинаем». Я это говорю к чему? Я говорю к тому, что, конечно, математический аппарат — это вещь абсолютно необходимая, но в то же время надо понимать, что речь идет об особой материи — о социуме, и поэтому необходимо придавать огромное значение тому, чтобы экономист-теоретик понимал хорошо, как функционирует социум, его особенности. Поэтому мы в Московской школе экономики с самого начала уделяли огромное внимание и уделяем общественным и гуманитарным наукам. Надо сказать, что наши историки, в частности, очень прониклись идеей этого труда и выступили инициаторами на основе своего опыта, получили поддержку, как я уже говорил Торгово-промышленной палаты, руководство Московской школы экономики не возражало, и результат сегодня есть.

Что это за книга? Что это за комплекс учебный? Название очень точное — это история экономистов, то есть это не экономическая история в прямом смысле слова, хотя, конечно, влияние экономическим вопросам уделяется в книгах большое. Это, конечно, тем более не история экономических учений, хотя в книге есть, разумеется, упоминание ведущих экономических мыслителей. Это именно в духе того, о чем я говорил, история, которой должен,

по мнению автора, и я с ним здесь солидарен, владеть каждый грамотный экономист, если он претендует на то, что он способен пользоваться не только неким техническим инструментарием, но и понимать особенности того предмета исследования, которым экономисты-теоретики заняты. Поэтому еще раз большое спасибо, нам очень приятно, что вот этот замысел наших коллег получил такую высокую оценку.

Бодрунов: Коллеги, мне довелось бывать на занятиях, лекциях Московской школы экономики Московского государственного университета. Это высочайший уровень преподавания экономики, экономических наук, экономической теории. Это серьезные глубокие исследования специалистов, это большое количество сотрудников с огромными достижениями в плане исследований экономических и большим набором книг, материалов и так далее. Я думаю, что участие Торгово-промышленной палаты России в создании одного из тех материалов, которые готовят специалисты Московской школы экономики, с участием такого большого количества специалистов из других областей, придает даже более практическую направленность, окраску этому труду. Я надеюсь, что такая книга займет достойное место и среди учебников авторов Московской школы экономики, и в нашей библиотеке Вольного экономического общества России. Думаю, что прикладные специалисты, а сегодня это люди, которые работают во всех отраслях народного хозяйства, которым посчастливится почитать, посмотреть эту книгу, получат не просто огромное удовольствие, а расширят круг интересов и познаний. Я на этом хотел бы завершить нашу церемонию. Прошу вас всех аплодисментами поблагодарить еще раз, поздравить наших всех лауреатов.

ФЕСТИВАЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ (25.12.2018)

СОБЕСЕДНИКИ

*Мargarита Анатольевна Ратникова,
вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-
президент, исполнительный директор Международного
союза экономистов, доктор экономики и менеджмента*

*Михаил Асланович Погосян,
ректор НИУ МАИ, академик РАН*

*Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
Вице-президент ВЭО России, руководитель Научного
совета ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при правительстве РФ»,
член-корреспондент РАН*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
союза экономистов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
эксперт РАН, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Фестиваль экономической науки — это наше большое всероссийское молодежное мероприятие. Рад сегодня видеть в зале много молодых людей, финалистов Фестиваля. Я вас, молодые друзья наши, сердечно поздравляю! Прошу рассказать о ходе нашего Фестиваля Маргариту Анатольевну Ратникову, вице-президента ВЭО России.

Ратникова: Дорогие друзья, как сказал Сергей Дмитриевич, действительно, это большой молодежный проект, очень знаковый, поэтому мы проводим церемонию награждения на одной из лучших медийных площадок Москвы. Всероссийский проект Фестиваля экономической науки объединил большое множество региональных и всероссийских проектов, которые проводились на базе институтов Российской академии наук, на базе ведущих вузов — наших партнеров: Московского авиационного института, Финансового университета, РЭУ им. Г. В. Плеханова, других вузов. Фестиваль проводился при поддержке администрации субъектов Российской Федерации, но основными ключевыми проектами, основными событиями были Всероссийский экономический диктант, который объединил более 99 тысяч участников, и еще один наш всероссийский проект, Научный конкурс работ молодежи, в котором ежегодно принимают участие более 3000 человек. Я цифры назвала для того, чтобы мы с вами понимали, насколько это объемное мероприятие, и тем большее удовольствие сегодня чувствовать тех, кто вышел в финал.

24 декабря в Московском авиационном институте прошел финал Фестиваля экономической науки. В нем приняли участие отличники Всероссийского экономического диктанта, а также победители региональных и общероссийских проектных мероприятий ВЭО России. Михаил Погосян, ректор Московского авиационного института, отметил, что для вуза — честь принимать у себя финал Фестиваля экономической науки: «Очень важно, чтобы наши студенты были не только талантливыми инженерами, но и людьми, которые глубоко понимают экономику, потому что именно она стоит сегодня во главе всех процессов». Финалисты разделились на 13 команд. В течение двух часов молодые люди должны были решить четыре деловых кейса и ответить на 20 вопросов викторины.

В финал у нас сегодня вышли 102 человека, они вчера показали свой уровень знаний, и, как сказал правильно вчера у нас член жюри и член оргкомитета Фестиваля экономической науки, Дмитрий Евгеньевич Сорокин, действительно для жюри было крайне сложно подводить итог. Мы еще раз осознали, что лучшие из лучших приехали участвовать в финале на площадку Московского авиационного института, что вы на самом деле — все уже победители. Мы вчера об этом говорили, и ректор Университета Михаил Асланович об этом упоминал, и мы, когда вас чествовали, об этом говорили. Еще раз хочу подчеркнуть: вы действительно лучшие из лучших.

Подведение итогов финала было крайне сложным, были сложные задания, и в викторине экономической вы показали высокий уровень, что еще раз свидетельствует о том, что отличники Диктанта владеют очень хорошо экономическим инструментарием, и те, кто у нас участвовал в Конкурсе научных работ молодежи, — тоже. Поэтому я вас очень прошу сейчас внимательно отнестись к тому, какой результат жюри обозначило вчера, это были долгие дискуссии, но есть определенный, автоматизированный, скажем так, подсчет по соответствующим критериям, которые были обозначены, которые вам известны.

Поэтому еще раз поздравляю всех в участии в финале, и сейчас мы слово предоставляем Михаилу Аслановичу Погосяну, который вчера открыл мероприятие, он расскажет также о ходе финала, а вам всяческих успехов и наилучшие пожелания. Мы будем с большим удовольствием чествовать вас и видеть на наших общероссийских мероприятиях и дальше.

Бодрунов: Михаил Асланович у нас председатель жюри финала Фестиваля, прошу Вас, Михаил Асланович!

Погосян: Спасибо большое. Хочу сказать, что для Московского авиационного института было очень важно и мы были крайне заинтересованы в том, что вы поддерживаете инициативу, которую реализует Вольное экономическое общество. Проведение финала Фестиваля экономической науки на территории МАИ говорит о том, что экономика сегодня развивается не только в вузах, которые готовят экономистов и финансистов, в классических университетах. Важнейшее направление экономической науки и знаний в области экономики задают сегодня инженерные вузы. Я хочу сказать, что Московский авиационный институт не только развивает базовое направление подготовки специалистов, но и целый ряд новых направлений: например, проектирование под заданную стоимость, управление жизненным циклом изделий. Это те направления, без которых, с моей точки зрения, невозможен прорыв, о котором мы говорим, и задачи по реализации, которые ставит перед

нами президент. Я хотел бы сказать, что безусловно мы считаем — экономические знания сегодня становятся необходимым элементом инженерной подготовки специалистов, и знания должны быть на глубоком уровне. В этом смысле нам было приятно участвовать во Всероссийском экономическом диктанте, надо сказать, что наши студенты принимали участие в Конкурсе самом.

Я хочу сказать, что мы были одной из региональных площадок, где проходили мероприятия Конкурса, мы принимали участие в оценке работ. Вчера, как уже сказала Маргарита Анатольевна, на нашей базе проходил финал, и я уже вместе с коллегами ощутил, с моей точки зрения, особую атмосферу, которая объединяла всех участников финала, жюри. Это была такая живая среда, и в этом смысле, мне кажется, очень важно и то, что молодые люди не только получили базовые знания, но и научились работать в команде, научились выдвигать креативные идеи. Потому что я думаю, что будущее за людьми, которые способны быть лидерами изменений, в этом сегодня мы все заинтересованы и это является одним из ключевых факторов прорыва, на который мы все настроены. Поэтому хочу, как мы уже говорили, поздравить всех, кто вчера принимал участие в финале и, наверное, готовы к объявлению итогов финального конкурса, который вчера проходил на нашей базе. Мы, со своей стороны, и в дальнейшем будем активно взаимодействовать с Вольным экономическим обществом во всех его инициативах, и это наша позиция. Я уверен в том, что это будет создавать как раз новую среду, которая необходима для того, чтобы мы достигли сегодняшних успехов.

Бодрунов: Спасибо большое, Михаил Асланович! Уважаемые друзья, я не могу не воспользоваться случаем и не поблагодарить Михаила Аслановича специально, потому что он — мой коллега. Михаил Асланович, можно я военную тайну открою? Михаил Асланович — это человек, который стоял у руля того коллектива, возглавлял и был идеологом создания самых современных самолетов, которые у нас сегодня составляют славу и гордость России. Благодаря ему Россия осталась авиационной державой, это нужно всем знать.

Я очень счастлив, что мне довелось работать, будучи директором одного из наших холдингов, с компанией «Сухой» длительное время. Не зря Михаил Асланович сказал сегодня, что мы прекрасно понимаем, что менеджер в нашем сложном авиационном бизнесе тоже должен быть экономистом. В первую очередь, может быть, потому, что это оценка рынков, это оценка ситуаций, это оценка экономического развития, это многое-многое, что так или иначе завязано реально на экономику. При этом надо быть в значительной мере подготовленным, теоретическим экономи-

стом, потому что надо понимать тенденции развития экономики. В этом плане я думаю, что очень хорошо, что МАИ, благодаря Михаилу Аслановичу, это прекрасно понимает. Я хотел бы еще, уважаемые друзья, поблагодарить Михаила Аслановича отдельно за эту работу, пожелать ему здоровья, успехов! Таких людей, которыми славится Россия, не так много, я говорю это совершенно искренне. Уважаемые друзья, я хотел бы отдельно поблагодарить Романа Сергеевича Голова, доктора экономических наук, сотрудника МАИ, который был двигателем многих вещей, в том числе Российского экономического диктанта, в том числе Фестиваля молодежного экономической науки.

Я хотел бы слово предоставить еще раз Дмитрию Евгеньевичу Сорокину, члену жюри Фестиваля.

Сорокин: Вы знаете, я сейчас обращаюсь к молодежной части нашей аудитории, я думаю, что руководство Вольного экономического общества приняло правильное решение объединить вот эти два события — Экономическую книгу года и Фестиваль. В результате встретились как бы мэтры нашего профессионального дела и молодежь, те, кто приступает.

Вы знаете, я слушал сегодня выступления и вспоминал, когда-то мы в нашей молодости думали: «Все, что во славу Отечества можно совершить...» Места для подвига, как говорится, не оставалось, уже и все земли открыли к нашей молодости, уже и войну победили страшнейшую и тяжелейшую, места для подвига не осталось. Помните, были даже такие дискуссии: есть ли место для подвига? Я сейчас обращаюсь к молодежной части нашей аудитории, отсылая к вступлению Абеда Гезевича: посмотрите, как часто он говорил слово «нет»: «У нас нет, мы не сделали, мы не...» Кто сделали-то? Наше поколение еще продержится какое-то время, а что делать вам? Либо мы «нет», о котором говорил

Абел Гезевич, превратим в «да», либо речь идет...

С другой стороны, об этом, кстати, и Президент всегда говорит, я имею в виду уже Президента Российской Федерации, это вам делать, это больше некому будет делать, кроме как вам. От вас зависит судьба страны, а значит, судьба каждого из вас, как складывается судьба страны, так и наша. Это первое, что я хотел сказать.

Второе, опять обращаюсь к молодежной части аудитории. Мой учитель, академик Абалкин очень часто говорил: «Знаешь, Дмитрий, для прогресса общества техника и технология важны, знания важны, но главное условие прогресса — я с ним согласен, поэтому я повторяю эту мысль, — главное условие прогресса — это чтобы каждое следующее поколение было хоть чуть-чуть, но умнее предыдущего». Я своему сыну, третьекурснику, сегодня часто говорю: «Конечно, все уйдут, жизненный опыт... Я знаю больше, чем ты, но знание — это еще не опыт, надо быть умнее, а это значит — уметь мыслить самостоятельно».

Самостоятельно мыслить, не фантазировать, а именно мыслить. Вы знаете, в Ветхом Завете сказано, книга Екклесиаста: «Когда говорят тебе на что-то: вот это новое, не верь, ибо это уже было в прошедших веках». Если вы мне назовете сейчас любую экономическую проблему, я вам скажу, что она возникала в нашей стране и 100, и 200, и 300 лет, и больше лет назад, и покажу это. Не зная то, что стоит за страной, там, в истории, очень трудно что-то дельное придумать, будут фантазии.

Третье, что мне хотелось бы сказать: в прошлом важно было не только быть профессионалом в своем деле, надо еще быть и гражданином той страны, в которой ты работаешь, гражданином в социальном смысле этого слова, а не по паспорту. Я хотел бы напомнить, это было в прошлом веке... Да, приходится говорить про прошлый век, в середине прошлого века был такой прекрасный поэт российский — Леонид Мартынов. Люди старшего поколения, наверное, помнят его, у него в этой связи были стихи. Еще он писал о том:

«Что делается в механике,
И в химии, и в биологии —
Конечно, об этом знают лишь избранные;
Но пользуются очень многие:
Излечиваются хворости,
Впустую сила мышц не тратится.
Но где-то на пределах скорости,
Где бешена частиц сумятица,
Ворочается зверь искусственный.
Ворчит, себе добычу ищет он.
Зверь механический, бесчувственный —
Предельно вымерен и высчитан».

Еще тогда о цифровых экономиках уже заговорили, а еще даже слов таких не было!

«Чтоб не пожрал он ваши домики
Со всеми вашими надеждами –
Остерегайтесь быть невеждами
В политике и в экономике».

Не случайно мы выбрали эти книги, и то, что вы сегодня услышали у наших мэтров, я думаю, что это полезно, это должно остаться. У вас что-то останется в головах.

Последнее — знаете, слушая ваши ответы, в той части, в которой я был (нас две команды, на три части разделились), я хотел бы сделать два вам пожелания. Первое — не анализируйте экономические задачи с узких экономических позиций. Есть еще понятие социальное, есть понятие человека. Люди, человеки действуют в экономике, и об их мироощущении, об их состоянии внутреннем забывать нельзя. Особенно это было видно, когда решали задание, связанное с переездом региональным, — все оценивали с точки зрения чистой эффективности экономической и так далее, а с позиции ощущения людского счастья разве не надо? Экономика — это люди, не забывайте об этом, это раз.

Ну, и последнее — у нас была одна оценка, мы делали

оценку за артистизм. Фестиваль — это же праздник! А вы с такими серьезными лицами выступали, подтянутые. Вообще с серьезными лицами часто делают большие глупости, улыбайтесь чаще, празднично почувствуйте себя, даже на таких серьезных вещах, как Экономический диктант, Экономический фестиваль и прочие вещи. Мы должны улыбаться, без улыбки не будет будущего.

1 место

Команда «ВВП»

● Мирзаева Эльвира Анваровна, студентка Волгодонского инженерно-технического института — филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Ростовская область, г. Волгодонск);

● Голов Герман Романович, учащийся средней общеобразовательной школы № 1259 (г. Москва);

● Усынина Ольга Евгеньевна, учащаяся Корневской средней общеобразовательной школы № 1 (Курская область);

● Адамайтис Игорь Михайлович, учащийся средней общеобразовательной школы № 51 (г. Киров);

● Щербинина Виктория Игоревна, студентка Курского государственного университета;

● Кошелев Александр Сергеевич, студент Московского авиационного института (г. Москва);

● Антипова Ольга Александровна, учащаяся Лицея Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва).

2 место

«Экономическая Элитка»

● Черных Валерия Александровна, учащаяся средней общеобразовательной школы № 17 (Республика Мордовия, г. Саранск);

● Манкиров Денис Мергенович, учащийся Ики-

Бурульской средней общеобразовательной школы им. А. Пюрбеева (Республика Калмыкия, поселок Ики-Бурул);

● Петрушина Софья Андреевна, учащаяся Колледжа технологии и предпринимательства (Республика Карелия, г. Петрозаводск);

● Тэвалук Наталья Константиновна, студентка

Волгодонского инженерно-технического института — филиала Национального исследовательского ядерного университета МИФИ (Ростовская область, г. Волгодонск);

● Кондратьева Ксения Сергеевна, студентка Ивановского государственного университета (г. Иваново).

3 место

«Юные вольные экономисты»

● Рыжкова Татьяна Александровна, студентка Марийского государственного университета (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола);

● Петренко Людмила Викторовна, студентка Московского государственного областного университета (г. Москва);

● Антонова Екатерина Сергеевна, студентка Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина (Липецкая область, г. Елец);

● Александров Виктор Сергеевич, студент Курского государственного университета.

Бодрунов: Спасибо большое, Дмитрий Евгеньевич. Уважаемые коллеги, я думаю, что самое время приступить к церемонии награждения победителей Фестиваля экономической науки.

Эскиндаров: Уважаемые друзья, я думаю, что это волнительное мероприятие запомнится нам всем навсегда. Многим, наверное, на долгие годы. Мы очень признательны вам всем за участие, очень признательны за то, что вы приложили свои таланты, ум, свою голову золотую вложили в это дело.

Некпелов: Я хотел бы поблагодарить также всех руководителей вузов, которые прислали к нам своих студентов, и руководителей школ, где готовят таких прекрасных молодых экономистов. Мы проводили Экономический диктант, и нам очень приятно сообщить, что в 2018 году показатели по диктанту были несколько лучше, чем в прошлом, мы надеемся, что так и будет всегда.

Гринберг: Мы в этом году получили грант Президента Российской Федерации на проведение этого Диктанта, что говорит о том, что те специалисты, которые принимают решение в конкурсе грантов, оценили по достоинству это большое мероприятие. Я хотел бы еще раз поблагодарить нашу «Российскую газету» за то, какое у нас замечательное мероприятие вышло. Спасибо всем большое.

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент Вольного экономического общества России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте, эксперт РАН, д. э. н.,
профессор

Андрей Геннадьевич Соколов,
член Правления Вольного экономического общества
России, заместитель генерального директора
информационного агентства ТАСС

Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель
Финансового университета при Правительстве РФ,
член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

Алексей Андреевич Савин,
заместитель главного редактора «Российской газеты»,
член правления Вольного экономического общества
России

Александр Зотин,
журналист, «Коммерсантъ», лауреат конкурса

КОНКУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

*Лана Самарина,
руководитель редакции экономической
информации ТАСС*

*Владимир Кусков,
журналист, «Московский Комсомолец — Урал»*

*Александр Ивантер,
журналист, журнал «Эксперт»*

*Александр Шишко,
корреспондент, «Москва 24»*

*Полина Крикун,
руководитель и ведущая программы «Энергетика»
телеканала «Россия 24»*

Бодрунов: Я рад всех приветствовать на этом примечательном мероприятии — и тех, кто надеется стать лауреатом, и тех, кто пришел поздравить будущих лауреатов. Очень важно понять предысторию, откуда появился этот конкурс. Вольное экономическое общество России за свою более чем 250-летнюю историю всегда придерживалось ряда традиций. Одна из традиций, которая была заложена еще основательницей общества Екатериной Великой (Вы, наверное, понимаете, что параллельно одни и те же люди создавали и Академию наук, и Вольное экономическое общество, Академия наук создавалась для того, чтобы проводить исследования, а Общество для того, чтобы нести эти исследования в массы), так вот, одна из традиций — это разбираться в тех вещах, которые специалисты, ученые исследуют в своих областях, и правильно их интерпретировать для людей, проводя линию на экономическое просвещение, экономическое образование, если мы говорим об экономике.

У нас есть в Вольном экономическом обществе ряд премий — «Экономист года», другие разные хорошие мероприятия, позволяющих вычленить тех людей, специалистов, которые достойны определенных наград и вносят вклад в развитие нашего Общества.

В прошлом году, проводя Мемориум Карла Маркса в честь его 200-летия и 150-летия выхода первого тома «Капитала», мы убедились, что Маркс просто как экономист, марксизм как экономическая теория — одна из ветвей, одно из направлений политэкономии — интерпретируется очень по-разному, в том числе в прессе — были такие вещи, которые недостойны прессы. И у нас родилась мысль, что по поводу кого угодно и чего угодно могут быть компетентные, могут быть некомпетентные мнения, а они все выливаются на страницы прессы, это читает публика, которая хотела бы что-то для себя понять, прояснить. И мы пришли к выводу, что нам необходимо выделить тех людей, которые могут дать, наверное, наиболее правильное представление и сориентировать своих читателей на тех авторов, которые реально являются экономическими аналитиками, которые являются не просто аналитиками, но журналистами, умеющими правильно и интересно подать материал, правильно интерпретирующий те или иные экономические новации, явления, экономическую реальность и так далее.

Задача оказалась трудной. Как оказалось, у нас несколько тысяч человек пишут на экономические темы в стране. 400 человек мы выбрали для того, чтобы допустить к конкурсу, это большая группа людей. И сегодня наше жюри подвело итоги. Мы сегодня узнаем лауреатов, у нас три номинации: интернет-СМИ, печатные СМИ и телерадиовещательная группа специалистов.

Я хотел бы сегодня поздравить еще раз всех с тем, что конкурс состоялся, что это первое событие, которое у нас происходит. Мы будем теперь проводить конкурс ежегодно и надеемся, что все большее количество участников будет, с одной стороны, принимать участие в конкурсе, а с другой — просвещенная публика сможет выбирать тех авторов, которых наша премия обозначит. Предоставляю слово председателю жюри конкурса.

Соколов: От лица жюри конкурса разрешите вас приветствовать на церемонии подведения его итогов, на церемонии награждения победителей. Я кратко хотел бы продолжить ту мысль, которую выразил Сергей Дмитриевич.

Действительно, в огромном море информации и во всем нарастающем ее потоке, на мой взгляд, ключевым является компетентность тех людей, которые эту информацию пишут, которые эту информацию интерпретируют. Потому что экономика настолько стала чувствительна к информационному потоку, что то, о чем сообщают средства массовой информации, очень часто драматически отражается на тех или иных компаниях, корпорациях и даже на государстве. Поэтому вот эта инициатива Вольного экономического общества о проведении конкурса экономической журналистики будет способствовать тому, чтобы журнали-

сты рассматривали свою деятельность прежде всего как профессиональную высококомпетентную и, самое главное, очень ответственную работу. И прежде, чем писать что-то, прежде, чем сказать что-то, они действительно всерьез изучат тот вопрос, ту сферу деятельности, которой они занимаются.

Хотел бы еще до подведения итогов в первую очередь поздравить всех номинантов, всех участников конкурса и, безусловно, победителей, имена которых мы сегодня узнаем. Надеюсь, что и тех, кто участвовал в конкурсе, и тех, кто планирует в нем участвовать в последующем, эта инициатива вдохновит на новые творческие свершения.

Бодрунов: Я хочу предоставить слово члену жюри Дмитрию Евгеньевичу Сорокину.

Сорокин: У нас, представителей экспертного сообщества, достаточно сложное отношение к тем, кто профессионально занимается журналистикой, по крайней мере в нашей области. Потому что мы, и я на себе это неоднократно испытывал, прекрасно понимаем, как то, что мы иногда говорим и даже пишем, потом интерпретируется в средствах массовой информации. До сих пор помню, как в одной из телепередач, посвященной одной из очень противоречивых фигур нашей современной экономической истории России, эксперты говорили об этой фигуре, а когда дошло дело до меня, я сказал: «Я согласен со всем, что говорили предыдущие коллеги, они все правильно говорили, но...» Когда передача вышла, вот это «но» было отрезано и получилось, что я с ними согласился.

Так что, я говорю, у нас достаточно сложные отношения, но тем не менее мы хорошо понимаем, что в современном обществе, если тебя нет в информационном пространстве, ты можешь очень многие вещи говорить, исследовать, но тебя нет. И, конечно, в этом отношении без вас наша работа, представителей экспертного сообщества в области экономики, была бы просто неэффективна.

Мы первый раз проводим этот конкурс. И, конечно, во многом были у нас и субъективные мнения, наверное, не все мы учли, с каждым годом будем набираться опыта. Мне хотелось бы еще раз сказать, экономика — очень сложная вещь. Мы старались отобрать тех авторов, которые понимают, что не может быть единственно правильного мнения. И умение с разных граней осветить проблему, даже самую острую, показать, что нет простых решений, это очень важно. И поэтому чем активнее мы будем взаимодействовать, в данном случае Вольное экономическое общество, где собираются действительно представители экспертного сообщества самых разных взглядов, и вы, представители

тех, кто потом доносит эти взгляды до общества в большом смысле, это пойдет на пользу всем, прежде всего нашей стране. Удачи вам. А победителей поздравляю.

Бодрунов: И, конечно, предоставляю слово заместителю главного редактора принимающей нас «Российской газеты».

Савин: Дорогие коллеги, рад приветствовать вас в «Российской газете». Конкурс этот новый, и возникает сразу же вопрос — зачем нужен новый конкурс, когда есть по меньшей мере три старых конкурса деловой журналистики? Мы сами пытались ответить на этот вопрос, и нам помог характер тех заявок, которые пришли, заявок пришло очень много — более 400. Вероятно, этот конкурс востребован. Это во-первых.

Во-вторых, тут нужно вспомнить о задачах организатора этого конкурса — Вольного экономического общества России, чья основная уставная цель — экономическое просвещение. Дело в том, что все существующие конкурсы деловой журналистики в основном посвящены бизнесу — крупному, среднему, малому. И формат любого материала в нем подразумевает рассказ о том, как бизнес добился тех или иных результатов, благодаря чему и вопреки чему. Здесь же формат ожидаемых нами заявок был иной — мы рассматривали в первую очередь материалы, которые посвящены экономике в целом, экономике региона или экономике системообразующей отрасли, экономике во взаимодействии всех ее субъектов и под воздействием различных факторов. Именно такие работы и составили шорт-лист. Шорт-лист опубликован, по каждой из трех номинаций в нем по десять работ. Над шорт-листом трудился экспертный совет, это была большая работа, работа достаточно интересная.

И для того чтобы лучше понимать формат материала для нашего конкурса, я рекомендую всем посмотреть на медийные проекты Вольного экономического общества. Это популярный журнал «Вольная экономика», это сборник статей «Беседы в экономике» и, конечно, телевизионная программа «Дом “Э”» на Общественном российском телевидении. А теперь, наверное, можно открывать церемонию награждения.

Бодрунов: Так и поступим. Я хотел бы вам представить ведущего нашей церемонии Романа Будникова, ведущего Первого канала.

Будников: Итак, в шорт-лист в номинации «Лучшая публикация в интернет-СМИ» вошли десять материалов. Публикация на сайте журнала «Эксперт» «За краем нефтегазового горизонта», автор Евгений Огородников. Публикация в ТАСС «Что ждет бизнес после отмены контроля за трансфертными ценами», автор Дарья Карамышева. Публикация на сайте «Форбс.ру» «Башни Козицына: как совладелец УГМК застраивает Екатеринбург», автор Иван Русляников. Публикация на сайте «Томск.ру» «В ожидании дефолта: что будет с российской экономикой», автор Виктор Тарасенков. Публикация на сайте «ФедералПресс» «С утра открылся, уже пять норм нарушил. ТРЦ в эпицентре конфликта интересов», автор Юлия Литвиненко. Публикация на сайте актуальных мнений «Наш университет онлайн» «В мире происходят глобальные трансформации, и роли стран меняются», автор Евгений Анурьев. Публикация на сайте «Сибновости.ру» «КрАЗ — это город в городе. Прогулка по одному из самых эффективных алюминиевых заводов в мире», автор Юлия Тоцкая. Публикация в ТАСС «Страховок много, жизнь одна. Как обезопасить здоровье, имущество и ответственность», автор Арина Раксина. Публикация на сайте газеты «Коммерсант» «Экономика протеста: новые левые», автор Александр Зотин. Публикация на сайте «ФедералПресс» «Проценты выше всего. Почему “религиозный” банкинг не приживается в России», автор Евгений Толкачев.

Итак, переходим к церемонии награждения победителей в номинации «Лучшая публикация в интернет-СМИ». Победителей Всероссийского конкурса экономической журналистики в номинации «Лучшая публикация в интернет-СМИ» награждают президент Вольного экономического общества России Сергей Бодрунов и заместитель главного редактора «Российской газеты», заместитель председателя жюри конкурса Алексей Савин.

Третье место в номинации «Лучшая публикация в интернет-СМИ» присуждается публикации на сайте «Сибновости.ру» «КрАЗ — это город в городе. Прогулка по одному из самых эффективных алюминиевых заводов в мире». К сожалению, автор публикации Юлия Тоцкая не смогла присутствовать. Диплом и денежная премия отправляется в Красноярск автору. Второе место в номинации «Лучшая публикация в интернет-СМИ» присуждается публикации на сайте газеты «Коммерсант» «Экономика протеста: новые левые». Диплом и денежная премия вручается автору Александру Зотину. Александр, Вам слово.

Зотин: Большое спасибо. Хотел бы прежде всего поблагодарить Вольное экономическое общество России, жюри за высокую оценку. Для меня это волнительный момент, неожиданный и вообще радостный. Должен сказать, что сейчас эта поддержка очень важна, потому что на самом деле экономическая деловая журналистика переживает очень непростые времена. Я успел поработать в трех журналах: «Финансисте», «АПК» и «Коммерсантъ — Деньги». И на данный момент они все три закрыты. Причем там проблемы разные. Скажу, последний журнал был прибыльный, тем не менее закрыт. Все, кто собирается прийти в деловую журналистику, предупреждаю, что мало того, что это очень малоденежная профессия, она и заканчивается. То есть та бизнес-модель журналистики, которая существовала раньше, сейчас просто не работает.

Например, на сайте «Коммерсанта» самое популярное, куда люди ходят, где осуществляется самое большое количество кликов, где, как вы думаете?

Реплика: Светская хроника.

Зотин: Нет. Еще какие версии?

Реплика: ОСАГО.

Зотин: Тоже нет. Это фотографии, галереи разных фото. Они вывешивают каждый день галереи, и люди просто смотрят фотографии. А читать могут только какую-нибудь маленькую заметку, это максимум. Какой-нибудь большой лонгрид — это уже проблема. То есть в лонгриды

люди не заходят, заходят какие-то отдельные высоколобые читатели, но не более того. И сама бизнес-модель журналистики сейчас очень проблематична, и вдумчивая, аналитическая журналистика больших текстов, какого-то анализа, конечно, нуждается в помощи разных организаций, таких как Вольное экономическое общество. То есть чисто как бизнес это не работает. Это требует определенной поддержки. И я за эту поддержку очень благодарен.

Будников: Александр Зотин, спасибо Вам. Поздравляем еще раз. Первое место в номинации «Лучшая публикация в Интернет-СМИ» присуждается публикации в ТАСС «Что ждет бизнес после отмены контроля за трансфертными ценами». Автор Дарья Карамышева. К сожалению, Дарья не смогла присутствовать, поэтому награда вручается руководителю редакции экономической информации ТАСС. Лана Самарина приглашается на сцену.

Самарина: Спасибо большое. Даша не смогла приехать,

она сейчас находится в командировке на Всемирном экономическом форуме в Давосе и оттуда прямо сейчас диктует новости. Я ей обязательно передам и Ваши добрые слова, и награду. И от нас — и от меня, и от нее, — и жюри, и Вольному экономическому обществу огромная благодарность, потому что мы — информационное агентство, и наш основной продукт — все-таки новости.

И в том потоке новостей, который у нас идет каждый день, а это иногда, в особо горячие дни, до тысячи новостей только на экономическую ленту, найти время, чтобы остановиться, передохнуть, задуматься, проанализировать то, что происходит, причем в достаточно сложных темах, потому что тема трансфертного ценообразования, за которую взялась Даша, освещалась достаточно хорошо, но давно. То есть фактически человек взялся не с нуля, но с очень низкого уровня, и поднял тему на высокий аналитический уровень. И то, что эта ее работа получила признание такой авторитетной ассоциации, авторитетного института, за это вам огромное спасибо.

Будников: Дарья Карамышева — первое место. Я думаю,

что мы должны не Вольное экономическое общество благодарить, а благодарить тех, кто рядом, тех, кто пишет на эти темы, кто вкладывает свою душу, свой ум, свои знания и свои умения в эту очень важную работу. И не мы поддерживаем журналистов, а журналисты поддерживают то направление, которым занимаемся мы. И мы за это очень вам признательны. Спасибо. Давайте поблагодарим всех лауреатов.

Переходим к номинации «Лучшая публикация печатных СМИ». Шорт-лист. В номинацию вошли десять материалов. Публикация в журнале «Эксперт» «Деньги, пропавшие без

вести», автор Любовь Маврина. Публикация в «Российской газете» «Август — 98. Российская экономика извлекла уроки из черного понедельника, но оказалась перед угрозой новых потрясений», автор Игорь Зубков. Публикация в «Аргументах и фактах» «Почему приказцы стали брать больше займов», автор Александр Переверзев. Публикация в «Российской газете» «Под подушкой не хранят. Одни регионы берут кредиты, другие зарабатывают на вкладах», автор Надежда Толстоухова. Публикация в газете «Комсомольская правда» «Спас ли коровий заем фермера от банкротства?», автор Олег Адамович. Серия материалов в газете «Коммерсантъ-Урал» «В поисках интеллекта. Как банки на Урале развивают ДПО для корпоративных клиентов», автор Евгения Яблонская. Публикация в журнале «Эксперт» «Увязли в стабильности», коллектив авторов: Евгения Обухова, Алексей Долженков, Александр Ивантер. Публикация в журнале «Стратегия» «Возобновляемое будущее», автор Алина Елфимова. Публикация в газете «Московский Комсомолец — Урал» «Свердловская металлургия: стагнация или развитие?», автор Владимир Кусков. И публикация в газете «РБК» «Некрасивые долги», автор Дарья Лехницкая.

Победителей всероссийского конкурса экономической журналистики в номинации «Лучшая публикация в печатных СМИ» награждают президент Вольного экономического общества России Сергей Бодрунов и председатель жюри конкурса, заместитель генерального директора информгентства ТАСС Андрей Соколов. Итак, третье место в номинации «Лучшая публикация в печатных СМИ» присуждается публикации в газете «Московский Комсомолец — Урал» «Свердловская металлургия: стагнация или развитие?». Диплом и денежная премия вручается автору Владимиру Кускову. Владимир, можете сказать несколько слов всем присутствующим?

Кусков: Для меня очень большая честь войти в число лауреатов первого конкурса, конкурса, уникального по набору тем, которые принимаются. Если мы посмотрим в шорт-лист, мы увидим и по разным уровням — от экономики предприятия до международной экономики, и по сферам — и банковская сфера, и реальный сектор экономики. Поэтому хотелось бы поблагодарить Вольное экономическое общество скорее не за поддержку, а за стимулирование журналистского сообщества к всестороннему и комплексному освещению экономических процессов.

Будников: Второе место в номинации «Лучшая публикация в печатных СМИ» присуждается публикации в жур-

нале «Эксперт» «Увязли в стабильности». Диплом и денежная премия вручаются коллективу авторов журнала «Эксперт»: Евгении Обуховой, Алексею Долженкову и Александру Ивантеру. Александр, Евгения, вам слово.

Ивантер: Очень приятно получить эту награду. Руководителем нашего коллектива в этой заметке была наша очаровательная Евгения, она редактор отдела экономики и один из сильнейших наших журналистов, которой мы очень гордимся. Я лично расцениваю эту награду как знак, как оценку тех принципов, которыми уже много лет руководствуется «Эксперт» в своей работе. В частности, эта наша заметка насыщена числовыми аргументами, графиками, которые мы маниакально любим. Следуя заветам великого Лейбница, прежде чем спорить, давайте считать.

Экономика в значительной степени — это такая плохо осязаемая и считаемая вещь. Но те вещи, которые счетные, мы стараемся считать и аргументировать свои тезисы не только публицистически, но и прибегая к тем или иным выкладкам.

Последняя ремарка. Я лично не в курсе, какие еще премии деловой журналистики существуют. Я знаю, была премия «Искра», но она — скорее general interest, там одна из секций была посвящена деловой и экономической журналистике. Но сейчас она не в самом лучшем положении.

А отрасль? Не буду на нашем празднике развивать грустную тему, которую поднял коллега Зотин. Все мы, конечно, знаем, отрасль, по крайней мере, печатных деловых СМИ переживает не лучшие времена. Как на великой русской картине, триптих «На Шипке», когда людей поставили в дозор и падает снег, они не могут сдать этот перевал. Часто бывает так, что мы ощущаем себя вот этими солдатами русской армии со штыками, которых уже заносит снег.

Но тем не менее мы верим в то, что следующее поколе-

ние, может быть, какие-то все-таки люди не окончательно мутировали в телеграмканальную и фейсбучную нашу реальность, что следующее поколение все-таки вернется и к лонгридам, и к какой-то привычной вкусу, к аргументированной, красивой и иногда даже литературно приятной форме дискуссии, чтения, изложения. И, конечно, новая премия тоже этому будет способствовать, за что организаторам большое спасибо.

Будников: Первое место в номинации «Лучшая публикация в печатных СМИ» присуждается публикации в «Российской газете» «Август — 98. Российская экономика извлекла уроки из черного понедельника, но оказалась перед угрозой новых потрясений». Диплом и денежная премия вручаются автору Игорю Зубкову. Игорь, Вам слово.

Зубков: Спасибо большое, я очень тронут, тем более что так много изданий участвовало в этом конкурсе. Невероятная честь для «Российской газеты». Я очень благодарен и жюри, и Вольному экономическому обществу. ВЭО пытается делать много серьезных проектов, ищет и находит лучшие книги по экономике, лучших экономистов, награждает их, развивает какие-то другие проекты. Я желаю, чтобы вся эта деятельность прирастала, развивалась новыми проектами. Спасибо большое.

Будников: И мы начинаем церемонию награждения победителей в номинации «Лучший телевизионный или радиосюжет». В шорт-лист номинации вошли десять сюжетов. Цикл программ «Энергетика» на телеканале «Россия 24», автор Полина Крикун. Специальный репортаж «Кредитный приговор» на телеканале «Москва-24», автор Елена Егорова. Цикл программ «Итоги дня» на радио «Вести FM» в Екатеринбурге, автор Сергей Храмушин. Цикл программ «Прикладная экономика» и «Объясняем на пальцах» на телеканале «Мир Белогорья», автор Марина Сафронова. Сюжет «Экономический диктант» на телеканале «АТН», автор Валерия Васильева. Специальный репортаж «Антон да Дарья. Путь к мечте», на телеканале «Россия 24», автор Екатерина Левицкая. Сюжет «Наводим мосты» на телеканале «Россия-1», автор Ольга Федорова. Репортаж «Долговая яма» на телеканале «Москва-24», автор Александр Шишко. Сюжет «Социальное предпринимательство» на телеканале «Россия-1», автор Ольга Патрушева. Цикл передач «Бизнес-курс» на телеканале «Краснодар», автор Анна Григорьева.

Итак, дорогие друзья, третье место в номинации «Лучший телевизионный или радиосюжет» присуждается циклу программ телеканала «Мир Белогорья», «Прикладная экономика» и «Объясняем на пальцах». К сожалению, автор программы, Марина Сафронова, не смогла приехать, диплом и денежная премия отправляются в город Белгород автору. Давайте поаплодируем.

Второе место в номинации «Лучший телевизионный или радиосюжет» присуждается репортажу телеканала «Москва-24» — «Долговая яма». Диплом и денежная премия вручаются автору, Александру Шишко. Вам слово.

Шишко: Спасибо большое, очень приятно, что оценили репортаж «Долговая яма». На самом деле это репортаж о кредитах и о том, какие подводные камни ждут тех, кто собирается брать кредиты, и с какими нюансами сталкиваются те, кто уже взял кредит. Мы попытались рассказать обо всем подробно, хронометраж на телевидении всегда ограничен, но мы с помощью экспериментов, с помощью

героев попытались рассказать о всех нюансах. Всего шесть минут, но, если вы так высоко оценили, значит, нам это удалось. Спасибо большое.

Бодрунов: Александр Шишко, второе место в номинации «Известный человек и краткость — сестра таланта». Попробуйте написать за шесть минут то, что требуется людям для того чтобы оценить эту ситуацию. Это очень хорошая, продуктивная работа.

Будников: Давайте еще раз поаплодируем, почетное второе место. Дорогие друзья, первое место в номинации «Лучший телевизионный или радиосюжет» присуждается циклу программ «Энергетика» на телеканале «Россия 24». На сцену приглашается Полина Крикун. Полина, Вам слово.

Крикун: Спасибо вам большое, премия неожиданная, очень приятная. Особенно, наверное, для всех журналистов, в частности для тележурналистов, мы понимаем нашу аудиторию и стараемся работать с ней, но, когда ее оценивает столь экспертное жюри, как Вольное экономическое общество, это вдвойне приятно. Я и моя команда многое делаем для программы «Энергетика». Для экономики энергетика — очень важная тема, мы понимаем, и стараемся делать так, чтобы она была доступна для людей, чтобы она была интересна. Когда, соответственно, получаем такую оценку, это очень приятно, спасибо.

Бодрунов: Еще раз поздравляем Вас, творческих Вам успехов. Спасибо большое. Уважаемые друзья, хочу сказать в завершение несколько слов. Первое, для нас большая честь, что вы пришли к нам на наш конкурс, стали в нем участвовать, поверили в то, что это нужное, правильное дело. Без участников никакой конкурс не состоится, поэто-

му я очень признателен тем, кто подал свои заявки. Алексей Андреевич сказал, что мы отобрали 400 заявок для участия в конкурсе. На самом деле, желающих было много, но вы знаете целевые задачи конкурса, из этих 400 был сформирован лонг-лист, и мы будем присматриваться к этим людям, наше жюри будет в следующем году смотреть на заявки. Это первое.

Второе, я думаю, что очень важно, чтобы наши читатели ориентировались на тех, кто грамотен, кто умеет правильно подать материал, кто интересен. Этому способствуют в том числе и участие в конкурсе, и публикация нашего шорт-листа, наших лауреатов. Мы сегодня обязательно вместе с нашими коллегами из СМИ осветим имена лауреатов, чтобы наши читатели, наши издания могли видеть, на кого ориентируются лучшие, понимающие дело экономисты и лучшие журналисты, которые вошли в жюри конкурса. Те люди, которые являются профессионалами в этих двух ипостасях. Это очень сложное дело, и я действительно признателен тем, кто сегодня в таких сложных условиях работает на этом поле.

Третье, я хочу сказать, что для меня важно это было лично. Почему? Я старый человек, для меня важно смотреть, как развивается журналистика. Я лично публицистом, в том числе телевизионным, в последние лет 10 выступаю иногда. Я всегда ориентируюсь сам в своей работе на лучшие образцы. Смотрю, что люди делают, как развивается эта суботрасль общественного сознания.

У меня семья журналистская, у меня дочка — целый профессор Санкт-Петербургского университета, на факультете журналистики работает, центр медийный возглавляет, очень сильный, писала докторские диссертации по медийному пространству, российскому, нероссийскому. У нас постоянные споры, что главное в медиа, что не главное в медиа, куда что развивается.

Она, будучи представителем молодого поколения, позволяет мне правильно ориентироваться в сегодняшнем медийном пространстве. Так что я благодарен вам как людям, которые представляют это поколение, за то, что вы показываете нам, людям старшего поколения, тренды развития журналистики. Это тоже важно. Этот конкурс сегодня ориентирован и на то, чтобы наши члены жюри обогащались в том числе и вашим видением, и вашим пониманием этого развития.

В завершение, всем здоровья, поздравляю с прошедшим Днем журналиста, желаю всем творческих успехов. А тех, кто не вошел сегодня в шорт-лист и не стал лауреатом, я жду на конкурс в следующем году и надеюсь, что наше жюри будет объективно смотреть и выбирать, в том числе из тех, кто еще не успел попасть, но шансы есть. Я надеюсь, что конкурс наш пойдет дальше жить, и с вашей поддержкой, с вашим участием мы сделаем это доброе для нашей страны дело.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА СЕГОДНЯ

Перефразируем великого классика: «Поэтом можешь ты не быть, но журналистом быть обязан». Тем более что проблема качества, достоверности и даже просто добросовестности в журналистской работе сейчас беспокоит людей и в России, и в Европе, и в США. Каким должен быть современный журналист, освещающий проблемы экономики? Как взаимоотносятся между собой сферы экономической журналистики и государство, бизнес, общество?

СОБЕСЕДНИКИ

Алексей Андреевич Савин,
член Правления ВЭО России, заместитель главного редактора «Российской газеты», заслуженный работник культуры России

Юрий Васильевич Якутин,
вице-президент ВЭО России, председатель совета директоров, научный руководитель издательского дома «Экономическая газета», заслуженный деятель науки России, д. э. н., профессор

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте, эксперт РАН, д. э. н., профессор

Бодрунов: Сегодня у нас кто только ни мнит себя журналистом. Появилось в связи с технологической революцией такое семейство профессий, как блогерство. Люди имеют подписчиков, часто очень много, высказывают свои мысли, далеко не всегда квалифицированные. В противовес этому потоку необходимо ставить завесу из квалифицированной журналистики, важных, серьезных исследований. Для того чтобы так суметь сделать, надо иметь две вещи: первое, экономически квалифицированных журналистов, и, второе, квалифицированную экономическую прессу — ту, которая имеет имя, имеет возможности грамотно и правильно трактовать те или иные экономические события, доносить экономические идеи людей. На сегодняшний день это очень непросто сделать, потому что это должна быть независимая журналистика.

С одной стороны, есть одни экономические оценки, с другой — другие, журналист должен суметь, абстрагировавшись от каких-то интересов, донести четко и ясно позицию независимого, квалифицированного эксперта до сообщества читателей. Скажите, пожалуйста, Алексей Андреевич, у Вас большой, можно сказать, гигантский опыт работы, сегодня независимая экономическая журналистика есть в России или все-таки есть проблемы?

Савин: Не то, чтобы проблемы... Независимой журналистики экономической в России попросту нет, как и в большинстве других стран. И эта зависимость, она очень сложна и многогранна. Я бы выделил четыре фактора. В первую очередь это зависимость от учредителей. У каждого СМИ есть учредитель. Во вторую очередь — это зависимость от коммерческих интересов издания, отдела рекламы, коммерческих партнёров. Далее, это риски судебных преследований. Российские суды очень недружелюбно настроены к средствам массовой информации. Ну и, наконец, в каждой редакции есть топ-менеджмент, и у него есть свои интересы, личные в том числе, и коммерческие...

Бодрунов: Могут быть другие представления какие-то...

Савин: Интересы, свои представления о том, как устроена экономика. И вот эти четыре основных фактора и влияют на зависимость журналистики.

Бодрунов: То есть на самом деле мы говорим в таком каком-то абстрактном понятии «независимая журналистика», наверное, этого добиться в реальной жизни невозможно.

Савин: Нет, невозможно. Существует в различных СМИ та или иная степень зависимости или одна из ветвей этой зависимости, но зависимы все.

Бодрунов: Вот сейчас смотришь, как западные СМИ, будто по команде, будто волшебной палочкой кто-то взмахнул, любую новость могут подхватить и начать эту новость...

Савин: В кампанию превращать.

Бодрунов: Да, в кампанейщину. Раньше нас в этом обвиняли, советскую прессу, по команде работающую. От кого зависимость, Юрий Васильевич, там в этом плане?

Якутин: Прежде чем ответить на Ваш вопрос, коротко — историческая справка. Экономическая журналистика — первооснова в России любой журналистики. Начиналась она с Петра Первого. Когда учреждал «Ведомости», Петр специально указал, что должны быть экономические новости о ценах в портах, о пришедших судах, о том, какой груз привезли, и так далее. Император был одним из первых редакторов вот этих «Санкт-Петербургских ведомостей», которые, кстати, выходили вначале в Москве и только через несколько лет стали выходить в Санкт-Петербурге.

И второе обстоятельство, очень важное: Ломоносов Михаил Васильевич несколько лет редактировал «Ведомости Российской академии наук» как прообраз будущего периодического издания, в том числе о культурной жизни, жизни в области искусства, событий страны. И он, когда готовил свой знаменитый документ по домостроительству, из которого наше Вольное экономическое общество родилось, разработал 7 пунктов о том, каким должен быть журналист: не предвзятым, умным, готовым погружаться тему и так далее. Так вот, отвечая на ваш вопрос, я хочу сказать, что у меня такое впечатление, что сегодня деловая журналистика на Западе отдана на откуп политическим интересам. Здесь политическая подоплёка лежит в основе. Политические новости важнее здравого смысла...

Бодрунов: Здесь как раз наблюдается такая странная ситуация. С одной стороны, постоянная борьба: журналист должен быть независимым, не зависимым вроде бы ни от кого. С другой — такой независимости добиться в реальной жизни невозможно. Значит, должен быть какой-то, не знаю, внутренний компромисс, что ли, человек должен говорить правду и в то же время учитывать эти многочисленные влияния, которые так или иначе оказывает окружающая жизнь на его творчество.

Якутин: Быть в обществе свободным от общества невозможно. Поэтому степень твоей включенности в общественную жизнь — это степень и твоей зависимости. Но вы правильно говорите, вот профессиональный экономист, журналист, будь он специалист по финансам, по сельскому хозяйству или черной металлургии, он себе на горло не наступит. Он не будет очевидные ошибки делать. А здесь делаются просто очевидные, не просто ошибки, преступления совершаются, когда дезинформируется публика в области движения финансов, капиталов или практической реализации какого-то общенационального проекта.

Бодрунов: Знаете, как я поступаю, когда хочу понять, что же всё-таки в обществе говорят о какой-то экономической проблеме? Я беру несколько источников: «Экономическую газету», «Российскую газету», беру «Известия», интернет, беру «Ведомости», «РБК» и другие издания, которые так или иначе могут эту проблему экономическую осветить. Читаю, понимая, кто учредители, топ-менеджеры, примерно представляя круг людей, которые влияли на формирование того или иного материала, и выбираю для себя тех журналистов, которые, на мой взгляд, наиболее объективны. На мой взгляд, потому что я тоже не являюсь независимым лицом от общества, я тоже

имею какие-то свои представления. Но чтобы все-таки быть в теме, в объективном пространстве, я пытаюсь делать так. Это требует большой работы, большого времени.

На Западе часто мы видим ссылки на какие-то исследовательские структуры, на какие-то агентства информационные. Они используются уже дальше в формировании каких-то серьезных решений. У нас влияет экономическая журналистика на экономические решения?

Савин: Прежде всего речь идет о влиянии экономической журналистики на рынки. У нас сам рынок очень слаб...

Бодрунов: Да, если там где-то высказали что-то, тут же акции обвалились где-нибудь...

Савин: Рынок слаб, мало эмитентов, мало капиталов. Поэтому, скажем так, особенно не на что влиять в России журналистике. Это первое. И второе, для того чтобы повлиять на рынок, нужны хорошие или плохие, но новости. А новости в этом отношении — это инсайдерская информация. Инсайдерскую информацию СМИ публикуют с большой неохотой, потому что это чревато различными последствиями. Она плохо проверена, плохо доказуема, она может нанести большой ущерб компании, и компания предъявит тебе этот ущерб. Поэтому хотя журналисты владеют такой информацией, но никому не нужны неприятности. Поэтому влияет у нас наша экономическая журналистика на рынки очень слабо.

Бодрунов: А на решения правительственных структур? Вот разрабатываются разнообразные программы, государственные и не только. Я могу сказать, ученое сообщество у нас в Вольном экономическом обществе часто обсуждает различные проблемы. Не скажу, что мы можем оказать гигантское влияние какое-то, но то, что к нам обращаются, запрашивают материалы, периодически их смотрят, потом эти материалы включаются в каком-то виде в правительственные решения — это факт. А вот что журналистика?

Якутин: А вот я тоже Вам пример приведу. И Вы, наверное, его знаете. Сколько мы пишем статей, иногда над словом, иногда над абзацем бьешься-бьешься, и вдруг выступает одно из первых лиц государства, и вот этот точно твой абзац воспроизводит в выступлении по экономической проблематике. Это влияние или нет? Воспроизводится мысль, которая была выработана редакционным коллективом...

Бодрунов: Это влияние, это как раз и есть то самое, о чем я говорю.

Якутин: И очень часто бывает так, очень часто. Но у меня другой немножко подход. Мне кажется, если говорить о влиянии, Сергей Дмитриевич, то надо говорить о влиянии всё-таки на своего читателя...

Бодрунов: В первую очередь...

Якутин: Вот Вы сказали правильно, читательская аудитория разная.

Бодрунов: Вы, Юрий Васильевич, правильно заметили. Есть рынки, условно говоря, экономика, есть государство, государственные структуры и так далее, а есть общество.

Якутин: Когда мы в диалоге со своей читательской аудиторией, мне больше приятно, что они соглашаются со мной, и они проводят нашу линию, отстаивают эту позицию. Это, может быть, не скоротечно, не сиюминутно, не конъюнктурно, но это на будущее работает, потому что заложили в мозги. Нельзя сиюминутно решить вопрос, например, пенсий, госдолга или какую-то другую проблему. По мановению палочки в экономике не бывает. А постоянная содержательная работа вместе с читательской аудиторией, вместе с нацеленностью, она даёт свои результаты, и это говорит об эффективности диалога.

Бодрунов: Вот было в своё время: утром — в газете, вечером — в куплете. И обратный процесс должен быть, когда из куплета попадает в газету. То есть этот интерактив — общение с читателем по письмам — был в Советское время, если помните. Были отклики на какой-то материал, статью. Даже сейчас открываешь, ну, не буду рекламу делать, допустим, «Огонек».

Якутин: А это везде сейчас, во всех изданиях. И у вас, и у нас есть, пожалуйста, любая статья — сразу же открывается окошко в интернет...

Бодрунов: Мне кажется, это окошко в интернете и прочее — очень важно, потому что информационная среда — это среда общая и для журналиста, и для любого читателя, пусть простого читателя, пусть человека из бизнеса, пусть человека из государственных структур, который принимает решения. И понятно, что здесь, в этой среде, важно мнение каждого участника. Поэтому вот эта технологическая поддержка, она, мне кажется, работает на большую неза-

висимость нашей экономической прессы. Уже гораздо сложнее не учитывать мнение, когда это мнение может быть высказано, как говорил Маяковский, многоголосой толпой.

Якутин: А Вы знаете, Сергей Дмитриевич, Вы возглавляете в том числе и Институт им. С. Ю. Витте в Санкт-Петербурге. Витте же был не только министром финансов, он был и премьер-министром Российской империи. И он был одним из основателей «Торгово-промышленной газеты» в 1893 году. Он целый комплекс критериев разработал по работе этой газеты с деловым и промышленным миром России.

Это говорит о том, что конституирующие признаки качественной газеты не меняются: будь объективен, будь квалифицирован, будь в диалоге с читателем, не навязывай ему своё мнение, приходи с этим мнением сообща, то есть, культура дискуссии, культура поиска здравого смысла в экономических решениях — вот чему нас учат предшественники. И Вы сейчас призываете к этому.

Бодрунов: Я даже не столько призываю, сколько говорю о том, что это объективный процесс. Я не зря начал наш разговор не просто с экономической прессы, а с её состояния и места в обществе, с консолидации общественных усилий в сфере развития, в частности экономики. И здесь если не иметь объективности, то мы построим кривое зеркало, мы построим кривую экономику...

Якутин: И общество кривое...

Бодрунов: И поэтому в этом плане роль экономической журналистики в исконном, исходном, нормальном человеческом понимании, её объективность, независимость, требующая мужества, квалифицированности, требующая отдачи, требующая где-то и каких-то потерь для себя, если на то пошло. Это очень важно. Воспитывать сегодня журналиста — это не значит его учить пользоваться сетями, современными средствами какими-то или пользоваться словом. Положено иметь пишущему человеку нормальное понимание русского слова, а может быть, и не только русского. Важное оставаться человеком и быть самим собой. Вот я хотел бы еще на один момент обратить внимание в связи с этим. Сегодняшняя жизнь быстрая. Многие вещи происходят без осознания их, на фоне ленты новостей. Вот случилось что-то, потом случилось вот это, вот это... И это не выстроено в какой-то ряд, как правило. И такие новости чаще влияют на финансовые рынки. Аналитики работают, пытаются какую-то конструкцию выстроить, чтобы предугадать тренд движения таких-то акций и так далее. Это

одна сторона дела. Но если мы будем ориентироваться только на ленту новостей и не будем осознавать того, что за этой лентой стоит, то, наверное, это как раз будет работать не на объективность, хотя вроде объективно новости подаются. Вот случилось, сказали. Но осознание здесь важнее. Роль аналитики, журналистской аналитики, экономической аналитики, мне кажется, сейчас возрастает. Как Вы думаете, Алексей Андреевич?

Савин: Тут есть проблема формата. Дело в том, что для ежедневной газеты, для федерального телеканала, аналитика является неформатом. Он не может ее представить никаким...

Бодрунов: Нет форматов...

Савин: Нет форматов для того, чтобы представить ее достойным образом. Поэтому такие средства массовой информации работают с новостями и краткими комментариями. Таким образом, аналитика остается экономическим и экономически-популярным журналом. Но, что такое журнал... Это выход раз в неделю или раз в месяц.

Якутин: А то и раз в квартал...

Савин: А то и раз в квартал, бывают и такие. Но, значит, информационный повод к этой аналитике за это время уходит...

Бодрунов: Да, устаревает.

Савин: Устаревает. Кроме того, журналы вообще себя после 2008-го года чувствуют очень плохо, большинство из них умерло, осталось всего несколько. Поэтому для аналитики, по сути дела, нет в средствах массовой информации достойного и актуального, оперативного места. Это проблема, которая, в общем-то, требует своего решения.

Якутин: А я добавлю к Вашему этому замечанию вот такое наблюдение. У нас Вольное экономическое общество активно работает с Плехановским институтом, с Финансовым университетом, и у них там формируются свои собственные аналитические центры, которые финансово-денежную, кредитную политику анализируют, поведение на рынках каких-то отраслевых, нефтяных, газовых, угольных и так далее. И эта аналитика востребована. Мы частично публикуем эту аналитику. То есть, соглашаясь с вами, скажу, что ещё должен быть запрос на аналитику. Если есть запрос на аналитику, найдутся люди, которые будут её составлять. И в мире, кстати, деловой журналисти-

ки, если посмотреть... Я знаю много различных зарубежных изданий, где тираж-то всего 500 экземпляров, но это элитные издания. Например, норвежское, которое посвящено нефтеоборудованию, — лучшее издание по поводу нефтянки и всего, что связано с добычей нефти. 500 человек, но зато это элита. И так же во многих других отраслях. Вот эта аналитика востребована, если она качественная.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, вот мы плавно подошли к вопросу, который завершать должен нашу передачу. Мы обычно представляем какие-то издания Вольного экономического общества, которые так или иначе отражают тему передачи. Возвольте воспользоваться, злоупотребить служебным положением президента Вольного экономического общества и представить нашим телезрителям наш журнал Вольного экономического общества, который издаётся с прошлого года. Журнал называется «Вольная экономика». Вышло несколько номеров. Мы пытаемся, как раз пытаемся в этом журнале занять вот эту самую нишу, нишу экономической аналитики...

Якутин: ...качественной...

Бодрунов: Да, качественной аналитики. Мы в журнале берём темы, которые актуальны сейчас, которые интересны сегодня во многих направлениях. Условно говоря, есть 200-летие Маркса. И для учёных, и для аналитиков экономических, и для историков, и для молодёжи, и для старшего поколения, и для тех, кто занимается промышленным производством, и для тех, кто занимается финансовым капиталом, и для всех людей, которые так или иначе связаны с этими направлениями деятельности, сопряжены с ними, мы даем материалы, которые позволяют им найти для себя что-то важное. И при этом мы эту тему рассматриваем и в историческом контексте, следуя, собственно говоря, Марксу.

Якутин: То есть с разных точек зрения, я еще добавлю, Сергей Дмитриевич.

Бодрунов: Да. Или, например, изменение Конституции Китая и новый мирохозяйственный уклад... Тоже важнейшее направление. Оно не сиюминутное, возможно, но оно актуально, и оно, на мой взгляд, может быть большим подспорьем для формирования и нашей экономической политики, в том числе. И я могу привести еще десятки направлений, которые здесь отражаются, в этом журнале. Ну а наши авторы этого журнала — это люди из академической среды, специалисты из ведущих аналитических цен-

тров и с разными точками зрения. Здесь также и точки зрения наших иностранных коллег, ведущих специалистов по тем или иным направлениям. У нас есть раздел «Контрвью», не интервью, а контрвью, где спорят экономисты о той или иной проблеме, где нет устоявшейся точки зрения на какие-то вещи. Говорят, два юриста — три мнения. Но я могу сказать, два экономиста — это уже четыре, а то и больше мнений. Поэтому это, конечно, интересное издание, на наш взгляд, получается, благодаря нашим авторам и нашим специалистам...

Якутин: Очень интересно.

Бодрунов: И могу сказать, что я, пользуясь случаем, выражаю признательность «Российской газете», которая оказывает нам содействие в издании этого журнала. Мне кажется, что это издание может занять свою нишу, и я предлагаю нашим читателям подписываться на журнал, обращаться к нам, и мы готовы предоставить любые материалы из этого журнала. На сайте Вольного экономического общества тоже публикуются основные материалы этого журнала.

ECONOMIC JOURNALISM TODAY

Let us rephrase the great classic: “You may not be a poet, but you must be a journalist.” Moreover, the problem of quality, credibility and even simply good faith in journalistic work has been a concern for people in Russia, Europe, and the United States. What kind of person a modern journalist covering the problems of the economy should be? How do the spheres of economic journalism, business, society, and the state interact?

SPEAKERS

Alexey Andreevich Savin,

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Editor-in-Chief of the Rossiyskaya Gazeta, Honored Cultural Worker of Russia

Yuri Vasilievich Yakutin,

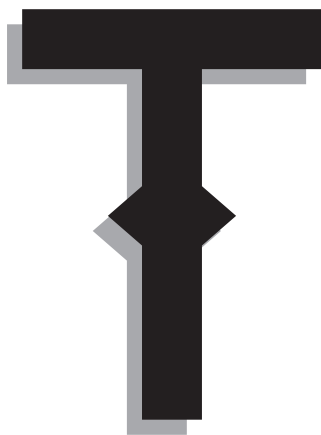
Vice-President of the VEO of Russia, Chairman of the Board of Directors, Research Director of the Economic Newspaper Publishing House, Honored Scientist of Russia, Doctor of Economics, Professor

Sergey Dmitrievich Bodrunov,

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, expert of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Bodrunov: Today almost anybody considers themselves a journalist. Due to the technological revolution a slew of new professions have come to exist, such as blogging. People have subscribers, often quite a lot of them, they express their opinions which are far from always being informed. To counter this drift, it is necessary to advance professional journalism and serious research. In order to be able to do this, two things are necessary: first, economically educated journalists, and, second, professional economic press — one that has a name and the ability to correctly and accurately interpret particular economic events and to convey economic ideas to the public. Today this task is very difficult, because what we need is independent journalism.

On the one hand, there are some economic evaluation methods, on the other hand, there are others, and a journalist should be able, by distancing himself from particular interests, to convey to his reader audience clearly and accurately the position of the independent and competent expert. Alexey Andreevich, considering your great or, should I say, huge experience, can you tell me, please, if there is independent economic journalism in Russia today, or do we have problems after all?

Savin: Not just problems as such... There is simply no independent economic journalism in Russia, like in most other countries. The dependence is very complex and multifaceted. I would point out 4 factors. First of all, dependence on the founders. Every media outlet has a founder. Second, dependence on the commercial interests of the publication, the advertising department, the commercial partners. Then, there are risks of being prosecuted. Russian courts are very unfriendly towards the media. And, finally, each editorial board has its top management with their own agenda, whether personal or business...

Bodrunov: They can have different ideas...

Savin: Different interests, different ideas about how the economy works. And those four factors influence journalism, thereby making it dependent.

Bodrunov: In fact, the “independent journalism” we are discussing is some kind of an abstract notion; it’s probably impossible to have it in real life.

Savin: Yes, it’s impossible. Different media outlets have different degrees, or branches, of dependence, but every one of them is dependent.

Bodrunov: Notice how the Western media would pick up any news, as if on cue, as if someone has waved a magic wand, and would start...

Savin: ...To turn it into a campaign.

Bodrunov: Yes, a news campaign. Previously, they accused the Soviet press of acting on cue. Yury Vasilyevich, who calls the shots in the Western media?

Yakutin: Before answering your question, let me give you a brief historical account. Economic journalism is the foundation of any journalism in Russia. It began with Peter the Great. When he established the Vedomosti, Peter specifically directed that it should carry economic news about the prices at the ports, about the ships that came in, what goods they brought, and so on. The emperor was one of the first editors of the St. Petersburg Vedomosti, which, by the way, first came out in Moscow and only a few years later in St. Petersburg.

And a second point, a very important one: Mikhail Vasilyevich Lomonosov spent several years editing the Vedomosti of the Russian Academy of Sciences as a prototype of the future periodical on many subjects, including cultural and artistic life, domestic events, etc. As he was preparing his famous homeland-

building document from which our Free Economic Society arose, he developed the seven points concerning what kind of person a journalist should be: unbiased, smart, ready to delve into the topic, and so on. So, answering your question, what I want to say is that I'm of the impression that Western business journalism today is at the mercy of political agenda. Political agenda is what matters most. Political news is more important than common sense...

Bodrunov: It's an odd situation. On the one hand, there is a constant fight: a journalist must be independent, seemingly independent from anyone. On the other hand, such independence is impossible to achieve in real life. So, there must be some kind of, I don't know, internal compromise or something, a person must be truthful but at the same time he must take into account the numerous influences that, one way or another, his work may be exposed to.

Yakutin: It is impossible to be in a society and to be free from that society. Therefore, the extent of your involvement in public life is the degree of your dependence. But you are right in saying that a professional economist, a journalist, whether he is an expert in finance, agriculture or ferrous metallurgy, he will not be making obvious mistakes. And in this case mistakes are obvious, and not just mistakes but crimes: the public is being misled in such areas as finance, stock markets or practical implementation of national projects.

Bodrunov: You know what I do when I want to understand what people say regarding a particular economic problem? I get information from several sources: Ekonomicheskaya Gazeta, Rossiyskaya Gazeta, Izvestia, and the Internet. I read Vedomosti, RBC and some other publications that, one way or another, are able to shed light on the economic problem in question. I read and try to understand who the founders are, the top managers, I try to define the approximate circle of people who influenced the preparation of a particular document, and I pick the journalists who, in my opinion, are the most credible. Because I too am a person who is not independent from the society, and I also have ideas of my own. But in order to be in the loop, to keep an objective point of view, I try to act like this. It requires a lot of effort, it takes a lot of time.

In the West, we often see references to some research centers, news agencies, and so on. They are used further down the line to formulate serious decisions. But does economic journalism influence economic decisions here in this country?

Savin: First of all, we are talking about the influence of economic journalism on stock markets. Our market is very weak per se...

Bodrunov: Yes, no sooner do they say something somewhere, stock market immediately plummets...

Savin: The stock market is weak, issuers are few, capital is scarce. Therefore, simply put, journalism has little to influence in Russia. This is the first point. And the second point is that in order to influence the stock market, you need news, no matter good or bad. And in such a case, news means insider information. The media are very reluctant to publish insider information because it is fraught with various consequences. It is difficult to verify or prove, it can cause great damage to the company concerned, and the company is likely to sue you for damages. Therefore, although journalists do have such information, none of them wants to get in trouble. Therefore, our economic journalism has little influence over the stock market.

Bodrunov: And what about government decisions? Various programs are being developed, both government and non-government. Our group of scholars often discusses various problems at the Free Economic Society. I wouldn't say that we can exert a huge influence, but the fact that we have been approached and asked for materials and that those materials have been periodically reviewed and then somehow incorporated in government decisions it true. But what about journalism?

Yakutin: I will also give you an example. As you probably know we have written many articles. Sometimes you put in a lot of time and effort working on a single expression or a single paragraph, and then suddenly a highly placed government official quotes that very paragraph in a speech on economic issues. Can it be called influence? An idea developed by the editorial team gets articulated...

Bodrunov: That's the influence I was talking about.

Yakutin: And it happens very often, very often. But I have a different approach. It seems to me that when we speak about influence, Sergey Dmitrievich, we should mean the influence we have on the reader ...

Bodrunov: First and foremost...

Yakutin: You were right in saying the reader audience is diverse.

Bodrunov: Yes it is, Yury Vasilyevich. There are markets, the economy as a whole, there is the government, government agencies, etc., and there is society.

Yakutin: When we are in a dialogue with our readers, I am more happy they agree with me and do as we suggest and defend our position. It's not just fleeting thoughts, it works for the future because we have convinced them. You cannot rapidly solve the issue of pensions, for example, or public debt or some other major problem. Economy cannot change in the blink of an eye. But when our readers work together with us, constructively and with determination, there are results, and they show the effectiveness of the dialogue.

Bodrunov: There was a time when the press had feedback from readers. A reader could write a letter and it would end up in a newspaper. Such interactive communication, via letters, existed back in the Soviet era, as you might remember. People reacted to newspaper articles. Even now, when you open, say, the Ogonyok magazine...

Yakutin: It is commonplace now, every publication has it. You have it, we have it. To respond, you go online, and a window pops up right away...

Bodrunov: This popup window is very important because the information space is a common environment for both the journalist and the reader, be it a simple reader, a businessman or even a government official who makes decisions. In such an environment, the opinion of each user is important. So I believe this technology contributes to a greater independence of the economic press. It is much more difficult to ignore an opinion when it can be expressed, as Mayakovsky said, by a crowd of many voices.

Yakutin: Sergey Dmitrievich, you are, among other things, head of the S.Yu. Witte Institute in St. Petersburg. Witte was not only Minister of Finance, he was also Prime Minister of the Russian Empire. He was one of the founders of the Commerce and Industry Newspaper in 1893. He developed a whole bunch of criteria for the newspaper to interact with the business and industrial community of Russia.

It means that the constitutive quality attributes of a newspaper remain unchanged: be objective, be competent, maintain dialogue with the reader, do not impose your opinion on the reader, try to arrive at it together with the reader; our predecessors have taught us to conduct discussions and look for common sense in economic decisions in a cultured manner. That's what you've been calling for as well.

Bodrunov: I do not so much call for it as say that this is an objective process. It was for a reason that the starting point of our conversation was not the economic press per se but the

treatment it is given by the public and the consolidation of public effort aimed at developing the economy, among other things. If you don't have objectivity, you will be putting up a distorted mirror, you will build a distorted economy...

Yakutin: And a deformed society...

Bodrunov: Therefore, the role of economic journalism in its original, normal human sense, and the objectivity, independence, courage, competence and willingness to make sacrifices required of the journalist, in a manner of speaking, are very important. Educating a journalist today does not mean teaching him to use the Internet or other modern means of communication, or teaching him the art of writing. A literate man is supposed to have a good understanding of the Russian language, and perhaps not only Russian. It's important to be a human being and to be yourself. And another thing. Life goes by very fast today. We let many things happen without properly registering them, they are lost in the news feed. One thing follows the other, and so on... As a rule, things do not happen in any particular order. But such news often affect financial markets. Analysts work hard looking for patterns in order to predict stock market trends, etc. That's one side of the deal. But if we simply follow the news feed without understanding what stands behind it, we won't be able to observe things in an objective manner although the news feed itself appears to be objective. It just tells us what has really happened. But understanding it is more important. I believe the role of analytics, journalistic analytics, economic analytics, is growing. What do you think, Alexey Andreevich?

Savin: It's a format-related issue. Analytics is a format ill-suited for a daily newspaper or a national TV channel. It cannot be properly presented...

Bodrunov: No such format...

Savin: There is no format for presenting it in a decent manner. Therefore, those types of mass media deal with news items and brief comments. Thus, analytics is left to economic journals and popular economic magazines. But a magazine comes out only once a week or once a month.

Yakutin: Or even once a quarter...

Savin: Or even once a quarter, some periodicals are like that. And it means that such analytics is no longer newsworthy...

Bodrunov: It becomes outdated.

Savin: Outdated. In addition, magazines are generally not in good shape after 2008, most of them have died, with only a few left. Therefore, there's virtually no decent place for analytics in the mass media anymore. It's a problem that needs a solution.

Yakutin: I can add an observation to your comment. Our Free Economic Society is actively working with the Plekhanov Institute, with the Financial University, they have their own analytical centers that analyze financial, monetary and credit policies, and the behavior of certain markets — industrial, oil, gas, coal, etc. This kind of analytics is in demand. We've published parts of those analytical studies. Having agreed with you, I would say there should still be a demand for analytics. If there is a demand for analytics, there will be people who will be doing it. As regards business journalism... I know of many foreign publications with circulations of only 500 copies, but those are elite publications. For example, the Norwegian publication dedicated to oil equipment. It's the best publication about the oil industry and everything related to oil production. It's intended for 500 people, but those 500 are the elite. The same is true for many other industries. Such kind of analytics is in demand if it is of high quality.

Bodrunov: Dear colleagues, we are about to segue into the final part of our show. We usually promote some publications of the Free Economic Society, which, one way or another, reflect the theme of the show. Here, let me take advantage of my official position of the president of the Free Economic Society and present our Free Economic Society magazine, published since last year, to our TV viewers. The magazine is called Free Economy. Several issues have come out. With our magazine we are trying to carve out the niche of economic analytics...

Yakutin: High-quality analytics...

Bodrunov: Yes, high-quality analytics. Our magazine tackles topics that are relevant today and interesting in many aspects. Consider the topic of the 200th anniversary of Marx's birth. We publish materials which provide important insights to scientists, economic analysts, historians, young people and members of the older generation, and to those who work in industrial production or is involved with financial capital, and to everybody who is in any way involved in those activities. We publish materials that allow them to find something of importance for themselves. And at the same time, we review this topic in its historical context, essentially following Marx's methodology.

Yakutin: You view it at different angles, I should add, Sergey Dmitrievich.

Bodrunov: We do. Or take, for example, the changing of the Constitution of China and the new global economic structure... It's also a very important area. It's not a fleeting topic, it is quite relevant, and, in my opinion, it can be something we could build our economic policy on. And I can name you dozens of other areas, which have been addressed in this magazine. Our authors are people from academic circles, experts from leading analytical centers with different points of view. We also publish the opinions of our foreign colleagues, leading experts in various areas. We have a Counterview section, not interview but counterview, where economists discuss various issues and no final verdict is pronounced on anything. There is a saying: two lawyers, three opinions. But I can say that two economists means four opinions, or even more. So, this is, of course, an interesting publication but it has turned out that way thanks to our authors and experts...

Yakutin: A very interesting one.

Bodrunov: Let me take this opportunity to express my gratitude to the Rossiyskaya Gazeta which has assisted us in the publication of the magazine. I believe this publication will carve out a niche of its own, and I call upon our readers to subscribe, to contact us, and we are willing to provide any materials from the magazine. The most important materials from the magazine are also available on the Free Economic Society website.

ИЗ ИСТОРИИ
ВОПРОСА

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ, ПРЕДЛОЖЕННУЮ ИМПЕРАТОРСКИМ ВОЛЬНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ: КАКИМ ОБРАЗОМ ЛЕГКО И ДЕШЕВО ИСПРАВИТЬ КРЕСТЬЯНСКИЕ СЕЛЬСКИЕ СТРОЕНИЯ ИЛИ СДЕЛАТЬ В ОНЫХ ПОЛЕЗНЫЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ?»

**Сочинение г. статского советника
И. А. Маньковского, удостоенное
медали в 30 червонных**

Игнатий Антонович Маньковский, в 1813–1818 гг. — вице-губернатор Витебской губернии. Незаурядный публицист и литератор. С его именем связана полулегендарная история. В 1797 году, взаимно влюбленный в дочь бывшего камергера и статского советника Рахель Макавецкую, Игнатий, молодой чиновник, не мог просить ее руки. Рахель написала письмо самому императору Павлу I. Когда император вышел на прогулку, Маньковский выбежал перед ним, опустился на колени и положил письмо на свою непокрытую голову. Удивившись находчивости чиновника, Павел I распорядился, чтобы родители дали добро на брак, а также пожаловал Игнату чин и деревню. Так Маньковский стал надворным советником, был назначен советником в Витебскую губернию и смог выкупить деревню Мазолово, рядом с которой, в Бувеском поместье, остановился. Также он сделал центральной усадьбой имение «Милое», названное так за красоту здешней природы. Там и происходили все опыты и хозяйственные новации Игнатия Антоновича.

Предуведомление сочинителя

Прежде всего почитаю необходимым просить снисхождения к моему не совсем русскому слогу, и тем более к правописанию. Не будучи природным россиянином, я не смею и думать, что знаю русский язык основательно, и боясь не выразить то, что хотелъ сказать, я употреблял иногда в сем сочинении слова французские не из щегольства или подражания.

Въ ответе моем находятся некоторыя описания, мало относящаяся к задаче; но так как они служат доказательствами на мои предложения, а предложения имеют тесную связь с предметами, принадлежащими к задаче, то мне кажется, что описания для общей связи и ясности столько же нужны, сколь тени для картины. Впрочем, они не могутъ быть излишними и в другом отношении для Императорского Вольного экономического общества, которое старается иметь сведения о всех странах России, о всех частях домоводства и вообще о всем том, что только может касаться здоровья и быта поселян. Без таковых сведений сие знаменитое Общество не имело бы возможности входить в их положение и способствовать улучшению их благосостояния

О ДЕШЕВИЗНЕ

Сохраняя порядок задачи, я начинаю с дешевизны. В сем отношении, какие бы ни были придуманы способы и средства, легкость и дешевизна не могут быть одинаковы в разных местах, даже не в большом одно от другого расстоянии. Они не могут быть одинаковы и в одном месте, но в разное время: цена строительных материалов зависит от изобилия и близости оных, или от недостатка и отдаленности, а также от удобства или неудобности в доставлении. Сверх того, при одинаковом изобилии материалов и равном расстоянии, откуда они получают, цены изменяются: а) когда доставка сплавом по случаю мелководья не могла быть произведена; б) когда доставка сухим путем была затруднена или жестокими продолжительными морозами, или повреждением пути от недостатка или обилия снегов, или падежом лошадей и проч. Подобные случаи имеют столько влияния на изменение цен, что тот, кто хорошо знает сельское хозяйство, никак не решится определить цены материалам не только на долгое время, но даже на два года и не только для многих губерний, но и на половину уезда.

Из сего следует исключить некоторые места и селения, где находятся леса в изобилии и где цена оным долго еще не возвысится, следоваательно, дешевизна для таковых мест и не составляет предмета особенно важного. В самом Витебске, городе портовом, где одинаковая удобность в сплаве по Двине лесов, растущих на берегах сей реки и впадающих в нее рек, кажется, должна бы содержать бревна всегда в одинаковой цене, но при всем том в Витебске случается не редко, что бревно того же самага рода, той же доброты и меры продается иногда вдвое дороже или вдвое дешевле против существовавших прежде цен.

Составление планов и смет я почитаю бесполезным, потому что невозможно приспособить их к домоводству разных мест России, столь различных между собою климатом, качеством и плодородием земли, положением лесистым или степным и многими другими обстоятельствами, кои естественно не могут быть одинаковы на пространстве от 51 до 65 градуса северной широты, или от Киева до устья Обской губы, и от Харькова до Архангельска. По сему образ жизни, потребности и способы продовольствия жителей Киева или Харькова могут ли быть одни и те же, какие у коряка или лапландца? Впрочем, не трудно было бы составить планы с соблюдением удобства и выгоды в расположении по требованию образа жизни, хозяйства и промыш-

ленности поселян; не трудно было бы дать строениям красивые фасады; но к чему все это послужило бы, когда крестьяне не имеют возможности строиться по планам, а имеющие располагают строениями сами по состоянию своему и потребностям? По моему мнению, должно только указать им, от чего строение бывает прочнее и чем устраняется опасность пожара.

Г. Герард в № XXV Земледельческого журнала сказал, что он способом своего построения домиков в две или три тонкие кирпичные стенки выполнил все потребности сельского строения, кои суть: прочность, сухость, теплота, безопасность от огня и дешевизна; касательно сухости, теплоты и безопасности от огня, не спору; но имея некоторые теоретические и практические сведения в Архитектуре, я, признаюсь, весьма сомневаюсь в прочности такого строения, коего стенки, толщиной в половину кирпича, связаны между собою тонкой проволокой! Кажется, что правила Архитектуры, освященные великой древностью и утвержденные вековыми опытами, не могут удостоверить в прочности подобной постройки. Одно хлопанье дверью, при тяжести потолка, лежащего на таких тонких стенках, едва ли не разрушит или не повредит оные за несколько лет. Для доказательства в прочности строения недостаточно 5 лет, и желательнее, чтобы время не поспешило о домиках Г. Герарда дать другого удостоверения, а без прочности бесполезны и сухость, и теплота, и безопасность от огня, и дешевизна. Но дешевизна, выведенная Г. Герардом, может быть значительна в том месте, где он производил свои опыты, но не может быть таковою в иных местах и при других обстоятельствах, ибо за 100 верст далее она, конечно, изменится, за 200 — еще более, а в странах безлесных или степных будет иметь другое уже значение. По сим-то причинам я не решился писать ни о легкости, ни о дешевизне строений, которые, завися от обстоятельств и беспрестанно изменяясь, не могут быть подчинены никаким правилам и вычислениям; но займусь единственно исследованием мнимой сырости в белых избах, описанием вредных для здоровья последствий, происходящих от житья в черных избах и других предметов, относящихся к прочности строения и вообще к пользе хозяйства.

О мнимой сырости

В журнале, изданном в 1828 году Императорским Московским обществом сельского хозяйства помещено было, не помню чье, сочинение, в котором доказывается, что черная изба для русского крестьянина здоровее, выгоднее и полезнее белой, потому что он может в ней лучше согреться, спать на печи и сушить измокшее платье,

а белая изба всегда содержит в себе сырость. Не покажется ли странным такое заключение, когда сообразим, что русский крестьянин в физическом его образовании не имеет ничего особенного от людей других европейских наций, и для чего же нужны именно ему одному черная изба и дым?

Исключая народы дикие и кочующие, все прочие живут в избах белых, и иностранцы, переселившиеся в Россию, живут также в белых избах и не жалуются на сырость оных. Неужели сырость в белых избах бывает только в тех, которые строит для себя коренной русский крестьянин? Что же касается до сушки мокрого платья, согревания и спанья на печи, то, мне кажется, все это было бы удобнее делать крестьянину в белой избе, ибо в черной во время топки печи не может он покоиться на оной без опасения задохнуться от дыма. Те, кто думает, что изба белая более содержит в себе сырости, нежели черная, приняли это мнение без всякого основания, вероятно, поверив рассказам крестьян, живущих в курниках (так называют черные избы) и по привычке имеющих странную привязанность к дыму, саже и копоти.

Правда, что белая изба, равно как и черная, имеют большую сырость вскоре после постройки от насыпанной на потолок и черный пол земли, от мха, печи, леса и проч., но сырость эта проходит, когда высохнуть означенные вещи. Продолжительнее бывает сырость, иногда до самой весны, когда изба окончена осенью и тогда же занята: ибо в то время нельзя бывает открывать окошек для проветривания. Напротив, весною, открывая всякий день окна и протапливая печь, можно истребить сырость весьма скоро. И то правда, что сырость в белых избах бывает заметна несколько большее время, нежели в черных, ибо печи в сих последних, по неимению трубы, ставятся не на фундамент, а на деревянный обруб; напротив того, печи в белых избах, имея высокую кирпичную трубу, а через это будучи тяжелее, требуют фундамента, основанного на земле. Фундамент из булыжника, плиты или кирпича кладется по извести, а более по глине. Само собой разумеется, что при белых избах глины употребляется более: на кладку фундамента и трубы, которых черные избы не имеют; следовательно, и сырость от испарения воды, содержащейся в глине, бывает продолжительнее. Это самое и породило, может быть, то ошибочное мнение, что белые избы всегда содержать сырость. Но я смело удостоверяю, что белые избы, когда в них глина и все прочее, содержащее сырость, просохнешь, также могут быть сухи, как и черные. Уверение свое я основываю не на догадке или предположении, не на словах или мнении других, но на законах физики и на тридцатилетней моей в этом деле опытности.

С 1800 года я начал строить белые избы для крестьян моих, которые сначала весьма не охотно, даже с неудовольствием и огорчением соглашались на эту перемену, но, прожив некоторое время в белых избах и заметив ощутимую разницу, не захотели впоследствии жить в черных, где, по словам их, они коптились как ветчина. Если черные избы суше белых, то почему в городах мещане, у коих весь дом состоит иногда из одной избы, живут не в курниках, а в белых избах и совсем не жалуются на сырость? (Черная изба называется курником, потому что дым во время топления печи, не имеющей трубы, иной раз наполняет избу до такой степени, что потолок и стены делаются от того совершенно черными, закопченными.)

О вредных для здоровья последствиях, происходящих от житья в черных избах, и как эти последствия могут быть причиной сокращения жизни

Известно из физики, что все вообще жидкие тела беспрестанно испаряются. Самые обильные пары происходят во время кипения воды и от кушанья, на огне приготовляемого. Таковы и другие испарения, а равным образом дым и газ, образующиеся при горении дров, уносятся через печную трубу до тех пор, пока она не будет закрыта.

Совсем не то в черной избе: здесь всякого рода испарения не улетают на открытый воздух, но вместе с дымом распространяются в верхней части избы от потолка до окон, а если ветер препятствует выходу их чрез открытые окна и двери, то наполняют избу до самого пола или земли. По вытоплении печи, окошки и дверь запираются; испарения и газ остаются в избе: ибо они, будучи легче воздуха, и занимая верхнее пространство избы, не могли вылететь через окна и двери, в которые и дым и пары не могут с такой скоростью выходить, как через высокую трубу печи. Скажут на это, что и в черных избах выходит дым через окна и двери. Это правда, но через эти пути выходит он не тотчас по зажжении дров и не прямо из печи, но наполнив прежде всю избу, и притом медленно, перерывисто и не так стремительно, как через трубу, в которой разреженный теплотою воздух удобнее преодолевается дымом и парами, между тем как они, проходя через отверстия окон и дверей, бывают только вытесняемы упругостью внутреннего воздуха, которая увеличивается от действия жара печи и прибавления водяных паров (*).

В летнее время всех более страдают от жара и дыма в черной избе женщины, занимающиеся приготовлением кушанья, ибо прочие члены семейства тогда находятся по большей части на открытом воздухе; но зимою, особенно в жестокие морозы и сильные ветры терпят все одинаково. Так как во время топления печи для выхода дыма должны быть открыты, по крайней мере, одно окно и дверь, то нижняя часть избы до того холодеет, что вода на полу замерзает; но выше окон до потолка жар беспрестанно увеличивается, и от того голова горит, а ноги мерзнут. Какое несносное положение! Какая вредная для тела противоположность, и особенно для женщин в некоторых обстоятельствах! Вот причина многих тяжелых и нередко смертельных болезней для обоего пола и более всего для грудных младенцев, коих нежные органы, еще не привычные, менее бывают способны к перенесению столь различной температуры! Для предохранения младенца от дыма и стужи, закутывают его в постели или колыбели, закрывают платьем до того, что не оставляют надо ртом ни малейшего отверстия для возобновления воздуха. Под такой покрывалкой воздух от дыхания портится и становится вредным для бедного малютки. В этом случае я ссылаюсь на Гг. медиков и на всех тех, кому не чужды физика и химия. Эти науки явно удостоверили человека во вредности некоторых газов и испорченного воздуха и доказали очевидную необходимость в его чистоте для сохранения здоровья и жизни. Каково же должно быть положение несчастного, одержимого горячкой, оспой или корью и проч., когда дым в избе расстилается по полу, а снизу обдает холодом! Почти всякий день во время топления печи должен он переносить подобные мучения, и если он от них не умирает, то болезнь, опасность и страдания его нередко увеличиваются.

Свадьбы у крестьян редко бывают летом, но обыкновенно или в конце осени, или зимою от Рождества Христова до Великого поста. На эти пиршества собирается много людей, пьют также много, нередко и дети бывают пьяны, пляшут беспрестанно; от этого, а также и от того, что печь была топима несколько раз для приготовления кушанья, в избе так становится жарко и воздух делается столь стесненным, что крестьяне принуждены бывают отворять окна и двери, несмотря ни на какие морозы. Хотя сквозной ветер сильно дует на разгоряченных вином и вспотевших от пляски, но они, за всем тем, часто принуждены бывают выходить из избы в холодные сени или на двор, чтобы скорее прохладиться или лучше отдохнуть от усталости, ибо воздух в избе бывает жарок и влажен от дыхания множества людей. Частая перемена температуры, или переход из жара в холод бывает причиной многих болезней, а нередко и смерти некоторых участвовавших в свадебном пирше-

стве. Наиболее страдают в этом случае грудные младенцы, которых по причине тесноты в избе матери обыкновенно держать на руках и, предохраняя от давления и толчков, прижимают к груди до того, что малютки обольются потом. В таком положении выносят их вдруг на большой холод. Наверное, полагаю, что именно от сей причины умерли у меня три младенца вскоре после свадьбы. После чего я строго запретил ходить женщинам с грудными детьми на свадьбы и на игрища, в зимнее время бывающие. (В Белоруссии игрища начинаются в первый день Рождества и кончаются в день заговенья на Масленице. В праздничные дни мужчины и женщины в сумерки идут в корчму, а если она далеко, то собираются в просторную избу, где и танцуют до полуночи, разумеется, не без горилки.)

Напротив того, в белой избе, при стечении большого числа людей, если и случится жарко, то можно открыть трубу, причем не последует сквозного ветра, столь вредного для людей разгоряченных.

При описании последствий, сопровождающих свадьбы и игрища в черных избах, я вовсе не думал их увеличивать, но сказал совершенную правду. Можешь быть, последствия эти не были другими замечены, потому что немногие наблюдают за тем, что делается у нас по обыкновению; для простолюдина же особенно все то хорошо, что вошло в обычай с незапамятных времен и составляет для него святыню неприкосновенную; простолюдин — безропотный раб обычая, он исполняет его, повинуется ему слепо, как бы ни был он странен, смешон или тягостен. Чтобы убедиться в этой истине, стоило бы посмотреть на свадебные обряды в Белоруссии. Некоторые из них очевидно вредны для здоровья, но никто о том и не думает, а если кто от них и бывает болен, то никак не поверит, чтобы от исполнения обычая произошла его болезнь.

Я уверен, что найдутся люди, которые будут доказывать, что быстрые переходы из тепла в холод и обратно не так вредны для русского человека, как я описал, ибо, скажут они, многие русские крестьяне во время жестокого мороза и при сильном ветре, выйдя из горячей бани, тотчас бросаются в прорубь и бывают здоровы! Доказательство хорошее, но не для доктора, не для физика, не для человека наблюдающего: ибо кто докажет, что от окунания в прорубь не произошло никогда и никому вреда и что от этого ни один человек не заболел, не умер? Если о том не слышно, то не слышно потому, что никто не наблюдал и не собрано никем никаких по сему предмету сведений; простолюдины же все случающиеся с ними болезни обыкновенно припи-

сывают судьбе и воле Творца; а при том, как от купания в проруби не всякий делается больным, то они и верить не хотят, что можно от того заболеть.

Простолюдину неизвестна истина, в которой не сомневается человек образованный, что одна и та же причина не всегда одинаковые производит последствия в теле человеческом. От холода и сырости мы получаем иногда насморк или другую болезнь, а иногда нет, хотя обстоятельства были одинаковы, т. е. та же степень холода или сырости, та же одежда и столько же времени пробыли мы в том же месте, например, в церкви, театре, на рынке. От чего же так? От известных причин мы получаем какую-либо болезнь не иначе, как от особенного к ней расположения тела нашего. Так, однажды привитая оспа пристаёт к телу, к ней предрасположенному, и повторенная не действует на тело, не имеющего к принятию ее расположения. Так, одна рюмка вина производить иногда опьянение, а в другое время ничего не сделают с нами и пять таких же рюмок.

Всякому известно, что состояние душевное и телесное не могут быть всегда у нас одинаковы; напротив того, простолюдин иначе о том думает и во многих случаях меряет своим аршином и заключает по-своему. Человек, разгоряченный высокою степенью жара в бане, но не утомленный усталостью, можешь без всякого риска выпить холодной воды, ибо жар, им ощущаемый и объемлющий одну только поверхность тела, происходя от наружной причины, не ускоряет биения сердца и дыхания. Если нервы и мускулы тела при поверхностном разгорячении в бане не ослаблены усталостью, то можно немедленно погрузиться в прорубь или воду, покрытую льдом без всякого вреда, лишь бы кровь и соки не были уже предрасположены к какой-либо болезни. Можно приучить себя к купанию в холодной воде, начиная летом и продолжая во всю осень, дабы тело постепенно испытало все степени холода. Во время жестоких морозов вода подо льдом бывает теплее наружного воздуха, даже при 55 градусах холода вода содержит несколько теплоты, без чего она не могла бы оставаться в жидком состоянии; но так как вода, будучи тяжелее и плотнее воздуха, делает холод гораздо ощутимее для тела, то и не может быть всегда безопасным купание в прорубях, особенно если тело предуготовлено к принятию простуды. Итак, гораздо лучше бы было оставишь это опасное обыкновение.

Но в состоянии тела, разгоряченного спиртными напитками, сильным движением в танцах и вообще при внутреннем жаре, когда тело покрыто потом, биение сердца и дыхание ускорены, и от утомления ослабели нервы, мускулы и фибры, нет ничего опаснее, как погружаться в прорубь. Сильный апоплексический удар, величайшая простуда или горячка были бы последствием такой безрассудности. Когда мы разгорячены, утомлены или ослабели от неумеренного движения, например, в танцах (белорусские народные танцы вовсе не похожи на польские и мало сходятся с русской пляской. В них движения весьма сильны и скоры, а потому скоро утомляют), то никак не должно выходить в скорости из тепла на холод. В жидкости, получившей склонность к брожению, дрожжи ускоряют оное; напротив, без них через долгое время брожение едва бы могло начаться.

Но простолюдин не понимает, что значить быть расположенным к болезни, и видя, что другие от купания в проруби или от выхода из жара на холод не заболели, думает, что и он от того никогда не можешь быть больным. Находясь в этом мнении, он не соблюдает никакой осторожности, и сколько ему ни толкуй о ней, он не поверит. Равным образом он назовет небылицей, когда скажут ему, что белая изба по таким и таким отношениям гораздо лучше черной. Если бы в течение 10 лет была наблюдаема смертность людей, живущих в черных избах и живущих в белых, то выведенная разность, вероятно, изумила бы нас, а наиболее — разность в смертности грудных младенцев.

Малороссийская, Новороссийская, Украинская, Подольская и некоторые губернии Южной полосы весьма населены; высокий рост и крепкое сложение тела показывают здоровье их жителей; они живут в белых избах и, как видно из выписок, извлекаемых из «Епархиальных ведомостей», достигают глубокой старости. Но в Витебской губернии, где почти все крестьяне живут в курниках, столетний человек есть явление весьма редкое, а если и доживают иные до сих лет, то, наверное, не в курниках. Мне весьма сомнительно, чтобы в двух губерниях белорусских, имеющих крестьян обоего пола около миллиона, возможно было найти в курниках двух стариков столетних. Хотя выписке за 1827 год по одной Могилевской губернии показано умерших 8 человек, живших от 100 до 105 лет и 2 — от 110 до 115 лет, мне кажется невероятной такое долголетие у белорусских простолюдин. Впрочем, и 115-летняя старость далеко еще не доходит до 140-летней, показанной в той же выписке

по Бессарабской области. Должно полагать, что приходские священники, по большей части, выставляют число лет жизни умершего, не делая справки с метрическими книгами и с ревизскими списками, но по словам родственников, которые слышали от покойника об его летах. А известно, что люди низшего состояния, до великой старости дожившие, имеют некоторое тщеславие прибавлять себе несколько годков. Сверх того, как в означенной ведомости не было показано, из какого звания были люди, достигшие от 100 до 115 лет в Могилевской губернии, то легко может быть, что они не были из числа живущих в курниках.

В Белоруссии всякий почти старик из простолюдинов, перейдя за 80 лет и имея притом вид дряхлый, обыкновенно выдает себя за столетнего и помнит Царя Петра Великого. Мне самому случалось видеть таких анахронизмов, из коих один, якобы имеющий 118 лет от роду, сказывал мне, что он был употреблен Петром Великим в проводники его войск. Заметив в рассказах его нелепости, противные времени и истории, я из любопытства велел сделать справку в ревизских списках. Открылось, что ему вместо 118 лет было только 90. Тогда я велел пересмотреть ревизские списки 9 уездов Витебской губернии выписать число стариков столетних и более. Но как я был удивлен, увидев в числе самых старых людей не сколько 80-летних и еще менее 90-летних, а столетнего — ни одного. В моей деревне есть женщина, присваивающая себе 110 лет, несмотря на то что младшему ее сыну и по виду и по ревизии не более 29 лет, и что она притом здешняя уроженка. По всем справкам оказалось, что ей только 76 лет. Итак, можно ли полагаться на рассказы старых людей о числе их годов?

О препятствии в работах и потере времени, происходящих от дыма и стужи в чёрных избах

Кроме неряшливости, темноты и вреда здоровью, сопряженных с постройкой черных изб, весьма заметна потеря времени, от житья в таких избах происходящая. Известно, что, пока топится в оной печь, дым и жарь не позволяют заняться никакой работой, разве сидя на полу. Но здесь мешает опять сильный ветер при растворенных дверях и окнах; во время же вьюги дым доходит и до пола. Но на полу можно производить только некоторые работы.

Если у соседа печь истоплена или еще не топилась, то, кроме стряпухи и больного, все уходят к соседу при топлении своей печи. А так как в Витебской губернии много есть домов, отдельно стоящих, то куда же уйти несчастным жителям такого дома? У них нет соседей, а больному не лучше и при них. Белая изба, топясь, никому не мешает; в ней не нужно отпирать дверей и окон, ибо в ней не бывает дыма; она светла, чиста, бела и тепла. Но в этом не уверить русского и белорусского крестьянина. Впрочем, не должно удивляться тому, что крестьяне белорусские, литовские и великороссийские, несмотря на многие невыгоды, несмотря на своих собратьев украинцев, малороссиян и подолян, упорно и с ослеплением держатся весьма древнего, еще в диком состоянии начавшегося обыкновения жить в дыму и терпеливо переносить все неприятности, от него происходящие, подобно кочующим народам; не должно тому удивляться, ибо они в дыму родились, выросли и состарились.

Всякое нововведение, даже между людьми образованными, находит своих противников. Много было писано против хины, против прививания натуральной и потом коровьей оспы. Назад тому несколько лет один врач уверял, что употребление картофеля для пищи людей вредно. Но к счастью рода человеческого, истина с течением времени показывается, как солнце из облаков и вздорные крики умолкают. Привычка к старому и предрассудок, что все старые обыкновения и способы суть наилучшие и что должно так жить, как жили наши отцы, деды и прадеды, ввергают людей в самое упорное заблуждение. Поправление некоторых ошибок в древнем переводе церковных книг произвело раскол и было причиной бегства многих семейств за границу. Известна история бритья бороды и реформа стрельцов. Пословица справедлива: привычка есть вторая природа. Выведите нашего коряка из его курной землянки, переселите его из ужасного климата, в коем сокращается жизнь и рост растений и человека, из его вечной зимы, из его оледеневшей земли, ничего кроме мхов не производящей, но эта земля есть его родная; переселите его в рай Европы, в климат Неаполя, или лучше в Малабар (историческая область в Южной Индии. — Ред.) или Квито (город в Анголе. — Ред.), где цветет вечная весна, он станет там горевать о своем медвежьем климате, о своей земле бесплодной, о своей жизни дикой.

Переселите малабарца в Северную Лапландию, он умрет от климата. Но сей убийственный климат приятен лапландцу, он привязан к нему как родине своей и почитает его необходимым для своего счастья. Что же причину такой слепой привязанности? То, что он родился в этом климате! И крестьянин подобным образом привязан к своей курной избе. Убеждения и доказательства не выведут его из заблуждения; тут потребны опыты и время, или принуждение. О непрочности черных изб, о большей прочности белых и лучшей безопасности последних от огня. Если бы всего вышеописан-

ного недостаточно было к убеждению крестьянина переселиться в белую избу, то прочность ее, почти втрое большая против черной, «должна» была бы склонить его к тому.

Конечно, сбережение лесов не везде еще составляет предмет особенной важности, но во многих местах на это обращено уже внимание Правительства. Черная изба, из лучшего и толстого соснового леса построенная, не простоишь и 20 лет, из елового — от 10 до 12, из осинового или березового — только 7 или 8 лет. Пар, дым, газ, происходящие от горения, по большей части, сырых дров, наполняя всякий день черную избу, проникают в пазы, в зарубы или чашки угловые, в щели внутренние и производят в этих частях гниение. Прежде всего гниют пазы и углы, где, по большей величине щелей между зарубами, удобнее проходят означенные вещества и там удерживаются. Белая изба, срубленная из хорошего соснового леса, может простоять до 50 лет при надлежащем поддержании крыши, и если она будет основана на подмуровке (на фундаменте) кирпичной, булыжной, плитной, или на дубовых стульях, кои долгое время в земле не гниют. Черная же изба и при сих условиях скорее разрушится от вышеобъясненных причин.

Церковь деревянная, под Витебском в Марковом монастыре, существующая уже около 150 лет, что видно из надписи. Само по себе разумеется, что на нее не действовали дым и газ. В городах домики небогатых мещан, поставленные на подмуровке, с обыкновенными русскими печами, служат 50 и более лет. Если в таковых домиках или белых избах подгнивают один или два нижних венца, то вместо них вводят новые, и поправленная изба стоит дольше, нежели вновь построенная черная изба. В черных избах редко случается делать такую подрубку, ибо в них почти в одно время с нижними венцами сгнивают все углы. Хотя на белые избы и на все деревянные строения без печей весьма много действует перемена атмосферы и внутренняя сырость, особенно в скотных дворах, но при всем том, они почти втрое более стоят против черных изб и овинов, подверженных действию дыма. Из сего можно заключить, что не столько сырость и прочие перемены воздуха вредны деревянным строениям, сколько дым и газ.

Нет никакого сомнения, что черные избы бывают более подвержены пожарам, нежели белые. По неимению в первой трубы пламя из печи прямо подымается к потолку и наполняет великим жаром, всю часть избы от потолка до окон. Ежели стряпуха, будучи недостаточно осторожна и расторопна, положить в печь сухих дров и, находясь в летнее время одна в доме, выйдет на несколько минут из избы, то потолок может воспламениться, особенно, когда изба уже стара и от гниения нижних венцов осела, в каком случае потолок опускается иногда до того, что от пода печи имеет расстояние менее 2 аршин. В белых же избах пламя и дым входят в трубу, никогда не касаясь потолка. Защитник черных изб полагает, что от труб есть опасность пожара. Так точно, но без труб опасность гораздо больше, как сказано выше. От трубы в таком только случае

может случиться пожар, когда она не будет чищена в свое время. У меня чистят трубы каждую субботу, и для предотвращения пожара кладут над оселком печи несколько рядов гнилых и сырых дров, не загорающихся по причин сырости. По вытоплении печи их бросают снова в воду, и, благодарение Богу, в продолжение 30 лет не случилось от труб ни одного пожара. Я знаю, что для отвращения опасности можно чистить трубы чрез 3 или 4 недели, но чтобы исполнители не ошиблись в сроке, я приказал каждую субботу перед вечером чистить все трубы непременно. Надзор за сим поручень надежному человеку, а так как времени для этого надобно немного и труд не велик, то хозяева и не жалуются.

В исполнение принятой мною обязанности писать pro et contra, я скажу, что постройка белой избы стоит дороже черной. При равном числе бревен, для постройки белой и черной избы, для первой потребны следующие излишние вещи: вьюшка с дверцами — 1 р. 60 к., 1000 кирпичей — 16р. 50к., печнику за печь и трубу — 7р., 3 окна, длиною 15, шириною 11 вершков и одно малое в 8 вершков со стеклами и замазкой, петли и крючки — 7 р. 50 к., итого — 32 р. 60 к. (цены витебские).

Для черной избы нужны также 4 окна, стоящие не менее 2 руб. 50 коп. То есть для белой избы потребуется дополнительно 30 рублей. Для белорусского крестьянина бедного состояния 30 руб. значат много; для среднего — значительно, но по силам; а для зажиточно — не тяжелы. Но последних в Белоруссии немного.

Однако, если помещик решится помочь своим крестьянам, то предлагаю следующие способы: 1) Кирпич может быть изготовлен на своем или соседнем заводе. Сколько на приготовление кирпича употреблено дней, получающий может отработать помещику; 2) Так как почти при каждом господском дом находится столяр, который вместе и стекольщик, то не трудно научить 2 или 3 крестьян делать двери и окошки для крестьянских изб, нарезать стекла и замазывать замазкой. Приученные таким образом столяры могут готовить эти работы для всей деревни без платежа, но с тем, чтобы крестьянин, которому приготовлена работа, заработал столяру употребленные им дни. На покупку инструментов для столярной и печной работы можно сделать сбор со всех крестьян. 3) Одновременно можно одного или двух крестьян обучить печной работе, что также не будет стоить особых издержек. Печник на том же условии может класть печи для крестьян. Все это заведено и исполняется в моем имении. После этого остается только купить два листа стекла, крючки и петли к двум окошкам, вьюшки и дверцы для печи, всего по здешней цене на 3 руб. 40 коп., что возможно и для бедного крестьянина. Нетягостно и помещику подарить крестьянину эти вещи. Должно предполагать в нем большую скупость, если он поморщится, читая это предложение.

Не одни выгоды и приятности жизни в белой избе, имеющие большое влияние на здоровье, не одна частная польза хозяина от большей прочности белой избы должны дать ей преимущество перед черною, но государственная экономия и польза общественная, от сбережения лесов происходящая...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ТОЛЬКО КОНСТРУКТИВ: СПАД ПРОДОЛЖИТСЯ?

**КАК ЭКОНОМИСТЫ ОЦЕНИЛИ
ИТОГИ 2018 ГОДА**

По материалам Абалкинских чтений (20.12.2018). Впервые опубликовано в журнале «Вольная экономика» (1 номер за 2019 год)

Нельзя надеяться только на бюджет

Яков Миркин,
заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН,
член Правления ВЭО России, д. э. н., профессор

Мы создали очень странную экономику, где рост основан на бюджете. То есть бюджет должен покрыть социалку, оборону, резервирование через бюджетные правила и еще дать рост. Бюджет не резиновый, заранее известно, что так не получится, значит, мы обречены на низкие темпы роста. В этом году у нас будет, по прогнозам МВФ, 166-е место в мире по темпам роста. Если это так, то, наверно, если нам нужен рост, то должна быть другая модель экономики, где экономические и административные инструменты должны стимулировать рост. Вместо очень странной экономики наказаний, которая у нас сложилась, должна быть экономика стимулов.

Для этого должна быть применена целая мозаика инструментов: более доступный кредит, более низкий процент, валютный курс, который стимулирует экономический рост, резкое снижение регулятивного бремени, снижение налогового бремени, появление очень сильных налоговых стимулов для модернизации, роста экономической активности, при снижении административных издержек и максимуме стимулов для прямых иностранных инвестиций, при диверсификации источников роста за счет ускоренной амортизации, за счет тех внутренних финансовых ресурсов, которые есть у корпораций.

По мере разгона экономики, при переходе на темпы роста выше 3%, нам в значительной мере легче будет решать вопросы с прямыми иностранными инвестициями. Это надо делать достаточно быстро и делать именно в мозаике мер, не выдергивая ни одну из них, потому что следующий год и, может быть, последующий могут быть очень сложными. Кроме того, внешнее окружение для России не только в части санкций, но и в части цен на нефть, финансовых рынков, проблемы долгов и так далее очень сейсмично.

При переходе экономики к более быстрым темпам роста гораздо легче решить те проблемы, которые сегодня решить нельзя. Это относится к разгосударствлению, к началу демонополизации, к становлению институтов. На скорости можно ставить задачи и решать те проблемы, о которых сегодня можно говорить, и можно ждать еще четверть века независимого суда, но эти проблемы в этой старческой экономике решить нельзя.

На финансовом рынке это называется «перевернуть позицию» — точно так же нам нужно перевернуть модель экономики, потому что та модель, которая на сегодня сложилась, еще раз повторюсь — модель роста через бюджет, крупные национальные проекты, максимум концентрации средств и ресурсов в столице,

зависимость регионов от федеральных денег, — это тупиковая и не инновационная модель. Это мы видим каждый год, когда, по известной статистике, на душу населения производится вычислительной техники чуть больше, чем на 4 доллара.

Проблема внутренних цен

Александр Широв,
заместитель директора Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член Правления ВЭО России, д. э. н., профессор

Про то, кто виноват, действительно, очень много сказано. Гораздо меньше говорится о том, что нужно делать. Главная проблема, на мой взгляд, состоит в том, что мы упустили вопрос того, что текущие меры регулярной экономической политики — денежно-кредитные, налоговые, бюджетные и так далее — не соответствуют тем задачам экономического развития, которые мы перед собой поставили. Более того, они входят в диссонанс со всеми теми мерами, которые сейчас реализуются. Я, прежде всего, имею в виду национальные проекты.

Соответственно, в первую очередь нужно донастроить регулярную экономическую политику так, чтобы она, наконец, стала вместе с теми действиями, которые сейчас предпринимает государство, реально воздействовать на экономическую динамику. Ключевой вопрос текущей регулярной экономической политики — это проблема внутренних цен. Ситуация с ценообразованием на первичные виды продукции сейчас нетерпима. Мы попали в треугольник, который определяется параметрами бюджетного правила, механизмами курсообразования по принципам надбавки, то есть экспортного паритета, и механизмами инфляционного таргетирования.

Все эти три механизма по отдельности вроде бы правильные и разумные и имеют обоснование, но все вместе они работают на опережающий рост первичных издержек по отношению к ценам на конечную продукцию. Они привели к тому, что инфляция цен производителей носит уже двухзначные цифры — больше 10%. И это все приводит к тому, что государство вынуждено и денежно-кредитную политику выстраивать таким образом, чтобы сдерживать рост цен, и таким образом сдерживает экономический рост.

Поэтому нужно себе отдать отчет в том, что дальнейший опережающий рост цен на целевые ресурсы невозможен, что та конфигурация бюджетного правила, которая существует, должна быть смягчена. Никто не говорит про его отмену, но смягчение необходимо. И в целом нужно задуматься о том, как должно быть устроено внутреннее ценообразование на продукцию — прежде всего, имеется в виду топливно-энергетический комплекс, металлургия, химия, сельское хозяйство и так далее.

Второй момент — это, безусловно, сами национальные проек-

**ЗАПАСНЫХ
ЛЮДЕЙ НЕТ**

ВИКТОР ИВАНТЕР,
руководитель
секции экономики
отделения
общественных наук
РАН, академик РАН,
действительный член
Сената ВЭО России

Версия о том, что где-то есть такие замечательные запасные люди, на которых мы этих заменим, здесь посадим, а они сделают как надо, — это челуха на постном масле. В действительности наш опыт работы в регионах показывает, что есть вполне реально сложившиеся экономические команды, дееспособные, где-то лучше, где-то хуже, и могут работать. Нужно внятно сформулировать, что мы хотим делать.

ты. Как мы знаем, их 12 плюс национальный план по развитию магистральной инфраструктуры. По-видимому, этого недостаточно, потому что эти проекты, с одной стороны, не затрагивают базовые сектора российской экономики и, соответственно, мы получаем экономику, в которой какие-то каналы финансирования выстроены, но в целом на конкурентоспособность базовых секторов экономики это не влияет.

С другой стороны, мы сделали глубокий анализ всех направленных затрат в рамках национальных проектов. Так вот, из него выходит, что, к сожалению, проекты еще очень сырые. Они не имеют реального наполнения. По сути, в трехлетнем бюджете до 2020 года более триллиона средств не распределены, они зарезервированы. Это означает, что в следующем году мы от этих национальных проектов, скорее всего, мало чего получим. И тот спад темпов экономического роста, там, 1,3%, которые получаются у большинства экономических групп, занимающихся расчетами, в том числе у нас, они как раз и свидетельствуют о том, что, с одной стороны, мы вроде бы сформировали вот эти национальные проекты, а с другой — наполнения реального нет, и все те меры экономической политики, которые мы принимаем, дают экономическую динамику дальше. В итоге следующий год получается хуже текущего. А сможем ли мы в 20 году с этих низких темпов пойти дальше, совершенно не понятно.

Инвестиции в основной и человеческий капитал

Абел Аганбегян,
академик РАН

Бюджет — это существенный тормоз экономики, так как в бюджете 40% налогов — это нефть, и так как цены на нефть снижаются и ниже, чем в 2008 году, то бюджет у нас сокращается больше, чем сокращается ВВП, и тянет вниз нашу экономику, к сожалению. Второе обстоятельство: все статьи в бюджете, которые вызывают рост, в последние годы, до 2018 года, они не росли. Росли статьи, которые не вызывают экономического роста, поэтому бюджет дважды влияет на снижение.

Ни одна наша проблема, экономическая, социальная, не может быть решена без экономического роста. Мы в этом тезисе едины. Если мы хотим, чтобы наша страна перешла к значимому экономическому росту, надо начать с первичных источников этого роста. Экономический рост имеет два первичных источника: инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, а более конкретно — в сферу, которая называется «экономика знаний», поскольку именно она вносит в человеческий капитал основную часть, связанную со знаниями, опытом, умением и т. д. Поэтому, если мы хотим перейти к экономическому росту, нам нужно перейти к форсированному росту инвестиций этих и вложений.

Возникают два вопроса: где взять для этого деньги и куда эффективнее вкладывать? Потому что можно вложить и не получить отдачу. Не буду на эти вопросы отвечать подробно, но даже если мы начнем увеличивать инвестиции и вложения в человеческий капитал по 8–10% в год (потому что по 4% нельзя после длительной стагнации — очень трудно начать экономический рост, нужен сильный толчок для начала), дальше дело пойдет. Но нужно вначале все-таки разогнать инвестиции и вложения в человеческий капитал.

Кроме того, само по себе это не дает эффективного экономического роста по той причине, что нужны условия для этого экономического роста, стимулы. У нас везде тормоза, а не стимулы. Если вы хотите обновить фонды, нужно дать налоговые паузы для этого обновления. Если вы хотите, чтобы дешевле строили, нужно дать льготы тому, кто дешево строит. Если вы хотите иметь инвестиции, нужно освободить прибыль от налогов в той части, откуда берутся инвестиции. Тогда они будут больше инвестировать. То есть стимулы — первое.

Второе — надо снять препятствия с экономического роста. Эти препятствия связаны с тем, что у нас условий нет для этого роста. Ведь мы за 27 лет новой России не увеличили валовой внутренний продукт по сравнению с 1989 годом практически. Объем промышленности сократился, сельское хозяйство примерно на уровне. Выросли только услуги — торговые, финансовые и некоторые другие. Почему мы не выросли? Единственная страна, которая стояла на месте. Все-таки 27 лет — это не шутка с точки зрения этих показателей. Потому что у нас нет механизма роста. Мы не создали эффективный механизм роста рыночный, у нас нет рынка капитала внутри страны, у нас нет конкурентных стимулов и среды, и так далее. У нас нет нацеленности на рост внутри страны с точки зрения условий для бизнеса. И у нас — масса препятствий.

Посмотрите, вся наша система — территориальная. Все деньги — в Москве, в Ленинграде, все налоги здесь. Применяется худшая из изобретенных финансовых систем — дотационность. Если вы хотите погубить какую-нибудь организацию, посадите ее на дотацию, это известно. Поэтому мы нуждаемся в структурных реформах.

У нас нет вне рыночных фондов длинных денег, сколь-нибудь существенного. У нас нет инвестиций внутри банковского сектора. Инвестиционный кредит отечественных банков — 650 миллиардов в 2017 году. А инвестиции иностранных банков, которые находятся в России, которые в семь раз меньше имеют фонды — 655 миллиардов, а в итоге получается всего миллиард 300 из 92 триллионов всех активов. Ни в одной стране такого безобразия нет, что банки фактически не участвуют в инвестициях.

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ — ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА

РУСЛАН ГРИНБЕРГ,
научный руководитель
Института экономики
РАН, член-
корреспондент
РАН, вице-президент
ВЭО России

Целеполагание — главная проблема страны. Целеполагание сейчас — это сохранение статуса-кво. И в этом смысле власть себя ведет правильно. Какие альтернативы? Почему нужно слушать кого-то из нас? Власть отдает себе отчет, в каком состоянии находится экономика. Мы не можем конкурировать с Китаем по потребительским товарам, с Европой — по инвестиционным товарам. В этой ситуации — либо рисковать, либо копить. Тем более приятно копить, когда ты можешь знать, куда эти деньги потратишь, ведь доля секретных статей бюджета возрастает — сейчас она, если не ошибаюсь, до 25% доходит. Сменяемость власти не грозит. И поэтому происходит то, что происходит.

Возможности для инвестиций есть

Андрей Клепач,
заместитель председателя (главный экономист) Внешэкономбанка

Финансовые возможности для инвестиций у нашего бизнеса значительно выше, чем та динамика инвестиций, которую мы наблюдаем. Это проявляется и в высоком уровне дивидендных выплат, это проявляется и в оттоке капитала, который у нас снижался в позапрошлом году, а в этом, по данным на октябрь, уже 59 млрд долларов утекло.

С одной стороны, и опросы показывают это, необходима определенность правил, определенность стратегии государства. С другой, я думаю, что для малого и среднего бизнеса все-таки имело бы смысл снизить налоги даже те, которые есть, как для высокотехнологичных секторов. У нас сохранились льготы по социальным выплатам для фирм, занимающихся программным обеспечением, но мы практически институционально не выделили конструкторскую и проектную деятельность, и для нее такого рода льгот нет, кроме тех, кто находится в особых зонах или в ТОРах, но там набор льгот иной. Я думаю, что у нас тема даже налоговых стимулов и налоговых льгот не исчерпана.

Понятно, что смелость бизнеса или его склонность к инвестированию внутри страны — это комплексная проблема, в том числе связанная с силовыми структурами. Если я правильно помню, в позапрошлом году была создана комиссия, чтобы обсуждать с крупным бизнесом вопросы взаимодействия с силовыми структурами, но она за это время ни разу не собиралась, хотя эта тема и на уровне крупного бизнеса, и особенно на уровне регионального бизнеса остается важной.

Вопрос контроля за тем, чтобы деньги не разворовывали, безусловно, важный, но он не может быть самодовлеющим и не должен подавлять предпринимательскую и бизнес-активность. А сейчас у нас контроль становится самоцелью, а не предпринимательство и производственные результаты.

Мы многократно обсуждали разные способы создания длинных денег, повышение доступности капитала. Но деньги длиннее не стали, а доступность резко снизилась. Это видно и по опросам, по уровню процентных ставок. При этом вся регуляционная деятельность, связанная с нормами, формированием резервов и для частных пенсионных фондов, и для банков, фактически нацелена только на расчистку и пенсионной системы частной, и банков, а не на стимулирование бизнеса. В этой связи надо все-таки предпринимать шаги, противоположные даже в рамках той процентной ставки, которая есть в ЦБ, хотя я согласен с теми, кто выступает за ее снижение. Может быть, более важно не столько ее снижение, сколько изменение норм надзора.

Другой аспект — нам надо серьезно поддержать квазифинансо-

вую банковскую систему, представленную институтами развития. У того же Внешэкономбанка не только ограниченные средства, но они дороже, чем у любого коммерческого банка, потому что нет пассивов в виде средств населения, а доступность к мировым рынкам в условиях санкций оборвана. Нужно идти на использование тех избыточных государственных сбережений, которые у нас есть. Фонд национального благосостояния по факту сейчас уже где-то 7,7% ВВП. Часть этих ресурсов, а это 700 с лишним миллиардов, можно было бы использовать через институты развития по низкой ставке. Если на входе это будет 2, даже 3%, то на выходе — ставка, сопоставимая с инфляцией и выше, которая могла бы использоваться для финансирования действительно приоритетных инвестиционных проектов, поддержки ВПК, диверсификации.

Если мы собираемся финансировать модернизацию здравоохранения, образования, науки, транспортной инфраструктуры, то те расходы, которые сейчас заложены на трехлетку в бюджет, нужно как минимум увеличивать на 1,5%, а в перспективе и до 2%. Это означает, что от профицитного бюджета мы должны переходить к дефицитному бюджету и существенно менять бюджетное правило. Это нельзя сделать сразу, потому что даже под те средства, которые сейчас заложены в проекты, надо подготовить нормативную базу, правила выделения средств, конкурсы. Реально это заработает с конца следующего года. Поэтому модификация бюджетного правила — это задача среднесрочная, а не сиюминутная. Быстро руль переключать нельзя.

Мы очень сильно, чуть ли не принудительно пытаемся ограничить потребление, доходы населения. Это не только результат падения цен на нефть, это результат и тех ограничений, которые были по пенсиям, по зарплатам бюджетников на следующий год, поскольку индексация 1 октября означает реальное падение доходов всей бюджетной сферы. Нужно менять правила индексации не только количественно, но нужно выработать некоторые новые правила и приоритеты. У нас в этом смысле в лучшем случае есть идея сохранить соотношения к средней зарплате по регионам. Причем даже здесь заложены такие ошибки, как выравнивание младшего и среднего медицинского персонала, чего не было никогда и нет ни в одной стране (разница обычно порядка 40%), но даже здесь корректировки не произошло, не решились на это. Нужно делать хотя бы в перспективе ориентиры по заработной плате в научном секторе, врачам, учителям, сопоставимые с зарплатой, которую получают в европейских странах, иначе мы получим через некоторое время такое же бегство интеллектуального капитала, которое пережила Украина, балтийские страны. (Если брать страны Балтии, там и средний доход выше, чем у нас, но и отток образованного населения на порядок выше.) В этой связи идея поднималась раньше, но никаких шагов пока не сделано, о едином социальном стандарте, который регионы могут видоизменять, но тем не менее должно быть, по сути дела, экономически обеспеченное единое пространство и здоровья, и воспитания, обучения. Не должны существовать огромные разрывы — в 1,5–2 раза, а то и больше — в соседних регионах.

Еще один момент, о котором у нас не модно говорить. С большим

трудом в свое время шел закон о стратегическом планировании, но система долгосрочного стратегического управления у нас так и не сложилась. Это отторгается нашим управлением, которое построено на решении точечных оперативных задач. Нам, хотим мы или нет, чтобы быть конкурентоспособными, нужно выйти на системное стратегическое управление. Это даст, по примеру Китая, да и по примеру Советского Союза и других стран, серьезные возможности для роста даже с теми ресурсами, которые у нас есть.

Нужен мегапроект

Александр Некипелов,
академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ
им. М. В. Ломоносова, вице-президент ВЭО России

Я в свое время подсчитал официальные данные по нашему платежному балансу за 2000–2015 годы. Актив текущих статей суммарный за эти 16 лет составил 960 миллиардов долларов. К настоящему времени это больше триллиона долларов. Простой расчет показал, что каждый год мы, это и частный бизнес, и государство — его вклад в формирование резервов, недоиспользовали порядка 60 миллиардов долларов в год. Это понятно: хорошо известно, что у нас достаточно приличные данные по сбережениям и крайне слабоватенькие — по инвестициям. То есть у нас значительная часть сбережений идет на финансирование актива торговли с остальным миром.

Конечно, изменения, по-моему, должны быть достаточно существенные. Только в экономической политике я бы достаточно осторожно подходил к вопросам денежной эмиссии. Это не означает, что она не может оказаться целесообразной. Но важно воздерживаться от упрощенных утверждений, ссылок на уровень монетизации экономики, потому что, во-первых, она все-таки потихонечку растет. А во-вторых, в современных условиях наблюдается структурный профицит ликвидности, и экономические агенты реального сектора экономики не инвестируют часть имеющихся у них средств. И кстати, действуют достаточно рационально. И банки пользуются теми возможностями, коммерчески-ми, я имею в виду, которые им предоставил Центральный банк для хранения части ресурсов, которые у них есть на счетах в этом Центральном банке.

Я придаю очень большое значение тому факту, что мы фактически отказались от регулирования потоков по капитальным статьям платежного баланса и тем самым сделали крайне уязвимой нашу экономику к внешним шокам. Что особенно странно в условиях нынешней политической ситуации. Нас все время призывают не обращать внимания на валютный курс, ориентироваться на внутренние цены и покупательную способность рубля. Но как могут не обращать внимания на это наши предприятия реального сектора, у которых пусть связи с внешним миром и ограничи-

лись, но остаются достаточно серьезными. Поэтому, мне кажется, изменения в этой области назрели.

И последнее, это, с моей точки зрения, нужна некая общая идея, некий мегапроект, который бы на несколько десятилетий создал вектор развития.

Отсутствие стратегии

*Елена Ленчук,
директор Института экономики РАН, д. э. н., профессор*

Я хочу всех поздравить, мы — хорошие прогнозисты. В феврале 2018 года мы говорили о том, что можно ожидать от 18 года. И фактически все, что мы говорили, сбылось. Никаких серьезных предпосылок для экономического роста не создано. И мы, в общем, сегодня находимся приблизительно в той же ситуации.

Тем не менее хочу сказать о майском указе, он большой, там поставлены достаточно амбициозные задачи на новый политический цикл, связанные с повышением качества жизни и с научно-технологическим прорывом. И обозначен ряд амбициозных достаточно показателей, которые предполагается решать в рамках национальных проектов. Сегодня эйфория о том, что достичь их в рамках национальных проектов, начинает развеиваться, потому что они все направлены больше на социальную сферу. Для реальной экономики таких проектов, в общем-то, практически не создано. А темпы роста и предпосылки для экономического роста формируются именно в материальном производстве в реальной экономике.

Важно, как мне кажется, подчеркнуть, что у нас отсутствует целеполагание того, что мы хотим сделать, какую модель мы хотим построить и какие структурно-технологические преобразования нам нужны. Такое впечатление, что в стране интеллектуальный кризис и мы до сих пор не можем разработать долгосрочную стратегию социально-экономического развития. Уже все сроки прошли, но ничего нам пока не представлено со стороны правительства. И это создает сложности и для частного бизнеса, прежде всего, когда мы говорим, что он не инвестирует, но ему нужны какие-то стратегические ориентиры.

Мне кажется, что вопрос стратегического планирования, управления имеет очень большое значение. И именно выстраивание такой цепочки могло бы дать толчок и понимание тому, в каком направлении нам надо двигаться для того, чтобы обеспечивать экономический рост.

Финансовое бремя для экономического роста

Михаил Ершов,

член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, д. э. н.

ЦБ сам признает, мы понимаем, что рост НДС, скорее всего, будет сопряжен с ростом цен, а это, говорят они, вероятнее всего, вызовет у ЦБ необходимость повысить ставки вновь. Значит, нынешняя ставка только вследствие мер по НДС будет еще раз повышаться. Значит, мы, с одной стороны, имеем рост налога как бремя для экономического роста, а с другой — рост ставок как еще бремя для экономического роста. Это не согласуется с задачами, ставящимися президентом, об ускорении нашего роста.

Что касается инфляции. Абсолютный уровень цен с 2014 года, когда у нас рубль провалился, был 30, стал 60, цены в среднем выросли по некоторым позициям почти в два раза. То есть тот товар, который был в 14 году на уровне, там, 100 рублей, стал стоить почти 200. Это фактор, скорее, едва ли стимулирует меня как покупателя. Даже если у этой цены динамика замедлилась, сам уровень абсолютный остается почти недостижимым. Мы знаем, что санкции, скорее, не повлияют на укрепление рубля, а будут способствовать его удешевлению. Мы знаем, что слабый валютный курс — это фактор, подмывающий инвестиционную базу как у бизнеса, так и у физических лиц, у сектора домашних хозяйств, потому что спрос будет сжиматься. Чем дешевле рубль, тем меньше мой спрос. Все эти факторы являются важнейшим ограничителем внутреннего спроса, а это важнейший механизм, который способствовал бы экономическому росту.

Шаткое благополучие аграриев

Александр Петриков,

директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова, академик РАН, член Президиума ВЭО России

Аграрная отрасль является островком относительного благополучия. Явно мы видим, что все-таки прорыв в сельском хозяйстве есть. Вот в чем секрет этого: мы делали в аграрной политике нечто противоположное тому, что делали в экономической политике в целом. Мы воспользовались тем, что нам доверили строить самостоятельно аграрную политику.

Во-первых, у нас с 2004 года доступ к дешевым деньгам, действует система льготного и краткосрочного инвестиционного кре-

дитования. Второе, у нас создана в отрасли задолго до принятия закона система стратегического планирования и управления — госпрограмма у нас работает с 2008 года, которая выстроена не только на федеральном уровне, но сопряжена с субъектами Российской Федерации, разлагается на госпрограммы соответствующих субъектов и где-то даже доходит до районов и отдельных предприятий.

Третье, у нас создана система рыночной конкуренции в аграрном секторе. Мы недавно провели сельхозперепись, в 2016 году, первая была в 2006-м. Так вот, за межпереписной период у нас численность сельхозорганизаций уменьшилась с 59 тысяч до 36 тысяч, минус 23 тысячи сельхозорганизаций. Из 284 тысяч фермеров остались 174 тысячи, минус 110 тысяч фермерских хозяйств. Выживают сильнейшие. Правда, это имеет большие социальные издержки.

И наконец, четвертое, у нас созданы институты развития в сельском хозяйстве. У нас специальный Россельхозбанк, у нас Росагролизинг, при всех его проблемах. У нас до последнего времени была Россельхозакадемия, отдельная, которая худо-бедно пыталась заниматься инновациями в сельском хозяйстве.

Но если говорить о потенциале, то у нас очень много проблем. Первая проблема — экономический рост в сельском хозяйстве сосредоточен примерно в 20–25% сельхозпроизводителей. Второе, у нас не созданы обеспечивающая сельское хозяйство промышленность, сельхозмашиностроение, производство, например, пестицидов и так далее. У нас микробиологическая промышленность погибла. У нас не созданы собственные научно-технологические базы. И пятое, у нас наметились осложнения социальные, старение сельского населения и рост занятых в предпенсионном, пенсионном возрасте. Вот над этими задачами нам и надо работать.

Я бы так сформулировал ближайший лозунг на среднесрочную перспективу в сельском хозяйстве: перейти от политики роста в сельском хозяйстве к политике обеспечения качества этого роста, ликвидация вот тех диспропорций, о которых я сказал.

ЗАЦИКЛЕННОСТЬ ЦБ

МИХАИЛ ГОЛОВНИН,
первый заместитель
директора Института
экономики РАН, член-
корреспондент РАН

У ЦБ зацикленность на таргетировании инфляции проявляется при том, что она необоснованна практически. Есть много центробанков с режимом инфляционного таргетирования в странах с формирующимися рынками, которые регулируют валютный курс. Между тем де-факто валютный курс у нас регулируется, но бюджетным правилом и интервенциями Министерства финансов. Я бы хотел обратить внимание на один важный тезис — нужно вернуть экономическим ведомствам те роли, для которых они предназначены. ЦБ должен заниматься, помимо инфляции, регулированием валютного курса, а Министерство финансов должно заниматься по большому счету экономическим ростом, хотя оно им заниматься очень не хочет. Ну и, безусловно, очень важный момент — для активной реализации политики роста необходимо применение валютных ограничений.

Разрыв логики

Никита Масленников,
руководитель направления «Финансы и экономика» Института
современного развития

То, что, мне кажется, совершенно ясно: у нас возникли существенные риски разрыва логики экономической политики. Можно всегда спорить, правильно ли были запущены в 2014 году таргетирование инфляции и плавающий курс. Но затем они плавно переросли, естественно, в бюджетную консолидацию, она дает сразу зоны неэффективности государственных расходов, а это, как любит выражаться наш главнокомандующий, — адреса, пароли, явки структурных реформ.

Сформировалась, в принципе, некая структурная повестка: долю

государства надо чуть-чуть снижать, конкуренцию широко и везде, где только возможно, вводить, человеческий капитал, естественно, укреплять, проводить структурные маневры в госрасходах и и т. д. и т. п. И где-то в середине года, после того как раздался мощный такой, опять зажигающий призыв по национальным проектам, все это встало. И здесь то, что мы можем сломать всю структурную повестку, для меня, например, четко прослеживается в судьбе так называемой пенсионной реформы. Возраст повысили, но, извините, пенсионный капитал запустить как-то забыли. И поэтому сегодняшние сетования по поводу долгосрочных инвестиций, длинных денег (а пенсионная модель, в принципе, может давать эффект за 5–7 лет примерно дополнительно 12 триллионов рублей), это все осталось даже без обсуждения правительства в кабинете.

Ресурс роста отсутствует. И это — разлом логики экономической политики в целом, то есть всей вот этой синергии монетарной, налоговой, бюджетной и, собственно, структурных реформ, — и есть главный риск следующего года.

«Вы что делаете-то?»

*Игорь Николаев,
директор Института стратегического анализа ФБК, профессор
Высшей школы экономики, д. э. н.*

Три тезиса по поводу того, что делать или даже в какой-то степени — что не делать. Первое, государству надо обуздать свои фискальные интересы в отношении граждан, я бы так сформулировал. Потому что то, что сейчас происходит, честно говоря, меня сильно тревожит. Посмотрите, на фоне того, что четыре года у нас снижались реальные доходы населения, была надежда, что в этом году, может быть, они выйдут в плюс. Но сегодня мы получаем данные за ноябрь — там падение почти на 3%. И это в этом году, когда была мощная накачка бюджетной сферы накануне президентских выборов. И на таком фоне у нас принимаются решения о повышении пенсионного возраста. А мы знаем, люди умеют считать, сколько денег они потеряли от того, что им приходится раньше выходить на пенсию.

Мы вводим налог на самозанятых. Причем куда ни посмотри: челноков, и тех обложили нормой провоза багажа, с 50 до 25 килограммов, с 1500 евро до 500 евро. Садоводы теперь все свои взносы должны вносить через банки, соответственно, комиссионные должны платить с 1 января. А парковки, а штрафы? То есть наступление везде, по всем направлениям. «Вы что делаете-то?» — хочется сказать. Я понимаю, если бы у нас был бы экономический рост, доходы росли бы. Но ведь этого же нет. На мой взгляд, категорически нельзя этого делать.

Второй тезис. Надо не повышать, а снижать налоговую нагрузку. Налог на самозанятых, НДС — в период, когда то ли кризис, то ли все-таки какой-то рост, не понятно, около нуля болтаемся, но мы

повышаем налоговую нагрузку. Этого делать нельзя. Об этом говорит и наш собственный опыт. Мы в 2009 году неплохо сделали, когда снизили ставку налога на прибыль с 24 до 20%. Если посмотреть опыт других стран, снижают налоги в такой период, а мы повышаем и хвастаемся одновременно, что у нас профицит по этому году больше 2 триллионов рублей. Вопрос, если у вас такой профицит без повышения НДС, вы зачем его повышаете? Вам мало профицита в 2 триллиона рублей? Я что-то не понял.

И третий тезис. Я считаю, что экономисты тоже должны говорить об этом: проблему санкций надо решать. Вы знаете, интересная постановка вопроса: вы, экономисты, нам придумайте что-то такое, чтобы мы вошли в пятерку крупнейших экономик стран мира, обеспечив темп роста экономики выше мировых. А я говорю, что этого не будет, если санкции будут сохраняться и усиливаться. Во всяком случае, мы анализировали и опыт других стран в этом отношении — вот таких чудес не бывает. Поэтому будет честно, если экономисты будут говорить, что в условиях санкций достижения таких амбициозных целей не будет. Вы, политики, не спрашивали экономистов, когда замутили все это дело? А экономисты вам говорят сейчас: вы решайте эту проблему, тогда вот эти амбициозные цели будут достигнуты.

Для чего нам рост?

Александр Бузгалин,

вице-президент ВЭО России, директор Института социэкономике Московского финансово-юридического университета (МФЮУ), заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, д. э. н.

Есть очень интересный вопрос, а для чего рост? И что нужно — рост или развитие? Я сошлюсь на нобелевского лауреата Стиглица и небезызвестного вам президента Вольного экономического общества профессора Бодрунова. В промежутке очень много других работ, которые говорят, что, друзья, развитие и рост — это две очень большие разницы. И может быть развитие без роста, как ни странно, и может быть рост без развития.

Что можно сделать без роста — это смягчить социальное неравенство. Если мы в России вводим социальную модель скандинавских стран, у нас социальное неравенство резко сокращается даже при том же объеме валового национального продукта. Если мы не хотим иметь желтые жилеты, то для этого нужна не только очень мощная полиция с очень мощными водометами, но и, прежде всего, решение социальных проблем. Потому что, как показывает опыт, даже тысячи арестованных не всегда спасают от этих вопросов. Мы на эту тему почти не обратили внимания сегодня. Экономисты очень не любят об этом говорить.

Следующий вопрос, который мне кажется принципиально важным, если мы хотим иметь экономическое развитие, а не просто рост, принципиально важно, что растет, а что сокращается. Нам не обязательно все увеличивать. И для того, чтобы у нас было разви-

ГОД ПРОШЕЛ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

ДМИТРИЙ СОРОКИН,
научный руководитель
Финансового
университета при
Правительстве РФ,
член-корреспондент
РАН, вице-президент,
руководитель Научного
совета ВЭО России

В феврале 2002 года тема Абалкинских чтений звучала так: «Год прошел. Что дальше?». Мне тогда доверили делать стартовый доклад, и я неслучайно захватил оттуда цитату, которой я его завершил. «2001 год продолжил тенденцию, ведущую к закреплению за российской экономикой статуса в лучшем случае экономики второго эшелона, и пока ничто не указывает на то, что 2002 год изменит эту ситуацию». После нашего разговора у меня такое ощущение, что остается только заменить цифры в этой стенограмме.

тие, нам надо обеспечить приоритеты развития через государственную программу. Хорошо известный тезис, о нем здесь несколько раз упоминали, я не боюсь этого слова — план на пять лет, который жестко фиксирует правила игры, но правила игры в том числе в области промышленной политики.

Вот эти отрасли в течение пяти лет будут иметь вот такие-то очень низкие налоги, вот такие-то очень дешевые кредиты, вот такие-то объемы государственных инвестиций, плюс пятилетний план государственных инвестиций, плюс план для государственных компаний. Собственник имеет право планировать деятельность своих собственных компаний. Государственные компании, вообще говоря, должны работать на государство, а не на свою прибыль. Тем более что такое «прибыль государственной компании» — это очень интересный вопрос, и кому она достается.

И наконец, последнее, что в этой связи мне хотелось бы сказать: если мы принимаем такие правила игры, активную промышленную политику, то тогда у нас не 12 национальных проектов, а один план, принятый парламентом, утвержденный президентом и который не имеют права без серьезных оснований менять ни президент, ни парламент. И в этом случае у нас будет некоторая гарантия стратегического развития ради стратегических целей.

А постскриптум состоит в том, что, вообще говоря, у нас цели не определены. Если вы спросите, какие цели у России на пять лет, реальные, четко сформулированные, с приоритетами? Просто по объему войти в пятерку — извините, это не цель. Это чисто экстенсивный количественный показатель роста. Я не власть критикую, я критикую теоретическую установку некоторых экономистов. Поэтому я бы здесь поставил многоотчие и попросил уважаемых коллег как-нибудь поставить вопрос о целях социально-экономического развития, именно социально-экономического развития, о том, необходимы нам или нет достаточно глубокие реформы или надо все оставить как есть, потому что опасно что-то менять. И после этого уже можно будет говорить о средствах. Потому что, когда мы говорим про ставку, про финансирование, про налоги, мы обсуждаем некоторые тактические средства. А у нас совершенно не ясна, на самом деле, стратегия.

Мы глубже всадили иглу

Василий Игоревич Боговлянский,
заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН, член-корреспондент РАН, д. т. н.

75% жидких углеводородов мы поставляем на экспорт, 25% потребляем. По газу больше — 70% потребляем, 30% продаем. В советское время 30% нефти продавали. То есть мы абсолютно четко работаем на Запад. Надежды на то, что мы слезаем с нефтяной иглы, абсолютно не оправдались. Снижение доли экспорта, может быть, за счет вооружения, сельского хозяйства не в счет. У нас — прямая зависимость от цены на углеводороды. Цена вырост-

ла, и мы поднимаемся. Есть некоторые регионы роста. Вы знаете, что запущен завод Ямал СПГ, уже третья линия работает, так что все в этом плане очень неплохо развивается. Растут активно грузопотоки. Все вообще-то примерно по плану, я вам скажу, как 5–7 лет планировалось, почти так и развивается. С импортозамещением дела обстоят в нашей отрасли пока плохо. Я побывал на большинстве платформ, установок. Чисто визуальный анализ говорит о том, что примерно 80% оборудования — зарубежного производства. Как вы знаете, по приему, регазификации у нас построен терминал в Калининградской области. Пришвартовался туда плавучий завод, тоже не в России построен.

Много денег и мало инвестиций

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте, эксперт РАН, д. э. н., профессор*

Мне кажется, у нас две проблемы. Это много денег и отсутствие инвестиций. Эти две проблемы мы никогда нормально не решали. Отсюда неэффективность сложившейся, подчеркиваю, не разработанной, а сложившейся модели экономической, отсюда и, соответственно, неэффективность госуправления экономикой. Президент говорит о том, что нам надо перейти в высшую лигу, создать другое качество экономики. А как инструмент предполагаются национальные проекты.

Мне кажется, правильно было бы сформулировать большой проект на 20–30 лет вперед. Мало кто говорит, что одна из важнейших позиций в указе — это преодоление технологического отставания России. И если мы не сумеем эту проблему решить, мы не решим ни социальных, ни экономических проблем вообще, потому что впереди — новый технологический уклад, в котором эти новые технологии будут основными и базовыми. Вот этого у нас, к сожалению, нет ни в проектах, ни в каких-то финансовых решениях и т. д. и т. п.

Второе. В силу того, что нет работы на модель, не ясно, как управлять и каких управленцев искать, у нас такая, я бы сказал, осторожничающая экономическая политика: «На всякий случай, давайте мы запасемся еще чем-нибудь дополнительно и будем ожидать балансировки экономики, устойчивости и постепенно, небольшими шагами развиваться». Ни о каком прорыве в этом случае говорить не придется. Мне кажется, для того, чтобы, осознав, что необходимо развивать технологический базис России, нам необходимы решительность и воля, чтобы изменить эту ситуацию. Решительность и наших структур государственного управления, и министерств, и ведомств, и нас как ученых, как специалистов. Специалисты должны свое слово говорить постоянно и в конце концов изменить траекторию нашего развития.

CONSTRUCTIVE VIEW: RECESSION WILL CONTINUE?

ECONOMISTS PONDER THE 2018 RESULTS

We cannot rely solely on the budget

Yakov Mirkin,

Head of International Capital Markets, National Research Institute of Global Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

We have created a very strange economy, where growth depends on the budget. That is, the budget is supposed to pay for social programs, defense, reserve creation through budget rules, and it is also supposed to be able to sustain growth. The budget cannot be stretched infinitely, we are well aware of it, and it means we are doomed to low growth rates. This year, according to IMF forecasts, our country will rank 166th in the world, in terms of growth rate. If this is true, then, probably, if we need growth we should create a different economic model, where economic instruments and administrative instruments will stimulate growth. The very strange economy of punishments that we have should be replaced with an economy of incentives.

To this end, a whole array of tools should be applied: more affordable credit, lower interest rates, exchange rates that stimulate economic growth, a drastic decrease of the regulatory burden, a reduction in the tax burden, the emergence of very strong tax incentives to enable modernization and increase economic activity while reducing administrative costs, and maximization of incentives for foreign direct investment along with diversification of sources of growth through accelerated depreciation using the domestic financial resources held by the corporations.

As the economy accelerates, with growth rates over 3%, it will be much easier for us to deal with foreign direct investment issues. It should be done fairly quickly and it should be done via a series of measures without missing out on any of them, because the next year, and maybe the next after it, may turn out to be very difficult. In addition, Russia's position in the world is somewhat shaky, not only in terms of sanctions, but also in terms of oil prices, financial markets, debt problems, and so on.

When the economy transitions to higher growth rates, it will be much easier to solve the problems that cannot be solved today. This refers to privatization, to the beginning of de-monopolization, to the formation of institutions. It will be possible to quickly set those tasks and solve those problems that we are facing today; and you wait another quarter of a century for the independent court system to evolve, but such problems cannot be solved in this old-age economy.

Using the terminology of financial markets it can be called a “flip”; in the same way, we need to flip the economic model, because the model that has emerged today, I repeat once again — the model of growth through the budget, by way of large national projects, maximum concentration of funds and resources in the capital, the dependence of the regions primarily on federal money, — is a dead-end and non-innovative model. We see it every year, when, according to well-known statistics, a little more than \$4 worth of computer equipment is produced per capita.

The problem of domestic prices

Alexander Shirov,

Deputy Director of the Institute for National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Truly, a lot has been said on who's to blame. Much less is being said about what is to be done. The main problem, in my opinion, is that we have missed the point that the current measures of regular economic policy — monetary, fiscal, budgetary, and so on — do not correspond to the tasks of economic development that we have set for ourselves. Moreover, they conflict with all the measures that are now being implemented, first and foremost, the national projects. Accordingly, first of all it is necessary to tune up the regular economic policy so that it, together with the steps the state is currently taking, is finally able to actually influence the economic development.

The key issue of the current regular economic policy is the problem of domestic prices. The pricing situation is now intolerable as regards primary products. We are caught inside a triangle made up of the parameters of the budget rule, the exchange rate mechanisms based on the premium principles, that is, on export parity, and the inflation targeting mechanisms. Each of these three mechanisms individually seems to be correct and reasonable and to have a rationale, but taken together they act to make initial costs grow faster than the prices for final products. It led to the fact that producer price inflation rate is already a two-digit number — over 10%. And all this leads to the government being forced to build its monetary policy in such a way as to keep prices under control thereby impeding the economic growth.

Therefore, it should be understood that further rapid increase of commodity prices is impossible, that the existing configuration of the budget rule must be relaxed. No one talks about abolishing it, but some respite is necessary. And we need to think about how domestic pricing should generally work, primarily for the fuel and energy complex, metallurgy, chemistry, agriculture, and so on.

The second point is, of course, the national projects themselves. As we know, there are 12 of them, plus the national road infrastructure development plan. Apparently, it is not enough, because these projects, on the one hand, do not affect the basic sectors of the Russian economy and so we get an economy in which some channels of financing have been built but they do not generally affect the competitiveness of the basic sectors.

On the other hand, we have made an in-depth analysis of all areas of costs in relation to the national projects. So, it turns out that, unfortunately, the projects are still outlined very roughly. They have no real substance. In fact, over a trillion rubles has been set aside but not allocated in the 3-year budget until 2020. It means that in the next year we will gain almost nothing from these national projects. And the 1.3% slowdown of economic growth which is reported by the majority of experts engaged in calculations, both in Russia and abroad, just indicates that, on the one hand, we seem to have shaped those national projects but on the other hand they lack any substance and all the economic

VICTOR IVANTER,

Chief of the Section of Economics of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Senate of the VEO of Russia

The idea that somewhere there are some wonderful people we can invite to do other people's work more efficiently is utter nonsense. In fact, our regional experience shows that the existing economic teams are quite capable, some are good, some are worse, but they still can work. We need to clearly articulate what we intend to do. I listened to a sectional report on macroeconomic indicators, it is one thing, and another thing is a problem report. It is like a base for economic growth, it is a different genre, but it's quite entertaining and worth listening to. In this regard, I believe we could continue to work in this format. I have a request: every speaker should write a very brief note on what he or she exactly recommends.

policies we have adopted have been suppressing the economic growth even further. As a result, the next year will be worse than this one. And it's not at all clear whether or not we will be able to improve on those low rates in 2020. Thank you.

Investments in fixed assets, investments in human capital

*Abel Aganbegyan,
Academician of the Russian Academy of Sciences*

RUSLAN GRINBERG,
Research Director at
the Institute of
Economics of the
Russian Academy of
Sciences,
Corresponding
Member of the Russian
Academy of Sciences,
Vice-President of the
VEO of Russia

Goal setting is the country's main problem. Setting goals now means maintaining the status quo. And in this sense, the authorities are acting properly. What are the alternatives? Why listen to any of us? The authorities are aware of the state of the economy. We cannot compete with China in consumer goods, or with Europe in investment goods. In this situation we can either take a risk or keep saving money. Moreover, it is nice to save money when you can know how you will spend it, because the share of secret budget items is increasing — it's currently up to 25%, if I'm not mistaken. No change of power is in sight, and so everything happens the way it happens.

The budget is a significant brake on the economy, since oil accounts for 40% of taxes in the budget, and the share of oil in GDP is 10%. Because oil prices are dropping below the 2008 indicators, the budget is shrinking faster than the GDP, and, unfortunately, is dragging our economy down. The second point: none of the items in the budget that drive growth were themselves growing in recent years, until 2018. What was growing was the items that do not drive economic growth, so the budget has a two-fold effect on decline.

None of our problems, economic or social, can be solved without economic growth. In my opinion, we all share this view. If we want our country to achieve a significant economic growth, we must proceed from the primary sources of this growth. Economic growth has two primary sources: investments in fixed assets and investments in human capital or, more specifically, in what is called knowledge-based economy since it is that kind of economy that adds the most value to human capital related to knowledge, experience, skill, and so on. Therefore, if we want to initiate economic growth, we need to make those investments grow.

Therefore, two questions arise: where to get money for it and what areas are the best for investment? Because investments may not bring any profit. I will not be answering those questions in detail, but if we start to increase investments in human capital at the rate of even 8-10% per year (we cannot go at the rate of 4% after long stagnation, it is very difficult to start economic growth, we need a strong push to start) we can expect some results. But you still need to build up investments in human capital first.

Besides, this move does not in itself ensure effective economic growth because we need certain conditions for economic growth, we need incentives. We have brakes everywhere, not incentives.

If you want to upgrade the assets, you need to provide tax breaks for such an upgrade. If you want something built cheaper, you need to give benefits to those who build cheaply. If you want to have investments, you need to exempt profits from taxes to the extent it is used for investments. Then investments will grow. That is, incentives first. Second, it is necessary to remove obstacles from economic growth. These obstacles are due to the fact that we do not have appropriate conditions for growth. After all, over the past 27 years, we have not actually increased our gross domestic product compared to 1989. Industrial production has declined, agriculture is approximately at the same level. Only services have grown — trade, finance and some others.

Why haven't we grown? Ours is the only country with After all, 27 years is not a joke in terms of these indicators. Because we have no growth mechanism. We have not created an effective market growth mechanism, we do not have a capital market in the country, we do not have competitive incentives or environment, and so on. We are not focused on domestic growth in terms of business climate. And we have a lot of obstacles.

You see, our entire system is territorial. All the money is in Moscow, in Leningrad, that's where all the taxes end up. The worst kind of financial system is being used, based on subsidies. If you want to destroy an organization, just subsidize it, it is well known. Therefore, we need structural reforms.

We do not have any substantial non-market long funds. We have no investments inside the banking sector. Domestic banks' investment credit was 650 billion in 2017. At the same time, the investments of foreign banks in Russia, which have 7 times less funds, amount to 655 billion; as a result you get only 1,300 billion out of all the assets worth 92 trillion. No other country has banks which do not take part in investment activity. Therefore, we need structural reforms.

There are opportunities for investment

Andrei Klepach,

Deputy Chairman (Chief Economist) of Vnesheconombank.

Financial opportunities for investment in our business are significantly higher than the investment dynamics that we are seeing. It is also evidenced by the high level of dividend payments, by the flight of capital, which decreased in the year before last and has risen to a \$59 billion mark according to October reports.

On the one hand, as the polls suggest, we need certainty in the rules, certainty in the government's strategy. On the other hand, I think it would still make sense to reduce taxes, even those that currently exist, for small and medium-sized businesses as well as for the high-tech sector. We still have social benefits for software companies, but we have never targeted design businesses institutionally, and no such benefits exist for them, except for those of them located in special zones or in Territories of Advanced Development — but such entities enjoy a different set of benefits. I believe we have not yet exhausted the issue of tax incentives and tax benefits.

It is clear that the businesses' lack of dedication or propensity to invest inside the country is a complex problem connected with the law enforcement system. If I remember correctly, a commission was created the year before last to discuss with large businesses the issues of interaction with law enforcement agencies, but it has never met although the topic remains important at the level of large and especially regional business. Of course, control is important for preventing theft, but it shouldn't be self-important and should not suppress entrepreneurial and business activity. It is control that has become an end in itself, rather

ON THE OIL NEEDLE

VASILY BOGOYAVLENSKY,
Deputy Director of the Institute of Oil and Gas Problems of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences

We export 75% of liquid hydrocarbons, and consume 25%. As for gas, we consume more, 70%, and sell 30%. In Soviet times, we sold 30% of oil. That is, we absolutely work for the West. The hope that we would be able to get off the oil needle did not materialize at all. The reliance on the decline in the share of oil and gas exports, perhaps on account of weapons and agricultural produce, is not justified. We have a direct dependence on the price of hydrocarbons. When the price goes up, the economy goes up as well. There are some regions of growth. You know that the Yamal LNG plant has been launched, the third process train is already in operation, so everything is going smoothly in this regard. Freight flows are constantly growing. In fact, everything is going more or less according to plan, as it was planned for 5-7 years ago.

The situation with import substitution in our industry is still bad. I visited most of the platforms and installations. A purely visual inspection suggests that approximately 80% of the equipment is foreign made. In some cases, even 100%. The LNG plant is successfully operating on imported equipment. Now the next plant is being launched. A terminal has been built for reception and regasification. Moored to the terminal is a floating plant in the Kaliningrad region, not of Russian make either.

than entrepreneurship or production results.

We have repeatedly discussed various forms or methods of creating long-term credit, of increasing the availability of capital. But credit did not become long-term, and the availability has dropped sharply. This is evidenced both by polls and by interest rates. At the same time, all regulatory activities related to standard-setting and the formation of reserves for private pension funds and banks are, in fact, aimed only at clearing out the private pension system and the banks, and not at stimulating businesses. In this regard, it is necessary to take steps in the opposite direction, even with the existing interest rate set by the Central Bank, although I agree with those who support the idea of its reduction. But perhaps its reduction is less important than the change in the supervision regulation.

Another aspect is that we need to seriously support the quasi-financial banking system represented by the development institutions. For instance, Vnesheconombank does not just have limited funds, but they also cost more than any commercial bank's funds because of the absence of liabilities in the form of private deposits while the accessibility to world markets has been cut off by the sanctions. We need to use the surplus government savings that we have. The national welfare fund has reached somewhere around 7.7% of the GDP. Some of the resources, over 700 billion, could be used through development institutions at a low rate. If it's 2, or even 3% at the outset, then at the end it will be a rate comparable to or higher than the inflation rate which could be used to finance high-priority investment projects, support the military-industrial complex, and ensure diversification.

If we are going to finance the upgrading of the healthcare, education, science, and transport infrastructure, then the expenses that are now included in the three-year budget must be increased by at least 1.5%, and subsequently by up to 2%. It means we must move from a budget surplus to a budget deficit and substantially change the budget rule. This cannot be done right away, because a regulatory framework, particularly for money allocation and competitions, should be prepared even for those funds that are now invested in the projects. It will be implemented by the end of the next year. Therefore, the modification of the budget rule is a medium-term task, not a momentary one. You cannot change course too abruptly.

We are keen on limiting consumption and the incomes of the population, almost by force. This is not just a result of the decline in oil prices, it is a result of the restrictions imposed on the pensions, on the salaries of government employees for the next year, since the October 1 indexation means an actual drop in the incomes of the entire public sector. It is not only necessary to change the indexation rules quantitatively, we need to work out some new rules and priorities. In this sense, we have, at best, an idea to use the average regional salaries as the basis. But even in this regard we've made certain blunders, for instance by equalizing the salaries of junior and medium-level medical staff, which has never happened in any other country (the difference is normally about 40%), and we've never corrected them because we do not dare. So, we need changes, if only in the future, we need references for salaries to be paid to scientists, medical doctors, teachers comparable to the salaries paid in the European countries. Otherwise we will see the

same flight of intellectual capital that Ukraine and the Baltic countries have seen. (If we take the Baltic states, the average income there is higher than ours, but the outflow of educated population is much higher).

In this regard, the idea was discussed earlier, but no actual steps have been taken. We need a single social standard that can be modified by the regions, and yet it should essentially create a single secure health, training and education space. Huge differences between neighboring regions, by 1.5-2 times of even more, should be avoided.

Another point that we are not particularly eager to talk about. It was with great difficulty that we passed the law on strategic planning, but the system of long-term strategic management did not work out for us. It was rejected by managers who prefer micromanagement. Whether we like it or not, in order for us to be competitive we need to resort to strategic management. It will give us serious opportunities for growth even with those resources that we have, as it did in China, the Soviet Union and many other countries.

We need a megaproject

Alexander Nekipelov,

*Academician of the Russian Academy of Sciences,
Vice-President of the VEO of Russia.*

At one time, I summed up the official data on the country's balance of payments for the years 2000-2015. Over the 16 years, there was a total of up to 960 billion dollars in current assets. Currently, it's in excess of one trillion dollars. A simple calculation shows that every year we (private businesses and the government alike) underutilized about 60 billion dollars as contributions to the formation of reserves. This is understandable: it is well known that we have decent data on savings and extremely weak data on investments. That is, a significant part of the savings is used to finance trade with the rest of the world and to trade with the rest of the world.

Of course, changes, in my opinion, should be quite substantial. But as regards economic policy, I would approach the matter of the emission of money with extreme caution. This does not mean that it may not be desirable. But it is important to refrain from simplified statements and references to the level of monetization of the economy, because, firstly, the economy is still slowly growing. And secondly, under the current circumstances there is a structural surplus of liquidity, and economic agents of the real sector of the economy do not invest all of the funds they have. And, as a matter of fact, they are acting quite rationally. And the banks have taken advantage of the commercial opportunities the Central Bank has provided to them for keeping some of their resources in their Central Bank accounts.

I attach great importance to the fact that we have actually stopped regulating cash flows in capital items of the balance of payments and thus made our economy extremely vulnerable to external shocks. Which is especially strange in the current political situation. We are constantly

being urged not to pay attention to the currency exchange rate, to focus on domestic prices and the purchasing power of the ruble. But how can our real sector enterprises follow the advice when they still have substantial, albeit limited, relations with the outside world? Therefore, I believe it's time to make some changes in this area.

And finally, in my opinion, we need a certain encompassing idea, a megaproject that would create a development vector for several decades.

Lack of strategy

Elena Lenchuk,

*Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Doctor Of Economics, Professor*

DMITRY SOROKIN,

**Research Director at the
Financial University
under the Government
of the Russian
Federation,
Corresponding Member
of the Russian Academy
of Sciences, Vice-
President, Research
Director of the VEO of
Russia**

In February 2002, the topic was as follows: "The year has ended. What's next?" I was then entrusted with reading the opening report, and it was not by chance that I grabbed a quote from it which had been at the end of the report. "The year 2001 continued the trend which led to consolidation of, at best, the second echelon status of the Russian economy and so far nothing indicates the situation will change in 2002." After our discussion, I have a feeling that the only thing that's left for me is to substitute the numbers in the transcript.

I want to congratulate everyone, we are good prophets. Because in February 2018 we talked about what's in store for 2018. And in fact, everything we said came true. No serious prerequisites for economic growth have been created. And, generally, we are currently in approximately the same situation.

Nevertheless, I want to talk about the May decree, it is lengthy, it sets ambitious tasks for the next political cycle connected with the improvement of the quality of life and the scientific and technological breakthrough. And it defines a number of ambitious indicators which are supposed to be tackled within the framework of the national projects. Today, the euphoria about achieving them within the framework of the national projects is beginning to dissipate, because all of them are mostly directed towards the social sphere. In fact, no such projects have been created for the real-sector economy, considering that growth rates and prerequisites for economic growth are formed in material production in the real sector of economy.

I believe it is important to emphasize that we are unable to fully define our goals, we can't exactly say what model we want to build and what structural and technological transformations we need. It seems that there is an intellectual crisis in the country, and we still cannot work out a long-term strategy of socio-economic development. All the deadlines have already been missed and still the government has nothing to offer. And this creates difficulties for private businesses, we know they do not invest, but they need some strategic guidelines. It seems to me that the issue of strategic planning and management is very important. And it is precisely the building of such a chain that could give us impetus and understanding of the direction in which we need to move in order to ensure economic growth.

Burden on economic growth

Mikhail Ershov,

member of the Presidium of the VEO of Russia, Chief Director of Financial Research at the Institute of Energy and Finance, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, member of the Commission for Banks and Banking Activities of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Doctor of Economics

As we understand, the Central Bank itself has recognized that the VAT increase is likely to be coupled with an increase in prices; the CB says it is likely to cause them to raise the rate again. This means that the current rate will increase again due to the VAT measures. It means that, on the one hand, we will have a higher tax as a burden for economic growth and, on the other hand, higher interest rates as another burden for economic growth. It is not consistent with the tasks set by the President to accelerate our growth. As for inflation, the absolute price level was 30 since 2014, when the ruble plummeted, and now it is 60; the prices, on average, have increased almost twofold for some positions. That is, a product which cost 100 rubles in 2014, now costs almost 200 rubles. This factor is hardly stimulating to me as a buyer. Even if the price dynamics has slowed down, the absolute level itself remains almost unreachable.

We know that the sanctions are not likely to strengthen the ruble, they will rather contribute to its weakening. We know that a low exchange rate is rather a factor undermining the investment base of both businesses and individuals, the household sector, because the demand will shrink. The cheaper the ruble, the less the demand. All those factors constrain the domestic demand, the most important mechanism that would have otherwise contributed to economic growth.

Is everything OK in the agricultural sector?

Alexander Petrikov,

Director of the A. A. Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics, Academician of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the VEO of Russia

The agrarian industry is an island of relative prosperity. Obviously, a breakthrough has occurred in agriculture after all. That's the point. As regards agrarian policy, we did the opposite of what we generally did in economic policy. We took advantage of the fact we were entrusted with building our own agrarian policy. Firstly, since 2004 we have had access to cheap credit; there is a system of preferential and short-term investment loans. Secondly, a system of strategic planning and management was established in the industry long before the law was passed — the government program that has been in force since 2008

has been built not only at the federal level but has been adapted for the Russian Federation entities and split into separate government programs for individual entities and sometimes even for individual districts and enterprises. Thirdly, we have created a system of market competition in the agricultural sector. We recently conducted an agricultural census in 2016, the first one was conducted in 2006. So, during the period between the censuses the number of the country's agricultural organizations decreased from 59 to 36 thousand, by 23,000. Of the 284,000 farmers, only 174 remain, 110,000 farms less. Survival of the fittest. True, this process has great social costs. And, fourthly, we have established development institutions in agriculture. We have a special Agricultural Bank, we have Rosagroleasing with all its problems. Until recently, we had the Agricultural Academy, a separate institution, which more or less tried to bring innovation to agriculture.

But as regards potential, we have a lot of problems. The first problem is that economic growth in agriculture is concentrated in approximately 20-25% of agricultural producers. Second, we have not established industries that support agriculture, i.e. agricultural engineering, production of, say, pesticides and so on. Our microbiological industry has been destroyed. We have not created our own research and technology bases. And fourth, we have social problems, the aging of the rural population and a growing number of employees entering pre-pension and retirement age. We need to deal with these problems. I would offer the following slogan for the medium term in agriculture: from the policy of growth in agriculture we must transition to the policy of ensuring the quality of this growth, eliminating the imbalances that I mentioned.

Gaps in economic policy logic

Nikita Maslennikov,

Head of Finance and Economics of the Institute of Modern Development

What I think is quite clear: we have significant risks of breaking the logic of economic policy. One can always argue whether the inflation targeting and floating exchange rate were launched correctly in 2014. But then that policy gradually evolved into budget consolidation, which immediately provides zones of government spending inefficiency, and it means, as our commander-in-chief likes to say, “addresses, passwords, and safe houses” for structural reforms.

In principle, a certain structural agenda was formed; the government's presence was to be slightly reduced, competition was to be introduced as widely as possible, human capital was naturally to be strengthened, structural maneuvers were to be performed in government spending, and so on and so forth. And eventually everything came to a standstill by the middle of the year, after a powerful and rousing call was made for national projects.

The fact that we may break the entire structural agenda can be easily traced by the fate of the so-called pension reform. They increased

pension age but somehow forgot to launch pension cap complaints about long-term investments, long-term credit (and this model could, in principle, yield an additional 12 trillion rubles after 5-7 years) were completely ignored by the government. This is a growth resource, and it is missing. This is generally a breakdown of the logic of economic policy, of all the synergy of monetary, tax, budget and, in fact, structural reforms. This is the next year's main risk.

“What on earth are you doing?”

Igor Nikolaev,

Director of the Institute of Strategic Analysis “Financial and Accounting Consultants,” Professor at the Higher School of Economics, Doctor of Economics

Let me offer my three points on what is to be done or even, to some extent, what is not to be done. First, the government needs to curb its fiscal interests in relation to citizens, I would put it this way. Because what I'm deeply concerned over what is happening now, to be honest. Look, with our real incomes declining over the last 4 years, there was hope that this year they will recover. But as we are receiving the November data, we see a drop of almost 3%. And it happened in the year when a lot of oil money was pumped into the public sector on the eve of the presidential election. And it is against this background that we decide on raising the retirement age. We know that people can recon how much money they will lose because of earlier retirement. We introduce a tax on self-employed. And, wherever you look you can see taxes: even baggage regulations have been tightened for shuttle traders, from 50 to 25 kilos, from 1,500 to 500 euros. Garden owners now have to make their payments through banks and should therefore pay commissions beginning from January 1. Parking fees, fines. That is, people are attacked from every direction.

“What on earth are you doing?”, I want to ask. I would have understood if we had economic growth, if incomes grew. But this is not the case. In my opinion, this absolutely should not be done.

The second point: it is necessary not to increase, but reduce the tax burden. The tax on self-employed, higher VAT... We are increasing the tax burden at the time when it's not clear whether the economy is in crisis or whether there is some kind of growth or zero growth. This should not be done. Our own experience tells us so. We did quite well in 2009 when we reduced the income tax rate from 24% to 20%. If you look at other countries, they reduce taxes during such periods, and yet we are increasing them and at the same time boasting this year's budget surplus of over 2 trillion rubles. The question is, if you have such a surplus without increasing the VAT, why are you increasing it? Is the surplus of 2 trillion rubles too small for you? I don't understand.

And the third point. I believe economists should also discuss this: the problem of the sanctions must be solved. The government says: you, economists, should think up something for us, so that we end up among the world's top five economies ensuring the economic growth rate higher than the world average. And I say this will never happen so far as the

MIKHAIL GOLOVNIN,
First Deputy Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

The Central Bank is obsessed with inflation targeting despite the fact that it has no practical foundation. There are many central banks with inflation targeting regimes in emerging market countries that regulate the exchange rate. The exchange rate is indeed regulated in this country, but it's done via the budget rule and Ministry of Finance interventions. I would like to draw your attention to an important point — the economic institutions need to resume their roles for which they are intended. In addition to inflation, the Central Bank must regulate the exchange rate, and the Ministry of Finance should by and large deal with economic growth, although it is quite reluctant to do so. And another very important point — for active implementation of growth policies it is necessary to use foreign currency restrictions.

sanctions are in place and are strengthened. In any case, we have analyzed the experience of other countries in this regard — such miracles never happen. Therefore, it would be fair if economists say such ambitious goals cannot be achieved under the sanctions. You, politicians, did not ask economists when you got the whole thing going. But economists are telling you now: you solve this problem, and only then those ambitious goals will be achieved.

Why we need growth

Alexander Buzgalin,

Vice-President of the VEO of Russia, Director of the Institute of Socioeconomics of the Moscow University of Finance and Law, Professor Emeritus of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics

There is a very interesting question: why do we need growth? And what is needed: growth or development? I refer to the Nobel laureate Stiglitz and the President of the Free Economic Society Professor Bodrunov you all know pretty well. Besides, there are many works by other authors that say: development and growth, my friends, are two very different things. There can be development without growth and, oddly enough, there can be growth without development.

What can be done without growth is to alleviate social inequality. If Russia should introduce a social model of the Scandinavian countries its social inequality will be sharply reduced even with the same gross domestic product. If we do not want yellow vest protests then in addition to very powerful police force with very powerful water cannons we need a solution to social problems. Because, as experience shows, even thousands of arrests do not always make those problems go away. We paid little or no attention to this topic today. Economists hate talking about it.

The next question, which I believe is of fundamental importance, is this: if we want economic development, and not just growth, it is fundamentally important what is growing and what is shrinking. We don't have to increase everything. And in order for us to have development, we need to ensure development priorities via a government program. A well-known point, it was mentioned several times here, and I am not afraid of this word — a five-year plan which rigidly fixes the rules of the game, including in the field of industrial policy. Specified sectors will enjoy low taxes for 5 years, cheap loans, particular volumes of government investment, plus a five-year government investment plan, plus a plan for state-owned companies. The owners will have the right to plan the activities of their companies. Generally speaking, state-owned companies should work for the state, and not for their own profits. The more so as the profit of a state-owned company and who gets it is a very interesting question.

And finally, I would like to say that if we accept such rules of the game, an active industrial policy, then instead of 12 national projects we will have a single plan adopted by parliament and approved by the president, which neither the president nor the parliament will be able to

change without good reason. And in this case we will have a certain guarantee of strategic development towards strategic goals.

As a postscript, it can be said that, generally speaking, our goals are not defined. What are Russia's goals for the next 5 years, actual and clearly formulated goals, with priorities? Simply entering the top five by GDP is not a goal. It is a purely extensive quantitative growth indicator. I do not criticize the authorities, I criticize the theoretical approach of some of the economists. Therefore, I would put an ellipsis here and ask my distinguished colleagues to somehow raise the question of goals of socio-economic development, and I repeat, socio-economic development, the question of whether we need sufficiently deep reforms or should we leave everything as it is, because any change is dangerous. And after that it will be possible to discuss the means and methods. Because when we speak about the interest rate, about financing, about taxes, we discuss tactical means. But our strategy is in fact completely unclear.

Sergey Bodrunov,

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S. Yu. Witte Institute of New Industrial Development, expert of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor.

I believe we have two problems. Too much money and no investment. We never solved those two problems in a normal way. Hence, the inefficiency of the current economic model (I emphasize, not the model that has been developed but the one that has evolved on its own), and the ineffectiveness of state management of the economy.

The President says we need to join the big league, create a different quality of the economy. And he offers national projects as tools. It seems to me that it would be correct to formulate a large-scale project for 20-30 years ahead. Few people seem to notice that one of the most important goals in the decree is overcoming Russia's technological backwardness. And if we are unable to solve this problem, we will not be able to solve social and economic problems either, because a new technological mode based on those new technologies is ahead of us. Unfortunately, it has not been reflected either in projects or in any financial decisions, and so on and so forth.

Second. Due to the fact that no work is being done on the model, it is not clear how to manage and what managers to look for, we have what I would call an extremely cautious economic policy: "just in case, let us stock up on something else and wait for the economy to balance itself, to achieve sustainability and to gradually develop." There is no need to talk about any breakthrough in this case. It seems to me that in order for us to realize it is necessary to develop Russia's technological base, we need the determination and the will to change the situation. Determination of our government agencies, ministries, and departments, and our won resolve as scholars and specialists. Specialists should be constantly speaking their mind and should eventually change the trajectory of our development in order to prioritize financing of technological development as it's what's important today.

УДК 33
ББК 65

«Беседы об экономике», 2019, Москва
Научно-популярное издание

Том IV

Под редакцией С.Д. Бодрунова, д. э. н.

© Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте,
© Сергей Дмитриевич Бодрунов

Подписано в печать: 11.03.2019, тираж 1500 экз.
№ заказа 9694

Отпечатано в типографии ООО «ГДДС-Столица-8»
111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1

ISBN 978-5-00020-058-2